В.В. Крашенинников

Очерки по истории Брянской земли

Сборник научных статей

Брянск 2008

ББК 63.3(2 Рос – 4 Бря) К 78

Крашениников, Владимир Викторович. Очерки по истории Брянской земли : сб. науч. статей / В.В. Крашенинников ; Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И. Тютчева, отд. краевед. литературы. – Брянск : БОНУБ, 2008. - с.

В издание включены научные статьи по истории Брянского края из сборников, материалов научно-практических конференции, публикации в периодической печати кандидата исторических наук, доцента кафедры новой и новейшей отечественной истории и права Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского Владимира Викторовича Крашенинникова.

Об авторе

Владимир Викторович Крашенинников родился 15 мая 1938 г. в старинном городе Севске, относившемся к Орловской области, а с 1944 г. - к Брянской области. Его мать, Юлия Гавриловна Никифорова (в девичестве — Федоркова), умерла, когда Владимиру не было и года. На попечении отца, Михаила Зиновеевича Никифорова, осталось шестеро детей: Николай, Галина, Игорь, Евгений, Анатолий и Владимир. Последнего взяла на воспитание сестра покойной матери - Евдокия Гавриловна Крашенинникова, по профессии - учительница. Ее муж, Виктор Дмитриевич Крашенинников, также был учителем, но перед Великой Отечественной войной был призван в армию, окончил офицерские курсы, а в 1942 г., сражаясь против немецко-фашистских захватчиков, погиб. Родной отец Владимира в начале войны также был призван в армию, попал в плен, бежал и вернулся в Севск, но вскоре умер. В октябре 1943 г. погиб в боях за Белоруссию старший брат Николай.

С согласия находившегося на фронте мужа Евдокия Гавриловна усыновила осиротевшего Владимира и вплоть до своей смерти в 1978 г. оставалась для него настоящей любящей матерью. Ее повседневная забота, поддержка других родных, позволили приемному сыну, перенесшему много серьезных болезней, выжить и в период фашистской оккупации, и в трудные послевоенные годы.

В 1946 г. Владимир поступил в 1-ый класс Севской семилетней школы, но уже на второй день был переведен во 2-ой класс, поскольку получил хорошую подготовку еще до школы. Учился во всех классах отлично, ежегодно получая похвальные грамоты. В 1952 г. после окончания семилетней школы поступил в 8-й класс Севской средней школы. По ее окончании в 1955 г. был представлен к награждению золотой медалью, но по решению Брянского облоно получил серебряную медаль.

С 1955 г.- по 1959 г.- обучался на историческом факультете Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской, который окончил с отличием. Имел предложение остаться учиться в аспирантуре по кафедре новой и новейшей зарубежной истории, но предпочел уехать на работу в Сибирь. В 1959-1960 гг. работал учителем истории в Увальской средней школе Татарского района Новосибирской области, в 1960-1962 гг. - директором Степановской восьмилетней школы того же района.

В 1962 г. был в качестве соискателя прикреплен к Московскому государственному педагогическому институту им В.И. Ленина для сдачи кандидатских экзаменов, что и сумел успешно сделать в течение двух ближайших лет. В это время работал завучем и учителем истории Речицкой восьмилетней школы Жуковского района Брянской области, а в 1964 г. был выбран директором Олсуфьевской средней школы того же района, в которой работал в течение 15 лет.

С 1964 г. до 1991 г. был членом КПСС. С 1977 г. являлся внештатным заведующим школьным отделом Жуковского РК КПСС, а с 1979 г. был утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации Жуковского РК КПСС. Работал в этом качестве до 1982 г., когда был переведен инструктором отдела науки и учебных заведений Брянского обкома КПСС. Здесь курировал работу техникумов и профтехучилищ, а также периодически - вузов и учреждений социального обеспечения. В период педагогической работы был награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и почетным знаком «Отличник народного просвещения»; в годы партийной работы - медалями «За преобразование Нечерноземья» и «Ветеран труда». Не раз награждался республиканскими и областными почетными грамотами.

В 1990 г., видя, что работа партийных органов становится все менее результативной, В.В. Крашенинников по собственному желанию был освобожден от работы в Брянском обкоме КПСС и принят на работу старшим преподавателем кафедры отечественной истории Брянского педагогического института, с коллективом которой он связан все последующие годы работы (в настоящее время, после разделения кафедры и изменения названия вуза - доцент кафедры новой и

новейшей отечественной истории и права Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского).

С 1960-х гг., еще работая в школах области, В.В. Крашенинников начал заниматься научно-краеведческой работой - сначала изучая историческую литературу, собирая разрозненные материалы по истории Брянского края, а затем к этой работе добавились первые поиски неопубликованных сведений в архивах Брянска, Орла, Москвы, Ленинграда. Это направление работы остается для него главным и до настоящего времени. В.В. Крашенинниковым была подготовлена экспозиция и открыт школьный краеведческий музей в Олсуфьевской средней школе. В 1970-е гг. появились публикации его некоторых статей в областных изданиях, но основное внимание было уделено подготовке монографии о политической истории Брянского края со времен Киевской Руси до XIX века, которая была издана (далеко не в полном виде) лишь в 1990г

В апреле того же года В.В. Крашенинников был участником учредительного съезда краеведов России, летом 1990 г. под его руководством прошла учредительная конференция Брянского краеведческого общества, где он был избран председателем правления (позже, в 1995 г. и 2000 г., дважды переизбирался на эту общественную должность). С 2002 г. из-за разногласий с руководством областной администрации работа Брянского краеведческого общества, которая и раньше велась без финансовой и иной помощи областного руководства, оказалась парализованной, но за то время, когда общество функционировало, В.В. Крашенинников, и другие члены правления, в целом краеведческая общественность сумели провести около двух десятков историко-краеведческих конференций, издать часть их

В.В. Крашениниковым подготовлено и издано свыше 50 научных работ, в том числе монографии «Взгляд через столетия. Очерки истории Брянского края» (Тула, 1990 г.), «Из истории селений Брянского района (первое издание вышло в Брянске в 1999 г., второе, значительно дополненное - в 2004 г.). Он был руководителем авторского коллектива, ответственным редактором и одним из основных авторов коллективных монографий «История Брянского края. С древнейших времён до конца XIX века» (два издания - в 2000 г. и 2001 г.) и «История Брянского края. XX век» (Клинцы, 2003 г.). В.В. Крашенинниковым была разработана вышедшая в качестве брошюры в 2001 г. и направленная в школы области «Программа учебного курса «История Брянского края», на основании которой в 10 – 11 классах школ области ведется изучение этого курса. Отдельной брошюрой в 1995 г. вышла также работа В.В. Крашенинникова «Свенский монастырь».

Из статей В.В. Крашениникова, изданных за эти годы в составе различных сборников, наиболее существенны по объему и содержанию следующие: «Место Брянщины в истории Отечества» (1995 г.), «Город Жиздра и Жиздринскии уезд в конце XVIII - первой половине XIX вв.» (1995 г.), «Город Брянск и его окрестности в XVII - первой половине XIX вв. (1997 г.), «Крестьянское движение на юго-востоке Брянщины в начале 1797 г.» (1997 г.), «Севская семинария, ее руководители и воспитанники» (1998 г.), «1937 год в Дятьковском районе» (2001 г.), «Путешественные записки» как источник по изучению истории Брянского края XVII - начала XIX вв.» (2003 г.), «Главные этапы и основные особенности исторического развития Брянщины» (2004 г.), «Дело Н. Ашкинази» (2005 г.), «Севские воеводы в XVII веке» (2006 г.), «Современный взгляд на движение декабристов» (2007 г.), «Патрик Гордон и его пребывание в Севске» (2007 г.), «И.Г. Петровский и его время» (в печати), «К истории политических репрессий на Брянщине в 1937-1938 гг.» (2006 г.).

Общий объем авторских текстов в научных публикациях В.В. Крашенинникова - около 80 п.л. В настоящее время он завершает работу над монографией «История Севска и окрестных селений» (объем - свыше 30 п.л.).

В преподавательской работе в университете В.В. Крашенинников, помимо чтения основных лекционных курсов по истории России с конца XVIII в. до конца XIX в. и по истории Брянского края, проводит семинарские занятия по этим предметам, руководит курсовыми и дипломными работами. Им разработан ряд спецкурсов, которые изучаются студентами под его руководством: «Из истории русской общественной мысли середины XVIII - начала XX вв.», «Русское зарубежье», «История русской живописи (XVIII - начало XX вв.)», «Святыни Брянского края». Является факультетским руководителем архивной практики студентов.

В.В. Крашенинников активно сотрудничает с коллективами Брянского государственного объединенного краеведческого музея, Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф.И. Тютчева, Государственным архивом Брянской области, участвуя в проводимых ими

мероприятиях. Регулярно выступает с лекциями перед преподавателями истории школ и других учебных заведений не только в стенах БИПКРО, но и выезжая в районы.

С 1966 г. женат на Нине Ивановне (в девичестве - Моисеенко), 1942 года рождения, выпускнице физико-математического факультета Новозыбковского пединститута. Супруга В.В. Крашенинникова работала преподавателем математики и физики в школах Жуковского района, позже преподавала математику в Брянском автотранспортном техникуме. Сейчас Н.И. Крашенинникова - на пенсии.

Супруги воспитали трех детей: Александра (1967 г.р.), Константина (1970 г.р.), Надежду (1978 г.р.). Александр закончил химический факультет МГУ, сейчас живет в Москве. Константин закончил факультет энергетического машиностроения БИТМа, живет в Брянске. Надежда (в замужестве - Мартынцева) закончила исторический факультет, а затем аспирантуру БГУ и пошла по стопам отца. Сейчас она - кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой и новейшей отечественной истории и права БГУ.

В.В. и Н.И. Крашенинниковы имеют трех внуков: у Александра - сын Кирилл, у Константина - дочь Татьяна (оба - школьники), у Надежды в 2007г. родилась дочь Мария.

Из родных братьев и сестер В.В. Крашенинникова к настоящему времени остался в живых лишь Анатолий Михайлович Никифоров, по специальности - инженер-строитель, сейчас - на пенсии, живет близ Рязани, активно занимается литературным творчеством.

Главное увлечение самого В.В. Крашенинникова - книги, в первую очередь - по русской истории, русской литературе (в частности - поэзии), русской живописи, биографии деятелей русской истории и культуры. Его библиотека, которую он начал собирать со студенческих лет, сейчас насчитывает около 10 тысяч томов. Другие увлечения - шахматы, грибная «охота»; начиная с юности, но достаточно редко - поэтическое творчество (в том числе - авторские песни).

Место Брянщины в истории Отечества

Пятьдесят лет, прошедших со времени образования Брянской области, исторически очень небольшой срок, даже если к нему добавить годы существования Брянской губернии (1920-1929).

Однако еще с глубокой древности жизнь людей, населявших основные территории современной Брянщины, имела существенные особенности, отличавшие ее от соседних регионов.

В период образования Киевской Руси территория Среднего Подесенья оказалась как бы посредине между землями кривичей, занимавших верховья Днепра (Смоленщину); вятичей, расселявшихся в верховьях Оки; северян - в нижнем течении Десны и по Сейму и радимичей в бассейне Сожа. В этих условиях межплеменные контакты были повседневной реальностью, которая закрепилась позже вхождением всех прилегающих к средней Десне территорий в состав Чернигово-Северской земли (лишь крайние северные территории вошли в состав Смоленской земли).

Продолжавшийся в XII-XIV вв. процесс феодального дробления, с одной стороны, способствовал становлению новых удельных центров, какими оказались Вщиж, Трубчевск, Стародуб, Брянск, Карачев, определенному хозяйственному развитию примыкающих к этим городам земель, а, с другой стороны, сопровождался княжескими усобицами, слабостью удельных княжеств в случае нападений, что, в конечном счете, привело к завоеванию большей части русских земель (в том числе и Брянщины) татаро-монголами.

Разорение городов и селений, которым сопровождалось татаро-монгольское нашествие конца 1230 - начала 1240-х гг., в меньшей степени коснулось Брянщины, укрытой лесными массивами. Более того, опустошение Северо-Восточной и Южной Руси привело к притоку на Брянщину части населения из других регионов, а затем - политическому, военному и хозяйственному возвышению Брянского княжества в середине и второй половине XIII в., чему в немалой степени способствовала активная и умелая политика князя Романа Михайловича, ставшего одним из сильнейших князей того времени.

Впрочем, объединительные тенденции, хорошо заметные в политике Романа Брянского, не могли быть в то время успешно реализованы, а после гибели князя почти вся первая половина XIV в. прошла в борьбе за политическое господство на Брянщине между смоленскими и черниговскими князьями. Борьба эта, сопровождающаяся, и читальными социальными потрясениями, завершилась включением края в конце 1350-х гг. в состав Великого княжества Литовского.

Время пребывания Брянщины в составе Литовского государства совпало с начальным периодом складывания трех восточнославянских народов: русских, украинцев, белоруссов. Начавшийся с середины XIV и. длительный отрыв Южной и Западной Руси от северо-восточных русских земель, где в это время стали закладываться основы будущего Московского государства, был одним из основных факторов разделения единой ранее русской народности на три ветви, хотя немаловажную роль играли в этом и другие факторы (этническая подоснова будущих народов, этнокультурные контакты с соседними племенами и народностями, отличие хозяйственного уклада жизни, особенности политического развития на разных этапах истории и т.д.).

С этого времени начинает определяться особая историческая роль Брянского края как своеобразного моста между Северо-Восточной и Юго-Западной Русью, где развивались самые разнообразные связи между русским, украинским и белорусским народами: политические, военные, хозяйственные, торговые, культурные, духовные, демографические и прочие. Систематический характер этих связей, а также смешанный состав населения Брянщины привели к формированию здесь уникальных по своему своеобразию «брянских говоров», особых черт народной культуры и быта населения.

В XIV-XV вв. этническое лицо населения территорий русско-украинско-белорусского пограничья еще недостаточно определилось, поэтому документы не фиксируют заметных различий в социально-экономических отношениях и других сторонах жизни населения Брянщины и соседних территорий, независимо от того, были ли они позже русскими, украинскими или белорусскими.

В 1503 г. вся Северская земля, включая Брянщину, отошла к Московскому государству и

до 1618 г. оставалась в его составе. Это, естественно, сблизило Брянский край с остальными русскими землями и, напротив, несколько отдалило от украинских и белорусских земель, оставшихся в составе Великого княжества Литовского, а затем объединенного польсколитовского государства - Речи Посполитой. В города Брянщины в это время назначались русские воеводы, здесь находились русские служилые люди, поместья принадлежали в основном русским владельцам.

Положение значительно изменилось после гражданской войны и иностранной интервенции начала XVII в., когда по условиям Деулинского перемирия 1618 г. большая часть Брянщины была присоединена к Речи Посполитой, и на этой территории был образован Стародубский повет.

Изменения политические сопровождались и заметными демографическими сдвигами. Служилые люди из отошедших к Речи Посполитой городов в большинстве переселились в пределы Русского государства, а польско-литовская шляхта, получившая земли в Стародубском повете, была вынуждена из-за запустения этих земель в период смуты привлекать сюда украинцев и белоруссов, получавших на определенное время хозяйственные и правовые льготы. В результате поблизости от Поповой Горы и Дрокова стало преобладать белорусское, а на других территориях Стародубья - украинское население.

Тем не менее, Стародубский повет входил в это время в состав Смоленского воеводства (отнюдь не украинского). Не был он включен в состав Украины и по условиям Зборовского (1649 г.) и Белоцерковского (1651 г.) договоров между Богданом Хмельницким и Речью Посполитой уже в ходе начавшейся в 1648 г. освободительной войны украинского народа. Не было здесь в это время и гетманского (а также полкового) управления, существовавшего на территории Украины.

Только в 1654 г., уже после решения Переяславской Рады о воссоединении Украины с Россией, население Стародубского повета присягнуло на верность московскому государю одновременно с жителями других украинских территорий, и в Стародубе появился наказный полковник (самостоятельный Стародубский полк как военно-административная единица был образован лишь в 1663 г.).

Таким образом, рассматривать историю Стародубья первой половины XVII в. (не говоря уже о более раннем времени) как часть истории Украины нет достаточных оснований.

Вторая половина XVII в. добавила для населения Брянщины немало трудных страниц, особенно в 1658-1668 гг., когда события на Украине и вокруг нее нередко принимали драматический характер. Однако разгром в 1664 г. похода польского короля Яна Казимира, подписание в 1667 г. Андрусовского перемирия с Речью Посполитой, подавление в 1668 г. мятежа гетмана И. Брюховецкого и разгром тогда же последнего крупного набега крымских татар, в конечном счете, привели к стабилизации положения в Брянском крае, который теперь опять полностью вошел в состав Российского государства.

Именно в эти годы роль Брянского края (включая Стародубье) как важнейшей связующей территории между Центральной Россией и Украиной стала особенно заметной. Большое значение в военно-политическом сотрудничестве имело создание в конце 1650-х гг. Севского разряда - крупного административного и военного образования на границах с Украиной. Через Карачев и Севск проходила прямая правительственная почтовая связь (скорая ямская гоньба) между Москвой и главными украинскими административными центрами. Брянщина стала местом оживленной взаимной торговли, особенно значительной в Брянске (со Свинской ярмаркой), Севске, Стародубе и некоторых других местах. Развивались разнообразные экономические и культурные связи.

Стабилизация обстановки способствовала заметному росту населения во многих районах Брянщины, особенно в Стародубье. Объяснялось это не только наличием здесь неосвоенных земель и лесных угодий, но и меньшей степенью развития феодальных отношений также менее сильной административной властью. Сюда спасавшиеся от преследований польско-литовской участники освободительной борьбы белорусского народа, бежавшие от помещичьего гнета русские крестьяне.

В в этой связи характерно возникшее в 70-е гт. XVII в. дело П. Рославца. Стародубский полковник Петр Рославец обратился к царскому правительству с предложением вывести Стародубский полк из под власти гетмана и подчинить его непосредственно московской администрации, так как расположенные на территории полка города (Стародуб, Новгород-Северский, Почеп, Погар, Мглин являются государевой вотчиной, поскольку и раньше были русскими городами. Объективно это предложение было близко взглядам царя Алексея Михайловича, стремившегося усилить здесь свое влияние, но в тот секретный момент

правительство не сочло возможным поддержать Рословца во избежание осложнений во взаимоотношениях с украинской старшиной. Антирусские проявления во время недавнего мятежа Брюховецкого (в том числе убийство в Стародубе воеводы И. Волконского и русских служилых людей) были еще свежи в памяти, а усилившееся напряжение в отношениях с Турцией требовало не допускать какой-либо внутренней смуты на Украине. Поэтому проект Рославца был отвергнут, а сам он по требованию верхушки старшины освобожден от должности полковника и сослан.

Украинская старшина, пришедшая к власти на волне народной освободительной войны середины XVII в., стремилась использовать тою власть для закабаления крестьян, рядовых казаков и горожан. В Стародубье, как и всюду на Украине, главным средством такого закабаления стало расширение земельных владений старшины путем пожалований, скупки (порой принудительной) и прямых захватов. Всячески стремясь расширить свою феодальную собственность, старшина не хотела, разумеется, делиться ею с кем бы то ни было, в том числе - с русским дворянством. Отсюда двойственность политики старшины: с одной стороны, она нуждалась в сильной власти российского правительства для подавления социального недовольства и прямого классового сопротивления низов украинского общества; с другой стороны, она стремилась к сохранению и расширению своей автономии, к определенной национальной обособленности и даже склонялась (хотя и меньшей частью) к прямому сепаратизму.

Крайним проявлением подобной политики стали действия гетмана Мазепы, изменившего России в период вторжения армии Карла XII, но не получившего поддержки ни населения Украины, ни большинства старшины. Показательно, что в период вторжения шведской армии на территорию Стародубья патриотическую позицию заняли все слои и группы населения: и местная старшина во главе с полковником И. Скоропадским, и городские мещане, и раскольники, и крестьяне, и казаки. Все они не только деятельно помогали русской армии, но и сами вели борьбу со шведами партизанскими методами.

Впрочем, стремление украинской старшины к сохранению особых прав и привилегий не могло быть в XVII в. реализовано, поскольку политика российского абсолютизма была направлена на усиление центральной власти, а также унификацию прав и обязанностей отдельных сословий российского общества.

Уже при Петре I были приняты серьезные меры по ограничению автономии Украины: упразднено гетманство, полковниками в некоторые территориальные полки (в том числе - Стародубский) назначены русские офицеры и т.д. Тогда же на территории Стародубья появились первые крупные владения русских высокопоставленных лиц, в частности князя А.Д. Меншикова, которому был пожалован Почеп и 110 окрестных селений. В том же XVII в. в число крупнейших землевладельцев Стародубья вошли фельдмаршал П.А. Румянцев и некоторые другие представители российской знати.

С появлением в 1760-1780 гг. нескольких указов Екатерины II (об окончательной ликвидации гетманства и полкового деления, об уравнении старшины в правах с русским дворянством, о прикреплении украинских крестьян к земле, т.е. об их закрепощении и других) в основном был завершен процесс превращения Украины в составную часть Российской империи без каких-либо существенных следов прежней автономии.

Одним из последствий уравнения старшины в правах с русскими дворянами стало более широкое, чем раньше, обрусение значительной части украинской шляхты. Из связанных со Стародубьем известных старшинских фамилий, чьи представители активно проявили себя в русской политической, военной, общественной жизни и культуре, могут быть названы Разумовские (Перовские), Завадовские, Миклашевские, Гудовичи, Искрицкие, Соболевские, Немировичи-Данченко, Бороздны, Туманские, Лишни (Лишины).

Эту естественную «руссификацию» не следует однозначно оценивать как утрату национальных корней. Скорее наоборот: многое из названных не только внесли достойный вклад в развитие российской государственности, общественной мысли и культуры, но и способствовали более широкому интересу общества к украинской истории, быту, культуре, языку.

Подобные процессы были заметны не только в верхних общественных слоях Стародубья, но проявились и среди основного трудящегося населения, состав которого становился более смешанным.

Таким образом, хотя во второй половине XVII-XVII вв. развитие Стародубья во многом определялось изменившимся национальным составом населения и включением его в состав Украины, этот же период характеризуется заметным усилением роли Стародубья (вместе с восточной Брянщиной) как связующего звена между Россией и Украиной, а также нарастающей

тенденцией к постепенному выравниванию условий социального, экономического и культурного развития края с соседними российскими территориями.

В XIX-XX вв. эта тенденция стала абсолютно преобладающей, что привело к тесному сближению, а затем и слиянию западной и восточной частей Брянщины в единый административно-территориальный, социально-экономический и историко-культурный регион. Особое место Брянского края в развитии русско-украинско-белорусского сотрудничества в это время не только сохранилось, но и стало еще более заметным, поскольку сами связи трех братских народов стали более разнообразными и глубокими.

Еще одна существенная особенность исторического места Брянщины связана с тем, что она длительное время (с начала XVI в.) занимала очень важное место в оборонительной системе Русского государства. Впрочем, еще значительно ранее многие уроженцы Брянского края принимали участие в битвах с печенегами и половцами, татаро-монголами и литовцами, немецкими рыцарями и другими агрессорами. Среди крупных военных событий, в которых участвовали воины Брянской земли, были и победоносные Куликовская битва (1380 г.), и сражение при Грюнвальде (1410 г.), и трагически завершившиеся поход Игоря Святославовича на половцев (1185 г.), битвы на р. Калке (1223 г.) и на р. Ворксле (1399 г.).

В мае 1500 г. жители Брянщины присягнули на верность московскому государю Ивану III, а уже в июле того же года воины-брянцы участвовали в крупной битве близ р. Ведроши, где были разгромлены литовские войска. С этого времени Брянский край, расположенный на юго-западных рубежах Русского государства, становится одной из важнейших в оборонительном отношении территорий, обращенных одновременно и против Великого Литовского княжества (затем - Речи Посполитой), и против крымских татар, чьи набеги, систематически продолжавшиеся более полутора веков, стали одной из главных забот для Русского государства.

Неоднократные военные конфликты с Литвой в первой половине XVI в., Ливонская война (особенно на первом и заключительном этапах), польская интервенция начала XVII в., Смоленская война 1632-1634 гг., освободительная война украинского народа, новый длительный русскопольский конфликт в связи с вхождением Украины в состав России, многочисленные набеги крымских татар, наконец, Северная война со Швецией - все эти события, охватывая в той или иной степени территорию Брянщины, несли ее населению большие тяготы и страдания, но они же способствовали проявлению боевого героизма, высоких патриотических чувств многих воинов и других жителей Брянского края.

Героическая оборона Стародуба (1534, 1535, 1610, 1615 гг.), Радогоща (1534г.), Почепа (1610г.), Брянска (1614-1615гг.), Севска (1634 г.), Трубчевска (1663 г.), успешные действия русских войск на территории Брянщины при помощи местных жителей на начальном этапе Смоленской войны, против польско-литовских войск Яна Казимира в 1664 г., против армии Карла XII в 1708 г. стали славными страницами российской военной истории.

Во многих войнах России (в частности, в Отечественной войне 1812 г., Крымскойвойне 1853-1856 гг., русско-турецкой войне 1877-1878 гг.) боевое мужество и доблесть проявили многие солдаты и офицеры Брянского, Севского и Стародубского полков, формировавшихся в значительной степени из уроженцев Брянщины.

Можно добавить, что даже в тех случаях, когда военные действия проходили за пределами Брянщины, ее территория часто являлась стратегически важным тыловым районом, где формировались крупные воинские соединения и откуда в армию шло снабжение продовольствием, фуражом, снаряжением, боеприпасами, транспортными средствами.

Построенные в Брянске суда широко применялись для доставки различных грузов в Киев и другие украинские города после воссоединения Украины с Россией. Большое количество военных галер было построено на брянской верфи в 1730-е гг., в период русско-турецкой войны.

Очень важную роль в снабжении русской армии пушками и различным артиллерийским снаряжением играл построенный в 1783-1786 гг. Брянский Арсенал. Особенно значительной оказалась роль Арсенала в Отечественной войне 1812 г., но существенной она была и в годы первой мировой войны.

Славные боевые традиции Брянской земли были продолжены и позже: в борьбе против германской агрессии 1918 г. и особенно в годы Великой Отечественной войны.

В 1941-1945 гг. многие тысячи сыновей и дочерей Брянщины стойко и мужественно защищали свою Родину на фронтах войны, приближали победу самоотверженным трудом в тылу. Особенно широко известны подвиги брянских партизан, внесших большой вклад в уничтожение живой силы и техники противника, в нарушение его коммуникаций, оказавших большую помощь

партизанам Украины и Белоруссии. Существенную роль в оборонительных сражениях 1941 г. и в наступательных операциях 1943 г. сыграли сражавшиеся на территории нашего края части Брянского и Центрального фронтов.

Экономическая жизнь населения Брянского края также имела определенные особенности, заметно отличавшие ее от соседних территорий. Основной отличительной особенностью было широкое развитие на Брянщине различных промыслов и ремесел, а с XVIII-XIX вв. - мануфактурного и фабрично-заводского производства.

Недостаточное плодородие почв большей части Брянщины, поднялось богатством лесных и водных ресурсов, наличием запасов железных руд, мела, качественных песков и другого минерального сырья. Железо, строительные материалы, стекло и хрусталь, поташ, селитра, деготь, обувь и кожевенные товары, сукна, парусное полотно и другие текстильные изделия, канаты и веревки, конопляное масло, сахар, вино, с середины XIX - начала XX вв. - машины, инструменты, цемент, минеральные удобрения - все эти и некоторые другие виды промышленной продукцими дали Брянщине известность и в России, и за ее пределами.

«Рудни», «гуты» и «буды» (предприятия по производству железа, стекла и поташа) были достаточно широко распространены во многих местах Стародубья, а также в Трубчевском и Севском уездах в XVII-XVIII вв., но со второй половины XVIII в. предприятия металлургической и стекольной промышленности в большей степени сосредоточиваются на территории Брянского уезда. Здесь с середины XVIII в. начали свою предпринимательскую деятельность Гончаровы, Мосоловы, Демидовы, но особенно значительное развитие промышленность в этих местах получила в XIX в. благодаря деятельности И.А. и С.И.Мальцовых, создавших в районе Дятьково - Любохны – Людиново - Песочни своеобразную «Мальцовскую промышленную империю».

В последней четверти XIX - начале XX вв. наиболее интенсивно промышленность развивается в Бежице и других близких к Брянску в поселках, где успешно работают Брянский рельсопрокатный, железоделательный и механический завод, Радицкий вагоностроительный завод, Мальцовский цементный завод и другие предприятия.

Что касается Стародубья, то новый импульс в развитии промыслов и ремесел сюда принесли раскольнники, чьи слободы - Зыбкая (позже - Новозыбков), Клинцы, Злынка, Климово, Воронок, Лужки и другие стали в XVIII-XIX вв. основными центрами развития промышленности в западной части Брянщины. Здесь наиболее значительное развитие (особенно с 1830-х гг.) получили суконное, чулочное, спичечное, щетинное и некоторые другие виды производства.

Все это стало солидным фундаментом для формирования на Брянщине многоотраслевой современной промышленности в XX в.

Нужно отметить также, что производственная деятельность многих предпринимателей сопровождалась и их активным участием в решении социально-культурных задач. Доброй памяти в этой связи особенно заслуживают С.И. Мальцов, супруги В.Н.и М.К.Тенишевы, братья Могилевцевы.

Не следует, разумеется, слишком идеализировать взаимоотношения между рабочими и даже гуманными предпринимателями, но сводить их только к проявлениям угнетения и классовой борьбы - значит допускать не явную односторонность. Тем не менее, нужно подчеркнуть как одну из существенных особенностей внутреннего развития Брянщины высокую степень социальной активности ее трудового населения в борьбе против различных форм угнетения и несправедливости.

Первые известные выступления социального характера связаны с Брянском и относятся еще к XIV в. Краткость летописных сведений не позволяет восстановить причины и все обстоятельства этих выступлений, но уникальным для русской истории того времени является сам факт, что на протяжении полувека в одном и том же троде отношения между жителями и князьями становились столь острыми, что завершались восстаниями (в 1310 г. - «мятеж велий» и, в конечном счете, гибель князя; в 1340 г. - убийство князя горожанами, собравшимися на вече; в 1356-1357 гг. - «мятеж от лихих людей, и замятнявелиа, и опустение града»).

С особой силой социальная напряженность и активные формы классового сопротивления проявились на Брянщине, как и в ряде других районов России, в «бунташном» XVII в.

Интенсивно складывающаяся во второй половине XVI в. практика крепостничества, получившая юридическое подтверждение в законодательстве 1590-х гг., значительно ухудшила положение трудящихся масс. Расширение и углубление феодально-крепостнических отношений, отягощенное к тому же целым рядом других дестабилизирующих обстоятельств (усилением внутренней борьбы в стане феодалов, династическим кризисом, неурожаем и голодом 1601-1603

гг.), привело, в конечном счете, к гражданской войне в России, продолжавшейся около 15 лет, к «смутному времени».

Одним из главных районов «смуты» был Брянский край. Достаточно перечислить только некоторых, наиболее известных деятелей «смутного времени», которые оказались непосредственно связаны с событиями на Брянщине: четыре самозванца (Лжедмитрии I и II, «царевичи» «Петр Федорович» и «Федор Федорович»), И. Болотников, И. Заруцкий, А Лисовский, Ф. Мстиславский, Василий Шуйский, Дмитрий Пожарский. Перечень этот можно продолжить, но важнее, что Брянщина и некоторые соседние территории Северской земли были местом фактического становления многих из этих людей как исторических деятелей «смутного времени».

В годы Смоленской войны Брянский край вновь стал местом наиболее активной классовой борьбы крестьян, холопов, казаков и разных «вольных» людей, участвовавших в так называемом «балашовском» движении (по имени первоначального руководителя «вольницы» Ивана Балаша), которое угрожало разрастись до широких масштабов.

С конца 1640-х до начала 1670-хгг. Продолжались новые социальные потрясения во многих районах России, Украины и Белоруссии. Естественно, что находящийся на их стыке Брянский край опять оказался охвачен разнообразными выступлениями, которые часто соединялись с освободительной борьбой против польско-литовской шляхты.

Объяснение причин столь активного участия жителей Брянщины в большинстве крупных социальных конфликтов XVII в. нужно, в первую очередь, искать в социальном составе ее населения.

Как удаленная от центра Московского государства приграничная территория с достаточно опасными для жизни условиями, Брянщина в XVI - первой половине XVII вв. не очень привлекала к себе внимание крупной московской знати, и напротив, сюда (особенно в Комарицкую волость и другие места, где не было помещичьего землевладения) устремились многие беглые холопы и крестьяне, «гулящие люди» и прочий неспокойный люд, наиболее предрасположенный к активным выступлениям классового характера.

Имущественное и социально-правовое положение составляющих основную часть городского населения служилых людей (детей боярских, стрельцов, пушкарей, казаков и прочих) также было неустойчиво. Как следствие, эти категории населения, не раз привлекавшиеся к подавлению народных движений, одновременно представляли как бы резерв участников социальных потрясений, причем в некоторых случаях в силу своей организованности и воинских навыков они превращались в их наиболее активную часть. Можно добавить, что и крестьяне-старожилы этих мест также были привычны к воинскому делу, поскольку постоянно участвовали в осадных сидениях и отражении набегов отдельных вражеских отрядов. Таким образом, основную часть населения Брянщины составляли люди социально активные, привыкшие отстаивать свою свободу в борьбе с врагами и поэтому обостренно воспринимавшие любые посягательства на свои права и независимость.

Заметную роль в этих выступлениях играли беглые из числа холопов, крестьян, мелких служилых людей других социальных групп, в том числе - из преступных элементов. Для этих людей, оторвавшихся от своей среды, в Брянском крае (в отличие от Дона, Запорожья, Яика и других казачьих районов) не было возможности легализовать свое положение, не утратив свободы. Поэтому они нередко объединялись в группы и начинали промышлять разбоем, бывшим не только средством добывания всего необходимого для жизни, но и наиболее приемлемой формой проявления ненависти к социальным верхам общества, представители которых чаще всего становились жертвами разбойных нападений.

Расположение и природные условия Брянщины, особенно находившиеся здесь большие лесные массивы, благоприятствовали действиям разбойных групп, и не случайно документы XVII-XVIII вв. сообщают о многочисленных фактах разбойных нападений, в первую очередь, на дорогах Брянского края. Социальная напряженность на Брянщине оставалась высокой и в XVIII в. Главными причинами ее были значительное расширение числа крепостных и существенное увеличение феодальных повинностей.

Такова «брянская смута» середины XVIII в., крестьянские выступления в имениях Чернышевых-Голицыных в 1749, 1775, 1797 гг., Апраксина - в 1797 г. и некоторых других. Особый протест вызывало у крестьян привлечение их к работам на помещичьих предприятиях - такая форма барщины оказалась наименее приемлемой.

Что касается Стародубья, то наибольшую остроту события приобретали там, где развертывалось движение «ищущих казачества», поскольку к XVIII в. старшина сумела закабалить

не только большинство посполитых крестьян, но и многих казаков. Борьба почепских казаков против попыток их закабаления А.Д. Меншиковым, «искание казачества» жителями сел Фоевичи, Кулаги, Суботовичи, принявшее характер длительных крестьянских восстаний, наглядно подтверждают эту тенденцию. Уже было отмечено, что на Брянщине в начале XVII в. действовало несколько самозванцев. Идея самозванчества оказалась здесь довольно живучей и в XVIII в.

В 1725 г. в Почепе выдавал себя за царевича Алексея солдат Алексей Семиков; в 1740 г. осуждение в адрес императрицы Анны Иоановны высказал дворцовый крестьянин Севского уезда Яков Татаринов, говоривший, что если бы его поставили царем, то он бы правил милостиво; в 1765 г. объявил себя Петром III беглый солдат Брянского полка, бывший однодворец Петр Чернышов.

Любопытно, наконец, что согласно показаниям вождя последней крестьянской войны в России Емельяна Пугачева, мысль объявить себя царем Петром III возникла у него в период довольно длительного проживания среди раскольников Стародубья весной-летом 1772 г.

Это показывает, с одной стороны, что представления о возможности улучшения условий жизни связывались в низших сословиях русского общества с идеей «хорошего», даже «мужицкого» царя; с другой стороны, эти факты свидетельствуют, что в настроениях и поступках определенных категорий населения Брянщины продолжал проявляться дух вольности, непокорства, социально-политического авантюризма.

Проявления социальных противоречий и классовых конфликтов были заметными и в XIX в., но особенно буйные всходы семена классовой ненависти дали в XX в. - в годы первой русской революции и гражданской войны, что, впрочем, не выделяет Брянщину среди других регионов России.

В течение многих последних десятилетий в отечественной историографии и публицистике вопрос о роли религии, месте церкви и монастырей в жизни общества рассматривался с однозначно отрицательных позиций. Явная зависимость церкви от государственной власти, факты корыстолюбия, пьянства и других подобных проявлений среди духовных лиц давали пищу для негативных суждений, но при этом забывалась роль церкви и монастырей в сохранении и укреплении нравственных, духовных и эстетических начал в человеке, значение духовенства в распространении грамотности, патриотическая роль церкви в годы испытаний, существенное влияние видных духовных лиц не только на простых верующих, но и на крупных деятелей культуры.

Брянский край занимает заметное место в духовной сфере жизни русского общества. Еще в конце XIII в. здесь были основаны Свинский и Петропавловский монастыри, пользовавшиеся покровительством и поддержкой брянских князей. Брянск был местом прибежища, а порой и длительного проживания митрополитов Киевских и всея Руси Петра, Феогноста и других высоких церковных иерархов.

Свое покровительство Свинскому (с XVIII в. - Свенскому) и некоторым другим монастырям Брянщины оказывали цари Иван Грозный, Борис Годунов, Михаил Федорович, Федор Алексеевич, Елизавета Петровна, а также царевна Софья.

В конце XVII - начале XVIII вв. настоятелями Свинского Новопечерского монастыря были выдающиеся религиозные деятели - Иоанн Максимович и Филофей Лещинский, особую известность получившие распространением православия в Сибири. Своим подвижничеством был известен в первой половине XVIII в. основатель Белобережской пустыни схимонах Симеон.

Важное место в духовной жизни края занимал во второй половине XVIII - начале XIX вв. Севск, бывший центром епархии. В находившейся здесь семинарии обучались многие видные церковные деятели страны, в том числе Филарет (Амфитатров), долгие годы бывший митрополитом Киевским и ставший благодаря своей пастырской и ботсловской деятельности одним из столпов русского православия к редины XIX в. Среди выпускников Севской семинарии были и многие видные деятели русской общественной жизни и культуры нерпой половины XIX в.: ректор Петербургского университета, известный географ и статистик Е.Ф. Зябловский, ректор Казанского университета, правовед Г.И. Солнцев, философ А.И. Галич, поэт и журналист С.Е. Раич, декабрист С.М. Семенов.

монастырями Брянщины (Свенским, Трубчевским Чолнским, Площанской Белобережской пустынями и некоторыми другими) было связано немало учеников и последователей Паисия Величковско, получивших В XIX B. известность пустынножительством и старческой деятельностью. В их числе - известный афонский старец Василий Кишкин, старец Феодор, иеросхимонах Афанасий (Степанов) и другие, включая

архимандрита Моисея (Тимофея Путилова), бывшего долгие годы наместником Козельской Оптиной пустыни, которая являлась главным центром религиозного старчества в России. Им волично, что первый старец Оптиной пустыни Лев (Л.Д. Наголкин) был уроженцем г. Карачева, а жизнь последнего старца пустыни сектария завершилась в 1928 г. также на Брянщине, в с. Холмечи.

Недавнее восстановление Брянской и Севской епархии является закономерным шагом в признании значительной роли Брянского края в истории русской церкви.

Нет, по-видимому, необходимости доказывать особое значение в истории русского старообрядчества ряда городов и других поселений на западе Брянщины, поскольку г. Новозыбков является сейчас центром старообрядческой церкви в России.

Для характеристики роли Брянщины в общественно-политической, научной и культурной жизни России можно было бы назвать множество видных деятелей, рождением, жизнью и свершениями связанных с Брянским краем.

Вот лишь некоторые примеры. В общественном движении: яркий вольнодумец конца XVIII в. Федор Кречетов, декабристы Алексей Тютчев, Степан Семенов, Александр Бригген, Александр Миклашевский, Демьян Искрицкий, Егор Немирович-Данченко, Иван Юрасов, Михаил Муравьев, один из виднейших петрашевцев Николай Момбелли, революционер-шестидесятник Николай Вормс, народники 70-х гг. Сергей Ковалик, Евтихий Карпов, Иван Белоконский, член исполкома «Народной воли» Неонила Саловрг-язвестный эсер Петр Карпович, деятели социал-демократического движения Алексей Бадаев, Борис Волин, Николай Кубяк, Максим Литвинов, Семен Середа, Михаил Сычев, Игнат Фокин и многие другие.

В области научно-технического прогресса: известный металлург первой половины XIX в. Семен Бадаев; один из основоположников русского ракетостроения Константин Константинов; председатель Русского технического общества, крупный специалист по теории упругости, трения и смазки Николай Петров; виднейший специалист в области сварки металлов Евгений Патон; крупный геолог, геохимик и географ академик Дмитрий Щербаков, выдающийся математик и организатор науки, более 20 лет возглавлявший Московский государственный университет, академик Иван Петровский; известные конструкторы периода Великой Отечественной войны Александр Морозов и Илья Иванов; создатель первых судов на подводных крыльях Ростислав Алексеев; крупный ученый в области динамики машин, вице-президент Академии Наук Константин Фролов - этот список нетрудно продолжить.

В области литературы, помимо имеющих широчайшую известность Федора Ивановича Тютчева и Алексея Константиновича Толстого, нужно назвать авторов замечательных записок о жизни и быте второй половины XVIII в. Гавриила Добрынина и Григория Винского, поэтов Ивана Бахтина, Егора Алипанова, Ивана Бороздну, Алексея Жемчужникова, Александра Горского, Виктора Губарева, Николая Рыленкова, Николая Грибачева, Евгения Винокурова, прозаиков Николая Брусилова, Алексея Перовского (Антония Погорельского), Раису Радонежскую, Иосифа Каллиникова, Леонида Добычина, Григория Рыклина, Федора Каманина, Дмитрия Медведева, Петра Проскурина, драматурга Евтихия Карпова... Брянщина оставила заметные следы в жизни и творчестве и таких известных писателей, как Сергей Терпигорев (Атава), Павел Якушкин, Болеслав Маркевич, Иероним Ясинский, Василий Немирович-Данченко, Владимир Соловьев, Василий Розанов, Константин Паустовский, Даниил Андреев и многих других.

Быть может, не столь обширными, но имеющими яркие и интересные личности, могут быть перечни связанных с Брянщиной государственных и военных деятелей, замечательных медиков и педагогов, деятелей биологических, сельскохозяйственных, общественных и филологических наук, композиторов, музыкантов, певцов, актеров, художников, скульпторов, архитекторов - всех, кто трудом и творчеством внес немалый вклад в развитие и процветание своего Отечества.

Нам есть кого уважать и ценить, нам есть чем гордиться и о чем помнить, нам есть за что любить свой родной Брянский край. Долг историков и краеведов - как можно полнее и объективнее изучать его богатую, трудную и славную историю.

/ Из истории Брянского края : материалы юбилейной историко-краеведческой конференции, посвященной 50-летию образования Брянской области и 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. - Брянск. 1995. – С. 6-18.

5 июля 1944 г. указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Брянская область в составе РСФСР. Образование новой области в то время, когда еще продолжались полномасштабные боевые действия в ходе Великой Отечественной войны, было довольно необычным решением. Оно свидетельствовало, что советское руководство, с одной стороны, осознало, что территория Брянщины является достаточно своеобразным и важным регионом Российской Федерации, а, с другой стороны, сочло целесообразным уделить большее внимание восстановлению экономического потенциала новой области.

Впрочем, назвать Брянскую область новой не совсем точно: еще в 1920-е годы существовала Брянская губерния, включавшая в свой состав не только территорию современной области, но и часть Калужской (обширный Жиздринский уезд).

И в те годы, и в настоящее время одной из основных особенностей Брянщины было и остается ее положение единственной территории России, которая одновременно граничит и с Украиной, и с Белоруссией. Именно в этом качестве - быть связующим звеном между разными этносами, племенами, народностями, государствами - Брянский край в течение многих веков выполнял важную историческую миссию.

Еще до освоения территории среднего Подесенья славянами здесь соседствовали друг с другом балтийские, угро-финские и ирано-язычные племена. В отличие от всех соседних областей России, Украины и Белоруссии, где в эпоху Древней Руси явно преобладали поселения какоголибо одного славянского союза (в Смоленской области - кривичи, в Калужской и Орловской — вятичи, в Курской, Сумской и Черниговской — северяне, в Гомельской и Могилевской - радимичи), на Брянщине жили представители всех этих племенных союзов. Кроме того, есть основания считать, что здесь какое-то время сохранялись поселения балтийских племен (в частности, племени голядь), а также находились укрепленные городки русов (их этно-социальная характеристика остается спорной).

Проходившие через территорию Брянщины пограничные рубежи Смоленского, Черниговского, Новгород-Северского, Стародубского, Вщижского, Трубчевского, Брянского, Карачевского, Мстиславльского княжеств, естественно, затрудняли отношения между соседями, но поскольку эти границы не были достаточно устойчивыми, то и не привели к разрыву прежних политических, хозяйственных и духовных связей между отдельными частями Брянщины. Более того, именно наш край стал своеобразным «мостом» между землями Южной и Северо-Восточной Руси.

Время феодальной раздробленности, способствуя экономическому и культурному развитию отдельных городов и земель, несло одновременно и многочисленные княжеские усобицы (именно в связи с ними упомянуты в летописях все древнейшие города и селения Брянщины), и ослабление их военного потенциала. Это привело, в конечном счете, к утрате национальной независимости. Брянский край, подобно другим русским землям, оказался сначала под властью Золотой Орды, а затем, примерно с 1360-х гг., - в составе Великого княжества Литовского.

Брянщина оставалась под властью Литвы вплоть до 1500-1503 гг., когда после успешной военной кампании московских войск вошла в состав Московского государства. С XVI в. ясно определилась еще одна важнейшая особенность развития Брянского края как важнейшего оборонного района на юго-западных рубежах Московского государства, обращенного одновременно против Литвы (со второй половины XVI в. против объединенной Речи Посполитой) и Крымского ханства. Вот почему основную часть жителей городов Брянщины в это время составляли не посадские люди (ремесленники и торговцы), а служилые люди: дворяне, дети боярские, стрельцы, пушкари, городовые казаки и т.д. Впрочем, и большинство крестьянского населения вынуждено было сочетать сельскохозяйственный труд с оборонными заботами. Крестьян привлекали к выполнению всяких трудовых повинностей для нужд ратных людей, к «осадному сидению» в городах, но главной их обязанностью стало содержание дворян-помещиков, составлявших главную часть конных формирований русской армии.

Постепенное закрепощение крестьян, рост налогов и повинностей в пользу государства и помещиков заметно усиливали социальную напряженность, что особенно проявилось в годы «смуты» начала XVII в. Большинство жителей Брянщины поддержало Лжедмитриев I и II, «воеводу царя Дмитрия» Ивана Болотникова и некоторых других предводителей, надеясь с их помощью облегчить свое явно ухудшившееся положение.

Ослаблением Российского государства в годы «смутного времени» попытались воспользоваться иностранные интервенты, в частности - Речь Посполитая. По подписанному в 1618 г. Деулинскому перемирию Россия была вынуждена уступить Речи Посполитой часть

русских земель, в том числе - Стародуб, Почеп, Трубчевск и другие территории западной и центральной Брянщины. Окончательное возвращение этих земель в состав Российского государства произошло только в 1667 г.

Вообще XVII век оказался для Брянщины одним из наиболее отягощенных многими серьезными проблемами: национально-демографическими, военными, социальными, религиозными и прочими. Поскольку в годы «смуты» население Брянщины резко сократилось, а многие селения и некоторые города вообще запустели, то появившиеся на западе Брянщины польские и литовские землевладельцы стали приглашать сюда выходцев из Украины и Белоруссии, что привело к значительным изменениям национального состава населения этих мест, большую половину которого стали составлять украинцы. Когда началась национально-освободительная борьба украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого, жители западной Брянщины (Стародубья) активно ее поддержали, а после решения Переяславской Рады о воссоединении с Россией присягнули на верность русскому царю Алексею Михайловичу.

В начавшейся новой войне России с Речью Посполитой первоначально успех был на стороне русско-украинских войск, но затем ситуация осложнилась, что привело к затягиванию военных действий. В это время, в 1660-е гг., на территории Брянского края начали все заметнее выделяться, особенно в военно-административном отношении, два города: Стародуб и Севск.

Первый из них стал центром Стародубского полка, самого значительного по площади и населению среди аналогичных территориальных украинских полков, а второй - центром Севского разряда, крупного военно-административного округа на юго-западных рубежах Русского государства. Однако к началу XVIII в. ни Речь Посполитая, ни Крымское ханство уже не представляли серьезной военной угрозы для России, и Брянщина перестала играть существенную роль в обороне страны. Точнее, многие ее уроженцы служили в российской армии (были даже сформированы Брянский, Севский и Стародубский полки, не раз отличавшиеся на полях сражений), но непосредственных военных действий значительного масштаба на ее территории после 1708 г., когда здесь оказалась шведская армия Карла XII, не было вплоть до Гражданской войны 1918-1920 гг.

Изменение всего уклада жизни на мирный лад отразилось и на составе населения (исчезли все категории прежних служилых людей), и на его хозяйственной деятельности. Пока население Брянщины было не слишком многочисленным, занятия земледелием, скотоводством, бортничеством в тех местностях, где для этого были более благоприятные условия, обеспечивали нужды жителей и даже давали определенный избыточный продукт (например, зерно в селениях Комарицкой волости). Однако рост населения, необходимость освоения многих лесных территорий с бедными подзолистыми и песчаными почвами заметно изменили ориентацию хозяйственной деятельности, в которой все большую роль играли ремесла, различные промыслы, торговля, а затем и мануфактурная промышленность.

Еще во второй половине XVII в. в западной части Брянщины появились «рудни», «гуты», «буды», т.е. предприятия по производству железа, стекла и поташа. В начале XVIII в. эти же производства стали развиваться и на территории Трубчевского уезда, а с середины XVIII в. главным центром развития промышленности в наших местах стал Брянский уезд. Здесь появилось несколько металлургических и стекольно-хрустальных заводов, а также Арсенал, где изготавливались пушки для русской армии.

В XVIII - первой половине XIX в. в разных районах Брянщины работало немало и других промышленных предприятий: полотняных, шерстяных, канатных, лесопильных, маслодельных, мыловаренных, винокуренных, свеклосахарных и прочих.

В числе их владельцев были: государство (Брянский Арсенал, а еще раньше - Брянская верфь), помещики (не чуждались предпринимательства представители таких известных дворянских фамилий, как князья Голицыны, Апраксины, Олсуфьевы, Миклашевские и некоторые другие), купцы. Работали здесь и военнослужащие (на Арсенале), и крепостные крестьяне, и мастеровые, и вольнонаемные работники, и посессионные (например, приписанные к Бытошевскому металлургическому заводу купцов Мельниковых).

Еще до отмены крепостного права на Брянщине сложилось два значительных промышленных района: Мальцовский округ с разнообразным производством - к северу от Брянска с центром в Дятьково (организаторами дела здесь были Мария Васильевна, Иван Акимович и Сергей Иванович Мальцовы) и Клинцовский текстильный район, получивший развитие благодаря деятельности купцов-старообрядцев Кубаревых, Сапожковых, Исаевых, Барышниковых и других.

Тогда же, в XVIII - первой половине XIX в., постепенно начало возрастать значение Брянщины в духовной и культурной жизни страны. Наиболее заметную роль играл в этом отношении г. Севск, бывший в XVIII в. центром провинции и епархии. Здесь в конце 1720-х гг. появилось первое учебное заведение на территории края - «цыфирная» школа.

Значительно более важным событием стало открытие в 1778 г. Севской духовной семинарии, работавшей здесь в течение полувека и подготовившей не только многих известных религиозных деятелей (среди них, в первую очередь, заслуживают быть названными будущий митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), которого уже при жизни называли святым, и Иннокентий (Борисов), выдающийся религиозный писатель и проповедник, член Российской Академии), но и немало видных деятелей науки, литературы, общественной мысли. В их числе были будущие ректоры Петербургского и Казанского университетов Е.Ф. Зябловский и Г.И. Солнцев, философ А.И. Галич, поэт и журналист С.Е. Раич, один их руководителей декабристского «Союза Благоденствия» СМ. Семенов и многие другие.

Общее повышение культурного уровня российской провинции зримо проявилось в это время и на Брянщине. Знаменательно, что два первых министра просвещения России, П.В. Завадовский и А.К. Разумовский, были самым тесным образом связаны с нашим краем. Среди его уроженцев были очень интересные мемуаристы Г.И. Добрынин и Г.С. Винский, писатель, ученый, государственный деятель, избранный почетным членом Академии наук Н.П. Брусилов, известный писатель и деятель просвещения А.А. Перовский (А. Погорельский), избранный членом Российской Академии, немало других видных деятелей культурной жизни страны.

Так что наши замечательные земляки Ф.И. Тютчев и А.К. Толстой отнюдь не были двумя одинокими вершинами на общем равнинном фоне. Им предшествовали, с ними соседствовали во времени, их дела продолжали своими трудами и творчеством многие десятки примечательных лиц, которых вскормила Брянская земля.

К первой половине XIX в. относится и одно из самых значительных благотворительных дел, когда брянский помещик Михаил Петрович Бахтин пожертвовал все свое большое состояние (свыше 1,5 млн руб. и более 5 тысяч крестьян) на открытие и содержание в губернском городе Орле кадетского корпуса, получившего имя генерал-майора М.П. Бахтина.

Если добавить к этому, что Белобережская и Площанская пустыни, Свенский и некоторые другие монастыри Брянщииы были в числе тех обителей, откуда в начале XIX в. стало распространяться «монастырское возрождение», основанное на усилении нравственных требований к инокам и на появлении религиозного «старчества», что первые из числа самых знаменитых оптинских «старцев» о. Леонид (Наголкин) и о. Макарий (Иванов) рождением и приобщением к монашеской жизни были связаны с Брянщиной, то можно говорить и о значительной роли нашего края в духовной жизни России.

Следовательно, еще до отмены крепостного права на Брянщине были заложены и социально-экономические, и духовно-культурные основы будущего ускоренного развития, которое пришлось на пореформенную эпоху.

Крестьянская и другие реформы 1860-1870-х гг. дали значительный импульс социальноэкономическому развитию страны, в том числе и на территории нашего края. Прошедшие по его территории железные дороги Орел-Брянск-Витебск-Рига, Брянск-Гомель, Брянск-Льгов, Москва-Брянск и другие создали благоприятные условия для роста промышленного производства не только в близлежащих городах и посадах, но и в новых пристанционных поселках: Жуковке, Дубровке, Людинке (Клетне), Унече, Навле и некоторых других. Особенно быстро стала развиваться Бежица, где было построено крупнейшее предприятие на территории нашего края -Брянский рельсопрокатный, железоделательный и механический завод (позже - БМЗ).

Во второй половине XIX - начале XX вв. находящиеся в окрестностях Брянска и на территории Мальцовского промышленного района заводы и фабрики выпускали, помимо прежней продукции, такие новые виды изделий, как рельсы, паровозы, вагоны, мостовые конструкции, сельхозмашины, броневую сталь, цемент, шифер; в Брянском уезде производилась первая в России промышленная добыча торфа, близ д. Сеща (сейчас - в Дубровском районе) - добыча и переработка фосфоритов. В западной части края, помимо клинцовских текстильных фабрик, быстрое развитие получила спичечная промышленность, и фабрики Новозыбковского уезда стали крупнейшими в России производителями спичек.

К сожалению, социально-экономическое положение основной части рабочих и крестьян Брянщины, как и всей России, оставляло желать много лучшего. Ни усилия отдельных благотворителей (супругов кн. В.Н. и М.К. Тенишевых, супругов кн. Н.Д. и М.П. Долгоруковых,

братьев П.С. и С.С. Могилевцевых и других), ни достаточно активная деятельность уездных земств, при всей их большой пользе не могли коренным образом изменить ситуацию. Недовольство рабочих, крестьян, интеллигенции своим экономическим и политическим положением, все более заметный рост леворадикальных настроений привели, в конечном счете, к революционным потрясениям 1905-1907 гг., а затем и к свержению царского и Временного правительств в 1917 г.

События Гражданской войны, коренная ломка всего прежнего уклада жизни после прихода к власти большевиков, массовые репрессии по отношению к представителям других политических партий. К бывшим дворянам, купцам, офицерам старой армии, служителям церкви, зажиточным крестьянам («раскулачивание»), ко всем инакомыслящим сломали многие тысячи судеб уроженцев и жителей Брянщины. Однако проведенные в 1920-1930-е гг. индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, крупные социально-культурные преобразования при всей неоднозначности их оценок (особенно - методов их проведения) доказали свою результативность. В это время резко выросли объемы производимой промышленной продукции, появились такие новые крупные предприятия, как Брянская РЭС, Бежицкие сталелитейный и силикатный заводы, Полпинский фосфоритный завод, Брянский мясокомбинат и целый ряд других. Колхозы и совхозы края заметно превзошли по количеству производимой (и особенно - по объемам поставляемой государству) продукции период нэпа. Была достигнута всеобщая грамотность населения и, следовательно, решена та задача, которую не удавалось осуществить в старой России. Сотни новых школ, десятки профтехучилищ и техникумов, три первых на Брянщине вуза - таковы были зримые изменения в системе народного образования в нашем крае. Появилась новая рабочекрестьянская интеллигенция, лучшие представители которой добивались замечательных творческих результатов.

Именно в 1930-е годы сумели проявить свои выдающиеся способности такие наши земляки, как будущие академики Николай Иосифович Конрад, виднейший советский востоковед, Иван Георгиевич Петровский, выдающийся математик и организатор высшей школы, Дмитрий Иванович Щербаков, видный геолог и географ, а также один из «отцов» телевидения Семен Исидорович Катаев, замечательные военные конструкторы Илья Иванович Иванов и Александр Александрович Морозов и многие другие советские ученые и конструкторы.

Суровой проверкой жизненности советского строя стала Великая Отечественная война 1941-1945 гг., и население Брянщины сполна испытало на себе все ее тяготы и лишения, но в то же время проявило массовый героизм в борьбе против немецко-фашистских захватчиков и на фронтах войны, и в партизанских отрядах, и в трудовых делах. Тем самым сыновья и дочери Брянского края внесли весомый вклад в великую Победу советского народа. Мы вправе гордиться ратными делами и подвигами таких своих земляков, как Герои Советского Союза генерал армии Иван Ефимович Петров и генерал-полковник Сергей Георгиевич Трофименко, дважды Герои Советского Союза Александр Алексеевич Головачев, Давид Абрамович Драгунский и Павел Михайлович Камозин, прославленный партизан-писатель Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев и многие тысячи других.

К октябрю 1943 г. вся территория Брянщины была освобождена от оккупантов, и ее население стало возвращаться к повседневной мирной жизни. Конечно, нельзя было назвать эту жизнь мирной в полном смысле слова. Продолжалась война, и многие тысячи брянцев оставались либо в действующей армии, либо продолжали работать на эвакуированных в тыловые районы предприятиях, либо находились в плену и на принудительных работах в Германии, а кто-то - и в советских лагерях. Страна продолжала жить по законам сурового военного времени. Приходилось, в первую очередь, заниматься не восстановлением разрушенного жилья и разоренной социально-культурной сферы, а восстановлением производства, мобилизацией трудовых ресурсов края для поставок на фронт боевого снаряжения и продуктов питания.

Ко времени образования Брянской области ее территория представляла собой печальное зрелище. Разбитые коробки каменных зданий и заводских корпусов, пепелища на месте многих деревянных строений, бурьян на улицах населенных пунктов (иногда - обезлюдевших), землянки как основное жилье для очень многих, зараставшие кустарником и мелколесьем пахотные и луговые угодья, тысячи калек и детей сирот - все эти и другие трагические последствия войны стали заметными составляющими повседневного положения резко сократившегося населения Брянской области. Но не они определяли основное содержание жизни. Главным стала работа - тяжелая, ручная, часто сверхурочная после напряженной трудовой смены, но самоотверженная работа по восстановлению производства, школ, больниц, учреждений культуры, жилого фонда.

Жизнь была полуголодной, с острой нехваткой топлива, одежды, обуви и других самых необходимых вещей, но зато — без бомбежек и артобстрелов, без произвола оккупационных войск и властей, и уже поэтому - счастливая, с. ожиданием перемен к лучшему и светлых перспектив.

Пока продолжалась война, главную тяжесть тылового труда пришлось нести женщинам, подросткам, ветеранам, сохранившим частичную трудоспособность инвалидам войны — достаточно вспомнить картину «Русское поле. Лихолетье» и некоторые другие полотна наших земляков, народных художников СССР братьев СП. и А.П. Ткачевых. Их трудовой подвиг заслуживает не меньшего уважения, чем ратные подвиги воинов и партизан.

Послевоенное развитие Брянской области определялось теми партийно-государственными решениями по политическим, социально-экономическим, идеологическим, культурным вопросам, которые были связаны с руководящим влиянием таких лидеров, как И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев. Однако брянцы, причастные к делам всей страны, в первую очередь были заняты развитием экономики и социально-культурной сферы собственной области и достигли в этом немалых успехов, особенно в выпуске новых промышленных изделий и в создании целого ряда современных производств, большей частью ориентированных на выполнение оборонных заказов.

Общий перечень достижений в 1950-1980-е гг. занял бы очень много времени. Желающие получить достаточно полную информацию о развитии области могут обратиться к изданной в 2003 г. под моей редакцией коллективной монографии «История Брянского края. ХХ век», которая, на наш взгляд, содержит немало разнообразного материала для взвешенных и объективных оценок пройденного областью исторического пути.

Развитие Брянщины во второй половине 1980-х - 1990-е гг., во времена М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, - далеко не лучшая страница в истории области, как и всей страны. Дополнительное крыло беды легло на значительную часть нашей территории в связи с катастрофой на Чернобыльской АЭС. Поэтому при оценке современного положения области впору не столько использовать юбилейно-умиротворенный тон, сколько говорить о большом числе трудных проблем, которые стоят перед нашими людьми. Вообще долг учителей истории - не столько прославлять достигнутое (хотя брянцам есть, чем гордиться и что прославлять), сколько объективно, без лакировки и очернительства изучать на основании как можно большего количества фактов весь трудный исторический путь нашей великой Родины - России и нашей малой родины - Брянщины. Дай Бог вам всем успехов в этом нелегком деле, необходимом для полноценного патриотического и гражданского воспитания молодого поколения.

/ Брянской области - 60 лет : материалы научно-практической конференции. - Брянск, 2004. – С. 17-27.

Брянская губерния

БРЯНСКАЯ ГУБЕРНИЯ, адм.- терр. единица на юго-западе РСФСР. Образована 1.4.1920 из Брянского (с 1921 Бежицкого), Карачевского, Севского и Трубчевского уездов *Орловской губернии* и Жиздринского у. *Калужской губернии* (органы власти этих уездов были подчинены Брянскому исполкому ещё в июле 1919). Центр - г. Брянск. Пл. 31,7 тыс. км² (1920), 40,9 тыс. км² (1927). Нас. 983 тыс. чел. (1920), св. 1,9 млн. чел. (1926). Предпосылками создания Б. г. стали территориально-природная близость, тесные транспортно-экономич. связи вошедших в её состав территорий, наличие крупных пром. предприятий и значит, числа рабочих. В 1923 в состав Б. г. вошёл Почепский у. (в 1924 в него включена территория Трубчевского у.), в дек. 1926 - Клинцовский, Новозыбковский и Стародубский уезды *Гомельской губернии*. Постановлением Президиума ВЦИК от 14.1.1929 Б. г. упразднена, а её территория включена в *Западную область*.

/ Большая Российская энциклопедия. Т.4. - М. : Большая Российская энциклопедия, $2006. - C.\ 274.$

Административно-территориальные, генеалогические и историко-культурные связи Брянской, Орловской, Курской и Белгородской областей

Брянская, Орловская, Курская и Белгородская области, представляющие собой юго-

западную часть Центральной России, - не просто соседи, а регионы, имеющие много общих черт в своей исторической судьбе.

Находясь в лесостепной зоне или непосредственно примыкая к ней, эти земли в течение нескольких столетий испытывали на себе набеги степняков: половцев, татаро-монголов опустошивших значительную часть их территорий, а затем грабителей из Крымского ханства. После вхождения в начале XVI века в состав Московского государства эти земли стали объектом неоднократных вторжения польско-литовских войск.

Еще одной исторической особенностью этих областей (в меньшей степени - Орловской) было и остается их близкое соседство с Украиной (а Брянской области - и с Белоруссией), что определило особый характер их демографических, экономических, культурных и других связей.

Наши области полностью никогда не составляли крупной территориальной общности, но многократно отдельные части их земель оказывались относящимися к одним и тем же административно-территориальным образованиям. В 1185 г. князь Всеволод Святославович («Буйтур Всеволод», воспетый в «Слове о полку Игореве») владел одновременно Курском и Трубчевском. В составе Карачевского княжества, образовавшегося в середине XIII в., находились Волхов, Кромы и другие территории современной Орловской области (не исключено, что и часть курских земель).

Брянский уезд конца XV - первой половины XVI вв. включал и часть орловских селений: одним из волостных центров уезда было село Волконск (сейчас - в Дмитровском районе). Карачевский уезд XVI-XVII вв. и более позднего времени был значительно больше современного района и включал много орловских территорий: Сомово, Шаблыкино, Хотынец и т. д.

Образованная во второй половине XVI в. на территории Брянского уезда Комарицкая дворцовая волость (с 1627 г. она вошла в Севский уезд) занимала не только юго-восток современной Брянщины, но и значительные территории юго-запада Орловской области (большую часть Дмитровск - Орловского района) и северо-запада Курской области (близ современных Железногорска, Дмитриева-Льговского, Хомутовки). В 1665 г. на юго-западных рубежах Московского государства был образован Севский разряд - крупный военно-административный округ, призванный охранять русские границы и от набегов крымских татар, и от нападений Речи Посполитой. Аналогичный округ был в это время со-1Д.-1Н и на южных рубежах - Белгородский разряд, обращенный в первую очередь против Крымского ханства. В состав Севского разряда входили, кроме городов и уездов восточной Брянщины, также Волхов, Кромы, Орел, Рыльск, Путивль с их уездами.

Когда в 1708 г. Россия была разделена на отдельные губернии, территории современных Брянской и Орловской, большей части Курской и Белгородской областей вошли в состав Киевской губернии. В 1728 г. была образована Белгородская губерния, состоявшая из Белгородской, Орловской и Севской провинций. Так образовалась административная единица, включившая основную часть территорий и все центры четырех современных областей. Лишь западная часть Брянской области и восточные территории Курской и Белгородской областной оказались за пределами Белгородской губернии, существовавшей, однако, не очень долго.

В 1778 г. северная часть губернии была выделена в отдельное Ормовское наместничество, а оставшаяся территория составила Курское наместничество (позже наместничества стали вновь называться губерниями). Новые административные границы привели к установлению более тесных связей между Орловской и Брянской, Курской и Белгородской землями, что сказывалось не только в XIX - начале XX вв., когда границы губерний не менялись, но и в советское время, когда они перекраивались неоднократно.

Как уже отмечалось, территория четырех областей была важным оборонительным районом на юго-западных и южных рубежах Русского государства. Поэтому практически все города являлись здесь в XVI-XVII вв., в первую очередь, крепостями, а основную часть их жителей составляли служилые люди. В XVIII в. большинство стрельцов, пушкарей, городовых казаков и других «служилых людей по прибору» пополнили ряды мещан и купцов или оказались в числе однодворцев, а «служилые люди по отечеству» составили основную часть местного дворянства. Большинство этих старинных дворян были мелкими и средними помещиками, не отличавшимися особым достатком, но сумевшими выдвинуть из своей среды немало видных деятелей общественного движения, передовой мысли, науки, литературы, искусства, благотворительности.

Далее речь пойдет лишь о некоторых представителях дворянских фамилий, которые не только проявили себя в перечисленных сферах, но чья жизнь (или родственно-генеалогические связи могут служить подтверждением контактов между рассматриваемыми регионами.

Начнем с фамилий и лиц, которые знакомы каждому культурному человеку. Известный поэт Алексей Николаевич Апухтин был связан с Волховом и Орлом и прямого отношения к другим соседним территориям не имел. В то же время среди носителей этой фамилии было немало помещиков Брянского и особенно Карачевского уездов. К примеру, прадед поэта, Евстигней Андреевич, владел имениями и в Волховском, и в Брянском уездах, а братья Евстигнея - Иван и Никита - были помещиками Карачевского уезда.

Среди Киреевских помимо хорошо известных братьев - славянофилов Ивана и Петра, заслуживает упоминания и Николай Васильевич Киреевский, владевший имением в с. Шаблыкино Карачевского уезда (сейчас - районный центр Орловской области) и известный как лучший псовый охотник всей губернии в первой половине XIX в. Особый интерес представляет его книга «40 лет постоянной псовой и ружейной охоты. Из воспоминаний старого охотника», выходившая двумя изданиями в Москве (1861 и 1875 гг.). Книга Н.В. Киреевского содержит много любопытных сведений о жизни помещиков Карачевского и соседских уездов. В них подводится и своеобразный итог охотничьей жизни автора: за 40 лет он застрелил свыше 60 тысяч штук болотной, лесной и полевой дичи, 2 медведей, 29 барсуков, 70 волков, 605 лисиц и 12903 зайца.

Среди знакомых Н.В. Киреевского был Иван Сергеевич Тургенев, который в своих охотничьих походах не раз посещал пределы Брянщины: Карачевский, Севский и Трубчевский уезды. Бывал в Шаблыкино, любовался великолепным парком, охотился с Н.В. Киреевским и Лев Николаевич Толстой, который очень высоко отозвался о хозяине имения и том «охотничьем» и «стариковском» мире, который его окружал: «Что это за прелесть - он сам и весь этот мир, который уже перешел в предания, а там действительность».

В связи с упоминанием Л.Н. Толстого уместно сообщить об одном малоизвестном факте, связанным с его родословной. В конце XVIII -начале XIX вв. одним из крупных владельцев земель на территории бывшего Глодневского стана Камарицкой волости (сейчас в Брасовском районе Брянской области и Дмитровском районе Орловской области) был князь Николай Сергеевич Волконский (1753-1821 гг.). В с. Глоднево находился и господский дом владельца. Его дочь, княжна Мария Николаевна Волконская, выйдя замуж за графа Николая Ивановича Толстого, стала матерью великого писателя, родовые корни которого с материнской стороны располагались, таким образом, в брянско-орловском приграничье.

Наиболее известным среди Тютчевых является замечательный поэт Федор Иванович; любители истории знают также декабриста Алексея Ивановича. Хотя они были почти сверстниками и родились в соседских селах Овстуг и Кабаличи Брянского уезда, принадлежали они к разным ветвям рода Тютчевых. В родственном окружении Ф.И. Тютчева есть некоторые любопытные личности. В их числе - дядя поэта, Дмитрий Николаевич Тютчев, «известный в деяниях своих всей губернии Орловской, а еще более Курской» в качестве «человека, приобыкшего делать людям обиды (главное имение его, с. Ажово, находилось на границе двух губерний). Этот задиристый нравом помещик, может быть, и не заслуживал бы упоминания, если бы не два обстоятельства. В 1812 г. Д.Н. Тютчев, подполковник в отставке, проявив истинный патриотизм, за свои средства обмундировал и вооружил 50 человек государственных крестьян и, возглавив этот конный отряд, нес кордонную службу на границе Рославльского и Брянского уездов, пока не отпала опасность французского вторжения. Во-вторых, Д.Н.Тютчев не был чужд поэзии - одна из его од напечатана в «Трудах Орловской ученой архивной комиссии за 1894 год». Дочь Д.Н. Тютчева, Пелагея Дмитриевна, была замужем за полковником Карлом Еремеевичем Лизандером, который в 1840-е г. явился дмитровск-орловским уездным предводителем дворянства. Полмученная им в приданое за женой д. Журиничи Брянского уезда после смерти К.Е. Лизандера перешла к детям, среди которых следует выделить Дмитрия Карловича, знакомого А.А. Фета по Московскому университету и также активно занимавшегося поэзией. Д.К.Лизандер (1818-1894) издал три сборника своих стихов (в 1845,1859 и 1892 гг.), 111зывы о которых были чаще критическими, чем сочувственными, хотя поэтического дара он не был лишен. Не случайно такой строгий ценитель стихов, как А.А. Блок, выделяя наиболее примечательные стихи русских поэтов первой половины XIX в., включил в их число одно стихотворение Д.К. Лизандера.

Одной из старинных дворянских фамилий Брянского уезда были Бахтины. Остановим внимание лишь на двух из них. Иван Иванович Бахтин (1754-1818), родом из с. Страшевичи, в 1770-1780-е гг. довольно активно занимался литературным творчеством: писал сатиры, басни, эпиграммы, принимал деятельное участие в создании первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». Как человек «неукоризненной честности», не раз выполнял поручения Александра I о расследовании злоупотреблений помещиков и чиновников. В 1803-1814

гг. был губернатором Слободской Украины, где заслужил уважение своей порядочностью, активным участием в открытии Харьковского университета. Дружески общался с его преподавателями, отзывавшимися о И.И. Бахтине, как о человеке «добрейшем», «замечательно светлого ума», обширной начитанности, хотя и не лишенном некоторых слабостей (по выходе И.И.Бахтина в отставку харьковские дворяне по подписке собрали 40 тыс. рублей, чтобы оплатить карточные долги бывшего губернатора). Незадолго до кончины успел издать итоговый сборник стихов, драму «Ревнивый» и прозаическую книгу «Вдохновенные пути».

Михаил Петрович Бахтин (1763-1838) после выхода в отставку в звании полковника вернулся в свое родовое имение в с. Барышье, значительно благоустроил его, построил здесь каменную церковь, а в 1835 г. выразил готовность пожертвовать всеми благоприобретенными имениями для открытия в губернском городе Орле кадетского корпуса для подготовки офицеров русской армии. Николай I высоко оценил благотворительность М.П. Бахтина, произведя его в генерал-майоры, наградив орденом Владимира 2-ой степени и присвоив создаваемому в Орле кадетскому корпусу имя генерал-майора М.П.Бахтина. В конечном счете М.П.Бахтин пожертвовал на устройство и содержание кадетского корпуса все имеющиеся у него средства (1,6 млн. руб. ассигнациями), а также своих крестьян (5400 душ), которые продавались казне и переводились в разряд государственных. Это было одно из самых крупных частных пожертвований в дореволюционной России.

Из дворянских семей, но более позднего происхождения вышли некоторые заметные деятели общественной и литературной жизни 1860-1880-х гг.: Николай Александрович Вормс (1845-1870), родившийся в Севске, учившийся в Орловской гимназии, печатавший свои стихи, заметки, очерки в московских и петербургских журналах, умерший в эмиграции, где он успел опубликовать в «Колоколе» большой очерк «Белый террор», посвященный Д. Каракозову; Иван Петрович Белоконский (1855-1931), сын новозыбковского врача, активный участник народнического движения, после возвращения из сибирской ссылки, живший и работавший в Орле и Курске, занимаясь в основном земской статистикой и журналистикой, автор многих рассказов, статей, очерков, мемуаров; Евтихий Павлович Карпов (1854-1926), уроженец Карачева, окончил Орловскую гимназию, был активным участником «хождения в народ», после арестов, тюрем и ссылок жил в 1885-1886 гг. в Орле, сотрудничал в газете «Орловский вестник»; основную известность получил как драматург (написал около 20 пьес) и театральный деятель (был одно время главным режиссером Александрийского театра); являлся также автором ряда повестей, очерков, воспоминаний.

Большую роль в развитии духовной и общественной мысли, науки и литературы сыграли также многие выходцы из духовенства. Для большинства из них ворота в мир знаний были открыты в годы учебы в духовной семинарии, основанной в 1778 г. в Севске, переведенной в 1827 г. в Орел и продолжавшей работать дальше уже в губернском городе.

Некоторые из выпускников семинарии не пожелали связать свою жизнь с церковью, но успешно проявили себя в других сферах. Вот лишь отдельные примеры. Гавриил Петрович Успенский(1765-1820) и Иван Дмитриевич Книгин (1773-1830) были профессорами Харьковского университета: первый - истории, географии и статистики (главный труд - «Опыт исторического повествования о древностях русских»), второй - преподавал анатомию и физиологию, был долгие годы деканом медицинского факультета.

Семен Егорович Раич (1792-1855) был из многодетной семьи священника Амфитеатрова из с. Высокое Кромского уезда. После окончания Севской семинарии занимался педагогической, общественной, журналистской и литературной работой. В 1820-1821 гг. входил в тайный декабристский «Союз благоденствия», но затем от политической деятельности отошел. В 1822-1825 гг. возглавлял кружок молодых литераторов. Был первым учителем и наставником Федора Тютчева, способствовал формированию его литературных интересов.

Степан Михайлович Семенов (1789-1852) после окончания в 1810 г. Севской семинарии продолжил учебу в Московском университете, получил звание магистра этико-политических наук. Был одним из основателей «Союза благоденствия», его секретарем и членом Коренного совета. В то же время привлекался правительством Александра I к Рассмотрению дел о злоупотреблениях. В частности, С.М. Семенов расследовал дело о тяжелых условиях труда, массовых наказаниях крестьян и мастеровых на суконной фабрике в с. Прилепы Дмитриевского уезда Курской губернии и различных злоупотреблений владелицы имения и фабрики генеральши О.К. Брискорн, вскрыв многие вопиющие фак-1ы. Во время следствия по делу декабристов проявил большую твердость, почему более полумесяца содержался на хлебе и воде, закованным в кандалы. Умер в Сибири.

С Севской семинарией был связан и целый ряд крупных религиозных деятелей. Это, в первую очередь, Филарет (Федор Егорович Амфитеатров) (1779-1857), старший брат СЕ. Раича, уроженец Кромского уезда. Окончив учебу в Севской семинарии, он был оставлен в мой преподавателем, затем стал ректором одновременно в 1802-1804 гг. являлся настоятелем Свенского монастыря под Брянском. Позже был ректором Московской духовной академии, возглавлял ряд епархий, а последние 20 лет жизни был митрополитом Киевским. Являясь одним ми наиболее уважаемых деятелей православия, Филарет еще при жизни почитался многими как «человек праведный и святой». Недавно канонизирован Русской православной церковью.

Широкую известность в XIX в. как один из наиболее блестящих религиозных писателей и проповедников получил Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов, 1800-1857), сын священника из г. Ельца, лучший выпускник Севской семинарии, а затем - Киевской духовной академии (позже был ее ректором). Возглавлял ряд епархий, был избран действительным членом Российской Академии.

Последним ректором семинарии в Севске, при ком она переводилась в Орел, был Гавриил (Василий Николаевич Воскресенский, 1795-I868), позже получивший известность как первый историк русской философии (его «История философии» была издана 1839-1840 гг. в Казани, где автор был профессором местного университета).

В Брянской земле находятся родовые корни замечательного русского писателя Николая Семеновича Лескова. Его дед, прадед и другие предки были священнослужителями в с. Лески Карачевского уезда, отец «кончил Севскую семинарию, но не захотел продолжать церковную службу и уехал в Орел, где и устроился мелким чиновником.

Здесь же на Брянщине родовые корни замечательного русского писателя XX в. Михаила Афанасьевича Булгакова. Его дед с отцовской стороны был священником с. Байтичи Брянского уезда; дед с материнской стороны, Михаил Васильевич Покровский, родом из с. Глоднево Дмитровского уезда, в течение 40 лет был священником в Карачеве, оставив у горожан добрую память. Отец писателя, Афанасий Иванович, был выпускником Орловской семинарии, а затем доцентом Киевской духовной академии; мать, Варвара Михайловна Покровская, окончила; гимназию в Орле и до замужества работала преподавательницей в Брянской и Карачевской женских прогимназиях. Венчание новобрачных проходило в Карачеве, вел службу М.В. Покровский.

Сын священника из с. Авчухи Дмитровского уезда, Алексей Николаевич Косминский обучался сначала в Севске, затем в Орловской семинарии, позже закончил Варшавский университет, где был оставлен для подготовки к профессорской должности (его диссертация «Первый Ахейский союз» была опубликована в Варшаве), но семейные обстоятельства не дали ему возможности заняться наукой. Нереализованный потенциал отца полностью раскрылся у его сына, Евгения Алексеевича Косминского (1886-1959), ставшего крупнейшим специалистом по истории средневековья, академиком.

Выходцами из семей священнослужителей были: Раиса Витальевна Радонежская (конец 1850-х - 1884) из с. Радутино Трубчевского уезда, обучалась в гимназии в Орле и сотрудничала в газете «Орловский вестник», печатая в ней очерки из народной жизни; ее произведения появлялись и на страницах столичных журналов, но главным делом ее жизни была работа в народной сельской школе, лишившись которой, она покончила с собой.

Даниил Осипович Святский, сын севского священника, обучавшийся в Орловской семинарии, причастный к революционному движению начала XX века, но более известный как ученый - астроном и краевед (издал, в частности, книгу о Севске, Дмитровске и Комарицкой волости); в 1920-х гг. был одним из организаторов и руководителей русского краеведения, затем - репрессирован и умер в ссылке.

Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить, но и приведенные позволяют говорить, что в жизни наших четырех регионов было много самых разнообразных связей, включая сферу культуры в широком смысле этого слова.

/ Культурный и научный потенциал региона: общее прошлое, общее будущее : материалы межрегиональной научно-практической конференции. - Орел, 2002. - С. 16-22.

Брянский край во времена Дмитрия Донского

8 сентября 1980 года исполнится 600 лет со дня одного из крупнейших героических событий

в истории русского народа — Куликовской битвы.

Далеко от брянской земли, на берегах реки Непрядвы, в верховьях Дона, лежит знаменитое ныне Куликово поле, где шесть столетий назад русские войска, руководимые Московским князем Дмитрием Ивановичем, наголову разгромили огромное золотоордынское войско во главе с Мамаем, тем самым решающий шаг по пути освобождения Руси от татаро-монгольского ига.

Исторические обстоятельства XIV века многими Нитями связали Брянский край и с Кулаковым полем, и с Москвой.

Крайняя скудость письменных источников по истории Брянского края XIV века не позволяет восстановить подробно ход основных событий того времени на брянской земле, но некоторые ведущие направления исторического развития все же можно проследить.

Во-первых, Брянский край в XIV веке являлся ареной острого политического и военного соперничества. З первой половине века оно шло между различными удельными князьями, частью — потомками первого брянского князя Романа Михайловича и первого Карачевского князя Мстислава: Михайловича, сыновей погибшего в Золотой Орде в 1246 году великого Черниговского князя Михаила Всеволодовича, а в основном — между потомками умершего в 1277 году Смоленского князя Глеба Ростиславича, которые очень настойчиво и небезуспешно стремилась закрепить за собой Брянск. В этой борьбе князья сами неоднократно вступали в кровопролитные усобицы, не брезгуя в этих случаях обращаться за помощью к татарам.

Вторым моментом, определяющим политическую неустойчивость на Брянщине в первой половине XIV века, была активная классовая борьба между рядовыми жителями Брянска и феодальной верхушкой. В отдельные периоды она приобретала особо острый характер. Так было в апреле 1310 года, когда во время очередной княжеской усобицы к Брянску подошел с татарским войском князь Василий Александрович и «бысть мятеж велий во граде во Брянске». Понадеявшись на храбрость дружины и многочисленное брянское воинство, брянский князь Святослав Глебович выступил из города «ратью великою», но во время битвы «брянцы... выдаша князя Святослава... крамольницы суще, и стяпометаща, и сами побегоша». Измена брянцев привела князя Святослава и го дружинников к гибели.

Так было в декабре 1340 г., когда «злые крамольницы» брянцы, сойдясь вечем, убили князя Глеба Святославича, которого не спасли ни попытка укрыться в Никольской церкви, ни заступничество митрополита.

Так было, наконец, в 1365 году, когда в Брянске, по словам летописца, был «мятеж от лихих людей, и замятня велия, и опустение града». Вскоре после этого Брянск попал под власть великого Литовского князя Ольгерда.

По-видимому, «опустение града» означало не только отлив некоторой части трудового населения Брянска, но и отъезд отсюда многих феодалов. Учитывая, что в 50-60 годы XIV в. все более определенно центром притяжения русских земель становится Москва, не следует удивляться, что именно с ней оказались связаны в дальнейшем и некоторые брянские князья, и многие брянские бояре. Во второй половине XIV в. соперничество за преобладающее влияние на брянской земле велось в основном между Литвой и Московским княжеством. Литовские князья стремились, опираясь на Брянск, распространить свое влияние на соседние земли: Смоленск, приокские княжества и другие территории. Московские князья пытались всячески противодействовать этому процессу, Во время княжения Ольгерда Литве удалось добиться определенных успехов. В 1359 году под власть Ольгерда перешел г. Мстиславль. В состав образованного Мстиславльского княжества (первым князем здесь был сын Ольгерда Коригайло, а затем — Семен-Лугвений Ольгердозич) вошли и некоторые территории современной Брянской области: города Мглин, Дроков, Попова Гора с их волостями. В конце 60 — начале 70-х гг. XIV в. Под власть Ольгерда перешла основная часть Чернигово-Северской земли, включая города Чернигов, Новгород-Северский, Стародуб, Трубчевск. Здесь было образовано несколько удельных княжеств, возглавляемых князьями из правящей в Литве династии Гедиминовичей. В Новгороде-Северском начал княжить сын Ольгерда Дмитрий Корибут, в Стародубе - племянник Ольгерда Патрикей Наримунтович, а с 1380-х гг. - сын последнего Александр Патрикеевич. Что касается Трубчевска, то князем Трубчевским и одновременно Брянским стал Дмитрий Ольгердович. Заметим попутно, что Карачевское княжество попало под власть Литвы в начале XV в.

Тем временем молодой Московский князь Дмитрий Иванович все более определенно проявлял политическую и военную активность с целью приостановить захваты русских земель Ольгердом. В 1370 году он послал московское войско на Брянск, но поход, по-видимому, не имел большого успеха. В 1375 году князь Дмитрий Иванович во главе объединенного войска многих

союзных Москве князей предпринял поход на Тверь, чьи князья в это время искали союза с Литвой. Интересно, что среди участников похода был и Брянский князь Ромам Михайлович.

Поход Дмитрия Ивановича на Тверь окончился в целом успешно для Москвы.

В конце 1379 года большое войско Дмитрия Ивановича, руководимое его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским, князем Андреем Ольгердовичем Полоцким (перешедшим на службу к московскому князю в 1377 г.) и воеводой князем Дмитрием Михайловичем Волынским (Боброком) дошло до Брянска., Трубчевска и Стародуба и заняло два последних города, а также «многы... волости и села». Князь Дмитрий Ольгердович Брянский и Трубчевский не оказал сопротивления московскому войску, а добровольно вышел из Трубчевска с семьей, боярами и дружиной и перешел на сторону московского князя. Однако Москва еще не имела достаточных сил, чтобы удержать занятые земли за собой, и московское войско, захватив богатую военную добычу, «взратишася во свояси со многою корыстью».

Князь Дмитрий Ольгердович Брянский был принят в Москве Дмитрием Ивановичем «с честью великого и многою любовью» и получил в свое владение город Переяславль-Залесский с округой. Таким образом, в 1379 году еще значительное количество брянских, трубчевских бояр, дружинников, а возможно, и рядовых жителей Брянщины вместе с князем Дмитрием Ольгердовичем оказалось на московской земле,

В конце лета 1380 года золотоордынский правитель Мамай, опасаясь дальнейшего усиления Московского княжества, собрал огромное войско и двинулся к границам северо-восточных русских земель. Здесь, в верховьях Дона, на Куликовом поле, произошла 8 сентября битва, имевшая громадное значение для судеб русского народа. Поскольку ход битвы наверняка хорошо известен читателям, отметим только крайнюю степень ожесточения сражающихся словами летописца: «И бысть сеча велика и брань крепка..., яко не бывала от начала бо князем русским, и прольяся кровь, яко дождевная туча, и паде множестово трупу обоих».

Все летописные известия и литературные памятники, посвященные Куликовской битве, отмечают большую роль и решительные действия Брянского князя Дмитрия Ольгеродовича, равно как и его брата Андрея ольгердовича. Возможно, это объясняется политическими мотивами и небячностью ситуации, когда великий князь Литовский Ягайло вел войско в помощь Мамаю, а его братья Дмитрий и Андрей Ольгердовичи участвовали в битве против Мамая. Но бесспорно и то, что решительность, храбрость и личное мужество, проявленные Дмитрием Ольгердовичем во время Куликовской битвы, были реальной основой для возвеличения его заслуг во время сражения.

Отличился в битве и князь Глеб Иванович Брянский, который командовал левым полком русского войска и погиб в сражении. Князь Глеб Иванович Брянский — загадочная фигура русской истории XIV в. Сведение о нем есть только в «Сказании о Мамаевом побоище», что заставляет некоторых историков сомневаться в реальности этого лица. Единственным летописным известием о нем является содержащееся в Никоновской летописи упоминание о том, что на смотре русского войска в Коломне перед движением его к Куликову полю князь Дмитрий Иванович «левую руку уряди князя Глеба Бряньского». Как видно, известия двух источников совпадают, и считать такое совпадение случайностью нет оснований. Выскажем некоторые предположительные соображения по поводу Глеба Ивановича Брянского. Вероятней всего, он был представителем смоленских князей, потомков Глеба Ростаславича (пожалуй, только среди членов этой династии имя Глеб было широко распространено). Его отцом, видимо, был Смоленский князь Иван Александрович, упоминаемый в летописях под 1334 годом, который считался также отцом последнего известного по летописям русского Брянского князя Василия, умершего в 1356 году. Вполне возможно, что после смерти Василия Глеб Иванович какое-то короткое время княжил в Брянске до его захвата Ольгердом.

Еще одним брянским князем, отличившимся в Куликовской битве, был уже упоминавшийся раньше Роман Михайлович (младший), названный в одном из списков Новгородской летописи вместе с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и воеводой Дмитрием Волынским как третий воевода, засадного полка, внезапный удар которого во многом решил исход сражения в пользу русского войска. Факт участия Романа Михайловича Брянского в Куликовской битве не был ранее-замечен краеведами, хотя он, бесспорно, заслуживает самого пристального внимания.

Налицо явный исторический феномен: хотя Брянск был в составе враждебного Москве Великого Литовского княжества, союзника Мамая, три брянских князя, представители трех соперничавших за Брянск династий, на Куликовом поле оказались не соперниками, а боевыми соратниками в борьбе против татаро-монгольского нашествия. Впрочем, мало сказать

«соратниками»: Дмитрий Ольгердович, Глеб Иванович и Роман Михайлович брянские были среди главных вождей русского воинства, внесших особенно большой вклад в победу над врагом.

Если иметь в виду, что с князьями должны были, сражаться вместе их бояре, дружинники и слуги, то вполне определенно можно исчислять брянцев участвовавших в Куликовской битве, не единицами, а сотнями. Следует к тому же учесть, что на Куликовом поле могли оказаться и те уроженцы брянской земли, кто покинул ее раньше, особенно в период «замятни» середины XIV в, и в годы захвата Среднего Подесенья Ольгердом. Имена некоторых из них сохранились в исторических документах.

Во-первых, это знаменитый Александр Пересвет, бывший брянский боярин, затем монах Троице-Сергиева монастыря из Москвы. Летописи указывают, что был «сей удалец и богатырь славен зело и смышлен к воинственному делу». Не случайно именно Пересвет первым сразился на Куликовом поле с татарским богатырем Темир-Мурзой (Челубеем), убил его ударом своего копья, но и сам пал замертво.

Другим героем Куликовской битв был брат Пересвета Роман Ослябя, также сменивший монашескую рясу на воинские доспехи и участвовавший в Куликовской битве вместе с сыном Яковом, погибшим на поле боя.

Брянским боярином называется в отдельных источниках и Софоний Рязанец, которого исследовании считают или автором «Задоищины» или автором предшествовавшей «Зядонщине» и «Повести о Мамаево побоище» другой повести, позднее использованной другими авторами. Бесспорно одно — написать подобное произведение, прославляющее подвиг русского народа на Куликовом поле, мог только очевидец, еще скорее — участник этого события. Прозвище Рязанец не должно смущать читателей — брянский боярин Софоний вполне мог уехать из Брянска сначала в Рязань (историчские связи брянского и рязанских княжеств легко проследить) и прожить там довольно длительное время. В дальнейшем, вероятно, Софьий оказался в Москве, где и получал свое прозвище по месту прежнего проживания.

Можно, наконец, с большой долей вероятности отнести к нашим землякам и Захария Тютчева, посланного Князем Дмитрием Ивановичем с дарами навстречу Мамаю, а по существу имевшим целью - разведать силы и планы противника. Захарий Тютчев успешно справился с этим опасным поручением. Учитывая, что в документах XVI—XVII вв. фамилия служилых людей Тютчевых неоднократно упоминается в числе землевладельцев именно Брянского уезда, есть основание утверждать, что и Захарий Тютчев выходец из Брянского края.

Подытоживая все эти факты, правомерно сделать следующий вывод — Брянский край взрастил многих героев Куликовской битвы.

Что касается соперничества из-за Брянского края между Литвой и Московским княжеством, то оно продолжалось вплоть до 1500 г., когда Брянский край воссоединился с Московским государством, но отклики этого соперничества можно найти и в событиях XVI—XVII вв.

/ Блокнот агитатора (Брянск). - 1980. - № 16. -С. 21-24.

«Путешественные записки» как источник по изучению истории Брянского края XVII - начала XIX вв.

Брянский край, длительное время находившийся на стыке разных племен и народов, на важных транспортных и торговых путях, бывший неоднократно ареной военно-политической борьбы между соседними государствами, видел множество самых разных гостей: званых и незваных, добрых и враждебно настроенных, важных особ и безвестных лиц. Некоторые из тех, кто останавливался здесь на какое-то время и проезжал через территорию Брянщины, пытались зафиксировать свои впечатления от посещенных мест. Жанр «хожений» был достаточно популярен еще в средние зека, но авторы «хожений» в Царьград, к ближневосточным «святым местам» или в другие страны, были, как правило, очень кратки при описании своего пути по русским землям. Так что раньше других дали описание своего пребывания на Брянщине иностранцы.

Первым из них можно было бы назвать французского офицера-наемника Жака Маржерета, не только бывавшего здесь в начале XVII в., но и активно участвовавшего во многих событиях «смуты», в частности, отличившегося в известной битве при селе Добрыничи в январе 1605 г., командуя одним из отрядов московского войска. Неоднократно издававшиеся на русском языке «Записки» Ж. Маржерета содержат немало интересных сведений, в том числе - и о событиях на Брянщине, но по своему характеру они не относятся к «путешественным запискам».

Ближе к этому жанру сочинение другого французского наемника, Антуана Грамона, - «Из истории московского похода Яна Казимира». Эта небольшая работа, изданная единственный раз в 1929 г. в Юрьеве (современном Тарту) и не очень известная даже специалистам-историкам, излагает авторскую точку зрения на события начала 1664 г. в их хронологической последовательности и с соответственной сменой мест, где они происходили. Фактически крупномасштабный поход короля Речи Посполитой Яна Казимира на Лвобережную Украину и западнорусские земли с участием польских, литовских, крымско-татарских войск, а также украинских казаков, признавших власть Речи Посполитой, оказался для автора названного сочинения, 17-летнего французского аристократа, поступившего на службу в польскую армию, своеобразным военным «путешествием». Боевые действия под Глуховом, Севском, Новгород-Северском, а затем тяжелый отход лесными дорогами в условиях мартовской распутицы мимо не названных автором Стародуба, Мглина. Дрокова к Могилеву — таковы основные вехи этого «путешествия», описанного довольно живо и нередко со многими подробностями. А. Грамон, например, писал, что когда при отступлении войска Я. Казимира были вынуждены бросить весь обоз, «наступил такой сильный голод, что в течение двух дней я видел, как не было хлеба на столе у короля»[1]. Впрочем, каких либо сведений о жизни местного населения в книге А. Грамона нет.

Значительно интереснее в этом отношении "Путетешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским». В нем почти нет сведений о каких-либо важных военных, политических или социальных событиях, но зато здесь при описании пути патриарха Макария в Москву, который проходил через Севск, Карачев и другие места на востоке Брянщины, приводится много любопытных подробностей о природных условиях, городах и некоторых селениях (Захарово, Городище, Чаянка, Сомово) этих мест, хозяйственных занятиях и отдельных чертах быта местных жителей. Павел Алеппский, например, сообщает, что, когда в конце июля 1655 г. Макарий и сопровождающие его лица прибыли в Севск, во время встречи с севским воеводой их угощали хлебами «разных сортов», рыбой свежей и сушеной «всякого рода», огурцами, редиской и большим количеством всевозможных напитков. Интересно описание севской крепости: «Крепость величественна, со чрезвычайно прочными башнями и многочисленными большими пушками, размещенными одна над другой, с широкими и глубокими рвами, скаты которых обложены деревом, с деревянного двойной стеной... Затем нас ввезли во вторую крепость, также со стенами, башнями, рвами, потом в третью, которая еще больше, крепче и неприступнее первых двух; в ней есть потайная дверь, через которую сходят к ... реке черпать воду, ибо крепость стоит на верху высокого холма... За городом есть еще две деревянные стены для задержки конницы»[2]. Это описание довольно точно передает систему оборонительных укреплений Севска: главная крепость - Малый город ("Городок"), расположенные южнее Большой город ("острог") и Окольный город ("оболонь"), известную по материалам московских разрядных документов.

Вообще сообщаемые Павлом Алеппским данные достаточно достоверны. К примеру, он сообщает, что в селе Городище (сейчас - на востоке Брасовского района) имелась церковь Космы и Дамиана, а по церковным документам известно, что в 1699 г. было «велено вместо ветхой Космодемьянской церкви, что в селе Городище ... построить церковь в деревне Овчухах»[3].

Подробны и интересны сведения П. Алеппского о хозяйственных занятиях крестьян Комарицкой волости. Им перечислены основные выращивавшиеся здесь сельскохозяйственные культуры: пшеница озимая и яровая, рожь ("хлеб из нее бывает черный и его любят больше белого"), ячмень, овес, ("он очень изобилен"), горох, просо, гречиха ("плод ее ... идет в начинку взамен риса"), капуста, конопля ("ее много"), лен ("которого очень много, ... он прекрасного качества"). Описывает он и еще одно посевное растение: "посев имеет синий цветок, плод его черное зерно, которое примешивают к пшенице при печении: оно придает хлебу сладкий вкус...; он называется ...по гречески гонгили"[4]. Этим качествам соответствует лишь чернушка посевная (нигелла), которая в средние века выращивалась как пищевое растение. Ее черные зерна использовались для ароматизации булочных изделий, а также при засолке огурцов и квашении капусты. В настоящее время нигелла лишь изредка встречается у цветоводов-любителей.

Перечисляет Павел Алеппский и орудия труда крестьян: соху с двумя колесиками и железным сошником, борону (названия этого нет, но есть описание: "плетеная четырехугольная клетка, на одной стороне которой вставлены длинные деревянные гвозди; она употребляется для уравнивания земли"), серпы, грабли; сообщает о широком применении липовой коры (лыка) для изготовления различных изделий. По его словам, комаричане обычно молотили прошлогодний хлеб, а только что сжатые снопы отвозили на телегах домой, складывали "рядами друг к другу,

составляя нечто вроде изб с горбообразною крышей - при этом колосья бывают обращены внутрь и прикрываются досками, и оставляют в таком виде всю зиму и лето"[5]. Словом, сочинение Павла Алеппского, свидетельствующее о несомненной наблюдательности автора, является одним из ценнейших источников по истории Брянского края XVII в.

В XVIII веке уже не иностранцы, а соотечественники оставили немало "путешественных записок", относящихся частично и к Брянскому краю. Одним из примечательных памятников русской литературно-общественной мысли является "Путешествие во Святую землю" священника Иоанна Лукьянова. Интересна сама личность автора этого произведения. Выходец из калужского купечества, в конце XVII в. он был московским священником, тайно исповедуя старообрядчество и поддерживая связи с брынскими и ветковскими старообрядческими общинами. В 1701 г. подал в Посольский приказ челобитную с просьбой отпустить его на паломничество в Иерусалим (не только по собственному желанию, но и по поручению старообрядческих общин) и в декабре выбыл из Москвы в Калугу, а оттуда через Белев, Волхов, Орел, Кромы доехал до Комарицкой волости и 14 января 1702 г. прибыл в Севск, Передав одному из жителей (его имени И. Лукьянов преднамеренно не называет, а именует "боголюбцем") "грамотку от орлянина Евсевия Басова", паломник встретил от незнакомца самое радушное гостеприимство ("зело нас с любовью принял, и сотвори нам трапезу пространну, и созва своих сродников и приятелей, и возвеселился с нами"). Причина благожелательности севского "боголюбца" не объяснена, но ее нетрудно подразумевать — крепкие связи между старообрядцами разных мест, их надежную взаимопомощь друг другу. Севский "боголюбец" на следующий день сам повел И. Лукьянова к воеводе Л.М. Коровину и позже, по словам автора, "всё нами радел, всякою нуждою пекся, и промышлял, и напутствовал, и на таможне печать пропускную взял, и проводника нам дал дорогу указать"[6]. Возможно, отчасти поэтому у И.Лукьянова осталось от Севска (в отличие от соседних Кромград ... самой убогой") очень благоприятное впечатление: "Град хороший Севьск вельми; ряды и торги хороши; а люди в нем живут всё служивые, мало посадских, и московские есть стрельцы; все люди тертые, зело доброхотны и Приветливы; тут и деньги всякие меняют, чехи и талеры на московские"[7].

Известия И.Лукьянова проливают дополнительный свет на то мало учитываемое историками-краеведами обстоятельство, что Севск на рубеже XVII-XVIII вв. был одним из городов с заметным (хотя и не явным) влиянием старообрядцев. Тайно продолжали исповедовать старую веру и многие высланные из Москвы после мятежа 1682 г. столичные стрельцы, и часть местных служилых и приказных людей, и некоторые крестьяне Комарицкой волости (в 1700 г. слободы Злынку и Тимошкин Перевоз на территории Стародубского полка основывали бывшие комарицкие крестьяне Логин Голубицкий и Сергей Журавкин [8]).

Выехав 17 января из Севска, И.Лукьянов через Глухов, Киев, Галац добрался до Черного моря и на корабле прибыл в Константинополь. Позже на его пути были острова Эгейского моря, Египет, Иерусалим и "святые места" Палестины, были пережиты нападение пиратов, кораблекрушение и прочие невзгоды, но к лету 1703 г. И.Лукьянов вновь сумел прибыть в Киев, однако оттуда отправился не в Москву, а на Ветку, где принял постриг под именем старца Леонтия. Здесь вскоре им и было написано его "Путешествие", или "Хождение", не получившее, впрочем, широкой известности даже среди старообрядцев. Сам же старец Леонтий стал основателем "дьяконовского" течения среди старообрядцев-поповцев, был активным проповедником старообрядчества на Стародубье, в Брынских лесах, Калуге, Волоколамске. Как один из наиболее авторитетных старообрядческих деятелей упомянут в Ветковском летописце.

Во второй половине XVIII в. жанр "путешествий" как бы дробится на несколько направлений в зависимости от тех целей, которые ставили авторы. Некоторые "Путешественные записки" являются результатом специальных научных экспедиций с целью сбора сведений о природе, населении, хозяйстве, городах отдельных территорий (из связанных с Брянским краем наиболее известны "Путешественные записки от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году" В.М.Зуева, изданные в 1787 г.). Другие авторы, напротив, следуя ставшим модными с конца XVIII в. литературно-сентиментальным "путешествиям", главное внимание уделяли не наблюдению жизненных явлений, а собственным "чувствованиям". Оценивая эту ситуацию, Н.М. Карамзин, являвшийся основоположником русского сентиментализма, был вынужден отметить, что "ныне люди путешествуют не для того, чтобы узнать и верно описать другие земли, но чтобы иметь случай поговорить о себе" [9]. В качестве примера такого "литературного путешествия" можно назвать изданное в 1803 г. "Путешествие в Малороссию" плодовитого прозаика и поэта П.И. Шаликова, некоторыми сюжетами имеющее отношение к западной части Брянщины.

Естественно, что "Путешественные записки" В.М.Зуева и "Путешествие в Малороссию" П.И. Шаликова отличаются не только стилистическими особенностями, но и различным уровнем содержательности, насыщенности фактическим материалом. В.М.Зуев, касаясь западных уездов Орловской губернии, достаточно подробно описывает уездные города Карачев, Лугань (недолго существовавший город, вскоре вновь ставший селом), Брянск, Трубчевск, Севск, сообщая о местоположении, примерной площади, количестве домов и церквей, числе и занятиях жителей каждого из них, а также о достопримечательностях (обычно фабриках и монастырях) на территории уездов. Вот, к примеру, описание Карачева: "Небольшой, прежде к Севской провинции принадлежавший город, стоит по обе стороны реки Снежати, впадающей недалеко от города Брянска в Десну; длиною будет, более двух верст, шириною на одну. Строение всё деревянное, по правую сторону реки лучше и больше, числом около тысячи домов. Церквей в нем каменных три, да деревянных девять. Жителей разного звания до 2900 душ: купечество приторговывает разными городскими и скупая из окрестных селений произведениями, кои однако все мелочныя, а мещане пробавляются различными ремеслами, из коих главнейшей есть пряжа веревок и канатов, кои сбываются приезжающим к ним из иных городов купцам. В 8 верстах от города находится суконная фабрика, принадлежащая одному помещику, для которой шерсть доставляется большей частью из здешнего города и уезда, а в 20 верстах другая фабрика стеклянная, принадлежащая одному купцу, кои обе городским торгам немало способствуют... Как видны следы и по ныне... [Карачев раньше] был укреплен рвом и валом, на котором складена была деревянная стена с башнями и палисадниками" [10].

Хотя эти (и подобные по другим городам и уездам) сведения В.М. Зуева не отличались исчерпывающей полнотой, они давали читателям достаточно объективное представление об описываемых местах. Позже, ко второй четверти XIX в., когда были изданы обобщающие работы по географии Российской империи и определенных успехов достигла российская статистика, потребность в книгах, подобных работе В.М. Зуева, сохранилась лишь по отношению к малоизученным окраинным регионам и ко вновь присоединенным территориям.

Что касается названного сочинения П.И. Шаликова, то само по себе "Путешествие в Малороссию" мало информативно. Точнее, содержащаяся здесь информация, как правило, требует расшифровки, и современный читатель (а "Путешествие в Малороссию" недавно переиздано [11]) без дополнительных изысканий вряд ли сможет определить, что принадлежавшее Д.И.Ш. село Буда в Малороссии, где находился восторженно описанный П.И.Шаликовым крепостной театр оперы и балета, - это село Спиридонова Буда (в современном Злынковском районе), которым владел в конце XVIII - начале XIX вв. полковник Дмитрий Иванович Ширай. Нетрудно определить названную автором "Путешествия..." по соседству со Стародубом деревню Пантусову (сейчас - с. Пантусово), а вот узнать фамилию владельца находившегося там имения, восхитившего П.И. Шаликова, некоего "любимца фортуны" Б. - задача для большинства неразрешимая (им был тайный советник, действительный камергер Будлянский). В целом подобные сочинения, утратив популярность у читателей еще в начале XIX в., лишь в некоторой мере могут представлять интерес для краеведов как отражение тех чувств, которые вызывали у современников отдельные "дворянские гнезда".

Значительно больший интерес и у современников, и у позднейших исследователей вызывали и вызывают те "путешественные записки", авторы которых, не ставя перед собой сугубо "научных" или "литературных" целей, просто правдиво отражали свои впечатления по поводу новых увиденных мест, встреч с новыми людьми.

Одно из самых интересных сочинений такого рода - изданная в трех частях книга Отто фон Гуна со скромным названием "Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию в осени 1805 года". Автор ее - врач по специальности, из прибалтийских немцев, бывший в начале XIX в. секретарем известного государственного деятеля и крупного землевладельца графа А.К. Разумовского и сопровождавший его в поездке для осмотра своих имений. Основательность и пунктуальность О. Гуна проявились уже на первых страницах его сочинения в перечислении почтовых станций вплоть до главного пункта поездки - Почепа, с обозначением в верстах расстояний между ними. Вот те из них, которые связаны с территорией Брянщины: Хотынец - 29 - Карачев - 21 - Постоялые дворы - 23 - Брянск - 25 - Козловка - 20 - Красный Рог - 20 –Почеп [12]. Повествование О. Гуна касалось самых разных сторон провинциальной жизни. Он описывал дороги, постоялые дворы, города, селения, заводы, помещичьи усадьбы и многое другое.

В отличие от П.И. Шаликова, проезжавшего почти по тем же местам и почти в то же время и явно идеализировавшего отношения между помещиками и крестьянами (о жизни последних он

вообще почти не писал), О. Гун значительно правдивее показывал жизнь простого народа. Первая его встреча с крестьянами на земле Брянщины произошла на постоялых дворах между Карачевом и Брянском, в простой черной избе, где пришедшие для сбора грибов крестьянские женщины устроили для графа А.К. Разумовского и сопровождающих его лиц импровизированный концерт. Вероятно, О. Гун впервые слышал русское коллективное пение и оно показалось ему "диким", но в целом он этнографически подробно описал все происходившее: "Множество крестьянок ... имели на себе длинные белые рубашки, подпоясаны широким пестрым поясом, за который кладут они свои... платки и прочее. Головной убор состоял в белом полотняном тюрбане, переплетенном красною широкою повязкою так, что длинные лопасти ее висели на спину. Затылок покрывал некоторый род плетенья из разноцветной шерстяной пряжи, смешанной с мелкими кораллами и стеклярусом. Некоторые из них, пощеголеватее прочих, имели и сверх тюрбана - кички нанизанные кораллы и стеклярус. На шеях имели они широкое, из многих стеклянных и бисерных низанок составленное ожерелье, а сверх оного висел еще на длинной медной цепочке медный же крест... Нередко во время пения выходили на середину одна или две, чтобы плясать в кругу своих подруг... Говорят, что они таким образом проплясывают целые ночи, особливо летом, а однако же при всем том ... весь день работают весьма прилежно. Даже сами плясеи пели во время своей пляски, а иногда и присвистывали". По словам О. Гуна, все женщины были круглолицы ("походили на полный месяц"), румяны, "дородны"; "ни прежде сего, ни после не видели мы нигде такой одежды, но больше видели одежду бедную, из рубищ состоящую" [13]. От глаз автора не укрылось, что даже празднично одетые женшины были или в лаптях, или босиком (в сентябре).

При подъезде к краснорогскому имению А.К. Разумовского О. Гун обратил внимание, что находящиеся в разных местах "мукомольные мельницы ... были в самом плохом состоянии", что "с первого взгляда на имение видно, что оно сиротствует" [14] (граф не был здесь около десятка лет). Но особенно тяжелые впечатления вынес О. Гун от посещения Баклани и других имений близ Почепа: "В какой бедности живет здесь крестьянин!.. Кажется, не можно поверить, чтоб в этих хижинах могли жить люди. В одну из них мы входили... Жилище состоит из небольшой, низкой,... жарко натопленной избы, которой одну четвертую часть занимает печь, другую - нары, а остальная часть избы так стеснена двумя лавками и небольшим столом, что с трудом можно пройти одному, чтоб не зацепить другого. Подле печи стояла хозяйка с грудным ребенком на руках, у двери ее муж, а на нарах стояли два недурных мальчика и, выбирая семена из подсолнечника, любимого здесь цвета, ели их. Два мальчика же постарше их, столько же девочек, которые все живут в этом жилище, были тогда в поле" [15]. Несколько позже наблюдения автора становятся еще более горькими: "Чрезвычайное простодушие, означающее прямо рабскую физиономию крестьян, и их совершенно бедную одежду я никогда не позабуду... А крестьянки, Боже мой, какой вид имеют они! Ребятишки же точнехонько убежавшие из лазарета" [16]. Впрочем на обратном пути, подъезжая к Брянску, О. Гун увидел более приятную картину: "Здесь опять мы ... услышали радостное, веселое пение русских. Мне казалось, что они воспевают последний день года, стоя кучами, и немало не заботясь, что шел дождь, и что улица была грязна" [17]. В книге О. Гуна и любознательные читатели, и исследователи найдут интересные описания Почепа, знаменитого своим благоустройством и производственной деятельностью имения Гудовичей в селе Ивайтенки, сведения о ряде других селений (Баклань, Голяшовка, Кистер). Сравнительно подробно описание Брянска: есть известия о литейном пушечном дворе, канатной фабрике, строящихся здесь на Десне судах-байдаках, о торговле его купцов, о наличии на улицах фонарей (которых автор не заметил в других городах); в то же время отмечено, что в городе нет ни доктора, ни аптеки. Упоминается в книге крупнейший в России хрустальный завод Мальцева, его же бутылочный завод и т.д. — словом, О. Гун оставил потомкам насыщенный информацией, интересный и ценный труд.

Значительно меньше известны историкам-краеведам путевые записки государственного и общественного деятеля, известного поэта-сатирика князя И.М. Долгорукова: "Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года" и "Путешествие в Киев в 1817 году". Описанные им путешествия лишь краем проходили через Брянщину по территории современных Севского и Комаричского районов и наиболее интересны своими сведениями о Севске, его людях и достопримечательностях. После встречи в 1810 г. с жившим здесь епископом Орловским и Севским Досифеем И.М. Долгоруков отозвался о нем вполне доброжелательно: "Преосвященный мне показался человеком умным, просвещенным, любит словесность и много читает, обхождение его ничем не разнит от вежливости людей светских; он монах, но монах опрятный, вежливый, благоразумный" [18]. Не жалеет он добрых слов и при описании севского собора ("храм

прекрасный, обширный, сообразный рисункам новейшей архитектуры, вход в него величественен,... нигде нет пестроты, везде виден вкус, разборчивость" [19]) и женского Троицкого монастыря ("женский монастырь ... очень хорош и богат,... храм очень светлый и торжественный вид имеет, тем более, что в нем ... до 6 паникадил хрустальных" [20]). Но в некоторых случаях у князя проявляются иные интонации. Сдержанное неодобрение чувствуется в его высказываниях о местной богатейшей землевладелице княгине Н.П. Голицыной. При описании ночевки на Усожских постоялых дворах И.М.Долгоруков не жалеет уже сатирического яда: "Мы попали в избу черную, и лишь подали огня, то прусаки поползли по стене стадами" и далее: "В Малороссии хаты бедны, низки, часто в рост стоять трудно,... за то чисто, опрятно; ... здесь, напротив, избы сосновые, широкие, теплые, но во всякой чад, нечистота, навоз и вонь злосмрадная от хозяев и домашнего скота" [21].

Подводя итог, можно в конечном счете утверждать, что "путешественные записки" (при всей их пестроте) являются ценным источником для изучения истории края не только из-за своей большей или меньшей насыщенности информацией, но и благодаря неоднозначности суждений их авторов, нередко проявлявших свежий, не трафаретный взгляд на привычные явления жизни.

Примечания

- 1. Грамон А. Из истории московского похода Яна Казимира (1663-1664 гг.). Юрьев, 1929. С. 28.
- 2. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 2. М, 1897. С. 122.
- 3. Материалы по истории церквей Орловской епархии. Севской десятины жилые данные церкви. 7136 (1628)
  - 1746 гг. Вып. 1.-М., 1904. С. 23.
  - 4. Путешествие Антиохийского патриарха Макария... С. 124-125.
  - 5. Там же.-С. 126.
  - 6. Русский архив. Год первый (1863). Изд. 2-е. М., 1866.
  - C. 140.
  - 7. Там же. -С. 141.
  - 8. Поддубный А.И. Злынковская земля сквозь дымку времени. Клинцы, 2000. С. 11-13.
  - 9. Карамзин Н.М. Сочинения. Т. 1. Л., 1984. С. 534.
- 10. Зуев В.М. Путешественные записки от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787. С. 124-125.
- 11. Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма. М., 1990. С. 516-570.
- 12. Гун О. Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию в осени 1805 года. Часть 1. М., 1806. С.4.
  - 13. Там же. -С. 29-31.
  - 14. Там же.-С. 32.
  - 15. Там же. Часть 2. С. 6.
  - 16. Там же.-С. 9.
  - 17. Там же. Часть 3. С. 29.
- 18. Долгоруков И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. М., 1870. С. 323.
  - 19. Там же.
  - 20. Там же. С. 323-324.
  - 21. Долгоруков И.М. Путешествие в Киев в 1817 году. М., 1870.-С. 193-194.

/ Вестник Брянского государственного университета. Вып. 1. – Брянск : Изд-во БГУ, 2003. - С. 11-15.

Крестьянское движение на юго-востоке Брянщины в начале 1797 года.

200 лет назад на территории современных Брасовского, Комаричского, Навлинского и некоторых других районов происходили крестьянские волнения, именуемые обычно восстанием Чернодыра.

Опубликованные материалы об этом движении довольно многочисленны и разнообразны. Есть публикации документов (наиболее значительны их подборки в журнале «Русский Архив» и сборнике «Крестьянское движение в России. 1796—1825 гг.»). Не прошли мимо этого восстания исследователи, писавшие об истории царствования Павла I, о крестьянском движении в России, а также краеведы (имеется, в частности, брошюра Е.С. Пасекунова «Восстание Чернодыра»). Событие оставило след и в художественной литературе: можно назвать «Повесть о Камарницком мужике» А. Н. Новикова, романы А.Н. Глумова «На рубеже» и В.К. Соколова «Емельян Чернодыр».

Именно по последнему роману и по брошюре Е. С. Пасекунова чаще всего и составляют читатели мнение об этом событии — в значительной степени превратное. Если к роману не может быть требований как к историческому сочинению, то брошюра Е. С. Пасекунова не представляет исторической ценности в силу недостаточного профессионализма автора — в ней слишком много ошибок, искажений, передергивания фактов.

Вот почему имеет смысл вернуться к рассмотрению истории яркого и значительного события, называемого восстанием Чернодыра, привлекая при этом не использованные другими исследователями архивные материалы, в частности «Поденную записку» орловского губернатора Воейкова, допросы участников восстания и некоторые другие документы.

Резкое увеличение количества крестьянских волнений в конце 1796 — начале 1797 гг. обычно напрямую связывают с усилением крепостного гнета, но в реальности настроения крестьян далеко не всегда были пропорциональны объему их повинностей в пользу помещиков.

Вот лишь частный пример. Восстание голицынских крестьян началось в слободе Кокоревке, жители которой к концу XVIII века платили оброк по 2 рубля с души. В соседней Тарасовой Гуте, принадлежавшей той же княгине Н.П. Голицыной, оброк был 3 рубля с души, но в восстании крестьяне этого селения не участвовали. Один из самых высоких оброков (10 рублей с души") был установлен генерал-майором И. Е. Сафоновым, которому принадлежали с. Гололобово и д. Сидорова Слобода, смежные с волновавшимися апраксинскими селениями, но в сафоновском имении восстание не зафиксировано.

Если и выделять социально-экономические предпосылки крестьянского движения в апраксинских и голицынских вотчинах, где оно оказалось особенно активным, то следует в первую очередь назвать недовольство крестьян широким привлечением их к работам на помещичьих фабриках и заводах, особенно — винокуренных (ежегодно на заводах С.С. Апраксина выкуривалось свыше 92 тысяч ведер вина, на заводах Голицына — около 98 тысяч ведер; ежедневно работало на этих заводах до 500 человек). Серьезное недовольство вызывал и произвол помещичьей администрации.

Но все же активизация крестьянских выступлений в конце 1796 года связана не с этими обстоятельствами, а с теми переменами, которые проявились в начале правления Павла I.

Привлечение крепостных крестьян к присяге новому императору (ранее это за них делали помещики), отмена очередного рекрутского набора, возможность подавать жалобы на злоупотребления своих господ (за это при Екатерине II жалобщикам грозила каторга) — все это породило у многих крестьян надежду на скорое изменение их положения.

Примерно так развивались события и в апраксинских селениях. Служившие при приемке дров на Холмецком винокуренном заводе, которым владел Апраксин, крестьянин Андрей Миронов сын Кузин допустил какую-то провинность и, опасаясь наказания, прибыл в родную деревню Иванову. Здесь в избе крестьянина Конона Терентьева сына Чернова «перед рождеством дня за два» (т. е. примерно 23 декабря 1796 г.) А. Кузин и домохозяин сообщили ивановским крестьянам Емельяну Федорову сыну Чернодыру (Чернодырову, Чернову), Федору Савельеву сыну Савенкову (Савченкову, Савчонку) и Степану Васильеву сыну Ястребенкову, что во многих Местах «крепостные крестьяне от господ своих отказываются».

Собравшиеся, стремясь избавиться от тяжелых господских работ, договорились направить в Петербург с соответствующей просьбой А. Кузина и К. Чернова, дав им на расходы 35 рублей. Об этом было объявлено всем крестьянам д. Ивановой и с общего согласия «на другой день рождества» (т. е. 26 декабря) А. Кузин и К. Чернов уехали.

Но поездка оказалась неудачной. Добравшись до Новгорода и услышав, что отложившихся от повинности крестьян сурово усмиряют, челобитчики решили вернуться обратно. Тем временем волнения апраксинских крестьян уже набрали силу. Вернувшихся встретили руганью и отправили обратно, дав тем не менее им на расходы еще сто рублей. Вторая поездка А. Кузина и К. Чернова

была еще короче: отъехав верст с 30 и «разсудя, что ехать опасно», путники укрылись в лесу, а после известия о подавлении восстания вскоре явились с повинной.

Как же развивались события в апраксинской вотчине? Узнав о посылке челобитчиков, управитель имения И. Мусорин 5 января 1797 г. направил в д. Иванову нескольких людей для ареста Е. Чернодыра и других инициаторов жалобы, но сделать это не удалось из-за сопротивления крестьян, а также брата Е. Чернодыра Тимофея — находившегося в отпуске солдата Шлиссельбургского пехотного полка.

Получив известие об этом, И. Мусорин уехал в уездный город Севск, а ивановские крестьяне, возглавляемые Е. Чернодыром и Егором Ильиным, на следующий день вместе с крестьянами соседнего села Лубошево, деревень Загрядской, Зеновкиной и Тростной, всего более 100 человек, отправились сначала в с. Аркино, где к ним присоединились местные крестьяне, а затем в д. Сныткино, «в которой тамошние крестьяне, по их объявлению на том согласись, дали знать протчим господина Апраксина крестьянам, чтоб они собрались к ним на сходку».

Были оповещены крестьяне Севского (села Брасово, Кропотово, Крупец, д. Холмечь), Трубчевского (села Салтановка, Глинное, Пролысово, Вздружное, д. Сытенки) и Дмитровского (села Колошичи, Добрик, Телятниково, Гладское, Городище, Девичье, Петрилово, Литовня, Клинское, Дубровка, Алешинка, деревни Осотская, Коробкина, Коростель, Щегловка, Печки, Сконина, Рассошка, Гримовня, Погребы) уездов.

Утром 7 января до двух тысяч крестьян с палками и дубинками сошлись в с. Брасово и отказались «от послушания и работы господской», о чем объявили вотчинному писарю М. Самойлову и заводскому смотрителю К. Добринскому. Восставшие, руководимые Е. Чернодыром, Ф. Савенковым и Ефимом Потаповым из с. Аркино, изъяли из алтаря брасовской церкви господние грамоты, прочие бумаги и сожгли их, сорвали и растоптали ногами портреты покойного фельдмаршала Апраксина и его жены, но в основном не предпринимали насильственных действий. Более того, во избежание грабежей, к господскому дому были выставлены караулы.

Из с. Брасово большинство собравшихся пошли на Локотской хутор, где остановили все работы на винокуренном заводе, а около 50 человек были посланы на хутор Холмецкий также для остановки винокуренного завода. Караулы были установлены и на заводах.

Прибывший на хутор Локоть севский земский исправник Монс не смог, уговорить восставших, чтобы «они были господину своему послушными». Напротив, крестьяне заявили, что пока не вернутся их посланцы с ответом из Петербурга, они решили «все господские работы и винные заводы остановить и от повиновения г. Апраксину отказаться». Единственное, что смог сделать Монс,— захватить «из числа возмутителей» Е. Потапова, «а более никого не дали».

Орловский губернатор А.П. Квашнин-Самарин, получивший об этом известие, направил в Брасово председателя верхнего земского суда А. Казачковского, которому предписывалось вместе с земским исправником и представителями нижнего земского суда «кротким образом» сказать крестьянам прекратить неповиновения и зачитать им соответствующий указ губернского правления.

Прибывшие в Брасово 17 января Казачковский и Монс были встречены крестьянами «с крайней грубостью», и все попытки увещевать их успеха не имели, «поелику крестьяне пребывали и упорном своем буйстве».

18 января в селе собрались до тысячи вооруженных дубинами кольями крестьян, которые «производя шум с угрозами ... хотели разуть и раздеть ... Казачковского и ... грозили земского исправника посадить в цепь и обрить», требуя представить им управителя Мусорина и освободить арестованного Е. Потапова. По существу Казачковский и Монс (а также прибывшие с ними два офицера и позже приехавший заседатель Севского низшего земского суда Шагоров) оказались в положении заложников у восставших и были отпущены лишь тогда, когда дали им письменное обязательство освободить Е. Потапова и написали, «что у них все хорошо».

Попытка Казачковского привлечь к усмирению восставших проходившую через Брасово и остановившуюся в с. Добрик военную команду под начальством капитана Есипова завершилась неудачей. Как сообщил Есипов, до 200 крестьян из деревни Коростель пришли II Добрик с кольями и вместе с добрикскими крестьянами угрожали, что если команда выступит в Брасово, они ее туда не допустят, для чего и выставили кругом караулы.

Не удалось собрать и понятых среди крестьян соседних казенных селений, ибо «все окольные селения, пораженные будучи страхом, дать оных не согласились». Вероятно, дело было не только в страхе, сколько в крестьянской солидарности.

Тем временем пламя крестьянских волнений перебросилось за пределы апраксинских владений. В конце января «отложились от повиновения» 170 крестьян сельца Алексеевка, принадлежавших помещику Бодиско. Здесь также был погашен винокуренный завод. Вскоре к восставшим присоединилось до 500 крестьян села Богородицкое (Алешенка) помещика Хлюстина. В соседних с. Бяково и д. Муравлевка Карачевского уезда крестьяне помещиков Подлиневой и Хлюстина также собирались «учиниться против господ своих ослушанами», но до открытого восстания здесь дело не дошло.

Особенной остротой отличалось выступление крестьян княгини Н.П. Голицыной, начавшееся с середины января 1797 г. Инициатором восстания были Иван Щербак из с. Пигарево и Иван Куркин из с. Дерюгино. И. Щербак, заехавший 16 января в с. Кокоревку, встретился с работавшим там на винокуренном заводе И. Куркиным и сообщил тому, что «все господские крестьяне отписаны на государя» и поэтому «работают они все напрасно».

Договорившись о совместных действиях, И. Щербак уехал в с. Быхово поднимать местных крестьян. И. Куркин и другие мастеровые остановили работы на винокуренном и кожевенном заводах, сожгли находившиеся в домовой кокоревской конторе бумаги, и затем 17 января прибыли в с. Жадино (сейчас с. Новый Луч), где встретились с И.Щербаком и примкнувшими к нему крестьянами. Далее их путь лежал в д. Кокину и в с. Радогощь. «И во время того их проходу из многих сел и деревень собирали и сами приставали к ним крестьяне и число всей толпы ... зделалось человек до тысячи».

Придя в Радогощь, крестьяне сразу же направились к дому Степана Свинцова, который более 20 лет управлял помещичьим имением и был известен своими злоупотреблениями и жестоким обращением с крестьянами («нас довел до крайнего разорения и угнетения», писали о нем крестьяне Павлу I).

Почувствовав недоброе в настроении крестьян, С. Свинцов выражал готовность выполнить их требования, но было уже поздно: «его вытащили из хором на крыльцо, повели в контору, и как дорогою, так и в самой конторе били тирански и убили до смерти». В целом восстание голицынских крестьян отличалось большим ожесточением. Был убит также староста Яков Горбатов, а сотский из с. Бычки Л. Данилов, пытавшийся воспрепятствовать крестьянам «из разных селений» соединиться «с бунтовщиками, был привезен в Радогощь», «весь избитый» и посажен в тюрьму, где вскоре умер.

Были случаи избиения и других крестьян, если те не проявляли желания присоединиться к восставшим.

18 января «все бывшие в Радогощи крестьяне выбрали из себя от каждого села и деревни крестьян, которым бы всякому своим селением управлять и за то отвечать». Затем «все крестьяне выбрали над собою начальниками Ивана Куркина и Ивана Щербака да Ивана же Крюкова, а из них первенствующего Куркина». Приказчику Бычкову было велено «писать к государю просьбу об освобождении всех от крестьянства», и с этим письмом в Петербург были направлены посланцы крестьян, в том числе — сын И. Щербака Григорий.

Всего в голицынском имении в восстании участвовали крестьяне из двух десятков селений Орловского наместничества (в основном — на территории современного Комаричского района), а также из 6 селений Дмитриевского уезда Курского наместничества.

Таким образом, главными центрами восстания стали с. Брасово и с. Радогощь. Руководители восставших, Е. Чернодыр и И. Куркин, трижды встречались друг с другом (в том числе — на крестьянских свадьбах), но договоренности о совместных действиях не было.

Масштабы крестьянского движения (в нем участвовало до 15 тысяч крепостных) встревожили правительство. 22 января в Радогощь прибыл орловский губернатор А. П. Квашнин-Самарин вместе с Ахтырским гусарским полком генерала Линденера. Губернатор попытался уговорить восставших подчиниться, но те объявили, что будут повиноваться только царскому указу. На попытки полка занять здание конторы и винокуренного завода крестьяне ответили градом камней и ружейной стрельбой, застрелив двух из нападавших. «Видя столь твердое в злых их намерениях стояние», губернатор предпочел вернуться в г. Дмитровск. Попытка Линденера вступить с войсками в Брасово и соседнюю д. Сныткино также оказалась безуспешной, так как в Брасово «более 4000 вооруженных бунтующих людей с женами и детьми ... собрались» с намерением выбить войска из селений. Линденер отвел свой полк в с. Глоднево.

Правительство, недовольное нерешительностью действий прежнего губернатора, назначило на его место В.И. Воейкова и дополнительно послало в район восстания Ряжский пехотный полк генерала Горчакова, поручив общее командование войсками фельдмаршалу князю Н. В. Репнину.

Не ожидая прибытия новых войск, Воейков с полком Линденера 10 февраля окружил Радогощь и потребовал, чтобы крестьяне принесли повинную и выдали руководителей. Восставшие ответили отказом. Тогда заговорила артиллерия, упали убитые и раненые, загорелись крестьянские строения (всего сгорело около 50 домов). Руководители восставших были захвачены, а остальные крестьяне Пыли вынуждены прекратить сопротивление, 12 февраля в район восстания прибыл Н. В. Репнин вместе с Ряжским полком. К полудню следующего дня Брасово было окружено двумя полками.

В селе гудел набат. Свыше двух тысяч крестьян, вооруженных кольями, дубинами и рогатинами, выслушав увещевания Репнина и Воейкова, закричали, «что они хотя умрут, а не послушаются».

Первые выстрелы артиллерии не привели восставших в повиновение: они сами бросились на вступивших в село гусар и «эскадрон оборотили». Тогда Репнин приказал стрелять картечью и направил вперед пехоту. Крестьяне несколько раз бросались на солдатский строй, но встреченные картечью и ружейной стрельбой были вынуждены прекратить сопротивление. 34 человека было убито, 86 — ранено, руководители и активные участники восстания арестованы. Крестьяне, пользуясь выражением Репнина, были «наказаны силою оружия и преданы яко изверги, злодеи и преступники, огню и мечу» (позднее сам фельдмаршал сочтет эти действия чрезмерными).

14 февраля в Брасово были собраны крестьяне всей апраксинской вотчины, и с них была взята подписка «о непрекословном впредь помещику повиновении». Крестьяне помещиков Бодиско и Хлюстина покорились без сопротивления.

Только из числа апраксинских и голицынских крестьян было предано суду свыше 220 человек. Из них 3 умерли еще во время следствия (имеющееся в сборнике «Крестьянское движение в 1796—1825 гг.» и содержащиеся в некоторых публикациях сведения о 89 умерших во время следствия ошибочны), около 90 были освобождены без наказания (им сочли за наказание содержание в тюрьме до суда), свыше 100 были после наказания 25 ударами кнута или «жестоко плетьми» возвращены на прежнее жительство, а 19 руководителей и наиболее активных участников восстания после наказания 50, 75 или 100 ударами кнута отправлялись в вечные каторжные работы. Некоторые из осужденных, в том числе И. Куркин и Ф. Савенков, умерли, не перенеся наказания. Отправлены на каторгу были сельские священники, поддержавшие восставших.

Происходили в 1797 г. крестьянские восстания и в некоторых других местах Брянщины. Так, в январе принадлежавшие помещику Шевцову крестьяне 5 селений Брянского уезда (деревень Жуково, Литовники и других) единодушно договорились направить просьбу царю с жалобой, что «от господина их положена ... подать весьма тяжелая и збор денежный ... велик».

Хотя волнения шевцовских крестьян не переросли в восстание, Брянский уездный суд решил 7 «зачинщиков» наказать кнутом и направить на вечные каторжные работы. Но этот чрезмерно жесткий приговор не был утвержден Орловской палатой суда и расправы, которая, признав, что совершенные крестьянами «поступки ... никаких важных следствий не повлекли и произошли от наивности, простоты и незнания законов», освободила их от всякого наказания.

Такая большая разница в приговорах двух судебных инстанциях не случайна. Между ними — известный апрельский манифест Павла I, по которому запрещалось «принуждать к работе крепостных по праздничным и воскресным дням» и предписывалось помещикам «довольствоваться только ... трехдневной барщиной». Это была первая попытка юридически регламентировать трудовые отношения между помещиками и крепостными, частично оградить крепостных крестьян от произвола их владельцев.

Несколько позже появилось еще одно важное решение — с крестьян были сняты очень большие недоимки, накопившиеся за прошлые годы. Результат был налицо: с лета 1797 г. и до гибели Павла I в марте 1801 г. в России (в том числе — на Брянщине) практически не было значительных крестьянских волнений.

/ Страницы истории Брасовского района. – Брянск, 1997. - С. 30-37.

Крупное крестьянское восстание

225 лет назад, в мае—июле 1749 года, на юго-востоке Брянского края произошло одно из крупных крестьянских восстаний, к сожалению, очень мало известное даже специалистам-историкам, не говоря уже о рядовых любителях прошлого.

Некоторые отрывочные и не всегда точные сведения об этом восстании есть лишь в 23 томе «Истории России» С. М. Соловьева, но они не дают ясного представления о движении крестьян. Эта статья представляет собой попытку кратко охарактеризовать восстание крестьян вотчины графини Е. А. Чернышевой в Севском уезде в 1749 году. Ее владения включали в себя более 20 сел и деревень {центр — с. Радогощь на территории современного Комаричского района).

Особые тяготы крепостнического гнета в вотчине Чернышевой, где крепостные, помимо обычных феодальных повинностей, широко привлекались к тяжелым работам на винокуренных заводах: резкое ухудшение положения крестьян в неурожайные и голодные 1748 - 1749 гг., а также постоянный произвол помещичьей администрации, особенно управителя Г. Суходольского и бурмистра С. Свинцова - вот главные причины крестьянского возмущения.

Руководителями восставших были крестьяне Иван Башкирцев из Д. Кокино, Иона Михайлов из с. Бычки и Семен Кислов из с. Хлебтово. Под руководством этих вожаков «всех сел и деревень крестьяне вотчины Чернышевой составили и подали 16 мая 1749 года в Севскую провинциальную канцелярию прошение, в котором... написали, что их крестьян не питают и помирают те голодом, от которого голоду... уже померло человек двести». К вечеру следующего дня крестьяне, «собрався многолюдственно», пришли в с. Радогощь «для прошения... к пропитанию хлеба». Не получив удовлетворения, крестьяне схватили управителей Г. Суходольского и В. Порошина, бурмистра С. Свинцова и двух писарей и «ако злодеев... с крайним утеснением» повезли их в Севскую провинциальную контору.

Севские власти, разумеется, не поддержали крестьян, а, напротив, арестовали И. Башкирцева и еще некоторых руководителей восстания. Но находившиеся в Севске крестьяне, «которых было в собрании сот семь и больше», а также пробившиеся сюда для выручки Башкирцева и его товарищей новые группы восставших начали угрожать силой освободить арестованных, и севские власти предпочли отпустить их, взяв лишь у крестьянских представителей подписку о повиновении.

Разойдясь по своим селениям, крестьяне не перестали волноваться. Уже 3 июня 1749 года Севская провинциальная канцелярия сообщала в Сенат, что крестьяне вотчины Черпышевой «пришли в крайнее во всем непослушание... ходят, по всем селам и деревням з дубьем» и просила направить против них войска.

В июне 1749 года восстание достигло наибольшего размаха. Крестьяне «человек да трех тысяч собравшись... с ружьем... с шпаги с рогатины и з дубьем» остановили работы на Литижском, Лупандинском и Крапивенском винокуренных господских заводах, захватили здесь около 1000 четвертей (то есть около 150 тонн) зерна, а целовальников «побили и разогнали». Затем 14 июня восставшие пришли в слободу Бабинец, где находился дом бурмистра С. Свинцова, и «вломясь в двор его... Семена Свинцова... били смертью». Здесь же, а затем в с. Радогощь были избиты восставшими и некоторые другие представите, ли помещичьей администрации. Имущество С. Свинцова и прочих верных господских слуг было разделено между крестьянами.

Неверно было бы видеть в этом движении лишь стихийное возмущение крестьян ил» «разбой особого рода», как писал С.М. Соловьев. В восстании, бесспорно, были значительные элементы организованности. В нем одновременно участвовали крестьяне 26 селений Чернышевской вотчины (в том числе сел Радогощь, Жадино, Лобаново, Бочарово, Глядино, Литиж, Хлебтово, Быхово, деревень Чернево, Робское, Кокино, Голынь, Пигарево, Дерюгино и других). Еще до захвата хлеба и различного имущества восставшие «имели сговор, что они все крестьяне где что ни есть возьмут все к разделу снасить в одно место», и, действительно, все захваченное не было стихийно разграблено, а было организованно разделено для крестьян всех селений.

Восставшие, руководимые И. Башкирцевым, «вместо определенных управителей, старост и десятских по всей вотчине самовольством... в правительство определили от себя», то есть была создана своя крестьянская администрация.

В дальнейшие планы восставших входила посылка И. Башкирцева в Москву с жалобой на помещичьих управителей и челобитьем в переводе крестьян в дворцовое ведомство, но уехать в Москву Башкирцев не успел. Когда он и еще немногие крестьяне находились на хуторе Лупандинском, сюда 23 июня внезапно нагрянула посланная из Севска конная воинская команда во главе с прапорщиком Ф. Матвеевым, которому удалось захватить Башкирцева. Команда Ф. Матвеева прибыла затем в с. Радогощь, но вернуться в Севск сразу не смогла, так как по донесению Матвеева, крестьяне «около двора господского стоят человек в две тысячи... и приступая неотступно объявляют мне, ежели я им оного Башкирцева не отдам, то они за него

готовы все помереть, а без него от двора не отступают... и меня не выпускают...».

К середине июля 1749 года восстание было подавлено, но массовые аресты крестьян продолжались еще и в августе.

/ Блокнот агитатора (Брянск). - 1974. - № 14. - С. 44-47.

Поездка погарских купцов в Петербург при Павле І

В конце мая 1797 г. в Петербург прибыли три погарских купца: Антон Роскин (55 лет, из потомственных погарских купцов), Корней Козлов (42 года, отец его числился сыном купеческим) и Афонасий Попинано (38 лет, отец его был мещанином). Не торговые дела привели их сюда, а поручение Погарского городового магистрата и городского общества - передать императору Павлу 1 просьбу подтвердить данную еще царем Алексеем Михайловичем 133 года назад грамоту о городском статусе Погара (речь идет об известном в исторической литературе факте подтверждения так называемого «магдебургского права» Стародубу, Погару, Мглину и Почепу).

Безрезультатно прождав две недели в столице, погарские купцы поехали в соседний Павловск, где, изложив просьбу в письме и приложив к нему копию с грамоты Алексея Михайловича, опустили их в учрежденный для прошений ящик. Через три дня статский - советник Ю.А. Нелединский-Мелецкий (кстати, автор стихотворных текстов некоторых известных песен), бывший в это время секретарем Павла 1 при принятии прошений, сообщил заявителям, что император рассмотрел их прошение и грамоту, «которые и велел де возвратить обратно, т.е. удовлетворения своей просьбы погарские купцы не получили. Дело, скорее всего, не в отрицательном отношении Павла I к подобным просьбам, а в последовательном курсе проведения некоторых правительственных мероприятий. Ведь в 1796 г. Погарский уезд был ликвидирован, а сам город преобразован из уездного в заштатный, так что подтверждение его старинного статуса стало бы лишь осложняющим ситуацию обстоятельством.

Пришлось, погарским купцам нанимать подводу для обратной поездки, но на следующий день они были возвращены с дороги в Петербург и представлены генерал-прокурору князю А.Б.Куракину. Оказывается, на них поступил донос от донского казака Игнатия Космынина, оказавшегося слушателем разговоров погарских купцов «о высочайших особах». Поскольку в доносе упоминались имена самого Павла 1, великих князей Александра и Константина Павловичей, то решено было устроить проверку. Были учинены допросы всех задержанных ("кроме трех упомянутых купцов, допрашивался и тридцатилетний погарский мещанин Гавриил Черников - из дела не совсем ясно, приехал ли он вместе с купцами или же был их попутчиком после отъезда из Петербурга), в ходе которых выяснилось, что ничего серьезного в разговорах не было. Проскальзывавшие в них слова, что «государь строг», что «Александр Павлович смирнее, а Константин Павлович такой же как батюшка», что солдатам стало «служить труднее, ибо очень строго», были «не для какого злодейского разглашения, а токмо между собой».

Основывались эти суждения частично на услышанных разговорах солдат, частично на собственных наблюдениях купцов. Так, купцы после посещения воскресной службы в Павловском соборе, где они видели Павла I и его сыновей, пришли к мнению, что «Александр Павлович, видно, поскромнее, а Константин Павлович порезвее. Афонасий Попинако, наблюдавший военный развод, проводившийся самим Павлом I, увидел, что, когда «один солдат в строю помешкался», то «император изволил поправить его сам», из чего сделал вывод, что «он очень строг».

Убедившись, что никаких порочащих «высочайших особ» слухов погарцы не распространяли, что близких знакомых, которые могли бы быть причастии к появлению подобных слухов у них в столице нет, генерал-прокурор А.Б.Куракин отпустил задержанных домой, предупредив, «чтобы впредь в разговорах своих были воздержаннее и суждения свои имели в надлежащих пределах». Любопытно, что в деле упомянуты два "земляка погарских купцов - Дмитрий Иванов и другой, неназванный по имени, которые обучались в Петербурге «медицинской науке».

Если для погарских купцов поездка в Петербург, хотя и оказалась безрезультатной, но закончилась в целом благополучно, то этого нельзя сказать об аналогичной поездке стародубского дворянина Храмцова, который в марте 1798 г. «утруждал... императора личной просьбой». Храмцов подал жалобу на коллежского советника Михаила Степанова сына Ширая уже умершего), который, начиная с 1760 г. присоединил к своим владениям некоторые принадлежавшие Храмцову «пахотные, сенокосные, и лесные земли». Неоднократное обращение

Храмцова в местные судебные инстанции желаемого результата не дали.

Некоторые обстоятельства дела продолжительностью почти 40 лет; ее мелочный, сугубо имущественный характер; многократное рассмотрение ее в различных судах. Точку в деле поставили два рапорта - Курьер Лодыгин, сопровождавший Храмцова, сообщил, что оставил заболевшего подопечного в г. Могилеве, перепоручив наблюдение за ним местному коменданту. Немного позже малороссийский губернатор М.П. Миклашевский известил А.Б. Куракина, что 28 марта 1798 г. Храмцов умер, так как «в пути одержим был сильной горячкой».

/ «Я прикасаюсь ладонью к истории ...» : материалы научно-практической краеведческой конференции. - Погар, 2005. - С. 31-32.

Из истории селений Брянского края

Город Брянск и его окрестности в XVII - первой половине XIX вв.

Современная территория Брянска намного обширнее того первоначального места, где находился город, равно как и представление о современном городе явно отличается от того, что было в древности и в средневековье.

Русский город тех времен - это, в первую очередь, огражденное укрепленное место, т.е. «детинец», «кремль», «острог». К укрепленному городу примыкали посад, где проживало в основном торгово-ремесленное население, и слободы, состав жителей которых был достаточно пестрым: здесь могли быть и бобыли, и крестьяне, и ямщики, и разные служилые люди: стрельцы, пушкари, затинщики, городовые казаки, солдаты.

Время не оставило каких-либо описаний города Брянска в первые века его истории, и лишь с XVII в. можно представить себе и облик города, и состав его жителей, и в какой-то мере нравы населения.

Судя по грамоте Василия Шуйского 1607 г., среди «всяких брянских жилецких людей» были дворяне, дети боярские, стрельцы, пушкари, затинщики, городовые казаки, а также посадские люди и церковники.

В 1616 г. в городе насчитывалось 240 дворян и детей боярских, 70 пушкарей и затинщиков, 6 воротников и 4 кузнеца; из 300 стрельцов оставалось только 177, остальные были побиты войсками А. Лисовского или разбрелись от бедности.

Однако важное стратегическое положение Брянска, особенно после подписания в 1618 г. Деулинского перемирия, по которому Рославль, Почеп, Трубчевск и некоторые другие города отошли к Речи Посполитой, а Брянск фактически стал приграничным, побудило правительство царя Михаила Федоровича усилить военный гарнизон города. Сюда были переведены две сотни стрельцов из Москвы, а их общее число к 1622 г, выросло до 544 (включая переведенных ранее из Рославля и Стародуба).

Сразу же возникли проблемы во взаимоотношениях между местными жителями и московскими стрельцами. В марте 1622 г. брянский воевода князь Алексей Григорьевич Долгоруков и подьячий Савва Нефедьев в своей отписке сообщали, что брянские «посадские и всякие люди» били челом «на тех московских стрельцов, что они ходят пьяны по улицам и по слободам и дерутся со всякими людьми и побивают и ножами режут...». В результате в Брянске стало «пьяных много и всякого дурна и татьбы по дворам стало быти, а прежде... такого убийства и ножевого резания не было». Воеводы приказывали виновных бить кнутом, «чтобы не повадно иным воровата», и требовали от стрелецких сотников М. Жехова и Г. Черемисинова, «чтоб они унимали стрельцов от всякого воровства». Сотники уверяли, что они «стрельцов унимают и бьют всегда», но все же вынуждены были признать, что «их стрельцы пьяны живут и в ночи в городе на караулы приходят пьяные же, и пьют де по дворам дворянским и детей боярских, покупая».

Помимо московских стрельцов, в том же году в Брянск были направлены дворяне, дети боярские и городовые казаки из Калуги, Серпейска, Малого Ярославца, Лихвина, Белева, Волхова, Карачева, Оболенска, Перемышля — общая численность «прибылых людей» составляла 609 человек. Они вместе с постоянно приписанными к Брянску дворянами и детьми боярскими из Брянска, Рославля, Стародуба и Почепа (всего - 286) должны были нести станичную и сторожевую службу на заставах. Следовательно, с 1622 г. Брянск стал фактически главным военным центром на юго-западе Русского государства.

Однако и здесь не обошлось без осложнений. Когда воевода князь А.Г. Долгоруков назначил к сформированным сотням на заставы головами брянских дворян В. Толбузина, В. Бохина и И.

Безобразова, те отказались повиноваться и отправились с жалобой в Москву, обвиняя воеводу в оскорблениях, побоях и незаконном заключении в тюрьму. Воевода оказался в большом затруднении, поскольку все «лучшие» брянские дворяне, назначаемые им головами к сотням, отказывались от назначения, говоря, что они «не хуже» В. Толбузина. Власти были вынуждены заменить кн. А.Г. Долгорукова новым воеводой - кн. Никитой Михайловичем Мезецким.

В связи с ростом численности служилых людей в Брянске и усилением его оборонительного значения здесь в 1629 г. был построен новый укрепленный «острог», дополнительно к старому. Однако с заселением нового острога дело шло не очень гладко.

Как сообщали брянские воеводы Ф. М. Бутурлин и И.Г. Кондырев, «в новом прибылом остроге только жилых дворов: два двора поповых, да двор дьяконов, да бобыльских и всяких людей двенадцать дворов, да торговых людей устроили лавки, ...а стрельцов, и пушкарей, и затинщиков в старом и в новом остроге не живут ни одного человека, все живут за острогом во дворах своих по слободам».

Словом, в Брянске, как и в других подобных городах, четко прослеживалась закономерность: стрельцы, пушкари и прочие служилые люди большей безопасности (проживанию в укрепленном городе) предпочитали несколько больший простор слободской жизни (и в смысле меньшей земельной тесноты, и в некотором отдалении от воевод и прочих властей).

С начала 1630-х гг. преобладающая военная роль на юго-западных рубежах Российского государства стала переходить от Брянска к Севску, что окончательно было закреплено созданием в 1650-е гг. Севского разряда - военно-административного округа, куда вошел и Брянск.

В отдельные периоды, особенно во время военных действий, в нем по-прежнему скапливалось большое количество служилых людей. Так, в записи 1658 г., помимо постоянно живших в Брянске стрельцов, пушкарей и других служилых, названы два драгунских полка общим числом 1387 человек и полк солдат (1270 человек). В мирное время численность воинского контингента заметно сокращалась и в 1670-1680 гг. она была близка к 400.

Слободы, где жили служилые брянские люди, вплотную примыкали к городу и посаду и поэтому, в отличие от Карачева и Севска, не сохранились в качестве самостоятельных поселений, а вошли в состав города уже к началу XVIII в.

Поскольку брянская крепость («острог») была деревянной, то требовалось ее не только систематически ремонтировать, но и периодически перестраивать. Вот почему в числе брянских служилых людей были горододельцы и плотники; привлекались к городовым работам и другие категории населения. Тем не менее далеко не всегда городские сооружения были в порядке.

Например, опись 1658 г. зафиксировала, что в брянском остроге «стены и башни все гнилы, а иные развалились, и крепостей никаких вновь прибавить к нему немочно для того, что подгнил».

Однако события начала 1660-х гг., когда во время похода Яна Казимира литовскими войсками были разорены многие селения Брянского уезда и возникла непосредственная угроза самому Брянску, показали опасность такого положения, и были приняты меры по укреплению города.

Об этом свидетельствует опись Брянска 1678 г.: «Город Брянск рубленой новой дубовой, крыт тесом, а по тому городу 9 башен, и в том числе 2 проезжие ворота. А в городе 2 тайника, и к осадному времени водою скудно не будет, да 2 колодезя».

Вскоре к нему был пристроен и новый рубленый «город». Всего в двойном брянском остроге было 16 башен, в том числе 6 с проезжими воротами.

На территории города находились воеводский дом, приказная изба, погреб для хранения пороха и другого «зелья», соляной и хлебный амбары, большой осадный котел, а также «наряд», т.е. артиллерия и боеприпасы для нее.

В случае необходимости к защите города привлекались не только служилые люди, но и другие жители Брянска, число которых постепенно росло.

Уже в отписке брянского воеводы князя Василия Романовича Барятинского от 1619 г, в городе указано 125 человек «посадских и посопные слободы крестьян». «Посоп» - это особая подать зерном, которая собиралась с некоторой части государственных крестьян. Судя по тексту документа, в 1619 г. существовала только одна посопная слобода, но в аналогичной отписке от 1630 г. уже сообщалось, что в Брянске живет 168 «посопных слобод крестьян и их братьев и племянников», а в последующие годы обычно назывались две посопные слободы.

Несколько позже (в 1636 г.) появились первые сведения о брянских ямщиках («ямских охотниках»), число которых было сначала невелико -10 человек, но к 1658 г. в Брянске насчитывалось уже 47 «ямских охотников», живших в отдельной Ямской слободе.

Что касается собственно посадских людей, из которых позднее формировалась основная часть брянского купечества, мещанства, ремесленников, то первые точные сведения об их численности (92) появились в 1622 г. Впрочем, количество брянских посадских людей в XVII в. никогда не было значительным. Так, по описи 1682 г., в Брянске показано «посацких людей 48 человек; детей их и братьев и всяких свойственников 28 человек». Для сравнения: дворцовых посопных слобод крестьян в том же году было 223 человека, да еще «детей их и братьев и всяких свойственников 324 человека».

И посадские люди, и ямщики, и крестьяне посопных слобод не только привлекались к обороне города, но и были расписаны, с каким оружием должны были являться: «с пищали из бердыши и с рогатины... и с топоры».

Исключение составляли священнослужители, монахи да бобыли, нищие и прочий бесхозный люд. Их число было в Брянске довольно заметным. В 1622 г. в городе числилось «50 бобылей и захребетников и подсуседков».

Значительное число бобылей, в основном связанных с брянскими монастырями, отмечено в переписных книгах 1646 г.

К Свинскому монастырю относилось «на посаде за городом» 5 дворов бобыльских, «да под Спасской горой на реке Десне слободка в 20 бобыльских дворов».

У Петропавловского монастыря было «на посаде 3 двора бобыльских, а в них 3 человека, а те бобыли нищие, кощятся христовым именем (2 слепых и 1 хромой)».

Спасо-Поликарпову монастырю принадлежала «на посаде, что на Козьей степи на реке на Десне, что против стрелецкой слободы, слободка, а в ней 6 дворов бобыльских, людей 7 человек».

Наконец, к Воскресенскому девичьему монастырю относились 3 бобыльских двора, где проживало 9 бобылей.

Основными хозяйственными занятиями брянцев были различные ремесла и промыслы, большинство горожан имело огороды, разводило скот, некоторые жители занимались рыболовством, бортничеством в задеснянских лесах. О наличии садов говорят и упоминание в 1636 г. в числе жителей города 3 садовников, и указы царя Алексея Михайловича о покупке в Брянске «на ...государев обиход яблок, груш, дуль, слив, вишен».

Существенную роль в жизни горожан играла торговля. В основном брянцы торговали продуктами сельского хозяйства и лесных промыслов. В их числе были пенька, конопляное масло, мед, воск, деготь, деревянная посуда. Также скупались для перепродажи пушнина, кожи, рыба, соль и другие товары.

С Украины, торговые связи с которой особенно укрепились во второй половине XVII в., в Брянск и далее в центральные районы России поступали скот, овчины, стеклянные изделия, поташ, селитра и т.д. Заметное место занимали товары из европейских и южных стран: сукна, хлопчатобумажные и шелковые ткани, металлические изделия, лакомства, украшения.

Большое значение имела ежегодно проводившаяся близ Брянска во второй половине августа Свинская (с XVIII в. - Свенская) ярмарка. В течение примерно десяти дней на территории между Свинским монастырем и с. Супонево шла оживленная торговля самыми разными товарами.

В XVIII в., с присоединением Украины, а затем и Белоруссии к России, Брянск перестал быть приграничным городом и потерял прежнее оборонное значение.

Некоторая угроза городу возникла в 1708 г. в связи с вторжением на территорию России армии Карла XII. Были обновлены городские укрепления, севернее Брянска по Десне сооружалась засечная черта, но угроза прошла стороной.

Двадцатью годами позже И. К. Кирилов, сообщая о Брянске, описывал «город рубленой деревянной, в нем 2 башни проезжие, 8 глухих, по мере около города и башен 388 сажен» (для сравнения - в прежнем двойном городе, по описанию 1682 г., протяженность стен и башен составляла 881 сажень, т.е. около 1880 м).

Важнейшим брянским предприятием этой поры была верфь, на которой еще в конце XVII в. строились различные суда. В 1724 г. По указу Петра I в Брянске было велено изготовить 2 больших и 3 меньших паромов, а также 7 галер, для чего из Адмиралтейства были направлены мастеровые. В 1726 г. на этих работах были заняты 3 подмастерья («галерной», «блокового дела» и «инструментной»), 3 ученика («ботовой и шлюпочной», «весельного дела» и «маштовой») и свыше 40 рядовых работников (13 плотников, 10 кузнецов, а также пильщики, токари, столяры, парусники, конопатчики, прядильщики).

Особенно много судов было построено на брянской верфи в 1730-е гг., во время русскотурецкой войны, но в дальнейшем работы значительно сократились, а специально выстроенный Адмиралтейский дом был передан в Артиллерийское ведомство.

В 1783 г. под руководством капитана И. М. Иванова началось строительство Брянского арсенала, главной частью которого стал литейный двор (дом). В феврале 1786 г. мастер Данила Рыков отлил здесь две первые пушки, а со следующего года орудия начали поступать в русскую армию. Арсенал стал главным предприятием города.

Примерно к этому времени относятся два подробных описания г. Брянска конца XVIII в. Одно из них принадлежит перу известного русского географа В. М. Зуева. Его труд «Путешественные записки от С.Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году», где, помимо прочего, приводится много сведений о Брянске, Карачеве, Трубчевске, Севске, был издан в 1787 г.

Второе «Описание города Брянска» находится среди дел 1355 фонда Российского Государственного Архива Древних Актов (РГАДА) в Москве, где сосредоточены материалы «Экономических примечаний к Генеральному межеванию». Документ не датирован, но содержание позволяет отнести его к концу 1780-х гг.

Поскольку «Записки...» В. М. Зуева изданы (хотя и очень давно) и известны среди историков и краеведов, а «Описание...» еще ни разу не публиковалось, имеет смысл дать более обширные выдержки именно из второго документа. Нужно учесть к тому же, что «Записки...» основаны на личных впечатлениях и собранных материалах ученого-путешественника, а «Описание...» - официальный документ, где все данные, несомненно, хорошо выверены.

Начинается «Описание...» так: «Сей город положение имеет реки Десны на правой, а речки Подари - на левой сторонах, и по обе стороны речек Судок и Белого Колодезя».

Затем дается краткая историческая справка о Брянске, содержащая в целом достаточно известные сведения, но одно сообщение, основанное, вероятно, на каких-то позже утраченных летописных памятниках, уникально: согласно «Описанию...», после известных событий 1310 г. в Брянске «имел пребывание... князь Иоанн Михайлович черниговский с великою княгинею Анастасиею». В других источниках по истории Брянска эти лица нигде не упоминаются.

Далее описываются строения «внутри крепости»: «Соборная церковь каменная о двух этажах... с колокольнею каменною..., корпусы для присутственных мест... деревянные ветхие, денежная кладовая и архив каменные, городовой магистрат деревянной ветхой, упраздненного Спасо-Поликарпова монастыря корпусы каменной и деревянной, в них находится учрежденное в 1779 г. Святейшим Синодом... училище духовного чина».

Затем в «Описании...» сообщается, что «при подошве городской крепости и реке Десне выстроен казенный каменный литейный дом новейшей архитектуры», и приводятся сведения о нем и других строениях нового предприятия, которое стали называть Арсеналом (в «Описании...» это слово не встречается). «Литейной дом, сверлильный амбар», а также кузницы, мастерские и казармы для мастеровых были покрыты железом, остальные строения - тесом. Вся территория завода была обнесена каменной стеной высотою в 4 аршина, т.е. более 2,8 м.

Далее «Описание...» приводит сведения о строениях «в предместьи». Перечислены Петропавловский мужской монастырь с двумя каменными храмами (из них один - надвратный), упраздненный Вознесенский девичий монастырь с каменной церковью, еще 13 каменных приходских церквей, две кладбищенские церкви (каменная и деревянная), 4 казенных каменных корпуса («для присутственных мест», «для полиции», «для правительства» и «гостиной двор»), построенный «градским коштом... каменной одноэтажной магистрат, в коем... помещены земские суд и народное училище», деревянные «винной, соляной и провиантской магазеины» (т.е. склады), а также бывший адмиралтейский дом. Затем перечислены «обывательские» строения: домов каменных 5, деревянных 453, «питейных домов 4, торговых лавок 25, харчевня одна, кузниц 15, бань торговых 2 при обывательских домах, для ссыпки хлеба лавок 120, заводов купеческих сальных свечных 2, во оных вырабатывается свечей в год от 150 до 200 пуд, кирпичных сараев 14, во оных вырабатывается в год кирпича до 300 000, мыльных варен 2, во оных вырабатывается в год мыла от 150 до 200 пуд».

Сообщая о населении Брянска, «Описание...» отмечает, что «город сей заселен по большей части купечеством и мещанством, отчасти священно и церковнослужителями, отставными из военной и штатской службы штаб и обер офицерами и рядовыми, также и канцелярскими служителями... Жителей всего в городе мужских 2037, женских 2516 душ». Среди ремесленников наиболее многочисленными были кирпичники (17), кузнецы (15), портные (14), сапожники (7), но общее их число (менее 70) было невелико.

Отмечено особое значение торговли: «Вообще жители промысел имеют в торговле хлебом, пенькою, конопляным маслом, салом, щетиною, воском, медом, рогожами, канатами, веревками, железом, чугунным литьем, разными звериными кожами, дегтем... Некоторые торгуют сахаром, чаем, шелковыми, суконными, гарусными, бумажными, иностранными и российскими товарами,... скотом, рыбою, ветчинным салом, табаком, хрустального и стеклянного посудою, протчими мелочными товарами». Сообщается, также, что брянцы «сплавляют вниз по р. Десне на байдаках и плотах лес».

Основными поставщиками товаров, помимо округи г. Брянска, были Москва, Орел, Курск, Калуга, Малороссия, а отправлялись наибольшие партии товаров на Гжатскую и Порецкую пристани или прямо в Ригу и Петербург (на сумму до 2 млн. руб.), а также в Малороссию (Новгород-Северский, Киев, Кременчуг, Екатеринослав, Херсон, Николаев) - на сумму до 400 тыс. руб. На юг вывозилось особенно много лесоматериалов (строевого леса, дров, досок, драни и т.д.). В самом городе оживленные торги были по пятницам.

Отдельные из «мещан и посатских людей по неимению промысла употребляют себя в разные работы, женщины упражняются в дамских рукоделиях..., а некоторые из них и в мелочной торговле».

Садов в городе было «малое число», в них выращивались яблоки, груши «озимые», сливы, а также смородина «разных родов». Из огородных культур перечислены «капуста, огурцы, картофель, морковь, редька, репа, свекла, пастернак, лук, чеснок, хрен, боб, горох», «но все они родятся средственно». Отмечено занятие брянцев рыболовством в Десне и прилегающих речках: «рыбною ловлею пользуются городские обыватели для своего обиходу и частью на продажу».

Наконец, в «Описании...» указано, что из Брянска вели «большие дороги» в Смоленск, Трубчевск, Жиздру и Карачев, и что в нижнем течении р. Снежети находились казенные мучная мельница о трех поставах и пильная мельница о трех рамах.

Из дополнительных сведений и заметных разночтений, имеющихся у В. М. Зуева отметим кое-какую разницу в цифрах: по Зуеву, в Брянске было 570 домов (т.е. значительно больше, чем в «Описании...»), 10 питейных домов (против 4 в «Описании...»), число жителей («дворян, купцов, мещан и разночинцев») - «менее двух тысяч душ». Эти разногласия, впрочем, легко объяснимы: в числе жителей В. М. Зуев указал лишь мужские души; в количество дворов, он, напротив, включил не только собственно городские дома, но и смыкавшиеся с ними дома Ямской и двухпосопных слобод (согласно «Экономическим примечаниям по Брянскому уезду» в Ямской слободе было 60 дворов, в посопных - 114). В «Записках...» В. М. Зуева сообщается также, что городская часть Брянска сообщалась с зарецкой территорией города двумя перевозами через Десну, «из коих один выше города по Калужской дороге, а другой ниже по Карачевской».

Из многочисленных сведений о Брянске первой половины XIX в. остановимся лишь на некоторых, чем-либо особенно интересных.

Так, проезжавший через Брянск 31 декабря 1805 г. - 1 января 1806 г. вместе с графом А. К. Разумовским его секретарь врач Отто фон Гун оставил несколько любопытных штрихов о городе.

Вероятно, со слов брянского полицмейстера Вайтбрехта от сообщал о Брянском арсенале: «Брянск известен «...своим литейным пушечным двором, в котором отливается в каждый год 400 пушек... Пушки сверлятся здесь стоймя, а не лежмя. Ежедневно занимается работою три ста человек, и все русские. Все пушки делаются по калибру, предписанному императором Павлом I. Они гораздо тоньше и легче обыкновенного. Также и лафеты, говорят, делают здесь отменно хорошо».

Как врач, О. Гун обратил внимание на состояние лечебного дела: в Брянске, в «этом ...большом торговом городе нет ни доктора, ни аптеки, весь медицинский штат состоит только в двух лекарях и в уездной только недавно определенной повивальной бабке».

Но в целом у О. Гуна осталось благоприятное впечатление от города: «Выехав из Брянска, ехали мы довольно большое расстояние вдоль по речке Десне, по обеим сторонам которой строились суда, называемые здесь байдаками. Бревна и доски лежали в превеликих стопах на льду. Мы ехали мимо большой канатной фабрики, принадлежащей купцу Крючкину, который канаты и веревки доставляет в Херсон и Ригу. Вид Брянска с реки Десны понравился мне чрезвычайно. Прекрасное его положение делалось прямо романтическим от множества находящихся в нем церквей. Вообще, Брянск нравится мне очень».

Более критично оценил город военный инженер К. К. Жерве, прибывший в Брянск в 1834 г. для перестройки арсенала после случившегося там пожара: «Брянск - город не маленький. Одна часть его лежит на горе, другая - у самого берега р. Десны. Эта часть довольно грязная; мостовую

заменяет ряд сплоченных брусьев, довольно дурно содержимых, и поэтому езда по ним несносная, тряская и даже опасная, того и гляди, что лошадь попадет в какую-нибудь дыру и сломит себе ногу. Вся эта часть города была болотиста, - и где не было этой бревенчатой мостовой, грязь чуть не по колено». Впрочем, обосновной части города К. К. Жерве отзывается иначе: «Отстроен город очень порядочно, много каменных домов».

Сообщал К.К. Жерве и о некоторых проблемах социального характера. Приступив к работе, он «встретил крайние затруднения в наборе мастеровых, каковых вообще... немного в Брянске. И это малое количество имело крайнее недоверие к арсеналу, так как прежний начальник рассчитывался с вольнонаемными рабочими крайне туго, не держался сделанных условий и обижал их неполною уплатою денег». Когда же эти вопросы были решены, то оказалось, что «литейщиков хороших в арсенале довольно, формовщиков также», и все работы по восстановлению арсенала были завершены к октябрю 1835 г.

Опубликованные в 1842 г. Министерством внутренних дел таблицы о городах Российской империи не содержат каких-либо ярких картин из жизни Брянска, зато дают много любопытной статистики.

Итак, в 1842 г. в Брянске проживало 4810 мужчин и 3708 женщин, всего 8518 человек. В их числе было (обоего пола) дворян и чиновников -183, духовенства - 113, почетных граждан - 5, купцов I гильдии - 23, II гильдии - 38, III гильдии - 886, мещан и посадских - 5033 (гарнизонные офицеры и солдаты в таблицах не показаны).

Среди строений Брянска было 14 каменных и 4 деревянных церкви, 54 каменных и 1140 деревянных домов, 2 учебных заведения, где обучалось 97 мальчиков и 15 девочек, 17 фабрик и заводов, 58 лавок, 5 трактиров, 14 питейных заведений. Годовой доход города составлял 15108 рублей.

Наконец, очень краткие сведения о тех селениях, которые существовали в XVII-XIX вв., а позже вошли в состав г. Брянска или практически с ним слились.

Уже упоминавшиеся ранее посопные слободы (Верхняя и Нижняя) и Ямская слобода вошли в состав Брянска еще в конце XVIII в.

Из прочих раньше других известны Супонево и Тимоновка, относившиеся до 1760-х гг. (до секуляризации монастырских владений) к Свенскому (Свинскому) монастырю.

Село Супонево, судя по описанию 1595 г., еще в XVI в. было крупным селением. Здесь было 2 церкви, 5 дворов церковнослужителей, 5 дворов монастырских служителей, 4 кельи, в которых жили нищие, а также 23 крестьянских двора и 21 непашенный двор, в числе хозяев которых были 3 плотника, по 2 кузнеца, сапожника, пастуха, а также гончар, красильщик, портной, каменщик, рыболов, прудник, повар. Сам перечень профессий супоневских поселян говорит о тесной связи жителей села с соседним монастырем.

В дальнейшем село росло довольно быстро: в 1745 г. в нем было 80 дворов, а в середине XIX в. - уже 245 дворов, где проживало 1678 человек.

Деревня Тимоновка в 1595 г. была небольшой: здесь было 4 крестьянских и 3 непашенных двора. В 1745 г. в деревне было 34 двора, а в середине XIX в. - уже 100 дворов (680 жителей).

Монастырской была и деревня Карачиж, известная с XVII в., но, судя по названию, существовавшая еще в далекой древности. Она была невелика: в 1780-х гг. в ней имелось всего 6 дворов, в середине XIX в. -38 дворов (212 человек). В XIX в. здесь работал мыловаренный завод.

Владением Спасо-Поликарпова монастыря была деревня Антоновка, также известная с XVII в. В 1780-е гг. в ней было 10 дворов, в середине XIX в. - 49 дворов (481 житель).

Соседняя современная деревня Курнявцево несколько раз меняла свое название. В XVII в. она - деревня Торлоповка, в XVIII в. - сельцо Торлопово, в первой половине XIX в. - сельцо Торлоповка (Балахоновка), со второй половины XIX в. - деревня Балахоновка. Селение было небольшим: в 1780-х гг. - 7 дворов, в середине XIX в. - 10 дворов (144 жителя), но до отмены крепостного права им владело несколько мелкопоместных дворян.

Крупным селом было Городище, где церковь была еще в начале XVII в. Оно до секуляризации было владением Петропавловского монастыря. В 1780-х гг. в селе был 51 двор (365 жителей), в середине XIX в. -78 дворов (586 жителей). В селе работал большой лесопильный завод.

Село Бежичи также относится к числу старинных и крупных селений Брянского уезда. Еще в начале XVII в. здесь было 2 церкви. В 1780-х гг. в Бежичах насчитывалось 54 двора, где проживали 555 человек. В это время село принадлежало двум крупным владельцам: А.А. Замятиной и И.Н. Тютчеву. К середине XIX в. население села не вырастет, а даже сократится -

здесь будет насчитываться 477 крестьян в 46 дворах. Название села в это время несколько видоизменяется и чаще уже звучит как Бежицы (отсюда позже - название поселка Бежица).

Поселок Бордовичи, вошедший в состав Бежицкого района г. Брянска, возник на месте двух селений: Верхнее и Нижнее Бородавицино. В XVII в. это были две деревни (названия их связаны со старинной брянской дворянской фамилией - Бородавицыны); в XVIII в., поскольку здесь появились помещичьи дома, каждая из деревень превратилась в сельцо; в XIX в. они слились в единое сельцо Бородавицыно (Бордовичи). В 1780-х гг. в Верхнем Бородавицине было 12 дворов, в Нижнем - 24 двора, а в середине XIX в. в едином сельце было 47 дворов (519 жителей).

Село Чайковичи, также вошедшее в состав Бежицкого района, впервые упоминается в 1678 г. как починок, т.е. недавно появившееся селение. В 1780-е гг. село принадлежало нескольким владельцам; здесь было 2 пруда, водяная мельница, винокуренный завод, но число жителей было невелико - 119 в 16 дворах. К середине XIX в. число дворов удвоилось, а число жителей возросло до 303.

/ Страницы истории города Брянска : материалы историко-краеведческой конференции. - Брянск, 1997. – С. 56-66.

Брянский уезд в XVI - первой половине XIX вв. (историко-географический очерк)

Город Брянск и его округа до 1500 г. входили в состав Великого княжества Литовского и составляли в нем Брянский повет. 11осле русско-литовской войны 1500-1503 гг. Северская земля (включая Брянщину) воссоединилась с Московским государством.

Русско-литовский договор 1503 г. и относящаяся к 1504 г. духовная грамота великого московского князя Ивана III содержат мерчень тех волостей, которые относились в это время к Брянску и с образованием в XVI в. Брянского уезда вошли в его состав. Волостными центрами в этих документах названы Соловьевичи (Соловьяничи), Прикладни, Вороница, Жарынь, Всеславль, Покиничи, Пацынь, Федоровское, Сухарь, Осовик, Хвощна, Батагово, Пьяново, Волконеск (Волконск) [1].

О том, что в XVI в. состав волостей почти не изменился, говорит тот факт, что в польскорусском договоре 1608 г. вновь перечислены все волостные центры, находившиеся в границах Брянского уезда [2] (в дальнейшем их число заметно сократилось). Некоторые изменения произошли только в южной части уезда, где в конце XVI в. вместо Пьяновской и Волконской волостей была образована Комарицкая волость, подчинявшаяся приказу Борлыного Дворца, да относившиеся к Свинскому монастырю селения (Селечня, Невдольск и др.), входившие ранее в Пьяновскую волость, были приписаны к Прикладненской волости, которая теперь оказалась состоящей из двух далеко расположенных друг от друга частей.

Что касается Комарицкой волости, то хотя она до 1620-х гг. оставалась в составе Брянского уезда, но все больше тяготела к восстановившемуся и начинавшему играть значительную роль г. Севску, а с 1627 г. вошла в состав Севского уезда. Это было первое существенное сокращение Брянского уезда, но его территория по-прежнему оставалась очень обширной.

Документов XVI в., которые бы давали сведения о волостях и селениях Брянского уезда, практически не сохранилось, так что приходится довольствоваться довольно редкими известиями разных источников и частично привлекать материалы начала XVII в.

Но и по этим данным можно установить, что к концу XVI в. Брянский уезд был уже достаточно населенным (особенно на правом берегу Десны - в пределах современного Рогнединского и примыкающей части Дубровского районов, также в южной части Жуковского, Брянского и северной части Выгоничского районов). В общей сложности в Брянском уезде, не считая Комарицкой волости, к концу XVI в. было не менее 200 селений, хотя размещались они далеко не равномерно.

Крайняя западная Соловьяновская волость была расположена на р.Ипуть и граничила с Мглинским, Рославльским уездами и с Речью Посполитой (в районе Хотимска). В годы «смуты» начала XVII в. с.Соловьяничи было полностью разорено и надолго запустело (на его месте сейчас находится д.Соловьяновка Клетнянского района). Первое время место, где в селе была церковь Николая Чудотворца, учитывалось в церковных документах, но в 1679 г. было велено «впредь того церковного места не писать», так как «по сыску та церковная земля лежит пуста, поросла лесом... и попы с причетники никто не помнит и приходских дворов никого нет» [3].

Запустевшая волость слилась с соседней Прикладенской. (ее северной частью). Помимо документов, где перечисляются все брянские волости, название волостного центра Прикладни нигде не встречается и его местонахождение остается неизвестным. Из селений, относившихся к Прикладенской волости, еще в 1523 г. упомянуты Акуличи [4], но в годы «смуты» они, вероятнее всего, были и разорены, почем в документах второй половины XVI в. называются починком и лишь с 1678 г., когда там была построена церковь, становятся селом.

Из других селений Прикладенской волости, известных с XVI в., можно назвать починок Дубровы польской (позже - д. Спольская, сейчас - д. Ширковка Клетнянскогго района), деревни Ален Мужиново [5], возникшие в 1680-е гг. и, подобно с. Акуличи, принадлежавшиие Брянскому Спасо-Поликарпову монастырю, а также возникшую в самом конце века д. Болотникову (Болотню).

Первые годы XV В. Прикладенская волость еще упоминалась, но затем прекратила свое существование. Основная ее част) перешла в Подгородный стан, а приипутские земли - в начавшую формироваться и активно заселяться в конце первого десятилетия XVIII в. Краснозаборскую волость (о ней речь впереди).

Севернее Прикладенской волости по течению р. Вороницы на ходилась Вороницкая волость. В нее входили северо-запад и север современного Дубровского района, крайний запад Рогнединскоп района (д.Хорошково), а основнаая часть территории волости сейчас относится к Смоленской области. Там же находится бывший центр волости - с. Вороница (сейчас - с. Епишево), а также с. Жарынь, которое вместе с соседними территориями было в XVI в. отдельной волостью, а с XVII в. вошло в состав Вороницкой волости. Это же относится к селу Всеславль (впервые упоминается в XIII в., сейчас - д. Сеславль Дубровского района), которое было в XVI в. центром волости, а затем вместе с деревнями Островна, Радичи, Узкое и другими вошло в состав Вороницкой волости. В 1678 г. в волости насчитывалось 45 селений [6].

К северо-востоку от Вороницкой волости, на левобережье р. Десна, в бассейне р. Габья и в прилегающих местах современных Рогнединского и частично Дубровского районов находилась Пацынская волость, включавшая в свой состав в начале XVII в. Территории бывших ранее отдельными Осовикской, Федоровской, Покиничской, Сухарской волостей. Помимо с. Пацынь (известно с XII в.) и других волостных центров, к числу наиболее старинных селений здесь относились с. Рогнедино (XII в.), Рековичи, Гобья (сейчас - с. Троицкое), Давыдчичи, Жуково (все - с XV в.) [7]. Пацынская волость была одной из наиболее освоенных территорий Брянского уезда. Здесь в 1678 г. насчитывалось 64 селения [8], большая половина которых существовала еще в XVI в.

Обширную территорию между Десной и Болвой, включая бассейн р. Ветьма, составляла Хвощенская волость (центр - с. Хвощна, сейчас - с. Фошня Жуковского района). Это был крупный лесной массив с относительно редкими и небольшими участками распаханной и освоенной земли, включавший основную часть современных Дятьковского, Жуковского, север Брянского и небольшие территории Рогнединского и Дубровского районов, а также прилегающие части современной Калужской области (села Бутчино, Колчино, д. Вербежичи и др.). Всего в 1678 г. в волости числилось 44 селения [9], хотя в других документах XVII в. есть упоминания еще о нескольких селениях волости, в список 1678 г. не попавших.

Восточнее, по левобережью р. Болва и к северу от низовьев р. Снежеть, гранича с землями Серпейского, Козельскоого и Карачевского уездов, находилась еще одна значительная по территории волость - Батаговская (центр – с. Батагово, сейчас – с. Лесное Брянского района). В нее входили северо-восток современного Брянского, крайний юго-восток Дятьковского районов, а большая часть ее земель располагалась на территории современной Калужской области. Из 33 селений Батаговской волости [10] (по списку 1678 г.) 14 входили в состав Подбужсной и Дынской вотчин Свинского монастыря, в том числе известное с середины XV в. С Буяновичи [11].

Помимо перечисленных волостей, в состав Брянского уезда входили еще два стана: Подывотский и Подгородный (Городской). Подывотный стан (названный так по р. Ивот, правому притоку р. Десна) занимал большую часть современного Дубровского района (Алешня, Рябчичи, Колышкино и другие селения), а также северо-восток Клетнянского района (здесь в XVI-XVII вв. селений не было, но бортный урожай Лутенщина в документах XVII в. назван относящимся к Подывотскому стану [12]). Фактическим центром стана было единственное здесь село Голубея (сейчас в Дубровском районе), а всего числилось в 1678 г. 13 селений.

Очень значительным по населению был Подгородный стан. Основная его часть занимала земли правобережья Десны (включая значительную часть современных Жуковского, Брянского,

Жирятинского, почти весь Выгоничский и небольшой участок Почепского района), другая часть (довольно обширная, но мало населенная - в XVII в. здесь было лишь 9 селений) располагалась южнее низовьев р.Снежеть и далее по левобережью Десны, включая нижнее и среднее течение р.Ревна и часть среднего течения р.Навля. Среди селений Подгородного стана (их число в 1678 г. составляло 121, а с учетом возникших в 1680-1690-х гг., не менее 150) было немало старинных. Это, в первую очередь. Вщиж, впервые упоминаемый как центр удельного княжества в 1142 г., а также Белоголовль, Митьковщина, Овстуг, Речица, Княвичи, Жирятино, Страшевичи, Новоселки, Чернетово, Хотылево, Бежичи, Городище, Голяжье, Коростовка, Меркульева, Елисеевичи, Супонево, Лопушь, Ревны, Бяково, Барышье, Крыжино, Бакшеево и другие.

О населении Брянского уезда говорят сведения о числе крестьянских дворов по отдельным волостям и станам (приводим их в порядке убывания): Подгородный стан - 1626, Пацынская волость - 815, Вороницкая волость - 488, Хвощенская волость - 409, Батаговская волость - 397, Прикладненская волость - 361, Подывотский стан - 237. Итого, во всех 330 селениях уезда в 1678 г. числилось 4333 двора частновладельческих и монастырских крестьян. С прибавкой 219 дворов государственных крестьян общее число крестьянских дворов составляло 4552 (есть и другая цифра -4620, но разница между ними не очень существенна) [12]. Помимо крестьянских дворов, в селениях уезда было в то время примерно 250 помещичых дворов, около 200 дворов церковных и монастырских служителей, около 50 дворов однодворцев (в XVII в. последние составили одну из категорий государственных крестьян).

В течение XVIII в. территория Брянского уезда претерпела ряд существенных изменений. Во-первых, в лесных массивах близ р. Ипуть (в основном по ее правому берегу) в первой четверти XVIII в. был создан ряд новых слобод и возникла Краснозаборская волость (названа так по главному селению - Красное Заборье, или Разрытое, которое порой в документах XVIII-XIX вв. именовали даже местечком). Сюда активно привлекал новоселов, обещая большие льготы, АД. Меньшиков, которому к 1727 г. здесь уже принадлежало 1977 крестьянских душ мужского пола [13]. С падением А.Д. Меншикова земли эти отошли к другим владельцам, а вскоре их основная часть из Брянского уезда была передана в Рославльский уезд. Туда же отошли земли Вороницкой волости и большая часть Пацынской волости.

После губернской реформы 1775 г. с образованием нового Жиздринского уезда в составе Калужского наместничества (губернии), к этому уезду отошла северная часть Хвощенской (Фошнянской) волости и почти вся Батаговская волость. Впрочем, к этому времени деление уездов на станы и волости уже не проводилось (позднейшие станы и волости будут во многом отличаться от прежних).

Существенно изменились границы уездов и на территории Орловской губернии, куда теперь вошел Брянскиий уезд. Часть его земель была передана в состав Карачевского, Севского и особенно много - в состав Трубчевского уездов.

В результате к концу XVIII в. определилась та территория Брянского уезда (5971 кв. верста, или 6370 кв. км) [14], которая оставалась без изменений до 1918 г. В нее входили современные Брянский и Жуковский районы, большая часть Дятьковского (кроме юго-востока, относившегося к Жиздринскому уезду) Дубровского и Клетнянского районов (кроме северо-западных территорий, относившихся к Рославльскому уезду), а также юго - восточная часть Рогнединского и северная часть Жирятинского районов даже утратив значительную часть своих земель, Брянский уезд намного превосходил по территории соседние Карачевский (3181 кв. верста), Севский (3488), Трубчевский (4594), Мглинский (3296), Рославльский (5358) уезды и лишь немного уступал Жиздринскому уезду (6382 кв. версты) [15].

Какова же была динамика численности населения Брянского уезда? Переписные книги 1678 г. сообщают, что в селениях уезда проживало 18680 крестьян м.п. [16] то есть общее число крестьян составляло 37-38 тысяч человек, а с учетом дворян, церковников и прочих категорий населения число жителей уезда было, вероятнее всего, немногим более 40 тысяч человек-

По переписи 1719 г. в уезде числилось уже 598665 душ м.п. [17, то есть]около 120 тыс. крестьян. Учитывая значительное уменьшение территории уезда в течение XVIII в., не следует удивляться, что к 1780-м гг. крестьянское население Брянского уезда намного сократилось, составив 73143 человека (30030 мужчин и 36113 женщин) [18]. К 1860-м гг. оно возросло до 88585 человек (43308 мужчин и женщин) [19]. Численность одного крестьянского двора испытывала некоторые колебания: в 1670-е гг. она составляла около 8 человек в 1780-е гг. - свыше 12.

Всего в 1866 г. в Брянском уезде насчитывалось 47 сел, 25 селец, 7 слобод, 230 деревень, 35 хуторов, 16 постоялых дворов. Наиболее значительными по числу жителей были: Дятьково (2962),

Супонево (1678), Акуличи (1517), Любохна (1485), Слободище (946), Лутна (940), Коростово (938) Полпино (902), Салынь (861) Речица (806), Мужиново (805), Селиловичи (755), Страшевичи (751), Меркульева (741), Вороново (738), Рековичи (707), Рябчичи (701), Радица (Чугунная) (699), Тимоновка (680), Госама (671), Алешня (667), Ивановичи (625), Давыдчичи (615), Городище (569), Бересток (559), Жуково (548), Снопот (543) (539), Барышье (538), Пятницкое (536), Дорожево (515), Белоголовичи (514), Голяжье (513), Пеклино (502), Любегощь (487), Мармазовка (486), Антоновка (481), Журиничи (480), Бежичи (Бежицы) (477), Дарковичи (471), Высокое (470), Чернетово (465), Добрунь (465), Трубчино (464), Елисеевичи (461), Бацкино (460) [21].

Для большинства селений был характерен прирост числа жителей, но встречались и исключения (в основном среди старинных сел). К примеру, за 80 лет (с 1780-х по 1860 —е гг.) заметно уменьшилось население сел Давыдчи (с 1146 до 615), Рековичи (с 985 до 707), Апыхань (с 630 до 429), Кабаличи (с539 до 377), Хотылево (с 436 до 288). Наибольшее сокращение произошло в с. Троицое (в XV-XVII вв. – с. Габья) – с 559 до 177 человек [22].

В то же время существенный рост числа жителей был в тех селениях, где хозяйство было связано с торговлей и носило обычно пригородный или ремесленный характер (Супонево, Тимоновка, Добрунь, Антоновка, Фошня, Пятницкое); где значительную роль играли лесные и другие промыслы (Акуличи, Лутна, Мужиново, Алень, Полпино, Журиничи); и особенно там, где развивалось промышленное (в первую очередь - металлургическое и стекольно-хрустальное) производство (Дятьково, Любохна, Бытошь, Ивот, Радица Чугунная). Большое значение имела и переработка сельскохозяйственной продукции: производство пеньки и конопляного масла, свекловичного сахара (с начала XIX в.), а также вина, сырьем для которого было зерно.

Винокурение получило особенно широкое распространение во второй половине XVIIIначале XIX вв. В это время работало в среднем по 15-20 заводов, выпускавших продукцию для продажи. По ведомости 1796 г. в Брянском уезде насчитывалось 42 винокуренных завода [23]. Правда, 20 из них производили вино (до 100 ведер в год) только для домашнего потребления помещиков, но среди остальных были и довольно крупные. Так, на заводе помещицы А.И.Яковлевой в сельце Суздальцево выпускалось в год свыше 5 тысяч ведер вина, на заводе С.Ф. Бородовицына в с. Каменка - 3360, на двух заводах А.И. Надеина в д. Торлоповка и д. Слепынь около 3 тыс. ведер вина.

Для понимания особенностей происходивших в Брянском уезде социально-экономических процессов следовало бы уделить особое внимание землевладению и связанным с ним вопросам, но для их всесторонней оценки требуется отдельное исследование. Наметим лишь некоторые ориентиры. Поскольку Брянский уезд занимал в XVI-XVII вв. важное место в обороне югозападных рубежей Русского государства, основными землевладельцами здесь были служилые люди, в первую очередь дворяне и дети боярские, получавшие поместья за свою постоянную и достаточно опасную военную службу. Вот наиболее распространенные в конце XVI-XVII вв. фамилии служилых людей: Алымовы, Бахтины, Безобразовы, Бовыкины, Бородавицыны, Булгаковы, Бурковы, Булычевы, Вепрейские, Глебовы, Деревнины, Зиновьевы, Зубовы, Исуповы, Козелкины, Коломнены, Колычевы, Кректышевы, Кузеневы, Лавровы, Львовы, Мачехины, Мясоедовы, Небольсины, Панютины, Парфеньевы, Потресовы, Похвисневы, Поярковы, Саловы, Селичевы. Слизневы, Сумороцкие, Толбузины, Толочановы, Тютчевы. Тухачевские. Чемодуровские, Щербовы, Юрасовы.

Изредка в документах того времени встречаются такие известные фамилии как Бегичевы, Болтины, Боборыкины, Глебовы, Голенищевы, Дуровы, Кайсаровы, Козловские, Кусковы, Неклюдовы, Пашковы, Пересветовы, Саврасовы, Толстые, Тургеневы, Унковские, Чаплыгины, но есть и безвестные, не оставившие заметных следов: Безумовы, Бохины, Деевы, Днепровские, Клементьевы, Керекрейские, Лутови-новы, Мотякины, Маховы, Подымовы, Пролыские, Роговцевы, Семитные, Соломины, Темировы, Трубастые, Храпуновы и прочие.

В основном это были мелкопоместные и среднепоместные землевладельцы и лишь немногие из них смогли занять достаточно высокое положение (Безобразовы порой назначались воеводами, а Семен Федорович Толочанов был в конце XVII - начале XVIII вв. окольничим, но на нем эта фамилия и окончилась, а его обширные земельные владения в Брянском уезде перешли к князьям Голициным).

В XVII в. здесь получили вотчины и представители таких родовитых фамилий, как князья Барятинские, Волконские, Мещерские. В конце XVII- начале XVIII вв. имели владения в Брянском уезде такие видные политические деятели, как ФЛ. Шакловитый [25], В.Д. Корчмин, ранее упомянутый А.Д. Меншиков, но их время здесь было недолгим. Однако в целом число

знатных фамилий, имевших владения в Брянском уезде, продолжало расти. В XVIII в. среди них были князья Вяземские, Друцкие-Соколинские, Засекины, Шуваловы, Юсуповы, представители таких известных семейств, как Васильчиковы, Лопухины, Нелидовы, Потемкины, Протасовы, Ржевские, Ртищевы, Хитрово.

В конце XVII-XVIIвв. В уезде появилось много новых владельцев (Батурины, Богдановы, Бордуковы, Брусиловы, Денисьевы, Жабины, Игнатьевы, Мухановы, Мухортовы, Пахомовы, Полуэк-товы, Судейкины, Правниковы, Суровцевы, Титовы, Урывковы, Халютины, Чашниковы, Шушерины и т.д.). Одни из них (Апухтины, Масловы, Сорневы) происходили из старинных служилых родов из соседних уездов, другие (Константиновы, Надеины) дослужились до дворянства на чиновных должностях, третьи (Гончаровы, Демидовы, Мальцовы, Мосоловы) вышли из разбогатевшей купеческо-предпринимательской среды. Впрочем, из числа последних к середине XIX в. лишь Мальцовы не только сохранили, но и значительно преумножили свои владения в Брянском уезде, став крупнейшими промышленниками и землевладельцами уезда. В земельной собственности соперничать с ними могли лишь графы Олсуфьевы, которым достались бывшие имения князей Голициных. Но все же для Брянского уезда продолжали оставаться характерными мелкие и средние поместья, которые и назвать так можно было лишь условно. Так, в конце XVIII в. около 50 помещиков уезда владели от 1 до 10 крестьянских душ. Например, в с.Толмачево Агафья Козелкина владела 1 душой, Аксинья Козелкина - 2, Фекла Долгова - 3, княжна Настасья Волконская - 2, и у двух последних из-за неуплаты рекрутских денег (по 72 коп. с души) были описаны лошади. На трех братьев - Николая, Павла и Александра Дехановых приходился 1 крестьянин в д. Молотино, но тем не менее их называли помещиками [26].

Помимо частновладельческого землевладения, в Брянском уезде в XVI-XVIII вв. (до 1760-х гг.) значительное место занимало монастырское землевладение. Крупнейшим из землевладельцев был Свинский (Свенский) монастырь, которому на территории уезда в конце XVI в. принадлежало 6 селений в Подгородном стане, 13 - в Батагон ской волости, 6 - в Пьяновской волости [27]. По ревизии 1744 г. Свенскому монастырю в Брянском уезде принадлежало уже 5 селений с 2244 душами м.п. в Подгородном стане; 11 селений с 2585 душами м.п. в Комарицкой вотчине; 6 селений с 1602 д.м.п. и Подбужской вотчине; 10 селений с 1693 д.м.п., в Дынской вотчине, итого 37 селений примерно с 16 тысячами крестьян [28].

Помимо Свенского монастыря, земли и крестьян имели также Петропавловский монастырь (с. Городище), Спасо-Поликарпов монастырь (с. Акуличи, деревни Алень, Мужиново и др.), Вознесенский монастырь (с. Козловка, деревни Бородино, Красная, Ореховичи, Чертовичи - порой эту вотчину монастыря даже именовали Вознесенской волостью). Земли имели и другие монастыри вплоть до 1764 г., когда земельные владения монастырей были секуляризированы, а бывшие монастырские крестьяне стали называться экономическими и составили один из разрядов государственных крестьян. На 1798 г. их насчитывалось 4390 душ м.п. [29].

Примечания

- 1. Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение-центра. Л., 1929. С.125; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950. С.359.
- 2. Бутурлин Д. История смутного времени в России в начале XVII века. Ч. II Спб., 1839. С.62-63.
- 3. Брянской десятины жилые данные церкви 7136 (1628) 1746 гг. / /Сборник Орловского Церковно-Археологической комиссии, Т.І.-Орел, 1905. -C.291.
  - 4. Документы Московского архива Министерства юстиции. Т.1.- М., 1897. С.65.
  - 5. РГАДА. ф.192. оп.1. д.7. л.1.
- 6. Водарский Я.Е. Территория и население Севского разряда во второй половине XVII начале XVIII вв. //Вопросы истории и

1974. - C.233.

- 7. ПСРЛ. т.И. М.,1962. стб. 531; Литовская метрика. Книга записей / /Русская историческая библиотека. Спб., 1910. Т.27 стб. 49;63;787-788.129
  - 8. 9. 10. Водарский Я.Е. Указ. соч. С.233-234.
  - 11. Литовская метрика... стб.60.
  - 12. Водарский Я.Е. Указ. соч. СС.216; 217;224.
  - 13. Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М.,1964. С.52.

- 14. Орловская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1866 года. Спб., 1871. C.XXXVIII.
- 15. Орловская губерния... Там же; Смоленская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Спб., 1868. СП.; Калужская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Спб., 1863. С.VI.
  - 16. 17. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII начале XVIII вв. М.,1977. С.225.
  - 18. РГАДА. ф.1355. оп.1. д. 14/955. л.47.
  - 19. Орловская губерния... C.XXXVII.
  - 20. Орловская губерния... С.ССІ.
  - 21. Орловская губерния... C.XL-LV.
- 22. Орловская губерния... С.XL;XLII;XLVIII;XLIX;LI.; РГАДА. Ф.13355. оп.1. д.14/955. лл.7:11: об.20-22:227.
  - 23. ГАБО. ф.5. оп.2. д.414. лл.18-28.
- 24. Сведения о землевладениях Брянского уезда сумммированы из очень многих как опубликованных так и мало известных архивных документов. Основные из опубликованных материалов: Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. / /Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974; Акты Московского государства. Т.1. Спб., 1890; Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.4. Спб., 1851; Памятники южнороссийского наречия. Отказные книги. М., 1977. Важнейший из архивных документов XVIII в. Экономические примечания к Генеральному межеванию Брянского уезда Орловской губернии //РГАДА. ф.1355. оп.1 д.14/955. Учитывая, что в XVIII первой половине XIX вв. владельцы имений нередко менялись, приведенные списки землевладельцев Брянского уезда; отнюдь не претендуют на полноту.
  - 25. О нем см.: Алексеев В.П. Брянский фаворит царевны Софьи.
  - Брянск, 1992.
  - 26. ГАБО. ф.3356. оп.1. д.34. лл.369-375.
- 27. Шумаков С.А. Сотницы, грамоты и записи //Чтения в императорском обществе Истории и Древностей Российских. Кн.2.- М.,1902. СС.183-197.
- 28. Иерофей. Брянский Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. Орел, 1895. CC.210-211.
  - 29. РГИА. ф.558. оп.2. д.165. л.46.

/ Из истории Брянского края : материалы юбилейной историкокраеведческой конференции, посвященной 50-летию образования Брянской области и 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. - Брянск. 1995. — С. 121-129.

Из истории селений Брянщины. Брянский район

Территория современного Брянского района, особенно правобережья Десны, была издавна освоена человеком.

До прихода славян здесь расселялись балтские племена, близкие по языку современным латышам и литовцам. Об одном из них («голядь») свидетельствовало название села Голяжье, переименованного в 1964 году в Отрадное.

В конце 1350-х годов земли Брянщины вошли в состав Великого Литовского княжества. Именно в документах этого государства, относящихся ко второй половине XV века, и упоминаются впервые брянские села Бакшеево, Новоселки, Теменичи, Чернетово (последнее, судя по тексту документа, существовало еще в 1430-х годах).

В ходе русско-литовской войны 1500 — 1503 гг. Брянщина вошла в состав Московского государства, что было закреплено договором 1503 года. В нем перечислены центры брянских волостей в том числе село Батагово.

Первая дошедшая до нас перепись селений Брянского уезда относится к 1595 году, но она охватывает лишь те из них, которые принадлежали расположенному возле Брянска Свинскому монастырю (не очень благозвучное и двусмысленное для монахов название было изменено в середине XVIII века на Свенский). В их числе были села Супонево, Елисеевичи, деревни Киганово

(позже — Тиганово), Коростовка (сейчас — Октябрьское), Меркурово (позже — Меркульево), Тимоновка.

Довольно много селений упоминается в документах «смутного времени» начала XVII века, но все они, без сомнения, существовали еще в XVI веке. Это села Барышье, Бежичи, Голяжье, Госома, Грицево (Толмачево), Кабаличи, Нежковичи (Бетово), Олыпаница (в настоящее время слилось с д. Титовка), Опыхань, Тешеничи, Трубчаны (позже Трубчино), Хотылево, село Болдыж, сельцо Городец, сельцо Дарковичи, деревни Глинищево, Молотино, Торлопово (с середины XIX века — Балахоновка), Хоробровичи.

Первый полный перечень селений Брянского уезда относится к 1678 году. Помимо перечисленных, здесь упомянуты: сельцо Соколово, сельцо Суздальцево (сейчас — д. Сельцо), деревни Антоновка, Бобылево, Верхнее и Нижнее Бородавицыно (с конца XIX века — Бордовичи), Демьяновна (позже — Демьяничи), Добрунь, Домашово, Дорожёво, Карачиж, Журиничи, Карпиловка (слилась с Глинищевом), Колтово, Крылово и Слободка (слились с с. Толмачево), Лопандино, Мысличи (сейчас — Ст. Умысличи), Севрюкова, Стаева, Смольяны, Староселье, Титовка, Чайковичи, Чемодурово, Шапкино.

Отсутствует в перечне, так как возникло немного позже, село Пальцо. Таким образом, большинство сел и деревень современного Брянского района существует уже свыше трехсот лет.

Многие селения до 1764 года были владениями духовенства. Кроме уже упоминавшихся 6 вотчин Свенского монастыря, это были Антоновка, Батагово, Городище, Карачиж, Крылово, Староселье, Трубчаны, а также с. Полбино (Полпино), возникшее в первой четверти XVIII века. Позже все они стали государственными, лишь село Батагово перешло в частное владение.

Большинство селений до 1861 г. принадлежало помещикам, в числе которых были Алымовы, Бакшеевы, Бахтины, Безобразовы, Бородавицыны, Зиновьевы, Игнатьевы, Исуповы, Козелкины, Коломнины, Львовы, Мачехины, Небольсины, Потресовы, Похвисневы, Тютчевы, Щербовы и некоторые другие, получившие свои поместья в XVI — XVII вв. за воинскую службу, которую обязаны были нести почти постоянно из-за частых военных конфликтов, особенно с Польско-Литовским государством и Крымским ханством.

Большинство поместий до середины XVIII века были малыми и средними с небольшим числом крепостных. Нередко в одном селении было по нескольку владельцев.

Постепенно среди помещиков начали выделяться крупные землевладельцы. Например, П.П. Небольсину накануне отмены в 1861 году крепостного права принадлежало 7600 десятин земли вокруг села Новоселки и окрестных деревень.

Наиболее крупными по числу жителей в это время были: Супонево (1678), Коростовка (938), Полпино (902), Меркульево (748), Радица (699), Тимоновка (680), Госома (671), Городище (586), Барышье (538), Бородавицыно (519), Дорожёво (515), Голяжье (513), Тиганово (484), Антоновка (481), Журиничи (480), Бежичи (477), Дарковичи (471), Добрунь и Чернетово (по 465), Трубчино (464), Елисеевичи (461), Новоселки (456).

БАРЫШЬЕ. Первое упоминание об этом старинном селе относится к 1610 году, когда оно было пожаловано вдове рославльского помещика П. Баборыкина Пелагее и ее дочерям. Впоследствии перешло в руки известной на Брянщине дворянской фамилии Бахтиных.

Своего наибольшего развития село достигло, когда принадлежало Михаилу Петровичу Бахтину (1763 — 1838 гг.). В молодости он служил в лейб-гвардейском конном полку.

Вернувшись в село Барышье, М.П. Бахтин остался холостяком, много читал, собрав богатую библиотеку. С крестьянами своими ладил, не раз оказывал помощь нуждающимся. В воспоминаниях сохранился отзыв о помещике одного из его дворовых: «Мы сыты и довольны как нельзя более и огорчать барина ни за что никто не захочет».

Являясь наследником большого состояния, М.П. Бахтин построил в селе Барышье новый господский дом, где были огромный зал с антресолями для музыкантов, столовая, несколько гостиных — всего в доме и соседнем флигеле насчитывалось до 60 комнат. В имении были оркестр из 40 музыкантов, большая псарня, особый птичник для фазанов, вольеры с множеством певчих птиц и попугаев, сад с двумя тысячами фруктовых деревьев всевозможных пород, огромная («длиною с полверсты») оранжерея, в которой даже зимой плодоносили груши и сливы южных сортов, виноград, персики, апельсины.

В 1835 г. М.П. Бахтин передал все свое состояние (540 душ крепостных и денежный капитал на сумму 1,6 млн. рублей) на основание и последующее содержание в губернском городе Орле кадетского корпуса для подготовки офицерских кадров русской армии. Указом царя Николая I Орловскому кадетскому корпусу было присвоено имя М.П. Бахтина, а сам он получил звание

генерал-майора. Через два с небольшим года он скончался и был похоронен возле построенной им в селе Барышье каменной церкви, объявленной в наше время архитектурным памятником. Некоторое время Барышье еще оставалось центром волости, но затем развитие села повторило судьбу многих постепенно разорявшихся и приходивших в запустение «дворянских гнезд». Нередко искажалось («Борис-село», «Борш-село») и старинное его название.

КОРОСТОВКА, МЕРКУЛЬЕВО, СУПОНЕВО. Все эти селения, принадлежавшие до 1764 года Свенскому монастырю, еще в XVI — XVII вв. были довольно крупными. Если в среднем в селах того времени насчитывалось по 9 — 10 дворов, то в Коростовке по переписи 1595 г. был 61 крестьянский двор, 10 дворов непашенных и 6 дворов монастырских служителей, в Меркульеве — соответственно 49, 8 и 2 двора, в Супоневе — 23, 21 и 5 дворов. Кроме того, в Супоневе было 5 дворов церковнослужителей (в селе было 2 церкви), а также 4 кельи, где жили нищие. Хозяева непашенных дворов в основном либо занимались ремеслом, либо работали по найму. Особенно много таких дворов было в селе Супонево, где среди жителей было 3 плотника, по 2 кузнеца, сапожника и пастуха, портной, красильщик, каменщик, гончар, повар, мельник, рыболов, прудник.

Такая тенденция, учитывая близость Супонева к монастырю и городу Брянску, сохранилась и позже. В 1745 году, например, из 80 крестьянских дворов 43 были безлошадными или однолошадными, но это говорит не столько о бедности крестьян, сколько о потере ими связи с земледельческим трудом.

В 1756 — 1759 гг. крестьяне Свенского монастыря неоднократно подавали, челобитные с просьбами облегчить монастырские работы и сократить взыскиваемые платежи, а кое-где их недовольство проявлялось в более активной форме. В 1758 году от крестьян села Супонево была взята подписка о прекращении «озорничания», но некоторые по-прежнему отказывались работать на монастырь, вносить платежи, избивали старост, о чем сообщал в начале 1762 года староста С.Лементьев.

В сентябре 1762 г. отказались идти на работу и выгнали монастырского служителя крестьяне д. Меркульево, а в июне 1763 г. монастырский служитель В. Поярков, ударивший плетью одного из руководителей меркульевцев в борьбе с монастырем Ивана Раевского, был избит подбежавшими крестьянами до полусмерти.

Отказался подчиняться монастырским властям в сентябре 1762 г. и коростовский староста Г. Трутнев, заявивший: «В мене... таких людей нет, чтоб на работу... чернецам посылать; я со всеми того села крестьяны монастыря не слушал и слушать не буду». Неповиновение крестьян с. Коростовки, не раз выгонявших из села монастырских служителей, продолжалось еще несколько месяцев.

Волнения прекратились лишь после появления в феврале 1764 г. манифеста Екатерины II о секуляризации монастырских владений, то есть о передаче их земель и крестьян в государственную собственность.

В последующем Коростовка, Меркульево и особенно Супонево продолжали расти. Супонево в XIX — начале XX в. было вторым, после с. Дятьково, среди крупнейших селений Брянского уезда. В начале XX в. здесь насчитывалось более 2,5 тысячи жителей, имелись волостное правление, школа, несколько торговых лавок, периодически проводились торжки, а в августе ежегодно возле села примерно в течение недели шумела знаменитая С венская ярмарка, хотя ее значение к этому времени заметно снизилось.

Из архитектурных памятников с. Супонево, помимо ансамбля расположенного поблизости Свенского монастыря, следует назвать Георгиевскую церковь, построенную в 1831 г., а открытая на берегу Десны Супоневская палеолитическая стоянка является важным археологическим памятником.

МАЛОЕ ПОЛПИНО. В конце XVIII в. несколько выходцев из с. Полпино основали недалеко от монастыря Белобережская пустынь новую деревушку, которую назвали Малая Полпинка. В деревне несколько раз менялись владельцы, пока в 1842 г. ее не купил помещик Жаковский.

При первых владельцах «крестьяне состояли на оброке, жили довольно зажиточно, хлебопашеством занимались мало, и главный промысел их заключался в рубке и продаже окружающих лесов, в собирании бересты, добывании дегтя и смолы, которые они сбывали торговцам, привозившим к ним в деревню хлеб». Жаковский же перевел всех на барщину, отобрал сенокосные луга и запретил заниматься лесными промыслами и торговлей.

Возмущения такими нововведениями помещик пытался подавить с помощью избиения крестьян и других репрессивных мер, но они привели только к полному неповиновению крестьян Жаковскому, которое продолжалось почти 20 лет.

Рассмотрением положения в Малой Полпинке занимались разные уездные и губернские ведомства, а затем и Сенат, куда передал прошение крестьянин об их переводе в число государственных ходатай малополпинцев Федор Герасимов. Жителей Малой Полпинки неоднократно приезжали увещевать чиновники всяких рангов, сюда несколько раз посылались с карательными целями воинские команды, но добиться повиновения помещику так и не удалось. Крестьяне предпочитали бежать в окрестные леса, переносить телесные наказания («в колодки и железа» заковывали даже беременных женщин), годами сидеть в тюрьме, но отказывались дать подписку о подчинении владельцу. О масштабах репрессий говорят такие цифры: из 194 жителей деревни 40 (т.е. в среднем по 2 человека из каждого двора) находились в тюрьме свыше 5 лет.

Новое рассмотрение дела в 1857 — 1859 гг. подтвердило факты произвола и жестокости помещика, так что даже орловский губернатор В.И. Сафонович вынужден был признать, что «сам Жаковский причиною тех беспорядков». Тем не менее, в 1860 г. согласно судебному решению 37 наиболее активных участников неповиновения (среди них— 10 женщин) были приговорены к наказанию розгами от 40 до 80 ударов.

Завершился конфликт лишь после отмены крепостного права в 1861 г.

ХОТЫЛЕВО. Название с. Хотылево получило широкую известность в археологической науке после того, как здесь в 1970-е годы брянским археологом Ф.М. Заверняевым были обнаружены и исследованы древнейшее в средней части России нижнепалеолитическое местонахождение, возраст которого превышает 70 тысяч лет, а также верхнепалеолитическая стоянка Хо-тылево-2 (возраст — 23 — 25 тыс. лет). Здесь собрана богатая коллекция древнейших каменных орудий первобытного человека.

В более позднее время здесь жили древние балты, а со второй половины тысячелетия н.э. — восточные славяне. В дальнейшем, по-видимому, жизнь в Хотылеве не прерывалась, но достоверных данных об этом нет. Впервые село упоминается в одной из грамот 1610 г., когда оно было пожаловано С.И. Тютчеву, как «старое отца его поместье», то есть село существовало и в XVI в.

Хотылево и позже оставалось владением одной из ветвей дворянского рода Тютчевых, которая дала, в частности, видного декабриста Алексея Ивановича Тютчева (1801 — 1856 гг.).

/ Политический собеседник (Брянск). - 1990. - № 3. - С. 23-27.

Из истории села Брасово и других селений Брасовского района

Первые документальные известия о селениях на территории современного Брасовского района относятся к XV в., когда Брянщина входила в состав Великого княжества Литовского. Территория Брасовского района в то время была частью Брянского повета, его Пьяновской и Волконско-Радогощской волостей (села Пьяново, Радогощь и Волконск сейчас относятся к соседним Комаричскому и Дмитровск-Орловскому районам).

В фондах «Литовской метрики» сохранилась грамота великого литовского князя Александра Казимировича от 3 февраля 1496 г., адресованная брянскому наместнику князю Федору Ивановичу Жеславскому и имеющая прямое отношение к селу Брасово. Вот ее текст с некоторыми сокращениями: «Стояли перед нами очависто в праве, жаловали нам ... слуги наши Пьяновскии, на имя Андрей и Ортем Микитиничи, на боярина Брянского, на Богдана Григорьевича, штож отец наш ... дал ему село их, на имя Брасовское, и он и самих их не хотел от себя отпустити из статки их, и жито себе забрал. Ино мы, того досмотревши, тое село Брасовское присудили есмо Богдану Григоревичу, а они мають пойти добровольно, куды всхотять, от него прочь со всими своими статки изжитом, и ты бы приказал Богдану статки их вси и жито ... им поотдати ...».

Из содержания этой грамоты следует, что при великом князе Казимире (т. е. до 1492 г.) служилые люди Андрей и Артем Никитичи («Микитиничи»), владевшие ранее селом Брасовским, утратили это право, которое перешло к брянскому боярину Богдану Григоревичу, пытавшемуся подчинить себе и прежних владельцев.

И «Микитиничи» и «Григоревичи» известны также по другим документам среди феодалов (в частности — среди бояр) в Брянском и Смоленском поветах. Нужно только иметь в виду, что слово «боярин» здесь имело другой смысл, чем в Русском государстве. Большинство бояр Великого Литовского княжества — это средние и даже мелкие землевладельцы. Не исключено, что и первые владельцы села Брасовского были раньше боярами, но потом перешли в более низкий разряд «слуг». Что касается Богдана Григоревича, то в документах начала XVI в. он назван

уже не брянским, а смоленским боярином, попавшим в московский плен, но в 1508 г. вернувшемся в Литву. Владеть в это время Брасовом он не мог, поскольку по договору 1503 г. вся Северская Земля (включая Брянщину) вошла в состав Московского государства.

Очень скудная документальная база по истории Брянщины XVI в. почти не дополняет наших сведений о селениях Брасовского района. Важнейшим изменением здесь стало образование в конце XVI в. на месте Пьяновской и Волконской волостей обширной дворцовой Комарицкой волости. Эта волость делилась на 4 стана, из которых связанными с территорией современного Брасовского района были Брасовский и Глодневский. До 1620 годов волость входила в состав Брянского уезда, а затем — в состав Севского уезда. Кроме того, крайний северо-восток современного Брасовского района входил в состав Самовской волости Карачевского уезда.

Особенности развития селений Брасовского района в значительной степени и надолго будут определяться их вхождением в одну из трех названных территорий.

а). Еще в документах первой половины XVII в. встречаются упоминания о таких селениях Брасовского стана (помимо села Брасово), как села Кропотово, Колошичи, Клинское, деревни Алешенка, Гримовня, Добрик, Дубровка, Коробкина, Коростель, Лопузинское городище, Осоцкая, Петрилова, Рассошка, Сныткина, Телятникова, слобода Локоцкой колодезь. Из них стали селами Телятниково (с 1665 г.), Алешенка (с 1670 г.), Дубровка (с 1689 г.), Добрик (с 1719 г.), Петрилово (с 1726 г.), а также Лопузинское городище (с 1698 г.), которое стало обычно называться селом Городище (сейчас — с. Городище 1-е). Есть в документах начала XVII в. упоминание и о селе Теменье, но в относящемся к 1628 г. списке жилых данных церквей Севской десятины Теменье среди сел Брасовского стана уже не названо, а в документах начала XVIII в. именуется деревней.

Во второй половине XVII в. возникла слобода Крупец, ставшая в 1697 г. селом, а на рубеже XVII— XVIII вв.— деревни Погребки, Скокина и починок Холмецкий (позже — д. Холмечь), впервые упоминаемые в документах переписи 1707 г.

К ним добавились во второй половине XVIII в. д. Шемякина Гута и хутор Холмецкий.

Из всех названных селений самым крупном было Брасово. В одном из документов начала XVII в. село даже названо «городком» (вместе с Севском и Радогощем), так как здесь имелся укрепленный острожек, где могли укрываться в случае военной угрозы окрестные жители. Кстати, этим объясняются названия и других селений типа «Городище», «Городец», где также были острожки, в основном построенные в XVII в.

Не останавливаясь на экономическом и социальном положении жителей Брасово и окрестных селений в XVII — начале XVIII вв. (некоторые сведения об этом можно найти в моей книге «Взгляд через столетия» — с. 117, 120, 215—216 и др.), напомню лишь, что с 1741 г. все селения, находившиеся на территории Брасовского стана, вместе с их угодьями были пожалованы видному военному и государственному деятелю Степану Федоровичу Апраксину (1702—1758), которому в 1756 г. было присвоено звание генерал-фельдмаршала. Современники не очень высоко оценивали его человеческие качества и полководческое дарование, но тем не менее одна из побед в Семилетней войне — под Гросс-Егерсдорфом (1757 г.) — была одержана русской армией под его командованием.

Его наследником был Степан Степанович Апраксин (1747— 1827) —достаточно яркая и интересная личность.

По словам государственного деятеля и поэта князя И. М. Долгорукова, С. С. Апраксин «привлекал к себе», поскольку был «пригож, любезен, богат», щедр на устройство увеселений и празднеств. Московский дом С. С. Апраксина и его жены Екатерины Владимировны (урожденной княжны Голицыной) был известен литературными чтениями, концертами, спектаклями. В подмосковном имении С.С. Апраксин собрал целую галерею портретов русских государственных и военных деятелей XVIII — начала XIX вв. Был большим поклонником А.В. Суворова, под чьим началом участвовал в 1794 г. в боевых действиях в Польше. Отличился также в ряде русскотурецких кампаний. Последнее воинское звание — генерал от кавалерии.

Несмотря на длительную придворную и военную службу С.С. Апраксин уделял определенное внимание и брасовскому имению. При нем в селе Брасово были заведены две фабрики: суконная и по производству скатертей и салфеток из полотна. Работали три крупных винокуренных завода: два на хуторе Холмецком, один на хуторе Локоть. Кроме того, на хуторе Локоть были построены каменные помещения для лошадей английской и русской пород, а другие помещения конного завода находились на соседнем хуторе Теменьском.

В имении были три господских дома: главный в с. Брасово, при котором — плодовый сад, другие — на хуторе Локоть и Холмецком. Кроме того, в апраксинской вотчине имелось много

прудов и мельниц (некоторые из них—с сукновальнями), работала также пильная мельница (лесопилка) на 2 рамы. В Брасове еженедельно были торжки по понедельникам, а в день Вознесения Господня— ярмарки.

В целом к концу XVIII в. брасовская апраксинская вотчина была многоотраслевым хозяйством, из которой владелец и его управители пытались получить как можно больше доходов. Это приводило к росту социальной напряженности.

Несколько месяцев в 1795—1796 гг. отказывались признать власть С. С. Апраксина работавшие на стекольном заводе в д. Шемякиной Гуте украинские семьи, которые раньше были свободными, а затем, как жившие на помещичьих землях, записанные апраксинскими крепостными.

С конца декабря 1796 г. до середины февраля 1797 г. продолжалось наиболее значительное по масштабам крестьянское восстание с участием крепостных всех апраксинских селений брасовской округи, которое обычно называют восстанием Емельяна Чернодыра.

После С.С. Апраксина сравнительно недолго хозяином брасовского имения был его сын Владимир Степанович, умерший в 1833 г. в возрасте 37 лет в чине генерал-майора.

Последним из Апраксиных владел Брасовом Виктор Владимирович, оставшийся после смерти отца ребенком на попечении бабки и матери. Достигнув совершеннолетия, он находился на гражданской и придворной службе. В период подготовки крестьянской реформы 1861 г., будучи губернским предводителем дворянства, В.В.Апраксин активно защищал интересы помещиков, ибо он, владея 156 тыс. десятин земли, был крупнейшим помещиком Орловской губернии.

Пользуясь связями при дворе, В. В. Апраксин в 1880-е гг. предпочел за лучшее продать брасовское имение в удельное ведомство, почему его новыми владельцами стали великий князь Георгий Александрович, а после его смерти в 1899 г.— великий князь Михаил Александрович (1878—1918),— братья последнего русского царя Николая ІІ. Впрочем, развитие брасовского имения в конце XIX — начале XX вв. заслуживает отдельного рассмотрения.

б). Практически все селения Глодневского стана на территории современного Брасовского района известны еще с XVII в.

Помимо села Глоднево, это села Глушье (сейчас — д. Краснополье), Городище Иванидинское (сейчас Городище 2-е), Чаянка, деревни Вежонка, Веребск (с 1713 г.— село), Лубенск, Казинка, Матенина, Овчухи Верхние (сейчас — с. Верхнее), Овчухи Нижние (сейчас — с. Новое), Перескоки, Сергеевка, Хвошня (Фошня), Хрипкова, Шевякина.

В конце XVII в. к ним добавилась слобода Столбовская (Николаевская), располагавшаяся возле Столбовского Николаевского монастыря (после упразднения в 1766 г. монастыря его строения были переданы прихожанам слободки, которую стали называть селом Столбово).

Все крестьяне Глодневского стана, за исключением Столбовской слободки, стали крепостными еще при Петре I, когда они были пожалованы бывшему молдавскому господарю Дмитрию Кантемиру. В 1754 г. они были возвращены в дворцовое ведомство, но в 1797 г. их основная часть была пожалована крупному государственному деятелю князю Александру Андреевичу Безбородко. Тот, однако, вскоре умер, его имение перешло к брату — И. А. Безбородко, а затем — к дочери последнего, в замужестве — графине Кушелевой. Ее сыну было разрешено именоваться графом Кушелевым-Безбородко.

Семейству графов в Дмитровском уезде принадлежало около 50 тыс. десятин земли, в том числе и основная часть земель Глодневской округи (Брасово и его округа в XIX — начале XX вв. входили в состав Севского уезда).

Из графов Кушелевых-Безбородко наиболее известен Григорий Александрович (1832—1870), писатель, журналист, шахматист, меценат, явно сочувствовавший освободительному движению 1850— 1860-х гг., но очень неоднозначно оценивавшийся современниками (от оценок типа «бездарность», «дурачок» до «чрезвычайно интересный, благородный и чистый, совсем чистый душевно человек»), один из вероятных прототипов князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот».

Центром владений Кушелевых-Безбородко было село Глоднево, где имелся господский дом, регулярный сад, два пруда с мельницами. В селе по средам были торжки, а в XIX в. и ежегодные ярмарки.

Совладельцем Безбородко и Кушелевых-Безбородко в глодневской вотчине был князь Николай Сергеевич Волконский (1753— 1821). Ему также принадлежали земли и крестьяне во всех селениях бывшего Глодневского стана, а в с. Глоднево находился и его господский дом с регулярным садом. Н. С. Волконский был достаточно известным военным деятелем (последнее

воинское звание — генерал от инфантерии). Особенно любопытен тот факт, что его дочь, княжна Мария Николаевна Волконская, выйдя замуж за графа Николая Ивановича Толстого, стала в 1828 г. матерью будущего великого писателя Льва Николаевича Толстого. Следовательно Н. С. Волконский — дед великого писателя.

Особой социальной напряженности в селениях глодневской округи не наблюдалось, так как в отличие от апраксинской вотчины крестьяне здесь были на оброке и имели возможность свободно выбирать виды своей хозяйственной деятельности. По словам одного из документов 1808 г., крестьяне здесь «промысел имеют хлебопашеством, а некоторые торгуют хлебом, пенькою, дегтем, конопляным маслом и ходят в извозах». Большое значение посевов конопли подтверждает и тот факт, что в середине XIX в. во многих селениях имелось по нескольку крестьянских маслобоек: в Фошне — 7, Члянке, Матениной, Перескоках — по 6, Вежонке — 5 и т. д. Развит был также и гончарный промысел, особенно в Верхних и Нижних Аитухах, Глушьем, Казинке

в). Еще одна группа селений, находящихся на северо-востоке современного Брасовского района, в XVII в. входила не в Комарпцкую волость, а в составе Карачевского уезда (с конца XVIII в. они, как и селения глодневской округи, вошли в Дмитровский уезд).

Это были села Суслово, Турищево, Хотеево, деревни Болымова, Вымчибесы, Верхнее Городище (позже — Верхний Городец), Нижний Городец (сейчас — Новый Городец), Дрынки (позже — Андрын-кп), Кретово (позднее, став селом, нередко именовалось Вознесенским), Татарское, или Агарякино Займище (позже — Горякин), Щепятина. Все они известны с XVII в. В XVIII в. появилась еще деревня Кретова, но к середине XIX в. она слилась с одноименным селом. Наконец, на рубеже XVIII — XIX вв. на месте пустоши Хизицы появилась д. Богдановка (позже — Ждановка).

Для селений этой территории характерным было преобладание мелкопоместного и среднепоместного землевладения. Поэтому крестьяне большинства селений принадлежали не одному, а нескольким (порой — многим) владельцам. Например, по сведениям 1808 г. в с. Суслове основная часть крестьян (342 из 445) принадлежала генеральше В. И. Домашневой, 43 — секундмайору И.Е. Веревкину, а еще 60 — трем помещикам Апухтиным. В с. Хотеево 250 крестьян были крепостными двух юных князей и двух княжен Щербатовых, 197 — гвардии прапорщика А. Д. Рагозина, 141 — надворного советника И.Е.Сафонова, 64 — надворного советника Р.В. Бакшеева, 6 — подполковника А. В. Карташова. Исключение составляли сельцо Андрынки и д. Богдановка (оба небольших селения принадлежали И. Е. Сафонову) и д. Верхний Городец, где все 8 крестьянских дворов принадлежали камергеру А. Н. Зиновьеву.

Помимо дворов помещиков, крепостных крестьян, а также церковников (в селах), в нескольких селениях были также дворы и земли однодворцев — потомков мелких служилых людей, считавшихся с XVIII в. одним из разрядов государственных крестьян, но сохранивших право иметь своих крепостных. В 1808 г. 5 дворов однодворцев было в сельце Болымове, 2 — в сельце Щепятине, 1 — в с. Хотеево. В них вместе с хозяевами жили и 8 однодворческих крестьян.

В заключение — некоторые сравнительные данные об изменении численности жителей в отдельных наиболее крупных селениях Брасовского района.

По переписи 1707 г. наибольшее число жителей имели села Брасово и Алешенка (по 149), д. Сныткина (146), с. Глоднево и д. Вежонка (по 141). Как видно, с. Брасово в это время почти не выделялось среди других селений, что объяснимо недавним (в 1699 г.) разорением и сожжением села отрядом стрельцов по приказу севского воеводы Л. Ф. Долгорукова.

Однако к концу XVIII в. Брасово явно опережало по числу жителей все остальные селения округи — здесь их было 1074, в с. Хотеево — 665, д. Вежонки — 551, д. Добрик — 538, д. Осоцкой — 535, с. Глоднево и д. Сныткиной — по 508 и т. д.

К середине XIX в. первая десятка наиболее крупных по числу жителей селений выглядела так: Брасово (2003), Столбово (978), Хотеево (931), Глоднево (892), Веребск (821), Сныткина (768), Суслово (756), Вежонка (719), Добрик (700), Кропотово (658).

Что касается современного районного центра — поселка Локоть, то в 1707 г. в д. Локоть было 105 жителей, в 1780-е гг. отмечен только хутор Локоть, где был 1 двор, а крестьян не числилось; в середине XIX в. на хуторе Локоть было 25 дворов и 133 жителя (нужно иметь в виду, что в сведениях 1707 г. учтены лишь крестьяне мужского пола, а в данных конца XVIII — середины XIX вв. — все крестьянское население).

Из истории селений Брянщины. Дубровский район

Современный Дубровский район не относится к числу тех территорий на Брянщине, которые богаты памятными местами прошлых веков.

Его юго-западная часть, прилегающая к Клетнянскому району, до XVIII в оставалась почти незаселенной. Лучше освоены были территории к востоку от современного шоссе Брянск — Рославль и места, прилегающие к реке Воронине. Именно здесь находятся такие наиболее старинные селения, как Сеславль (XIII в.), Давыдчичи, Рековичи, Старое Колышкино (XVв.)

Упоминаются в документах начала XVII в., но наверняка возникли раньше села Голубея, Долгое, Новоселки, деревни Афонасова (Афонино), Бубнове, Вязовск, Гляднево, Коханово, Островна, Пьянково (сейчас — Линовка), Радичи, Соболеве, Старая Салынь, Гурова (Туровец), Фоминичи. К 1670-м годам к ним добавились Алешня, Бересток, Девочкино, Должанская и Зимницкая Слободы, Жабово, Жукове, Казаново, Рябчичи, Салынь Новая (Молодая), Тютчева Слободка, Узкое, Чепеничи.

В административном плане территория района относилась к Брянскому уезду, за исключением северной части, которая в XVIII в. Отошла к Рославльскому уезду Смоленской губернии. Более значительными по числу жителей были здесь ко времени отмены крепостного права Радичи (544), Коханово (428), Старая Кочева (386), Сеща (380).

В Брянском уезде число таких селений было больше: Новая Салынь (861), Рековичи (707), Рябчичи (701), Алешня (667), Давыдчичи (615), Бересток (559), Жабово 511), Пеклино (502), Деньгубовка (440), Сергеевка (436), Барковичи (420), Буда (410).

Что касается нынешнего районного центра — поселка Дубровка, то его возникновение относится к 1868 г., когда на новой железной дороге Орел — Рига появилась станция, получившая название от соседней деревни, состоявшей из 30 дворов.

СЕСЛАВЛЬ. В грамоте «О ногородьи и почестьи», относящейся к 1210-м гг., среди городов, плативших дань смоленским епископам, назван Изяславль. По мнению большинства исследователей, город находился где-то близ д. Сеславль на северо-востоке современного Дубровского района, так как на территории бывшего Смоленского княжества нет других названий, созвучных Изяславлю. Никаких известий древнем городе летописи не содержат. Судя по размеру собиравшейся и пользу епископии дани (вдвое меньше, чем с соседней Пацыни), город был невелик. Обнаруженное близ Сеславля небольшое древнее городище до сих пор не исследовано.

Второе упоминание о старинном поселении относится к 1503 г., когда среди центров брянских волостей, отошедших к России от Речи Посполитой, назван Всеславль.

Волостным центром Сеславль был, впрочем, недолго: уже в концеXVI в. село вошло в состав Вороницкой волости, большая часть которой находилась за пределами современной Брянщины. Поскольку в годы «смуты» начала XVII в. церковь в Сеславле «запустела, развалилась и стояла без пения», а позже так и не возобновилась, уже с 1610 г. его называли то селом, то сельцом, то деревней.

Жители и угодья селения принадлежали различным мелкопоместным землевладельцам. Так, в конце ХУШ в. среди них были Панютины, Мясоедовы, Потресовы, Бородавицыны и другие — всего более десяти помещиков, хотя сельцо было невелико. Ко времени отмены крепостного права в нем насчитывалось 27 дворов, где проживало 272 крестьянина.

ДАВЫДЧИЧИ. В «Литовской метрике» (сборнике различных актов Великого Литовского княжества) имеется относящаяся к 1457 г. запись, что некоему Петрыце (Петру) пожалованы «два человека Давидчичи и селище пустое Бобовое». Есть все основания полагать, что именно эти Давыдчичи, поселенные на старом селище Бобовом, дали вторую жизнь селению, которое стало называться Давыдчичи.

В 1610 г. д. Давыдчичи упоминается среди пожалованных Семену Тютчеву как «старое поместье отца его».

В XУШ в. Давыдчичи и многие окрестные земли стали владением князей Засекиных и принадлежали им до 1860-х гг.

Известны отдельные примеры активной борьбы давыдчичских крестьян против помещичьего гнета и произвола. В июле 1773 г. из села одновременно бежали «з женами и детми, оставя дворы свои» 10 крепостных. Допрос одного из них показал, что, кроме бежавших последний раз, еще около 90 беглых крестьян из с. Давыдчичи, не считая женщин и детей, жило в

разных селах, в основном на востоке Белоруссии. Налицо был факт массового бегства.

Прошло немного времени, и в ночь на 24 июля 1775 г. в Давыдчичах был «умышленно зажжен... сарай», принадлежавший князю А. Н. Засекину, «от которого оного господина...дом и протчее все без остатку згорело». Подозрение в поджоге пало на крестьянина Ивана Селиванова, который отличался «чинимыми продерзостями, в возмущении... крестьян непослушанием, в подговоре и проводе к побегу — крестьян, за что несколько раз был... и наказывай». Запирательство Селиванова и благоприятные для него показания крестьян привели к затягиванию следствия.

Тем временем из села снова начались побеги крепостных, усилились волнения, случавшиеся и раньше. Это заставило князя Засеки на обратиться в 1777 г. с просьбой «о сожженном дому его следствие остановить», так как он опасался, что «вместо восстановления в вотчине его между крестьянами тишины и спокойствия и должного ему послушания, вытьти может такой безпорядок и разстройка, что он... принужден будет, оставя... деревенскую экономию, жить в городах, спасая себя от опасности». Что касается И. Селиванова, то его по желанию помещика «за продерзостные поступки» сослали в Сибирь.

БЕРЕСТОК. Нахождение деревни на старинном тракте Брянск — Рославль невольно приобщило ее жителей к нескольким заметным историческим событиям. Одно из них относится ко времени Смоленской войны между Россией и 14-чью Посполитой. К осени 1633 г. около 3 тысяч служивых людей из находившейся под Смоленском армии боярина М.Б. Шеина бежали и «вольные казаки», в основном в район Рославля. Здесь к ним присоединилось еще почти столько же «всяких вольных людей» — беглых крестьян, холопов и других. С большим трудом И.В. Наумову, посланному в это казацкое войско воеводой, удалось уговорить вольницу оставить Рославльский уезд и двинуться к Можайску, где формировалась армия. Войско шло через Брянский уезд к 1 февраля 1634 г. встретилось в д. Бересток с отрядом атамана Анисима Чгртопруда, возвращавшегося из Москвы после поездки «с языками». л Чертопруд самовольно собрал в Берестке «круг» (общий сход войска), ни своему усмотрению роздал полученные в столице царские знамена новел «вольных казаков...на воровство». Пройдя мимо Брянска к Карачева к Козельску, часть восставших затем ушла на Дон, другие мнились по своим уездам.

Еще одно войско жители Берестка видели в начале июня 1651 г., когда русские власти разрешили пройти через территорию Брянского уезда оплавляемым полковником И. Шоховым 4 тысячам запорожских «таков, которые затем неожиданно для противника заняли г. Рославль. Но был заметный эпизод из многолетней борьбы украинского народа во славе с Богданом Хмельницким против польско-литовских феодалов, за "иссоединение с Россией.

В последние дни сентября — начала октября 1708 г. через Бересток соседнюю Салынь проследовали полки русской армии во главе фельдмаршалом Б. П. Шереметевым, направлявшиеся к Почепу и далее на юг, чтобы не допустить движения в сторону Москвы шведской армии. Тремя неделями позже здесь же проехал, торопясь в Брянск и далее в армию Шереметева, царь Петр I.

ГОЛУБЕЯ, ВЯЗОВСК - эти два небольших соседних селения, расположенные на реке Десне, относятся к числу старинных. В XVII и Голубея была единственным селом в Подывотском стане Брянского уезда (территория стана занимала значительную часть современного Нубровского района и северо-восток Клетнянского района). Церковь в селе, судя по древнейшему синодику Свенского монастыря, где упомянут священник Борис села Голубей», существовала еще в 1570-е годы.

В документах XУП в. иногда встречаются другие названия села (Голобье, Голуба), а также деревни Вязовск (Вязовец, Вязовка), но « концу века устанавливаются современные названия.

В 1708 г., когда возникла угроза вторжения шведской армии Карла XП в глубь России, вдоль Десны от с. Голубея почти до северной границы современного Рогнединского района велись активные оборонные работы: устраивались укрепления, засеки, завалы, копались рвы и т.д. В сентябре-октябре здесь работало более тысячи человек, в основном крестьян из брянского уезда.

Есть сведения об активной классовой борьбе местных крестьян против крепостнического произвола. Так, в 1784 г. в Вязовске был убит приказчик местного помещика, генерала А. С. Лопухина Андрей Акимов. Совершившие это Тарас Баранов, Ермолай Удалых, Яков Батажонкови Семен Бараненков были после жестокого телесного наказании и клеймления направлены на каторжные работы.

Ко времени отмены крепостного права в Вязовске насчитывалось 277 жителей, а в Голубее и того меньше (181), хотя село было центром одного из крупнейших (12 тысяч десятин земли) поместий, которым владела графиня М. А. Олсуфьева.

Нередко сюда приходили и крестьяне окрестных селений: в графское имение, в торговые лавки и на периодически проходившие базары, а также прихожане церкви, новое здание которой было построено в 1869 г. Сохранившаяся до наших дней Троицкая церковь в с. Голубея несомненно заслуживает внимания как интересный архитектурно-ландшафный памятник.

/ Политический собеседник (Брянск). -1990. - .№ 17. - С. 23-28.

Из истории селений Брянщины. Жуковский район

Территория современного Жуковского района в эпоху Древней Руси входила в состав Черниговской земли, затем Вщижского и Брянского княжеств, а позже (с XVI в. до 1917 г.)—в состав Брянского уезда.

Наиболее давно освоенная часть Жуковского района — территория к югу от р. Десны и ее притока Угости. Здесь находится Вщиж, бывший в XII — XIII вв. центром удельного княжества, и многие старинные селения, в том числе известные с XV в. Белоголовичи (Белоголовль), Речица и Митьковщина, с XVI — XVII вв. — Быковичи, Крыжино, Дятьковичи, Леденево, Нешковичи, Песочня, Спинши (Спинка), Стипково, Столба. Сычковичи (Ситковичи), Шишковичи, Токареве Чудиново, Шамордино, Шишкове. Некоторые из них располагались по соседству и позднее слились: Дятьковичи, Митьковшина и Спинка, Нешковичи и Шишково, Токареве и Чудиново, Шамордино и Шишковичи. Из селений, возникших позже, можно отметить основанное в начале XVIII века помещиком Е. Мясоедовым сельцо Родное (Рудное) и Костыли. Начало двум современным поселкам положили появившиеся в середине XIX века на дороге Брянск - Рославль постоялые дворы: Угреть и Безводки (позже — Брезгодки, сейчас — п. Цветники). Земли, расположенные севернее р. Угость, были освоены немного слабее. Наиболее старинным селением здесь была деревня Летошники, упоминаемая в одном из документов 1610 г., но существовавшая еще в XVI в. В XVIII — первой половине XIX в. появились в этих местах еще только три деревни: Вышконйчи, Лелятино и Никольская Слобода (Тононыки). Вся остальная территория Жуковского района, расположенная на лонобережье Десны, в течение длительного времени входила в состав Хвощеп-ской (Фошнянской) волости. Здесь, помимо села Фошня, к числу стариннык селений, возникших не позднее середины XVII в., относились Касилово, Саково (Зыково), Старое Лавшино, Старые Месковичи (Несковичи), Ходиловичи. Еще 11 селений (в том числе—Александровка, Матреновка, Николаевка, Гришина или Месковская Слободка) возникли в XVIII —первой половине XIX века. К середине XIX века относится возникновение деревушки Красная Слободка, или Жуковка, давшей название современному районному центру. В 1860 году в ней было лишь 5 дворов и 61 житель.

Крупнейшими по числу жителей в это время были Речица (806), Ходиловичи (695), Овстуг (670), Фошня (569), Белоголовль (514), Крыжино (457), Костыли (440), Столба (418), Леденево (400), Касилово (390).

Среди помещиков, помимо Бахтиных, Везобразовых, Голенищевых, Зиновьевых, Кайсаровых, Панютиных, Пашковых, Титовых, Толбузиных, Тургеневых, Тютчевых, Челюскиных и некоторых других дворянских фамилий, были также князья Барятинские и Мещерские.

Один из последних, князь Д. И. Мещерский, имевший поместье в с. Крыжино и отличавшийся жестоким обращением с крестьянами и дворовыми, был убит ими в 1782 г. Десять участников убийства были наказаны кнутом, заклеймены и сосланы «вечно в каторжные работы».

Когда в 1868 году была построена железная дорога Орел—Смоленск — Ржа, возле деревни Жуковка возник и стал постепенно разрастаться одноименный пристанционный поселок, в котором к концу XIX века насчитывалось более 600 жителей. Одновременно появилась станция Олсуфьево, получившая свое название от графов Олсуфьевых, владевших поблизости большим имением с центром в с. Толубея.

ВЩИЖ. Впервые в летописях Вщиж упоминается под 1142 годом, когда великий киевский князь Всеволод Ольгович дал его своему двоюрдному брату Владимиру Давыдовичу.

Основные летописные данные о Вщиже связаны с сыном Владимира, князем

Святославом. С 1155 г. в состав его княжества входили все земли средней части Подесенья. В 1160 г. Вщиж был осажден дружинами восьми князей, недовольных союзом Святослава Владимировича с Изяславом Давыдовичем, почти постоянно враждовавшим с другими князьями. Осада длилась пять недель, но Вщиж так и не был взят, потому что осажденные бились «с Русскыми князи из града крепко».

Несмотря на молодость, Святослав Владимирович был довольно заметным князем. Прокняжил он недолго, скончавшись в 1166 или 1167 г. Вщиж и после оставался центром княжества, но о событиях, с ним связанных, известий в летописях больше нет.

Многое в жизни города стало известна благодаря археологическим данным. Еще в 1819 г. владелец села Вщиж Н. М. Зиновьев обращал внимание известного историка Н.М. Карамзина на то, что Вщиж и его округа богаты археологическими пямятниками. Он писал: «Еще доныне в окрестностях видны следы земляных укреплений и находятся большие гранитные кресты (на курганах), весьма не худо выделанные. Выкапывают также немало медных крестов, икон, железной конской сбруи и прочее».

Местными жителями в разное время были найдены меч, топоры, золотой перстень, бронзовый водолей, подсвечники французской работы и другие вещи, преимущественно XII в

Особое значение для восстановления истории Вщижа имели раскопки, произведенные в 1940 и 1948—1949 гг. Б.А. Рыбаковым. Удалось установить, что территория Вщижского городища была заселена славянами с I X в., но начинался древний Вщиж не здесь, а на соседней Благовещенской горе, где до V I I в. находилось языческое святилище древних балтов, которых позже вытеснили славяне.

В XI веке Вщиж представлял собой небольшую крепость с посадом за ее стенами. Затем территория города значительно расширилась. Вокруг детинца появились новые дубовые стены, в центре — массивная деревянная башня — вежа. Кроме больших княжеского и боярских домов в детинце вдоль стен располагались тесно прижатые друг к дружке избы, где жила челядь феодалов.

Небольшой внутренний вал отделял детинец от обширного посада, укрепленного мощными валами и глубоким рвом. Центром посада была каменная церковь середины XI I века. Основную часть населения составляли ремесленники: гончары, кузнецы, плотники, оружейники и т.д.

В **1500** г. Вщиж назван «королевским имением», т.е. село было владением великих литовских князей. С конца XVI века село принадлежало помещикам Зиновьевым, но существенной роли уже не играло. Ко времени отмены крепостного права во Вщиже было всего 16 дворов со 169 жителями.

ОВСТУГ, РЕЧИЦА. Поселения на месте этих соседних сел возникли в дославянское время. Не прерывалась здесь жизнь и в дальнейшем. Так, в Овстуге были найдены в глиняной кубышке 40 серебряных чешских монет XIV века, а «сельцо Речица» упоминается в 1457 г. в документах «Литовской метрики», как пожалованное некоему А. Толоконскому.

С начала XVII века сведения о селах встречаются значительно чаще. В период смутного времени сменились владельцы с. Овстуг (Встуг). Вместо умершего Б. Деревнина, погибшего О. Мясоедова и оказавшихся «в измене, в воровстве» у Лжедмитрия 11 Н. и Л. Днепровских здесь получили поместья И. Коломнин и братья А. и Д. Небольсины. Тогда же, в 1610 году, Андрею и Ивану Панютиным было подтверждено право «на старое их поместье» — село Речица с деревнями Проща, Козасов, Юриничи и Любин. Эти деревни позднее либо исчезли, либо слились с Речицей.

Панютины оставили о себе определенную пямять в с. Речица. В 1620-е годы здесь А. Панютиным была построена первая в Брянском уезде сельская каменная церковь, разоренная в годы Великой Отечественной войны. С Панютиным связана и родословная Тютчева.

В 1762 году Пелагея Денисовна Панютина вышла замуж за Николая Андреевича Тютчева и уехала в его подмосковное имение Теплый Стан. Но вскоре супругам пришлось вернуться в Речицу, а затем Н. А. Тютчев, дед будущего поэта, сумел путем покупок значительно расширить свои владения, центром которых стал Овстуг. Здесь появился каменный господский дом, парк с прудом, обнесенный металлической решеткой сад.

Любопытное описание нравов того времени оставил Г.Добрынин, бывший свидетелем «страшного сражения» с горячительными напитками, которое произошло у священнослужителей и помещиков Брянского уезда в сентябре 1772 года по случаю приезда в имение Н.А. Тютчева севского епископа Кирилла Флиоринского. Пиршество, начавшееся вечером, продолжалось при свете двух тысяч плошек всю ночь и завершилось вечером следующего дня.

О характере взаимоотношений овстугских и речицких помещиков с крепостными говорит такой пример. В январе 1797 года к речицкому помещику Ф. А. Бахтину «с криком» вошли 5 братьев Горбовских и еще около десятка дворовых, которые показали выданный им хлеб, где «ничего более как почти одна мякина с малым числом зерен не заключалось», и потребовали переменить его. Это было расценено помещиком как бунт, а Горбовекие были наказаны кнутом и сосланы.

Совершенно иным светом озарила эти места жизнь и деятельность великого русского поэта — лирика, философа и патриота Федора Ивановича Тютчева, родившегося в селе Овстуг 23 ноября 1803 года. С Овстугом связаны его детство, отрочество и ранняя юность, сюда не раз он приезжал и в пору, зрелости, в период с 1846 года по 1871 год, здесь им были созданы многие поэтические шедевры.

Отношение к местам, где Ф. И. Тютчев «мыслил и чувствовал впервые», было у него неоднозначным. Сравним хотя бы два отрывка из писем поэта к жене Эрнестине Федоровне: «Когда ты говоришь об Овстуге, прелестном, благоуханном, цветущем, безмятежном и лучезарном, — ах, какие приступы тоски по родине овладевают мною...», «...впечатление полной заброшенности и одиночества, которое неизменно вызывают эти серые избы и тропинки, теряющиеся в полях».

В 1810-е г. в Овстуге неоднократно жил поэт, переводчик и журналист С.Е. Раич, бывший первым учителем и воспитателем Феди. В середине XIX века здесь не раз бывал известный поэт Я.П. Полонский, с которым Ф.И. Тютчев был дружен. С 1865г. в Овстуге жил герой Севастопольской обороны 1854—1855 гг. И. А. Бирилев, ставший мужем дочери Ф. И. Тютчева Марии. Хотя М. Ф. Бирилева умерла молодой, она успела оставить о себе добрую память, открыв в Овстуге в 1871 году училище для крестьянских детей. В 1912 году село посетил известный художник Ю.Ю. Клевер, который нашел усадьбу в запустении, а еще через два года усадебный дом был разобран на кирпич. Восстановлен он в 1986 году. Сейчас здесь находится новая экспозиция Тютчевского музея, первооснователем которого и 1957 году стал замечательный энтузиаст В.Д. Гамолин.

/ Политический собеседник (Брянск). – 1990. - .№ 8. – С. 22-25.

Из истории селений Карачевского района

Территория современного Карачевского района составляет лишь небольшую часть Карачевского уезда, не говоря уже о Карачевском княжестве в том виде, в каком оно существовало в середине — второй половине XIII в. В XIV в. из его состава выделились княжества Козельское, Мосальское, Волховское, Звенигорбдское (существовало примерно в районе современного Орла), Кромское, Хотетовское. Оставшееся в значительно уменьшившихся размерех Карачевское княжество в начале XV в. вошло в состав Великого княжества Литовского, утратив сваю самостоятельность. Из оставшихся к Карачеву селений в документах " Литовской метрике " упоминается в середине XV в. село Вояновичи, позже вошедшее в состав Брянского уезда, а затем — Жиздринскрго уезда Калужской губернии.

В начале XVI в. Карачев и его округа, подобно всей остальной Брянщине, вошли в состав Московского государства, однако первые известные сведения о селениях Карачевского уезда относятся только к XVII.

В это время достаточно ясно определилось несколько групп селений в зависимости от их владельческой принадлежности.

Близ г. Карачева находилось несколько слобод, где проживали служилые люди: стрельцы, пушкари, затинщики, казаки и т.д., которые в конце XVII - начале XVIII вв. были приписаны к однодворцам. Всего в 171Э г. в уезде числилось 1685 душ однодворческого мужского населений. В числе однодворческих поселений были Стрелецкая, Беломестная, Градская Беломестная, Пушкарная (Затинная) слободы, а также деревня Окулова. Кроме того, отдельные дворы однодворцев были и в других селениях: Козинки, Богатыреве, Беляева, Трубчениново и т.д.

Из трех карачевских монастырей наиболее крупным землевладельцем был Воскресенский монастырь (Тихонова пустынь). К 1670-е гг. этому монастырю принадлежали слобода Бережок, села Покровской (Покров), Ружное, Бутре, Глинки, деревни Байкова, Подосинки, Ревны. Позже к ним добавились слобода Рясник, деревни Гремячая, Сычеюка, Пластовая.

Введенскому девичьему монастырю принадлежали деревни Погибелька и Пасека.

Только Николаевский Одрин монастырь не имел сюих крестьян, хотя и владел большими землями (в основном - лесами). В подмонастырской слободке проживали бобыли, многие из которых затем обзавелись семьями и хозяйством, оставшись казенными. На положение казенных (экономических) крестьян были переведены в 1670-е гг. и все остальные бывшие монастырские крестьяне.

На юге уезда (основная часть современного Шаблыкинского района Орловской области, северо-восточная часть Брасовского района и небольшая часть Навлинского района) находилась Самовская волость, которая, подобно знаменитой Комарицкой волости, была в начале XVII в. дворцовой. Однако, после завершения " смутного времени земли и селения Самовской волости стали передаваться во владения помещикам за их военную службу. Тем самым заметно пополнилась наиболее многочисленная группа частновладельческих селений уезда.

В административном отношении Карачевский уезд е XVII в. делился на уже упомянутую Самовскую волость и три стана: Подгородный, Рославский и Хотимльский (последний иногда называли волостью). В них, по данным 1678г., соответственно числилось 576, 778, 289 и 352 крестьянских дворов, т.е. всего около 2 тыс. дворов.

Вся территория современного Карачевского района в XVII в. относилась к Подгородному стану, где по спискам 1678 г. насчитывалось 32 селения (из них - часть за пределами Карачевского района). Размеры селений были невелики - 8-10 дворов (в среднем на двор приходилось 9-10 жителей).

Следует добавить, что Карачевский уезд был одним из наиболее разоренных в годе смуты " начала XVII в. Многие села и деревни превратились в пустоши и селища, поскольку уцелевшие крестьяне предпочитали бежать " от литовской войны, и от русских воров, и от татар " в более спокойные места. Даже в описаниях 1630 — 1640-х гг. в отдельных имениях пустыми были и помещичьи, и крестьянские дворы, а некоторые из селений сельцо Сельня, деревня на Сатанинском болоте, деревня Глыбочка и т.д. исчезли вообще и возобновились значительно познее.

В Карачевском уезде преобладало мелкопоместное землевладение, тем более, что в первой половине XVII в. здесь получили поместья многие землевладельцы Стародубского, Почепского, Рославльского, Черниговского и некоторых других уездов, отошедших после Деулинского перемирия к Речи Посполитой.

Фамилии многих из этих владельцев остались в названиях селений: Бавыкина, Боготырееа, Дюкорево, Емельяново, Кривошеино, Куприно, Кареево, Мазнева, Масловка, Перькова, Сабурова, Сурьяново, Соковнино, Трубчениново, Цуриково и т.д. Отдельные фамилии закрепились в названиях с искажениями: д. Кашкаданово, несомненно, связано с фамилией помещиков XVII в. Кошкодамовых; д. Кондрево - с фамилией Концыревых и т.п.

Некоторые селения сменили свои названия позже также по фамилиям владельцев. Так, село Рожественское (XVII в.) в конце XVIII в. уже будет иметь двойное название: «Рожествено, Вельяминово тож»; сельцо Тарасы, где основная часть крестьян принадлежала помещикам Яковлевым, станет деревней Яковлево; село Павловское (Никольское) по фамилии владельцев станет называться Длымово.

Из-за того, что селения носили иногда несколько названия сразу, их идентифицировать с современными селениями не так просто. Например, о селе Юрасово в документах конца XVIII в. сообщается: " Село Юдинское (Хотеевское тож), что по мирскому названию Никольское (Юрасово тож)».

В XVIII - первой половине XIX вв; в жизни Карачевкого уезда произошли определенные перемены. Изменились границы уезда: бывший Рославский стан и часть Хотимльского стана отошли к Волховскому уезду; часть бывшей Самовской волости - к Дмитровскому уезду; в свою очередь, к Карачевскому уезду отошли некоторые территории брянского уезда село Бяково и др.). Площадь уезда к середине XIX в. составляла 3181 кв. версту (3394 кв. км.) Исчезли фамилии многих прежних землевладельцев; некоторые, разорившись, перешли из числа дворян в однодворцы например, Дехановы). Одновременно появились более крупные землевладельцы: Хитрово, Сафоновы, Киреевские, Львовы, Самойловы, Тепловы, Салтыковы, Веревкины и т.д.

Наряду с сельским хозяйством и различными лесными промыслами часть сельских жителей стала привлекаться и к промышленному производству. Так, в конце XVIII в. близ д. Песочни Е.И. Мальцовой был построен хрустальный и стекольный завод; в селе Рожесвено (Вельяминово) появилась суконная фабрика М.В. Зиновьева; в ряде селений работали винокуренные заводы. В середине XIX в. сельце Поповка (Пасека) появился картофельно-крахмальный завом. Однако, в

целом промышленное развитие в уезде не получит таких размеров, как в соседних Брянском и Жиздринском уездах.

Всего в середине XIX в. в Карачевском уезде будет насчитываться 58 сел, 26 селец, 9 слобод, 200 деревень, 12 хуторов и выселок, т.е. свыше 300 селений. Большинство их будет невелико: от 10 до 50 дворов и от 50 до 300 жителей. Самыми крупными на территории современного Карачевского района в это время были село Ружное (1083 жителя) и село Вельяминово (834 жителя).

/ Страницы истории Карачева. – Брянск, 1996. – С. 8-10.

Из истории селений Брянщины. Рогнединский район

Первые достоверные известия о славянских поселениях на территории современного Рогнединского района относятся к XII в., но, согласно археологическим данным, славяне появились здесь не позже VIII - IX веков.

К концу XI в. эта территория была уже хорошо освоена и плотно заселена. Не случайно из 14 центров волостей Брянского уезда, воссоединившегося с Русским государством в 1503 году, пять (Пацынь, Федоровское, Осовик, Покиничи, Сухарь) находились именно здесь.

Не позже XVI в. возникли Бабенки, Бабичи, Башево (слилось с с. Хариново), Близница (слилось с д. Ратовской); Болохча, Вороново, Гатьково, Долгое, Желтоночевичи, Жуково, Каменка, Кисляково, Клечетово, Княгинино, Копаль, Лазицы, Летошники, Литовники, Межево, Милейково, Мокрое, Молотьково, Нечаево, Ормина, Селиловичи, Снопоть, Студенец, Толвино, Хариново (Мишково), Хотмирово, Чернея, Щипонь, Щепет, Яблонь.

В документах XV I I в. встречаются названия и таких селений, как Бухолово, Горелая Слобода, Зимницы, Ивашково, Литвинове, Малое Рогнедино, Павловичи (сейчас д. Павлова Слобода), Павловское, Ратовская, Сельцо, Сарыев Конец (слился с д. Молотьково), Стреганово, Тюнино, Харинов Конец (слился с с. Хариново), Хорошково, Шепырево, Шаровичи.

Таким образом, «возраст» основной части селений Рогнединского района — свыше 300-400 лет.

До 1861 года подавляющее большинство земель и крестьян принадлежало помещикам, в основном — мелким и средним. Среди помещиков, помимо Алымовых, Безобразовых, Бородавициных, Кузеневых Львовых, Мяеоедовых, Потресовых, Чеплыгиных, Щербовых и прочих, были представители таких знаменитых фамилий, как князья Волконские, Саврасовы, Тютчевы, Тухачевские.

Размеры селений были, как правило, невелики— 10-20 дворов, а порой и менше. В западной части района, входившей с конца XVIII в. в состав Рославльского уезда Смоленской губернии, крупнейшим селом являлось Рогнедино, где накануне отмены крепостного права проживало более тысячи крестьян. Другие селения заметно отставали: Болохча (580), Чернея (518), Милейково (410), Хариново (360). В юго-восточной части, входившей в состав Брянского уезда, число крупных селений было больше: Яблонь (979), Селиловичи (794), Вороново (738), Жуково (548), Снопоть (543), Пятницкое (536), Литовники (405), Копаль (398), ст. Хотмирово (373). В северовосточной части, относившейся к Калужской губернии, крупнейшим было село Шаровичи.

РОГНЕДИНО. В краеведческой литературе давно утвердилось мнение, что название Рогнедино связано с именем жившей во второй половине X в. полоцкой княжны Рогнеды, насильно взятой в жены князем Владимиром Святославичем и ставшей матерью его четырех сыновей и двух дочерей.

Довольно распространена легенда о том, что киевская княгиня Рогнеда была якобы выслана Владимиром в отдаленный лесной край, где и основала село, которое стало носить ее имя. Названа и дата этого события — 985 г.

Однако никакими историческими документами это не подтверждается. Незадолго до принятия в 988 году христианства Владимир Святославович действительно прервал брак с Рогнедой, но сведений о ее опале или ссылке нет.

Между тем в летописях есть известие, которое помогает определить время возникновения Рогнедина.

В феврале 1168 г., находясь в Смоленске, князь Ростислав Мстиславович опасно заболел. «И виде его сестра его Рогнеда велми изнемогающе, и нача ему молитися, да ляжет в Смоленеце в

своем здании,, он же рече ей: «Не могу здь лечи, но везете мя Киеву...» (Ростислав был одновременно князем смоленским и великим князем киевским, и его стремление прибыть в Киев связано с желанием сохранить великокняжеский престол за смоленской династией). «...И нридоша с Ростиславом из Смоленьска, а ему уже вельми изнемогающу; и быеть в селе Рогнедине в Зарубе...» Здесь князь и скончался 14 марта 1168 г., а похоронен был через неделю в Киеве.

Таким образом, название «Рогнедино», несомненно, связано со смоленской княгиней Рогнедью, жившей в XI I в. Ясно и другое: в выражелии «в селе Рогнедине в Зарубе» слово «Рогнедино» указывает на владельческую принадлежность села, название которого "Заруб.

Волостной центр Смоленского княжества Заруб (именуемый так в связи с нахождением близ границы Смоленской и Черниговской земель) известен с 1136 года, но возник он, вероятнее всего, в начале XI I в. Волость первоначально управлялась смоленскими князьями, а примерно с середины века она перешла в собственность сестры Ростислава Мстиславовича.

Рогнедь, вероятно, не только довольно долго владела Зарубом, но и часто жила в нем, почему село и стало называться просто Рогнедино.

Поскольку имя Рогнедь (Рогнеда) было на Руси очень редким, а о носившей его смоленской княгине в дальнейшем забыли, то и название села Рогнедино в течение времени становилось все более трудно объяснимым и нередко искажалось в разговоре местных жителей и в документах (Рагнедино, Лагредино, Разгредино). Сохранился документ 1610 года о пожаловании Андрею Бородавицыиу его старого поместья — «сельцо Рогнедиш». Ему же была пожалована деревня Рогнедино, бывшее поместье Афанасия Кузеиева. Следовательно, в начале XVII в. рядом существовали два одноименных селения (второе из них позже стало называться Малое Рогнедино). В середине XIX в. Рогнедино было крупнейшим из сел не только Рославльского уезда, но и всей Смоленской губернии. Отметим, наконец, что в с. Рогнедино в 1902 году в семье местного священника Павла Павловича Чаплина и его жены, учительницы, Веры Ивановны родился сын Николай, бывший в 1924-1928 гг. генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ, ставший затем видным партийным деятелем и подобно многим оказавшийся жертвой необоснованных репрессий в 1938 году.

ПАЦЫНЬ. Как волостный центр Смоленского княжества Пацынь впервые упоминается одновременно с Зарубом. Вторично Пацынь названа в грамоте «О погородье», относящейся в 1210-м годам и содержащей перечень городов, которые платили дань смоленским епископам. Возле современного села имеется довольно большое древнее городище, где была обнаружена керамика XI-XIII вв. однако, по мнению обследовавшего городище Л.В. Алексеева, оно относится к дославянскому времени. Так что вопрос, была ли Пацынь XII -XIII веков поселением городского или сельского типа, пока нужно считать открытым.

Не проясняют его и сведения, относящиеся к XV веку, когда Пацынская волость входила в состав Великого Литовского княжества. В 1447 году Пацынь стала местом сбора ряда русских князей и бояр (Василия Ярославича Воровского, Семена Оболенского и др.), которые в годы феодальной войны в Русском государстве сначала выехали в Литву, а затем решили объединенными силами помочь князю Василию Васильевичу восстановить свою власть в Москве.

Поскольку Пацынь была заранее выбрана местом такого сбора, можно предполагать, что она являлась довольно крупным поселением. Подтверждает это и один из документов «Литовской метрики» от 1470 г., согласно которому Пацынь была пожалована некоему Климентию, у «Пацыпи ж село Федоровское». Учитывая, что Федоровское было волостным центром, есть основание считать, что Пацынь была центром целой округи, включавшей несколько соседних волостей. К XVII в. это положение окончательно утвердилось, поскольку федоровское, Осовик, Покиничи, Сухарь и нее относящиеся к их волостям селения вошли в состав Пацынской волости, занимавшей основную часть современного Рогнединского района и часть Дубровского района.

Волость очень сильно пострадала в период «смутного времени» начала XVII в. Сменились в это время и владельцы Пацыни. Ими стали С. Везобразов, В. Зиновьев, С. и М Семичевы, каждый из которых получил определенный «жребий». Из прежних владельцев В. Мясоедов был убит, а Захарий Пересветов «отъехал к вору», Лжедмитрию II (не исключено, что 3. Пересветов генеалогически близок известному публицисту середины XVI в. Ивану Пересветову, а весь этот род берет начало от героя Куликовской битвы брянского боярина, позже — монаха Пересвета).

К концу XVIII; в. Пацынь еще оставалась довольно большим селом, в котором проживало около 450 крепостных, принадлежавших более чем двадцати владельцам, но прежней роли село уже не играло.

ОСОВИК. В 1920 г. белорусский археолог А.Н. Лявданский обнаружил возле села Осовик городище, которое возникло, по мнению исследователя, не позднее XI в.

В 1969 г. на Осовицком городище К.В. Павловой и П.А. Раппортом проведены раскопки, которые дали интересные сведения об этом, по выражению археологов, «замечательном памятнике». По результатам раскопок было уточнено, что население здесь возникло в первой половине XII в. и сразу же заняло территорию около 1 гектара. Оно состояло из небольшого детинца и довольно значительного окольного города.

Экономическая роль города была невелика (из ремесел здесь лучше развивались железоделательное и гончарное) и уступала его военно-административному значению. Наибольшего развития Осовик достиг в XIII- XIV в. он был оставлен населением, хотя следов разгрома города не обнаружено,

С Осовиком связана фамилия князей Осовецких (Осовицких), начало которой идет от первого брянского князя Романа Михайловича. Достоверных сведений об этих князьях нет. Вероятнее всего, Осовик и некоторые другие владения на юге Смоленского княжества попали под власть брянских князей после 1285 г., когда Роман Михайлович совершил поход на Смоленск. Первым князем в Осовике был, видимо, внук Романа Брянского от его старшего сына Михаила, который умер еще при жизни отца. Как правило, в этих случаях дети умерших не могли рассчитывать на лучшие владения, а получали окраинные или другие второстепенные уделы.

Усилившееся в начале XIV в. соперничество между Брянским и Смоленским княжествами складывалось не в пользу брянских князей, что и привело к ликвидации Осовицкого княжества и опустению города.

На рубеже XV —XVI вв. Осовик был еще центром волости, но его значение продолжало падать.

ВОРОНОВО. Название села впервые встречается в 1610 г. среди владений братьев Парфеньевых.

В 1634 г., в конце Смоленской войны между Россией и Речью Посполитой, военные неудачи и усилившаяся классовая борьба отрицательно сказывались на настроениях русских служилых людей и сопровождались уходом многих из них в «вольные казаки». Как сообщал голова С. Кузенев, возглавлявший один из отрядов царских войск, посланный вслед мятежным казакам, в июле 1634 г. «в деревне Вороново... с воры с казаки государевым людям был бой, и тех воров осадили и с ними были четыре боя...». Судя по отсутствию хвалебных донесений о результатах сражения, оно не принесло успеха царским войскам. Вороново в это время было поместьем князя Г. К. Волконского и оставалось владением этой княжеской фамилии более 200 лет.

В 1796 г. 15 крестьянских семей из Воронова были проданы княгиней Волконской помещику, Шевцову, пользовавшемуся недоброй славой в округе (он владел деревнями Жуково, Литовники, Сельцо и Бытоша). Крестьяне предпочли бежать к соседним помещикам, но были возвращены новому владельцу и переселены в д. Жуково. В январе 1797 г. крестьяне всех принадлежавших, Шевцову селений провели сходку в д. Жуково и единодушно договорились, выбрав старосту д. Литовники Ивана Лобанова и бывшего вороновского крестьянина Герасима Данилова, направив их к царю с жалобой, что «от господина их наложена была подать весьма тяжелая, и сбор денежный с них происходит велик».

По заявлению помещика Брянский уездный суд приговорил семерых главных зачинщиков волнений наказать кнутом и сослать навечно на каторгу, но Орловская губернская палата суда и расправы, учитывая, что про ступки крестьян не имели серьезных последствий и произошли «от их невежества, простоты и незнания законов», а также почти полугодовое пребывание крестьянских вожаков в тюрьме, освободила их от наказания, потребовав лишь впредь повиноваться владельцу.

В 1840 г. Вороново перешло во владение известного промышленника И.Л. Мальцева, который построил здесь свеклосахарный завод, существовавший около трех десятков лет.

/ Политический собеседник (Брянск). - 1990. - № 13. - С. 26-30.

Об одном «забытом» памятнике культуры (дворец М.В. Воейковой в п. Лопандино)

На территории Брянской области сохранилось совсем немного памятников дворянской усадебной культуры, да и те в своем большинстве находятся в аварийном или руинированном

состоянии. Сказались революционные и военные события XX в., но в не меньшей степени — нигилистическое отношение и представителей власти, и большинства жителей к старому дворянскому быту, как бы олицетворявшему остроту прежних социальных противоречий.

В последней трети XX в. и государство, и общество начали лучше понимать пользу, а потом и необходимость сохранения памятников культуры прошлых времен. Но и тогда, и сейчас решения, что следует восстановить (или установить), а что не заслуживает расходов даже на поддерживающие ремонтные работы, принимали и принимают руководители властных структур, далеко не всегда учитывающие мнение специалистов и общественности. К примеру, большевистский оратор В. Володарский, воспринимавшийся после убийства в 1918 г. как жертва контрреволюционного террора, а затем вполне основательно забытый, никогда не бывал на Брянщине, и установление ему спустя семь десятков лет после гибели монументального памятника в Брянске вполне можно оценить как неразумную трату средств. Если восстановление усадебного дома, парка и церкви в с. Овстуге, на родине Ф.И. Тютчева, и установку там же памятника замечательному русскому поэту следует только приветствовать, то целесообразность установки памятника Ф.И. Тютчеву в Брянске (городе, где он бывал только проездом) весьма сомнительна, какими бы высокими мотивами она ни объяснялась.

Вместе с тем отношение к некоторым памятникам прошлого нельзя назвать иначе как предвзятым. Так случилось с усадебным дворцом М.В. Воейковой в поселке Лопандино, здание которого сохранилось в основном до нашего времени. Частично сохранился примыкавший к двору парк, а также несколько зданий производственного назначения. Но обо всем этом даже не упоминается в таком фундаментальном издании, как "Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область", выпущенном в 1997 г. в Москве в издательстве "Наука". Дело не в досадном пропуске, а в преднамеренном умолчании — по вине не столько составителей, сколько идеологических руководителей области того времени, когда собирались материалы и определялась структура будущей книги, т.е. периода конца 1970-х — начала 1980-х гг.

Главное, конечно, в личности Марии Владимировны Воейковой, урожденной — светлейшей княжны Голицыной. Что же могло в ней (и в ее ближайших предках и родственниках) не устроить "блюстителей идейной чистоты"? Доказательства ее "вины" вполне очевидны. Она была одной из крупнейших помещиц, владевшей только на территории Севского уезда более чем 30 тысячами десятин земли. В период революции 1905-1907 гг. в ее имениях происходили крестьянские волнения, имели место неоднократные поджоги имущества (в частности, был сожжен усадебный дом в с. Радогощ). Ее муж был родственником последнего коменданта Зимнего дворца при Николае ІІ В.Н. Воейкова (его мемуары, в самых светлых тонах показывающие императора, недавно переизданы). Отец М.В. Воейковой, светлейший князь Владимир Дмитриевич Голицын (1815—1888), был другом детства и отрочества Александра II, занимал видное положение при дворе, являясь обер-шталмейстером. Ее дед, Дмитрий Владимирович Голицын (1771 — 1844), пользовался полным доверием Александра I и Николая I, был с 1820 г. идо кончины московским генерал-губернатором и получил в 1841 г. титул "светлейшего". Мать Д.В. Голицына, Наталья Петровна, известна обычно либо тем, что прожила без малого сто лет, либо как прообраз старой графини в "Пиковой даме" А.С. Пушкина, либо в связи с проходившим в начале 1797 г. крупным крестьянским восстанием под руководством И. Куркина в с. Радогощ и соседних селениях (подавлением восстания руководил орловский губернатор В.И. Воейков). По этим данным нетрудно представить себе целую династию жестоких помещиков и ловких царедворцев, о которых и помнить-то не стоит. Однако можно выстроить и совсем другой ряд сведений, характеризующих тех же лиц. Княгиня Н.П. Голицына была известна не только своим властным характером, но и тем, что еще в 1780-е гг. устроила в главном селении своего имения, в с. Радогощ, больницу для лечения крестьян на 60 мест, при ней — аптеку, а также богадельню на 20 человек, где за счет княгини содержались нуждавшиеся в уходе одинокие старики и калеки. А ведь в то время больниц не было даже в большинстве губернских центров, не говоря уже об уездных городах. Зримым, хотя и безмолвным памятником о княгине Наталье Петровне остается построенный в 1780-е гг. на ее средства каменный храм Успения в с. Радогощ, отличающийся интересным и своеобразным архитектурным обликом. На ее же средства была в начале XIX в. построена каменная Введенская церковь в с. Литиж, но она в советское время разделила печальную судьбу многих разоренных храмов.

Князь Д.В. Голицын был одним из лучших русских кавалерийских командиров, отличился в нескольких военных кампаниях, в том числе — в Отечественной войне 1812 г. и заграничных

походах. В 1814 г. получил звание генерала от кавалерии, был награжден почти всеми высшими боевыми орденами. Являясь около четверти века московским генерал-губернатором, заслужил большое уважение жителей заботой о восстановлении и благоустройстве древней столицы, внимательным и справедливым отношением к людям. Жена Д.В. Голицына, Татьяна Васильевна, также оставила у москвичей благодарную память своей добротой, отзывчивостью и активной благотворительностью, особенно по отношению к детям-сиротам и девушкам из низших сословий.

Их сын, светлейший князь В.Д. Голицын, помимо придворной службы, продолжил воинские традиции отца. Командуя конными частями, участвовал в боевых действиях, имел звание генерала от кавалерии. Его супруга — светлейшая княгиня Мария Михайловна, уже после смерти мужа сумела, пользуясь своими петербургскими связями, добиться решения об открытии в Севске реального училища, за что городская дума присвоила ей звание почетной гражданки г. Севска. Память об этих людях до сих пор сохраняется на территории Комаричского района, о чем местные жители и не догадываются. Ведь современный поселок Марьино начинался с появившегося незадолго до отмены крепостного права хутора Марьинского, названного так князем Голицыным в честь своей молодой жены Марии Михайловны. Несколько позже появился и хутор Владимировский, получивший название по имени князя Владимира Дмитриевича. Сейчас это — поселок Владимировский (Владимировка).

В.Д. и М.М. Голицыны не имели наследников по мужской линии, и все огромное голицынское имение в Севском уезде перешло к их дочери, Марии Владимировне (в замужестве Воейковой). Новая владелица проявила незаурядные хозяйственно-организаторские способности, и ее радогощское имение отмечалось в начале XX в. как "замечательное по своему полеводству, травосеянию, конному и винокуренному заводам и лесоводству".

По распоряжению М.В. Воейковой на хуторе Лопандинском (селение известно с XVII в. как деревня Лупандина, в XVIII — XIX вв. именовалась то деревней, то хутором) был в 1896 г. заложен, а в 1898 г. пущен крупный сахарный завод, ставший основным предприятием в этом селении (позже — поселке). Помимо завода здесь были построены жилые дома для мастеров и общежитие для сезонных рабочих. Место для завода было выбрано вполне обдуманно: поблизости и от центральной усадьбы воейковского имения, и от железнодорожной станции Комаричи, появившейся в 1896 г., когда здесь (частично — через земли М.В. Воейковой) прошла железная дорога Брянск — Льгов. Вполне вероятно, что место станции (на пересечении железнодорожных путей и старинной грунтовой дороги Севск — Радогощ) могло быть определено с учетом пожеланий М.В. Воейковой, имевшей немало знакомств в правительственных кругах. Вряд ли случайна оперативность, с которой строился сахарный завод в Лопандино, заложенный почти одновременно со строительством железной дороги.

Учитывая, что Лопандинский сахарный заводе конца 1920-х гг. стал единственным подобным предприятием на Брянщине, следовало бы, наверное, должным образом оценить предпринимательскую деятельность его основательницы, но обличительная тональность по отношению к М.В. Воейковой продолжает оставаться определяющей даже в изданиях последних лет. Например, в книге краеведа Г.В. Ефремова "Край родной Комаричский" утверждается, что на строительство завода "были согнаны сотни крестьян с подводами", что зарплата рабочих была "нищенской". Автор, по-видимому, запамятовал, что к концу XIX в. крестьяне давно стали свободными, и их нельзя было насильно ни согнать, ни заставить работать за бесценок. Ктому же местные крестьяне не относились к числу самых бедных и обездоленных. К примеру, поданным 1894 г. в селениях Радо го щекой волости из 1236 хозяйств было 229 безлошадных (18,5%), в то время как в соседней Апраксинской (Брасовской) волости безлошадных хозяйств было свыше 37% (в среднем по Севскому уезду этот показатель составлял около 25%).

Тот факт, что в 1905 — 1907 гг. в воейковских имениях происходили крестьянские волнения, а господский дом в с. Радогощ. был сожжен, также нельзя рассматривать как свидетельство особо острых отношений между помещицей и крестьянами. "Красный петух" гулял в те годы в тысячах имений, в том числе и у самых добропорядочных владельцев. Но и после сожжения радогощекого дома М.В. Воейкова, в отличие от некоторых соседей-помещиков, уехавших из имений в города, и от своей прабабки, Н.П. Голицыной, покинувшей после восстания И. Курки на свое радогощское поместье, не оставила родных мест, а лишь переехала в Лопандино, где развернулось строительство каменного дворца. К сожалению, пока не удалось обнаружить документов, которые бы зафиксировали время начала и завершения этого строительства, но, вероятнее всего, оно закончилось не позже 1910 г.

Внешний облик дворца, напоминавшего средневековый замок, свидетельствовал и об

архитектурных вкусах владельцев, и об их желании избежать всяких случайностей в будущем. Толстые стены, высокие башни, массивные ворота, обширные подвальные помещения — все это могло обеспечить длительное безопасное пребывание хозяев даже в случае значительных народных волнений. Впрочем, эта цель скорее подразумевалась, а основные функции дворца и прилегающих территорий были связаны с обеспечением благоприятных условий пребывания для хозяев и гостей. Рядом с дворцом был разбит небольшой, но живописный парк, устроен пруд, по соседству разместился переведенный из Радогощ конный завод, где разводили орловских рысаков.

Дворец, построенный весьма добротно, сохранялся и в годы советской власти. В 1920—1930-х гг. здесь находились и работали сначала фабрично-заводское училище, а затем — средняя школа. После Великой Отечественной войны в уцелевшем здании размещалось Лопандинское педучилище, а после его закрытия — вновь средняя школа. Когда же школу перевели в новое здание, воейковский дворец оказался бесхозным. В его отдельных помещениях до сих пор проживает несколько семей, но основная часть дворца подвергается разрушению.

у руководителей сахарного завода, ни у комаричской администрации, ни у областных властей не доходят руки до этого оказавшегося ни кому не нужным объекта прежней жизни — единственного сохранившегося на Брянщине памятника дворянской усадебной культуры рычала XX века. В этом проявлялось и продолжает проявляться не прочиновничье безразличие, но и неуважение к собственной истории, кик дореволюционной, так и к истории находившихся здесь в советские время учебных заведений, к тысячам работавших и учившихся в одном здании людей.

/ Проблемы сохранения исторических городов и объектов историко-культурного наследия Брянской области : материалы научно-практической конференции «Исторический город». – Брянск, 2004. – С. 36-61.

Севский уезд и севчане в истории России

Севские воеводы в XVII веке

Со второй половины XVI в. в Московском государстве для управления отдельными городами и примыкающими к этим уездами начали назначаться воеводы, именовавшиеся городовыми, в отличие от полковых воевод, которые руководили войсками в период военных конфликтов. В небольшие города обычно назначался один воевода, в крупные - два (в редких случаях или при каких-то чрезвычайных обстоятельствах - даже больше).

Главными функциями городовых воевод были административное управление городом и уездом, судопроизводство, поддержание в порядке и строительство городских оборонительных сооружений и др. строений, командование приписанными к городу служилыми людьми в случае военной опасности, учет и распределение уездной земли, пресечение противоправных проявлений и т.д.

Главными помощниками городовых воевод в организации делопроизводства, ведении переписки, сборе различных платежей и др. подобных делах были дьяки (подьячие), назначаемые, как правило, имеете с воеводами. Их назначениями и деятельностью ведал Разрядный приказ, поэтому основные сведения о воеводах можно почерпнуть в разрядных книгах, хотя абсолютной полнотой сведении они не отличаются, а в отдельных случаях в разрядных записях встречаются и противоречия.

Город Севск, восстановленный в последней трети XVI в. при Иване IV, первоначально был небольшой крепостью («острожком»), и поэтому никаких сведений о назначении сюда воевод в сохранившихся разрядных документах конца XVI - начала XVII вв. не содержится. По всей видимости, таких назначений и не производилось. Все окрестные селения в XVI - первой трети XVII вв. относились не к Севску, а входили в состав Брянского уезда (за исключением старинного с. Негино, бывшего владением князей Трубецких, а затем вошедшего в состав Трубчевского уезда). В последней четверти XVI в. большинство селений южной части Брянского уезда было включено в состав Комарицкой волости, подчиненной приказу Большого Дворца. Жившие здесь крестьяне обязаны были платить натуральный налог зерном, которое использовалось для служилых людей ближних городов, а также исполнять другие повинности, в том числе оборонного характера. Формально комаричане подчинялись брянским воеводам, но реальное управление волостью осуществляли присылаемое из Москвы дворцовые приказчики (головы).

Например, из разрядных записей 1603 г. известно, что «в Брянском уезде в Комаритцкой

волости голова Иван Нарматцкой», который ранее служил дьяком в одном из московских приказов. Однако пребывание И. Нармацкого в Комарицкой волости оказалось недолгим. Страшный голод, поразивший Российское государство в 1601- 1603 гг., сказался и на ранее богатой хлебом волости. И. Нармацкому, как дворцовому приказчику, пришлось, несмотря на неурожай, собирать с комаричан денежные и натуральные налоги, а сверх этого направить в 1604 г. «даточных людей» для участия в обороне г. Новгород-Северского от войск Лжедмитрия І. В документах Разрядного приказа, относящихся к 1602-1603 гг., есть упоминание еще об одном назначении в Комарицкую и соседнюю Самовскую (Сомовскую) волость Карачевского уезда сюда были посланы дворяне И.З. Воейков и У.А. Матов, вероятнее всего, в связи с усилением здесь социальной напряженности. К сожалению, в документах не сохранилось более подробных сведений об этом факте, и можно лишь предполагать, какие конкретные задачи были поставлены перед дворянами, какими силами они располагали и как закончилась их миссия. Ясно одно: ни И. Нармацкому, ни И.З. Воейкову и У.А. Матову не удалось удержать жителей волости от антиправительственных выступлений, и вскоре основная часть комаричан поддержала «царя Дмитрия». 25 ноября 1604 г. в его лагерь под Новгородом-Северским «из Комарицкой волости люди приехали с объявлением о подданстве и двух воевод привели», а 1 декабря того же года «привели еще двух воевод из Комарицкой волости». Несомненно, что в это время в Комарицкой волости и Севске, вместе взятых, не было четырех воевод, а под таким именем к Лжедмитрию I привели, вероятно, И. Нармацкого, И.З. Воейкова, У.А. Матова и кого-то еще из приказных служителей.

В числе этих воевод мог оказаться и посланный осенью 1604 г. «в Комарицкую волость воевода Олексей Романович Плещеев». Однако другие разрядные записи сообщают, что А.Р. Плещеев был послан в Карачев. Впрочем, такое противоречие не является принципиальным: относившаяся к Карачевскому уезду Самовская (Сомовская) волость, как и граничившая с ней Комарицкая, была дворцовой волостью, и, по аналогии с И.З. Воейковым и У.А. Матовым, воевода мог быть послан в две соседние волости, относящиеся к одному ведомству. Важнее другое - А.Р. Плещеев был послан сюда не для управления, а для устрашения и возможных карательных мер, и поэтому с ним посылались не подьячие, а голова Меркур Безобразов, да «жильцы, да конюхи, да псари». К этому времени большинство боеспособных дворян и других служилых людей из Москвы и ее окрестностей уже было отправлено под командованием боярина Ф.И. Мстиславского к Новгород-Северскому против войск Лжедмитрия I, почему в отряде А.Р. Плещеева оказались далеко не лучшие представители московского воинства. Успел ли добраться до Комарицкой волости Плещеев со своим отрядом, неизвестно, но вскоре он, а также другой воевода, Михаил Борисович Шеин, посланный с отрядом «на Северу» (т.е. в Северскую область, но без уточнения места), получили другое распоряжение: «Михаилу Шеину и Олексею Плещееву велено быть в полкех з бояры с воеводы в ряду», т.е. присоединиться к армии Ф.И.Мстиславского.

Дальнейшие судьбы этих воевод оказались разными. После смерти Бориса Годунова А.Р. Плещеев присягнул «царю Дмитрию» и получил от него чин окольничего, сохранив его и при царе Василии Шуйском. В 1607 г. он скончался. М.Б. Шеин, отличившийся в битве при Добрыничах против войск Лжедмитрия I, был послан в Москву с известием («сеунчем») о победе и получил от Б.Годунова чин окольничего; при В.Шуйском стал боярином, в 1609-1611 гг. возглавлял героическую оборону Смоленска от поляков, а затем до 1619 г. находился в польском плену. Во время Смоленской войны 1632-1634 гг. был первым воеводой главной русской армии, осаждавшей Смоленск, а затем блокированной превосходящими силами войск Речи Посполитой. Не получив военной помощи, М.Б. Шеин был вынужден на тяжелых условиях договориться о пропуске русской армии из-под Смоленска к Москве, где знаменитого воеводу необоснованно обвинили в измене и казнили.

О судьбе упомянутого И. Нармацкого сведений не сохранилось. Среди Нармацких второй пол. XVII в. были воронежский воевода, стрелецкие полковники, стряпчий и т.д.

Поскольку Комарицкая волость в 1605 г. была разорена войсками Б. Годунова, а в 1614-1615 гг. - отрядами польского авантюриста полковника А. Лисовского, ногайскими и крымскими татарами, то царских воевод в годы «смуты» здесь не было. Лишь в 1619 г. «в Комарицкой волости, в Севском остроге» появился посланный из Москвы воевода Иван Васильевич Колтовский. В одном из списков разрядных книг, а также в краеведческих работах называется другая фамилия воеводы - «Иван Васильев сын Козлов», но речь идет об одном и том же человеке, фамилия которого - Колтовский, а Козлов - фамильное прозвище.

Колтовские в XVI-XVII вв. были известной дворянской фамилией. Достаточно вспомнить,

что Анна Колтовская в 1572-1575 гг. была женой царя Ивана IV Грозного. Некоторые из Колтовских бывали воеводами и в городах Брянщины. Так, в 1616 г. карачевским воеводой был Григорий Федорович Колтовский, погибший в бою против польско-литовских войск. В 1623 г. вторым воеводой в Брянске был Иван Степанович Колтовский...

И.В. Колтовский, прибывший на воеводство вместе с подьячим Терентием Евфимьевым, не обнаружил в Севске ни острога, ни служилых людей. Разоренными оказались, и многие окрестные селения Комарицкой волости. Тем не менее, воевода начал силами комаричан восстанавливать Севский острог, но до конца завершить дело не успел, т.к. в 1620 г. был вместе с подьячим отозван в Москву.

Новым воеводой «в Комарицкой волости велено быти Ивану Владимирову сыну Благово», а подьячим - Панкрату Бабанину. Дворянская фамилия Благово также относилась к числу старинных, хотя ее представители в XVI-XVII вв. выше стольников и воевод в небольшие города не поднимались. Сам И.В.Благово позже был вторым воеводой в Крапивне. Севским же воеводой он пробыл около года.

В 1621 г. его сменил Борис Иванович Кокорев (подьячим при новом воеводе по-прежнему оставался П. Бабанин). Дворяне Кокоревы были в отдаленном родстве с такими известными фамилиями, как Колычевы, Шереметевы, Неплюевы и т.д., а также с царствующей фамилией Романовых (их общим предком был боярин великого московского князя Семена Ивановича Гордого Андрей Иванович Кобыла), но в XVI-XVII вв. они высокого положения не занимали. Б.И. Кокорев оставался севским воеводой до весны 1623 года.

Затем на его место был прислан новый воевода - Григорий Иванович Горихвостов (вместе с подьячим Михаилом Бороздинцевым). Фамилия дворян Горихвостовых не была знатной и богатой, но определенный след в истории России XVII в. они оставили. Старший брат Г.И.Горихвостова, Степан Иванович, бывший воеводой в Тихвине, в годы «смуты» оказал помощь князю М.В. Скопину-Шуйскому в борьбе против Лжедмитрия II Сам Григорий Иванович в 1630-е гг. ездил с дипломатическими поручениями в Швецию, а его младший брат, Дмитрий Иванович - в 1654 г. в Грузию. Сын Г.И.Горихвостова, Степан Григорьевич, отличился во время войн с Турцией и Крымским ханством.

В конце 1623 г. «в Севске велено быть Федору Ратманову сыну Дурову да подьячему Семену Матюшкину». В начале XVII в. Дуровы были лишь детьми боярскими, приписанными к Новгороду-Северскому, но во время осады города Лжедмитрием I назначенный стрелецким головой Ратман Дуров отличился и был отмечен особым государевым жалованьем. Сын этого Р.Дурова и стал новым севским воеводой. В 1625 г. С.Р.Дуров, будучи в Севске, умер, а С.Матюшкина отозвали в Москву.

Вместо них «в Севске велено быть Прокофию Семенову сыну Воейкову да подьячему Миките Власьеву». До своего назначения в Севск П.С. Воейков был вторым воеводой в Воронеже (позднее, в 1634 г., он еще раз будет воеводствовать в этом городе). В XIV-XV вв. Воейковы были среди бояр великих князей московских, но позже не поднимались выше думных дворян. Имели они отношение и к истории Брянщины XVII в. (например, Петр Иванович Воейков в 1614 г. был вторым воеводой в Брянске).

С весны 1627 г. новым севским воеводой стал Иван Юрьевич Плещеев, остававшийся в этой должности до 1629 г. В сентябре этого года его сменил стольник Степан Федорович Стрешнев, один из младших представителей весьма известной в России XVII в. фамилии. Высокое положение к Стрешневым пришло после женитьбы в 1626 г. царя Михаила Федоровича Романова на Анне Лукьяновне Стрешневой. Вскоре после этого отец царицы, ее дядя Федор Степанович и еще несколько Стрешневых были возведены в бояре и окольничие. Севский воевода С.Ф.Стрешнев был сыном упомянутого боярина Ф.С. Стрешнева, т.е. приходился царице двоюродным братом, но имел более скромное положение, чем его старший брат, Иван Федорович, ставший боярином. Севское воеводство С.Ф. Стрешнева продолжалось около двух лет. Подьячими при нем были Григорий Ферапонтов и Иван Федоров.

Осенью 1631 г. воеводой в Севск был прислан Михаил Федорович Еропкин, чья фамилия вела свое начало от одного из смоленских князей, оставшихся без удела и выехавших на службу к великому московскому князю Василию II Темному. Таким образом, дворяне Еропкины были Рюриковичами, но утратившими свое княжеское достоинство. Более высокое положение, чем М.Ф. Еропкин, позже, при царе Алексее Михайловиче, имел его сын Василий Михайлович, бывший сначала стольником, а затем - окольничим.

Период севского воеводства М.Ф. Еропкина совпал с началом Смоленской войны (1632-1634

гг.). В это время Севск стал местом формирования отрядов ратных людей для боевых действий против польско-литовских войск на южном фланге. «На Северу» были посланы воеводы Федор Кириллович Плещеев и Баим (Борис) Федорович Болтин, которые «сбирались с людми в Севску». Но в ноябре 1632 г. Плещеев, находясь в Севске, умер; на его место был прислан Иван Федорович Еропкин, брат севского городового воеводы, бывший ранее воеводой в г. Осколе.

В конце ноября того же года отряд Б.Ф. Болтина из Севска направился к Новгород-Северскому и приступом взял город, куда Болтина и назначили городовым воеводой. Позже он был воеводой в Тобольске, а в 1647 г. ездил послом в Данию.

Что касается отряда И.Ф. Еропкина, то он 8 января 1633 г. подошел к Стародубу, куда несколькими днями раньше прибыли ратные люди второго брянского воеводы, В.Н.Аладьина. Вскоре сюда подошли и некоторые другие отряды, и в середине января 1633 г. «польские и литовские люди..., видя над собой... промысел и утеснение... город Стародуб сдали». В освобожденный город воеводой был назначен И.Ф. Еропкин. Позже Иван Федорович бывал воеводой и в других городах, стал думным дворянином.

Его брат, М.Ф. Еропкин, оставался севским воеводой до начала 1633 г., когда его сменил Федор Тимофеевич Пушкин, являвшийся не просто однофамильцем великого русского поэта А.С. Пушкина (1799-1837), но и его весьма близким родственником, хотя и отделенным от него двумя столетиями. Если идти от А.С. Пушкина к его предкам, то прослеживается следующая цепочка: статский советник Сергей Львович (1770-1848) - подполковник Лев Александрович (1723-1790) - сержант Преображенского полка Александр Петрович (начало 1690-х - 1725) - стольник и судья Владимирского судного приказа Петр Петрович (умер в 1692 г.) - стольник Петр Петрович (умер в 1661 г.) - Петр Тимофеевич (умер ок. 1634 г.) - Тимофей Семенович. Иначе говоря, великий поэт был потомком Т.С. Пушкина в седьмом поколении. Тимофей Семенович в 1601-1618 гг. был воеводой в разных городах. Пошли по отцовской линии и его сыновья: Петр, Воин и Федор. В конце 1620-х - начале 1630-х гг. все они были воеводами в дальних северных городах: Петр в 1625-1628 гг. - в Тюмени, Воин в 1629-1631 гг. - в Березове, Федор в 1630 г. - в Каргополе. Позже (1635-1636 гг.) Воин Тимофеевич был воеводой в Брянске, где и скончался; а Федор Тимофеевич, как уже было отмечено, в 1633 г. был послан воеводой в Севск.

Время севского воеводства Ф.Т. Пушкина было очень непростым. Смоленская война затягивалась, росла социальная напряженность (в Комарицкой волости появлялись отряды казацко-крестьянской вольницы - так называемые «балашовцы»), значительная часть севских служилых людей находилась в районах боевых действий, чем и попыталось воспользоваться польско-литовское командование. 1 марта 1634 г. руководимое князем Иеремией Вишневецким и гетманом Лукой Жолкевским польско-литовское войско и запорожцы - общей численностью около 10 тыс. чел. - неожиданно («безвестно изгоном») подошли к Севску и в тот же день попытались приступом овладеть городом. Хотя в Севске было «ратных людей мало», а окрестные комаричане не успели принять участие в «осадном сидений», приступ был отбит.

Осаждающие «городу Севску учинили тесноту великую», а затем предложили севчанам капитулировать, но воевода Ф.Т. Пушкин ответил категорическим отказом и «для укрепления осадного сидения... всяких осадных людей ко кресту привел на том, что... города не сдать». В ночь на 7 марта польско-литовские войска «к Севску приступали жестоким приступом со всех сторон», но и на этот раз севчане отбили штурм, нанеся противнику заметный урон. Получив известие о нападении крымских татар на территорию Речи Посполитой и «видя севских людей крепкостоятельство», Вишневецкий и Жолкевский прекратили длившуюся около месяца осаду города.

С осени 1634 г. Ф.Т.Пушкина в должности севского воеводы сменил стольник Иван Иванович Стрешнев, о фамилии которого речь уже шла. Пробыл он здесь до начала 1636 г., а затем на его место был прислан Яков Михайлович Толочанов. Представители этой дворянской фамилии, известной со второй пол. XVI в., были в XVII столетии крупнейшими землевладельцами в Брянском уезде. Служили они и при московском дворе, где были стряпчими (в частности, в 1616 г. им был брат Я.М. Толочанова, Федор Михайлович), стольниками и иногда даже окольничими. Посылали их и на воеводство.

Весной 1637 г. Я.М. Толочанова сменил Никита Федорович Булгаков, отец которого, Федор Юрьевич, был в начале XVII в. воеводой в сибирских городах Мангазее и Туруханске. Сам Н.Ф. Булгаков служил в Путивле, затем, по личному челобитью, был в декабре 1634 г. направлен в Севск на должность осадного головы - вместо Алексея Руднева. Взятые у последнего «списки пушкарей и затинщиков и всяких севских осадных людей», включая и тех, которые «переведены в

Севеск из Новагородка, и из Стародуба, и из Трубчевска», были воеводой И.И. Стрешневым отданы Н.Ф. Булгакову. Его служба продолжалась и при новом воеводе, Я.М. Толочанове, а когда того отозвали в Москву, исполнение обязанностей воеводы поручили Н.Ф. Булгакову, но в официальные разрядные списки воевод он внесен не был. Даже в марте 1638 г., спустя год реального воеводства, в московских документах Н.Ф. Булгакова по-прежнему называли осадным головою.

В мае 1638 г. новым севским воеводой был назначен Петр Матмеевич Безобразов, представитель дворянской фамилии, известной на Брянщине со второй пол. XVI в. В 1615-1616 гг. он был вторым воеводой в Стародубе и участвовал в боях с польско-литовскими войсками; в 1621-1622 гг., назначенный воеводой в Карачев, восстанавливал опустевший и упраздненный в 1618 г. - по решению Боярской Думы - город. Севское воеводство Безобразова продолжалось до весны 1639 г.

Заменил его в качестве воеводы в Севске Иван Афанасьевич Загряжский (ранее, в 1624-1625 гг., он был вторым воеводой в Брянске). Дворянская фамилия Загряжских известна в Московском государстве со времен Дмитрия Донского. В XVII в. многие Загряжские бывали стряпчими, стольниками, назначались воеводами; но особо высокого положения не занимали. Севское воеводство И.А. Загряжского продолжалось около двух лет.

В апреле 1641 г. севским воеводой был назначен князь Григорий Андреевич Волконский. Князья Волконские относились к числу потомков великого черниговского князя Михаила Всеволодовича, убитого в 1246 г. в Золотой Орде и причисленного православной церковью к лику святых. Сам Григорий Андреевич до назначения в Севск уже не раз, начиная с 1615 г., бывал полковым и городовым воеводой (в частности, в Веневе, Пронске, Кашире), но особых чинов не выслужил, в отличие от младших братьев, Дмитрия и Владимира, ставших в 1642 г. стольниками. Трагической оказалась судьба сына князя Г.А. Волконского - Игнатия Григорьевича. В 1660-х гг. он участвовал в военных действиях на Украине, в 1667 г. назначен воеводой в Стародуб, а в феврале следующего года был убит мятежными казаками.

После князя Г.А. Волконского воеводой в Севске стал в 1643 г. стольник Никифор Никитич Нащокин - из старинной дворянской фамилии, отдельные представители которой еще в XVI в. бывали и воеводами, и дипломатами, но в XVII в. выше думных дворян не поднимались. Нащокин оставался севским воеводой до осени 1645 г., когда его сменил Патрикей Степанович Исупов из брянской дворянской фамилии, известной со второй пол. XVI в. Время воеводства Н.Н. Нащокина и П.С. Исупова совпало с активизацией набегов крымских татар, затронувших и Комарицкую волость (особенно в конце августа 1644 г. и в конце декабря 1645 г.). Пассивность Исупова, не выполнившего приказ идти «в сход» с другими воеводами для преследования татар, привела к тому, что его даже ненадолго отправили в тюрьму. Но опала была краткой, и в 1651-1654 гг. П.С. Исупов вновь оказался воеводой - теперь в Трубчевске, где еще раньше, в 1647-1648 гг., успел повоеводствовать и Н.Н. Нащокин. Что касается Исупова, то в конце жизни он принял монашеский постриг в Свинском монастыре, где и был похоронен в 1663 г.

Участившиеся татарские набеги подтолкнули царское правительство к необычному решению - перевести крестьян Комарицко в волости на военное положение. Прибывший в Севск осенью 1646 г, новый воевода - стольник Замятия (Василий) Федорович Леонтьев, собрав комаричан, объявил им царский указ о переводе в драгу мм «для того, что приходят на государевы украины крымские и ногайские люди и православных христиан побивают и в полон емлют». В драгуны зачисляли по одному человеку от каждого двора (всего -5125 чел.), но теперь с них не должны были брать денежный и хлебный оброки «и иных никаких податей имати с них не велено». За пи-ми сохранялись пахотные земли и др. угодья.

Новое положение комаричан скоро проявилось своими негативными сторонами. С них не была снята обязанность содержать севский ям, их по-прежнему широко привлекали к строительству оборонительных сооружений на территории Комарицкой волости, где к весне 1647 г., по приказанию 3.Ф. Леонтьева, было построено 8 острожков и 3 укрепленных городка. Но особое недовольство у комарицких драгун вызывала муштра, к которой прибегали наемные немецкие офицеры, что привело к волнениям среди драгун; однако, до жестоких карательных мер дело не дошло.

В Москве в целом были довольны деятельностью Леонтьева (позже он был назначен думным дворянином), и поэтому срок его воеводства в Севске и одновременного управления Комарицкой волостью оказался одним из наиболее длительных - с 1646 до 1650 г. Однако возросший объем деятельности и значительное повышение к середине XVII в. военно-политической и

экономической роли Севска и Комарицкой волости на юго-западных рубежах России побудили московское правительство направлять сюда уже не одного, а двух воевод. В помощь Леонтьеву вторым воеводой был послан сначала Иван Семенович Кобыльский, а в 1649 г. - Наум Юрьевич Кириллин.

Начавшаяся в 1648 г. освободительная война украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого против польского владычества привела к росту напряженности в приграничных районах России, в том числе и на территории Севского уезда. Это, естественно, отражалось на действиях севских воевод.

В 1651-1652 гг. ими были стольник князь Тимофей Иванович Щербатов (Щербатой) и стольник Василий Петрович Апраксин. Князья Щербатовы - ветвь князей Оболенских, являвшихся потомками уже упоминавшегося Михаила Всеволодовича Черниговского. Многие из Щербатовых своей ратной и воеводской службой были в XVI-XVII вв. связаны с Брянским краем. Тимофей Иванович Щербатов (умер в 1662 г.) являлся с 1627 г. стольником, в 1646-1647 гг. был воеводой в Мценске, с конца 1650-х гг. был вторым, а затем - первым воеводой в Пскове, удостоился в это время чина окольничего.

В.П. Апраксин, помимо воеводской службы в Севске, выполнял и другие поручения, в том числе - дипломатического характера; но ни его сын Матвей Васильевич не поднялись выше звания стольники. А вот дети М.В. Апраксина получили большую известность.

Мария Матвеевна была женой царя Федора Алексеевича; ее братья Петр, Федор и Андрей при Петре I получили графские титулы. Матвеевич был боярином, воеводой в Новгороде, губернатором и Астрахани и Казани, президентом Юстиц-коллегии; Федор Матвее-1И1Ч был одним из создателей и руководителей российского военно-мирского флота, командовал флотом в знаменитом Гангутском сражении, являлся президентом Адмиралтейств-коллегий. Что же касается Апраксиных, бывших с середины XVIII в. до 1880-х гг. крупнейшими землевладельцами Севского уезда, то они относились к другой, нетитулованной ветви этой старинной дворянской фамилии.

Если список воевод Севска периода 1620-х - начала 1650-х гг. можно восстановить достаточно полно (опираясь, в первую очередь, на опубликованные разрядные книги и на изданную в 1902 г. работу А. Барсукова «Списки городовых воевод и других лиц воеводского правления Московского государства XVII столетия»), то по более позднему времени в перечисленных материалах встречаются и пропуски, и отдельные неточности. Частично заполнить допущенные лакуны и уточнить хронологию в определенной степени помогают актовые материалы, но отдельные моменты остаются не вполне ясными; обстоятельством, затрудняющим эту работу, является сама военно-политическая обстановка того времени, поскольку в Севск, наряду с городовыми воеводами, не раз назначались полковые воеводы, руководившие войсками во время войн с Речью Посполитой, Крымским ханством и Османской империей; а четкое разделение полномочий между полковыми и городовыми воеводами не всегда достигалось (порой эти функции совмещались).

С конца 1652 и до весны 1654 г. воеводой в Севке был стольник (позже - окольничий) Андрей Васильевич Бутурлин, ранее занимавшийся строительством Белгородской засечной черты. Именно во время его воеводства севские служилые люди и комарицкие драгуны начали широко привлекаться к участию в боевых действиях на территории Украины. Когда после Переяславской Рады население Украины присягнуло московскому царю Алексею Михайловичу, новая война с Речью Посполитой оказалась неизбежной. В апреле 1654 г. боярину Василию Борисовичу Шереметеву и окольничему Федору Васильевичу Бутурлину (старшему брату севского воеводы) было приказано возглавить войско для оказания помощи Богдану Хмельницкому. Местом сбора войска был назначен г. Рыльск. Сюда же получил приказ «итить со всеми ратными людми» из Севска и А.В.Бутурлин, которому «велено быти в товарыщех» с названными воеводами. Поскольку в 1654-1655 гг. Бутурлин с севскими и комарицкими ратными людьми большую часть времени находился на Украине и являлся одним из воевод действовавшего здесь русского войска, выполнять функции севского городового воеводы он уже не мог, но опубликованные разрядные документы не содержат информации о его преемнике в должности севского воеводы.

В марте-апреле 1655 г. Севск стал сборным пунктом московского войска, во главе которого стояли боярин Василий Васильевич Бутурлин (совпадение отчеств боярина и бывшего севского воеводы не означало их родства - они относились к разным ветвям старинной дворянской фамилии) и стольник (позже - окольничий и боярин) князь Григорий Григорьевич Ромодановский. Занятые комплектованием войска, а затем его командованием, оба воеводы прямого отношения к

севским городским делам, естественно, не имели.

В июле 1655 г. через Севск, направляясь в Москву, проезжал антиохийский патриарх Макарий, а также сопровождавшие его лица, в том числе - его сын Павел Алеппский, оставивший описание этого путешествия. Автор называет севского воеводу Константином Михайловичем (без указания фамилии), однако среди лиц, назначаемых в это время на воеводство, человека с таким именем и отчеством обнаружить не удалось. Скорее всего, П. Алеппский не совсем точно назвал отчество воеводы. Если это так, то наиболее вероятно, что севским воеводой в 1655 г. (возможно, еще с 1654 г.) был стольник князь Константин Нефедьевич Щербатов, о котором известно, в частности, что в 1670-е гг. он был воеводой в г. Сургуте...

Успехи русских войск в 1654-1655 гг., а также вступление в войну Швеции побудили правительство Речи Посполитой пойти на перемирие с Россией, которое было подписано в 1656 г. На юго-западных границах Московского государства наступило некоторое затишье. Может быть, поэтому сведения о севских воеводах до осени 1658 г. практически отсутствуют. Опубликованные актовые материалы позволяют утверждать, что в сентябре 1658 г. севским городовым воеводой был Ефим Козлов, но каких-либо данных о нем найти не удалось.

Измена гетмана И. Выговского и угроза нападений со стороны мятежных казаков и крымских татар заставили правительство уделить больше внимания Севску. Осенью 1658 г. воеводами сюда были направлены стольник князь Василий Иванович Хилков (из рода князей Стародубских-Ряполовских) и князь Федор Петрович Барятинский (по прозвищу Горбун). Отец Хилкова, стольник Иван Андреевич, в 1634-1635 гг. был городовым воеводой в Брянске. Сам князь В.И.Хилков в предыдущие годы (1652-1657) был первым воеводой в Тобольске, где оказывал покровительство ссыльным и стремился пресечь «бесчеловечную расправу» местных начальных людей над «инородцами»; позже был боярином, умер в 1677 г. Князь Барятинский (Горбун), из дальних потомков уже упоминавшегося Михаила Всеволодовича Черниговского, был в 1630-1640-х гг. воеводой в разных городах, и закончил жизнь в 1667 г. на воеводстве в Суздале.

В октябре 1658 г. в Севске начало собираться военное ополчение против «изменников черкас». Его воеводой был назначен стольник князь Федор Федорович Куракин, представитель рода, происходящего от великого литовского князя Гедимина (позже Ф.Ф. Куракин стал боярином, получил известность как «дядька»-воспитатель будущего царя Федора Алексеевича). В конце 1658 г. войска Ф.Куракина вели военные действия на севере Украины, а затем вернулись на зимние квартиры в Севск. В конце января 1659 г. сюда прибыла и главная русская армия под командованием боярина князя Алексея Никитича Трубецкого (еще одного представителя князей Гедиминовичей), который в 1654-1655 гг. весьма успешно руководил войсками в ходе кампании на территории Белоруссии и Литвы. Князь Ф.Ф. Куракин был назначен одним из «товарищей» главного воеводы. Во второй половине февраля полки князя А.Н.Трубецкого перешли из Севска в Путивль, а затем двинулись на Украину и осадили г. Конотоп. Мятежному гетману И. Выговскому удалось летом 1659 г. собрать большое казацкое войско, привлечь на свою сторону крупные силы крымских татар и разгромить руководимый князем С.Р. Пожарским конный авангард армии А.Н.Трубецкого, вынужденного отойти к Путивлю. К Трубецкому 10 августа была послана царская грамота, что «велено ныне идти из Севска к вам в полки в Путивль и быть с тобою окольничему нашему и воеводе князю Петру Алексеевичу Долгорукову с товарищи со всеми нашими ратными... людьми». Однако помощь не потребовалась.

Явно пропольская ориентация И. Выговского, его союз с крымским ханом, чьи войска разоряли не только русские, но и украинские территории, а также жестокие репрессии против своих противников вызвали широкое недовольство народных масс и части казацкой старшины; и в том же 1659 г. Выговский был вынужден отречься от гетманства, которое перешло к сыну Б. Хмельницкого Юрию (Юрасю), обещавшему сохранить верность союзу с Россией. Немалую роль в этом сыграли активные военные и дипломатические действия русских воевод, в первую очередь, А.Н. Трубецкого, В.Б. Шереметева, Ф.Ф. Куракина, Г.Г. Ромодановского, удостоенных «государева жалованья» и «милостивого слова». Главной наградой для князя А.Н.Трубецкого стала «прародительская... вотчина город Трубчевск с уездом». Умер Алексей Никитич, вероятнее всего, в 1663 г. и, как принявший монашеский постриг, был похоронен под именем инока Афанасия. Имеющиеся в литературе сведения о его смерти в 1680 г. ошибочны, как и утверждение, что он был крестным отцом царевича Петра Алексеевича (будущего Петра I). Скончавшийся в 1679 г. его внучатый племянник боярин Юрий Петрович Трубецкой был единственным из этого княжеского рода, кто имел наследников по мужской линии. В начале 1670-х гг. ему также доводилось быть в Севске полковым воеводой, которому подчинялись

«карачевские, орловские и кромские дети боярские и всяких чинов люди Севского полка»...

Вернемся, однако, к севским городовым воеводам конца 1650-х гг. Князья В.И. Хилков и Ф.П. Барятинский управляли Севским уездом, по крайней мере, до апреля 1659 г. Затем в городе появились новые воеводы: Михаил Михайлович Дмитриев и Михаил Федорович Скрябин. Они не относились к особо родовитым фамилиям, не имели придворных званий, что свидетельствовало об уменьшении в глазах московского правительства оборонной роли Севска. Но вскоре ситуация вновь осложнилась. Осенью 1660 г. крупным силам польских и крымских войск удалось окружить и принудить к капитуляции войско боярина В.Б. Шереметева, а гетман Ю. Хмельницкий изменил России и признал власть Речи Посполитой. Пограничным русским городам нужны были и новые войска, и опытные в военном деле воеводы.

Первым воеводой в Севск был назначен окольничий Михаил Семенович Волынский. Этот потомок известного героя Куликовской битвы - князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского - успел отличиться в 1658 г. при разгроме войск литовского гетмана В. Гонсевского. Прежние воеводы были оставлены в Севске, но их роли изменились. М.М. Дмитриев стал вторым воеводой, а М.Ф. Скрябин - особо выделенным осадным воеводой. Дмитриев, недавно ставший стольником, счел себя обиженным. Обстоятельства возникшего в 1661 г. местнического спора довольно любопытны. Осадный воевода М.Ф. Скрябин сообщил в Москву, что «стольник де и воевода Михаила Дмитреев в Приказную Избу не ездит и... дел... никаких не делает, а говорит, что ему за окольничим и воеводою за Михаилом Семеновичем Волынским в Севску быть не мочно». Рассмотрение известия приняло необычный оборот: самому жалобщику было объявлено, что «писал он о том не делом», поскольку местнические споры его не касаются. За это Скрябин был посажен в севскую тюрьму, а по окончании недельного срока его обязали по-прежнему служить вместе с М.М. Дмитриевым.

Но держать рядом поссорившихся воевод было не резонно, тем более что в конце 1661 г. войска гетмана Ю. Хмельницкого перешли на левобережье Днепра, а действовавшие вместе с ним крымские татары стали нападать на земли Стародубья и приграничных русских уездов. К Севску было направлено войско боярина князя Григория Семеновича Куракина, который с декабря 1661 г. стал главным воеводой и для приведенных им полков, и для служилых людей Севска и уезда. Русские войска подоспели своевременно. В январе 1662 г. крупные силы крымских татар вторглись в Путивльский и Севский уезды. Затем часть крымцев двинулась восточнее, а «в Севские и Карачевские места» устремился князь (мурза) Ширинский «со многими крымскими людьми и уезды повоевал и полон многой русской поймал». Но уже 19 января князь Куракин сообщил в Москву, что посланные им из Севска ратные люди во главе со вторым воеводой стольником Григорием Федоровичем Бутурлиным разбили отряд Ширинского, пленив самого мурзу, и освободили весь русский полон - около 20 тыс. человек.

Успешно справившиеся с нападением крымских татар войска и их воеводы Куракин и Бутурлин были вскоре отозваны в Москву. В том же 1662 г. в Севск прибыл еще один знатный воевода - боярин Петр Шереметев, личность которого нуждается в уточнении. Дело в том, что среди бояр этого времени было два Петра Шереметевых: Петр Борисович - сын умершего в 1650 г. боярина Бориса Петровича, бывавшего на воеводстве в Свияжске и Архангельске; и Петр Васильевич - сын уже упоминавшегося боярина Василия Борисовича, известного своим участием в военных действиях на Украине, плененного крымскими татарами в 1660 г. и более 20 лет, почти до своей смерти, находившегося в плену. Позже звание боярина получил еще один Петр Васильевич Шереметев (тезок различали по добавочным прозвищам - Большой и Меньшой). В книге А.Барсукова о городовых воеводах указано, что с июля 1662 г. до января 1663 г. первым городовым воеводой в Севске был боярин Петр Васильевич (Большой) Шереметев. Однако этим сведениям противоречит один из опубликованных актов от ноября 1662 г., где сообщается о посылке боярином Петром Борисовичем Шереметевым из Севска в Карачев Григория Камынина для проверки жалобы на тамошнего воеводу С.Пальчикова.

Возникает, по меньшей мере, два вопроса. Могли ли в Севске сразу оказаться на воеводстве два боярина? Почему севский воевода мог вмешиваться в дела воеводы другого города - Карачева? На первый вопрос можно с большой уверенностью ответить отрицательно. Примеров, когда в один город, даже самый значительный, были бы направлены в качестве воевод два боярина, не известно. Даже временное пребывание в Севске двух высокопоставленных воевод (полкового и городового) также не подтверждается, поскольку период второй пол. 1662 г. - первой пол. 1663 г. не был временем особого военно-политического обострения, и дополнительных войск сюда не посылали. Таким образом, либо действительно летом - в начале осени 1662 г. главным

воеводой в Севске был боярин П.В. Шереметев-Большой, а ближе к концу 1662 г. его сменил боярин П.Б. Шереметев, либо сведения о пребывании П.В. Шереметева в Севске в 1662 г. неточны.

Ответ на второй вопрос связан со все возраставшим военно-административным значением Севска. Если в первой пол. XVII в. основными опорными пунктами России на юго-западных рубежах были Брянск и Путивль, то с середины века эта роль стала переходить к Севску. Окончательно такое положение оформилось в 1665 г., когда был создан Севский разряд - военно-административный округ, в состав которого вошли Белев, Волхов, Брянск, Карачев, Кромы, Орёл, Путивль, Рыльск, Севск, Трубчевск и их уезды, а также далеко выдвинутые к югу от Путивля укрепленные городки Недригайлов и Каменный (некоторое время в состав Севского разряда входил также г. Лихвин с уездом).

Создание Севского разряда, вероятнее всего, лишь юридически оформило уже существовавшее положение, при котором воеводы таких ближних к Севску городов, как Карачев, Кромы, Рыльск, Трубчевск, а затем и других, в определенной степени зависели от главныхсевских воевод. Став центром разряда, Севск одновременно оказался и местом комплектования Севского разрядного полка - крупного формирования, создаваемого в случае возникновения серьезной военной угрозы из служилых людей приписанных к разряду городов, и возглавляемого, как правило, боярами или окольничими.

С января 1663 г., с отъездом из Севска боярина П.Шереметева, первым городовым воеводой стал стольник Иван Андреевич Полев, бывший ранее вторым воеводой; а на его место был назначен уже упоминавшийся ранее в аналогичной должности Михаил Федорович Скрябин.

Конец 1663 г. - начало 1664 г. были для Севска и окрестных селений очень трудным временем. В ноябре 1663 г. король Речи Посполитой Ян Казимир возглавил крупномасштабный поход против России. К участию в нем были привлечены польские конные полки, наемные иноземцы, казаки с Правобережной Украины, а также многочисленные отряды крымских татар. Все это воинство, переправившись через Днепр южнее Киева, далее двигалось разными маршрутами по направлению Глухов - Севск. Сюда же подходили с северо-запада литовские части гетмана М. Паца (через Рославльский и Брянский уезды) и генерального писаря М. Полубинского (через северо-восток Стародубского полка и Трубчевский уезд). В случае успеха военных действий далее предполагалось движение к Москве.

Ян Казимир, убедившись, что Севск хорошо укреплен, не стал штурмовать или осаждать город, разбил свою ставку в соседнем с. Юшино, ожидая подхода войск М. Паца и М.Полубинского, и направил часть конницы и крымских татар ближе к Карачеву. В этих условиях севские воеводы, естественно, не имели возможности вести какие-либо активные действия, а должны были лишь обеспечивать оборону города.

Для отражения вражеского нашествия были мобилизованы основные воинские силы Русского государства. Из Москвы через Калугу и Волхов двигалась главная армия под командованием боярина князя Якова Куденековича Черкасского. В конце января 1664 г. ее передовые части вступили в Карачев и Брянск. Из Белгорода части собранного здесь Белгородского разрядного полка под командованием окольничего Г.Г. Ромодановского перешли в г.Сумы, а затем в Батурин, где соединились с казаками гетмана Левобережной Украины И. Брюховецкого. Угрожая тылам Яна Казимира, объединенные русско-украинские части двинулись к местечку Воронеж. В этом же направлении начали продвигаться и находившиеся в Путивле войска боярина П.В. Шереметева (Большого).

На состоявшемся в с. Юшино 8 февраля 1664 г. военном совете польско-литовские руководители, опасаясь полного окружения с севера и юга, решили начать отход к Новгород-Северскому. Далее путь войска Я. Казимира шел через территорию Стародубья в Белоруссию и сопровождался большими трудностями: ранней весенней распутицей, враждебным отношением местного населения, бескормицей и голодом в это время более активными действия русских воевод, по мнению Я. Казимира мог бы окончиться не просто серьезной неудачей, а катастрофой.

Война вступила в завершающую стадию, когда основную роль мочала играть дипломатия, а боевые действия, носившие эпизодический характер, уже не угрожали юго-западным границам России. Прежний первый севский воевода стольник И.А. Полев был в 1664 г. на ту же должность в Брянск, а первым воеводой в Севск был послан князь Константин Осипович Щербатов. Став стольником еще в 1649 г., он позже не раз выполнял ответственные администрации и военные поручения. Вот лишь некоторые из них: в 1668 г. в Брянске, вместо умершего князя А.М. Волконского; в 1670-1671 гг. - один из руководителей царского войска при подавлении восстания

С.Т.Разина, в 1678 г. - один из главных воевод в войне про турок и крымских татар, в 1687 г. - помощник князя В.В.Голицына в первом Крымском походе, в 1693 г. сопровождал царя Петра I в Архангельск. В 1670 г. стал окольничим, в 1682 г. - боярином; умер в 1697 году.

В 1666 г. в Севск были направлены новые городовые воеводы: окольничий князь Никита Яковлевич Львов и стольник князь Иван Иванович Львов. Воеводы были однофамильцами, но происходили из разных ветвей княжеского рода Львовых, являвшихся отраслью ярославских князей. В биографии первого из них есть несколько интересных эпизодов. После участия в 1654 г. в Польском походе Н.Я. Львов был назначен и во второй аналогичный поход (1655 г.) в качестве помощника князя А.И. Лобанова-Ростовского, но бил челом царю Алексею Михайловичу, что «ему с князем Лобановым невместно». Царь ответил, что «служба сказана без места», но князь вторично «бил челом». Строптивого князя - по царскому приказу - наказали кнутом и все равно послали в поход. Позже Н.Я. Львов не только был прощен, но и пожалован в 1658 г. из стольников в окольничие. Затем князь был воеводой в Калуге, управлял Ямским приказом, в 1665 г. был направлен воеводой в Киев, откуда и переведен в Севск. Должность севского воеводы стала для него последней. Оставив в 1668 г. воеводство, Н.Я.Львов принял монашеский постриг, и после кончины в 1684 г. был похоронен как инок Ника.

Подписание в 1667 г. Андрусовского перемирия с Речью Посполитой, по которому к России отходили Смоленская и Северская земли, а также Левобережная Украина, должно было снять с населения Севска и его уезда, особенно с комарицких драгун, состояние военной напряженности предшествующих десятилетий. Но этого не случилось. В январе 1668 г. на Украине вспыхнул мятеж гетмана И.Брюховецкого, сопровождавшийся нападениями казаков на русские гарнизоны в отдельных городах. Так, в Стародубе было убито 250 русских служилых людей во главе с воеводой князем И.Г. Волконским. Мятежные казаки совершали нападения и на приграничные земли Севского уезда, но особую опасность представляли возобновившиеся набеги союзных Брюховецкому крымских татар.

Воеводы Севского разрядного полка успели должным образом подготовиться и дали крымцам достойный отпор. Сначала боярин князь Г.С. Куракин 5 июля 1668 г., выступив из Севска, разбил крымские войска и захватил пленных. Татары, преследуемые вторым воеводой разрядного полка стольником М.М. Дмитриевым (о нем шла речь ранее), бежали от Севска к Глухову. Настигнув их примерно в 70 верстах от Севска, русские войска еще раз разбили крымцев, освободили захваченных русских пленников и сами взяли в плен более 80 человек, в том числе двух мурз. После этих событий Севск и его округа набегам крымских татар больше не подвергались.

Летом 1668 г. севскими городовыми воеводами после князей Львовых стали два князя Волконских: стольник Яков Петрович и его сын Григорий Яковлевич. Князь Я.П. Волконский, несмотря на многочисленные службы воеводой в разных городах и походах, выше чина стольника, полученного еще в 1632 г., так и не поднялся, причем направление на последнее воеводство (в 1670 г. в Якутск) было для пожилого стольника больше похоже на опалу. Что касается его сына, князя Г.Я.Волконского, то ни он, ни его потомки заметного положения не занимали.

В связи с тем, что летом 1668 г. на Украине продолжалась смута, в Севск были направлены новые отряды ратных людей во главе с братьями князьями Данилой и Алексеем Афанасьевичами Барятинскими. Стольник князь Д.А. Барятинский был назначен первым севским воеводой, а князю А.А. Барятинскому было предписано с отрядом ратных людей находиться в Крупецком остроге «для оберегания» рубежей Рыльского и Путивльского уездов от татар и мятежных «черкасов» (Крупецкая волость находилась близ Рыльска, но относилась к Севскому уезду).

Князья Волконские, отец и сын, сочли, что под началом князя Д.А. Барятинского им служить «немочно», о чем и били челом царю Алексею Михайловичу. Разбиравшая эту жалобу Боярская Дума нашла прошение Волконских необоснованным и приговорила князя Якова посадить на время в тюрьму, а князя Григория - наказать батогами, что и было исполнено в сентябре 1668 г. Затем наказанным было предписано вместе с князем Данилою Барятинским «изменных черкас промышлять сопча, за одно, а меж себя в том мест не вчинять». Но к концу 1668 г. ситуация на Украине более или менее успокоилась, и держать в Севске нескольких воевод, находившихся к тому же в неприязненных отношениях, не было необходимости. В 1670-1671 гг. братья Д. и А.Барятинские участвовали в подавлении восстания Степана Разина. В последующих службах Данила Афанасьевич заметно опередил своего брата, став в 1678 г. окольничим, а в 1688 г. - боярином. Последним общим делом братьев оказалось строительство каменного храма Рождества Богородицы в Брянском Спасо-Поликарповом монастыре...

В литературе есть сведения, что в 1668-1669 гг. севским воеводой был князь Роман Никитич Барятинский, но документальных подтвеждений этому обнаружить не удалось. Весной 1669 г. здесь был другой городовой воевода - стольник князь Семен Андреевич Хованский, родной брат одного из самых известных деятелей начала 1680-х гг. боярина князя Ивана Андреевича Хованского (по прозвищу Тараруй), который, став начальником московских стрельцов, оказался опасным для правительства царевны Софьи Алексеевны, и в сентябре 1682 г. был казнен вместе с сыном Андреем Ивановичем. Князь С.А. Хованский, также ставший боярином, избежал подобной участи и умер естественной смертью в 1695 году.

Воеводой Севского разрядного полка был в это время боярин П.В. Шереметев-Большой, находившийся в 1668 г. с севскими ратными людьми на Украине. Весной 1669 г., когда обстановка после мятежа И. Брюховецкого почти успокоилась, Шереметев вместе с войском, основную часть которого составляли комарицкие драгуны, вернулся в Севск. Комаричане, понесшие большие потери во время военных столкновений и осадных сидений, страдавшие от голода, болезней и прочих тягот, были в настолько тяжелом положении, что оставить их без помощи на территории разоренной предшествующими военными событиями Комарицкой волости было нельзя. И здесь нужно добрым словом вспомнить их воеводу. Боярин П.В. Шереметев, «видя конечный голод» ратных людей и согласовав свое решение с севским городовым воеводой князем С.А. Хованским, дал комарицким драгунам, вернувшимся со службы, «по четверику сухарей, по полу четверика толокна человеку», т.е. по 12 кг сухарей и 6 кг толокна. Царский указ, позволявший воеводам дать «хлебное жалованье... ратным пехотным людям... осадным сидельцам», поступил в Севск уже после оказания такой помощи.

Более того, П.В. Шереметев, «видя конечную нужу пехотных людей, что идут боси и от того многие безножеют, не хотя людей разметать, заняв в Севску, дав на себя кабалы, дал по гривне человеку», иначе «многие бы от нужи разпропали и померли». Воевода, который под кабальные записи берет деньги взаймы, а затем безвозмездно раздает их своим ратным людям - явление для России крайне редкое, если не уникальное. С учетом того, что в 1668 г. было мобилизовано более 4500 комарицких драгун, а каждый из вернувшихся получил от воеводы «по гривне» (т.е. по 10 копеек), получается, что боярину Шереметеву пришлось занять свыше 400 рублей - большую по тому времени сумму. Ведь тогда даже полкопейки (полушка) имели определенную покупательную способность (вспомним поговорку -«За морем телушка - полушка, да рубль перевоз»).

В целом же 1669 г. оказался для жителей Севска и окрестных селений одним из спокойных. Следующий год также начинался без осложнений, но вспыхнувшее на Дону и перебросившееся затем на другие районы восстание Степана Разина вновь потребовало мобилизации комарицких драгун и севских служилых людей. Командовал ими уже упоминавшийся князь Григорий Григорьевич Ромодановский, ставший к тому времени боярином и руководивший в 1660-е гг. Белгородским разрядом, а в 1670-е гг. фактически возглавлявший два южных разрядных полка - Севский и Белгородский. Его местопребыванием стал в это время Курск, занимавший промежуточное положение между Севском и Белгородом, но в реальности князю Ромодановскому и его ратным людям пришлось, кроме не очень долгого пребывания на Среднем Дону в 1670-1671 гг., основное время находиться на Украине, участвуя там в отстранении обвиненного в измене гетмана Демьяна Многогрешного в 1672 г. (бывший гетман по дороге в Москву 17-19 марта находился в Севске), в военных действиях против присягнувшего Турции гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко и крымских татар, в знаменитых Чигиринских походах 1677-1678 гг., после которых Османская империя согласилась пойти на подписание мира.

В 1678 г. уже пожилой князь Ромодановский запросил отпустить его из Курска к Москве», что и было удовлетворено. Смерть одного из самых крупных русских военачальников XVII в. оказалась трагической - в 1682 г. он был убит восставшими стрельцами, некоторые из которых на себе испытали жесткий характер воеводы...

Поскольку Севск в 1670-е гг. оказался удаленным от русских границ и не был местом сбора значительных ратных сил, сюда стали назначать только по одному городовому воеводе. В 1670-1672 гг. воеводой в Севске был дворянин Иван Иванович Вердеревский, затем его сменил, повидимому, князь Иван Дмитриевич Барятинский, а того -в 1673 г. - думный дворянин Василий Никитич Панин, бывший севским воеводой до осени 1674 г. Его сын, генерал-поручик Иван Васильевич Панин (1673-1736), участвовал в Северной войне, в конце жизни был сенатором. Но особую известность получили внуки В.Н.Панина: ведущий русский дипломат второй пол. XVIII в., воспитатель наследника престола Павла Петровича (будущего императора Павла I) Никита Иванович Панин (1718-1783) и видный военный деятель, генерал-аншеф Петр Иванович Панин

(1721-1789). Впрочем, находившийся на севском воеводстве В.Н.Панин, по мнению московских властей, недостаточно успешно справлялся со своими обязанностями, и в августе 1674 г. ему и дьяку Ивану Олухову был сделан выговор за недопоставку хлебных запасов находившимся на Украине стрелецким полкам.

С осени 1674 г. севским городовым воеводой был стольник Иван Петрович Лихарев, переведенный в 1676 г. воеводой в Белгород. Дьяком при нем был Борис Остолопов.

В последней четверти XVII в., когда границы Российского государства отступили далеко от Севска, а крымские татары не осмеливались больше совершать сюда свои набеги, можно было ожидать облегчения положения жителей Севска и Комарицкой волости. Однако этого не случилось. Такие военные события, как уже упоминавшиеся Чигиринские, Крымские 1687 и 1689 гг. и Азовские походы 1695-1696 гг., а также стрелецкое восстание 1682 г. (так называемая «Хованщина»), заговор Ф.Шакловитого в 1689 г. и последовавшее затем отстранение от власти царевны Софьи - все это происходило далеко от Севска, но оказывало непосредственное влияние и на судьбы многих севчан, и на деятельность назначавшихся сюда воевод, среди которых было немало примечательных лиц.

Один из них - Леонтий Романович Неплюев. В 1677-1678 гг. он в чине стольника служил севским городовым воеводой. Позже был думным дворянином, окольничим и даже недолгое время боярином, но окончил жизнь в ссылке. Первое проявление недоверия Неплюеву относилось к сентябрю 1682 г., ко времени казни уже упоминавшихся боярина князя И.А.Хованского и его сына. Другой сын казненного князя Ивана, боярин Петр Иванович Хованский, был в это время в Курске, являясь первым воеводой Севского и Белгородского разрядных полков. Его ближайшим «товарищем» (т.е. вторым воеводой) был Л.Р. Неплюев, местопребыванием которого являлся Севск, Сюда и была направлена 17 сентября 1682 г. грамота из Москвы «к думному дворянину и воеводе к Леонтью Романовичю Неплюеву, велено ему ис Севска ехать в Курьск наскоро с великим поспешением, а город приказать дьяку Федору Ефимьеву; а, приехав в Курьск, у боярина и воеводы у князя Петра Хованского город и городовые ключи, и полковой наряд, и... ратных и всяких служилых и жилецких людей, и списки им, и всякую... казну, и дела принять... тотчас».

Князь П.И. Хованский, отправленный в Москву под караулом, был сослан в Мезень, а в конце сентября 1682 г. Неплюев также сдал свои дела прибывшему в Курск окольничему князю Федору Ивановичу Шаховскому. Последний возглавлял Севский и Белгородский полки лишь временно, до прибытия сюда боярина Петра Васильевича Шереметева, который был назначен главным воеводой, и его сына стольника Федора Петровича Шереметева, которому поручалось ведать Севский полк. Однако и Шереметевы воеводствовали здесь недолго: уже летом 1683 г. главным воеводой Севского и Белгородского полков значился боярин Алексей Семенович Шеин, находившийся в Курске (в 1696 г. он в звании генералиссимуса был главнокомандующим русскими войсками во втором Азовском походе), а его «товарищем» - Л.Р.Неплюев (уже в чине окольничего), живший в Севске.

Вероятнее всего, возвышение Л.Р.Неплюева не обощлось без содействия фаворита царевны Софьи, боярина князя Василия Васильевича Голицына. В 1676-1677, а затем в 1680-1681 гг. князь Голицын, уже успевший проявить свои незаурядные дипломатические способности, сначала находился на Украине (не раз бывал и в Севске), где сумел разобраться в сложном переплетении внутренних и внешнеполитических противоречий и в значительной степени их сгладить, а затем, возглавляя Севский разряд, активно занимался укреплением южных русских рубежей. Именно в это время он мог оценить административные и военные качества Неплюева, а позже поддержал его в период кратковременной опалы.

Когда в 1686-1689 гг. князь В.В.Голицын, назначенный главнокомандующим русскими войсками на юге страны, подготавливал и возглавлял Крымские походы, Л.Р.Неплюев был одним из его ближайших помощников. Обычно данные походы, особенно первый из них, оцениваются в исторической литературе как неудачные. Но это не совсем справедливо. Хотя в 1687 г. главные силы армии Голицына не дошли до Крыма из-за степного пожара и бескормицы, в это же время другие русские войска во главе с окольничим Неплюевым и генералом Григорием Ивановичем Косаговым (уроженцем Карачев-ского уезда), двигаясь вдоль Днепра, разорили находившиеся там крымские городки-крепости, а затем взяли «на саблю» город Очаков на берегу Черного моря, что вызвало панику в Османской империи и значительно повысило авторитет России у ее союзников. Во втором Крымском походе 1689 г. (в нем также участвовал Л.Р.Неплюев во главе ратных людей Севского разрядного полка) русские войска дошли до Перекопа, и крымский хан сам запросил мира. Получив его, он уже не осмеливался нападать на русские земли, тем более что передовые

русские укрепленные городки продвинулись в Диком Поле далеко на юг.

Когда в сентябре 1689 г. была отстранена от власти царевна Софья и казнен ее фаворит Ф.Шакловитый, пытавшийся поднять стрельцов в ее поддержку, это стало крутым поворотом в судьбах князя Голицына и Неплюева. Их лишили боярства, чинов, имений и сослали. В ссылке они оставались до конца своих дней. Если князю В.В.Голицыну (лицу наиболее близкому к царевне Софье) официальной виной были объявлены неудачные Крымские походы, то реальная вина Л.Р.Неплюева (формально его обвинили в притеснении «комарицких солдат») была непонятна даже для членов Боярской Думы. Отвечая на их вопрос, боярин Федор Авраамович Лопухин, тесть царя Петра I, высказался так: «Явной его, Леонтия, вины вы не ведаете, а тайной вины и мы не ведаем».

Сам Ф.А.Лопухин также имел отношение к Севску, т.к. в 1679 г. являлся севским городовым воеводой, будучи в это время в чине стольника. Его, вероятно, сменил стольник князь Осип Федорович Барятинский, бывший севским городовым воеводой в 1680 г. Сколько времени продолжалось его севское воеводство - неясно, поскольку сведения о городовых воеводах этих лет полнотой не отличаются. Не исключено, что их обязанности совмещали некоторые из воевод Севского разряда (в частности, тот же Л.Р.Неплюев).

Сентябрьские события 1689 г. не только прервали служебную деятельность Л.Р.Неплюева, но и вызвали осложнения в положении его родственника - думного дворянина Семена Протасьевича Неплюева, бывшего в это время севским городовым воеводой (с какого времени он им стал и кого сменил в этой должности - установить пока не удалось). Проведенное в начале 1690 г. расследование деятельности севских воевод Л.Р. и С.П.Неплюевых, а также служивших вместе с ними дьяков - Клима Судейкина, Михаила Васильева и Василия Жаденова, вскрыло систематически допускавшиеся ими злоупотребления, особенно по отношению к жителям Комарицкой волости, которые с 1679 г. были переведены из драгун в солдаты. Вместо прежней «киевской и иных малороссийских городов годовой службы» им было указано поставлять «на корм ратным людям» по 10 тыс. четвертей ржи ежегодно и доставлять ее на своих подводах в Севск и Брянск. Севские воеводы и дьяки постоянно заставляли комаричан работать в собственных имениях в соседних Кромском и Рыльском уездах, а некоторых «пахотных солдат» и вовсе превращали в своих крепостных.

Осенью 1689 г. вместо С.П.Неплюева, переведенного в Чернигов, севскими городовыми воеводами были назначены окольничий Иван Юрьевич Леонтьев и стольник Григорий Михайлович Петрово-Соловово. Возвышение Леонтьевых в конце XVII в. связано с тем, что они были в близком родстве с Нарышкиными, из числа которых Наталья Кирилловна была матерью царя Петра І. Дворянский род Пет-рово-Соловово получил определенную известность в XVI в. (из него происходила, в частности, жена царевича Ивана Ивановича, смертельно раненого отцом, Иваном IV Грозным), но с XVII в. выше звания стольника выходцы из него уже не поднимались. Дьяками при И.Ю.Леонтьеве и Г.М.Петрово-Соловово были Артемий Волков (вскоре замененный Гаврилой Алексеевым) и Петр Тютчев (возможно, Петр Перфильевич, с 1692 г. причисленный к московским дворянам).

В 1692-1693 гг. севским городовым воеводой был окольничий князь Федор Юрьевич Барятинский, сын известного военачальника, боярина князя Юрия Никитича Барятинского. Сам Ф.Ю.Барятинский не раз участвовал в боевых действиях на территории Украины, в 1696 г. был воеводой в Киеве, где и умер.

В июле 1693 г. в Севск были присланы воевода окольничий князь Петр Лукич Львов (ранее участвовал в первом Крымском походе, был воеводой в Курске) и дьяк Федор Замятнин. Вскоре вместо последнего из Москвы прислали другого дьяка - Алексея Юдина, а в помощь князю П.Л.Львову на должность второго севского воеводы был назначен его племянник - князь Иван Борисович Львов.

Последними севскими городовыми воеводами в XVII в. были стольник князь Лука Федорович Долгоруков (с января 1697 г. до осени 1699 г.), бывший ранее воеводой в Великих Луках, и сменивший его стольник Степан Петрович Нелединский-Мелецкий. Оба оставили о себе совсем не добрую память. Долгоруков превратил практиковавшиеся и ранее натуральные сборы в пользу воевод и дьяков в форменный грабеж населения, а против отказывавшихся от непомерных платежей жителей применял любые меры, вплоть до посылки стрельцов, насильственного захвата пожитков и разорения крестьянских хозяйств. Так, в частности, по приказанию воеводы в 1699 г. было ранено и сожжено с. Брасово. Далеко не праведная жизнь князя Долгорукова и оборвалась в 1710 г. достаточно нелепо - он умер, выпи и по приказу царя Петра 1/2 литра водки.

Значительно большую роль в отечественной истории сыграли братья князя Луки, Яков Федорович и Григорий Федорович, а также его сын - Василий Лукич. Князь Я.Ф. Долгоруков отличился во время Азовских походов и был возведен Петром I в звание ближнего боярина. Пользовался значительной популярностью за свою неподкупность и прямодушие, не раз противоречил царю. Тем не менее, Петр I уважал своего верного, хотя и строптивого соратника, о чем свидетельствовало назначение его сенатором, а затем - президентом Ревизионной коллегии. Князь Г.Ф.Долгоруков участвовал в Азовских походах, отличился в Полтавской битве, но более известен как опытный дипломат. Имел один из высших гражданских чинов - действительного тайного советника.

Князь В.Л.Долгоруков получил хорошее европейское образование, выполнял ответственные дипломатические поручения, имел чип действительного тайного советника. Будучи членом Верховного тайного совета, являлся инициатором составления подложного духовного завещания Петра II, а затем - ограничения власти императрицы Анны Иоанновны. В 1730 г. был заточен в Соловецкий монастырь, а в 1739 г. - казнен. По словам современников, он очень хорошо говорил на многих языках и мог быть приятным собеседником, но «вместо с сим... не имел ни чести, ни совести и способен был на все по корыстолюбию».

Что касается С.П. Нелединского-Мелецкого, то он особенно «отличился» в 1700 г., когда путем жестоких репрессий заставил жителей Комарицкой волости выбрать в качестве бурмистров не уважаемых лиц, а «ведомых прежних плутов и Комарицкие волости разорителей». Определенную известность он получил тем, что оказался последним, по времени пожалования (в сентябре 1725 г.), русским боярином. Из его потомков наиболее примечателен правнук, Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, - не столько как крупный чиновник конца XVIII -начала XIX вв., а как автор некоторых стихотворений, ставших популярными песнями (особенно - «Выйду я на реченьку...»).

В ходе многочисленных реформ местного управления, проводимых в XVIII в., воеводская система то упразднялась, то восстанавливалась, хотя и со значительно урезанными властными полномочиями, пока не была окончательно ликвидирована в 1770-е гг. Но даже когда она функционировала, положение воевод было далеко не тем, что раньше. Если в XVII в. воеводы напрямую подчинялись центральной власти, то в середине XVIII в. уездный воевода подчинялся провинциальному, тот, в свою очередь, - губернатору, и лишь губернатор имел прямую связь с центральными органами власти.

Источники и литература

- 1. Акты Московского государства. Т. І-ІІІ. СПб., 1890-1901.
- 2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. III-XIII. СПб., 1861-1885.
- 3. Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время (7113-7121 гг.). M., 1907.
- 4.Вельский летописец. // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.
- 5. Воссоединение Украины с Россией. Сборник документов. Т. I-IIL, 1953.
- 6. Дворцовые разряды. Т. 1-4. СПб., 1850-1855.
- 7. Дополнения к актам историческим. Т. VIII-X. СПб., 1862-1875.
- 8. Книги разрядные, по официальным оных спискам. Т. 1-2. СПб., 1853.
- 9.Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869.
- 10.Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005.
  - 11. Разрядная книга 1550-1636 гг. Т. ІІ. Вып. 2. М., 1976.
  - 12. Разрядная книга 1637-1638 года. М., 1983.
  - 13. Алексеев В.П. Брянские люди XVII века. Брянск, 2001.
- 14. Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства. СПб., 1902.
  - 15. Бычкова М.Е. Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
  - 16. Веселовский СБ. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, М., 1969.
  - 17. Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России. СПб., 2000.
  - 18. Дворянские роды Российской империи. Т. І-ІІ. СПб., 1993-1995.
  - 19. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 1-4. СПб., 1854-1857.
  - 20. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 1-2. СПб., 1895.

- 21. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948.
- 22. Новосельский А.А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.
- 23.Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1-3. М., 1994-2000.
- 24.Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Севска и его уезда. // Сборник Орловского Церковного Историко-Археологического Общества. Т. II. Орел, 1909.
- 25. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. І-ІІ. СПб., 1886-1887.
  - 26. Русский биографический словарь. Т. 1-25. СПб., 1896-1918.
  - 27. Сурмина И.О., Усова Ю.В. Самые знаменитые династии России. М., 2002.
  - 28. Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество. М., 2003.
  - 29. Шокаров СЮ. Знаменитые русские фамилии. М., 2004.

/Деснинские древности — IV : материалы межгосударственной научной конференции«История и археология Подесенья». - Брянск, 2006. — С. 221-243.

Патрик Гордон и его пребывание в Севске

Среди военных деятелей России последней трети XVII в. одно из наиболее почетных мест занимает Патрик Леопольд Гордон, хотя начальные этапы его жизни ничего подобного не предвещали. Выходец из старинного шотландского дворянского рода, вынужденный из-за приверженности свергнутой королевской династии Стюартов в 1652 г. в 17-летнем возрасте покинуть родину после установления власти О. Кромвеля, юный дворянин оказался в Германии, где сначала обучался в иезуитской школе, но покинул ее с несколькими монетами в кармане и мешком книг в руках. В 1653 г. П. Гордон в Гамбурге завербовался в войско шведского короля Карла X в качестве рядового кавалериста. Военные способности юноши были вскоре замечены, и ему было присвоено первое офицерское звание. Участвуя в шведско-польской войне, попал в плен, а в 1660 г., уже как офицер польской армии, впервые принял участие в боевых действиях против русских войск.

Находясь на службе в армии Речи Посполитой, П. Гордон в 1659 г. начал вести свой "Дневник", ставший впоследствии ценнейшим источником для изучения военной и политической истории второй половины XVII в. Принцип отбора материала четко определен автором "Дневника": "Одни события, главным образом военного значения..., я излагаю в строгой последовательности, другие наряду с фактами из своей собственной жизни; но во всех случаях я говорю о событиях, хорошо мне известных, в большинстве из которых я участвовал и наблюдал их сам". Особо П. Гордон оговаривал, что писал он, "не заботясь об одобрении со стороны других, так как... удовлетворить всех с давних пор считается делом невозможным".

В 1661 г., участвуя в переговорах с русской делегацией об обмене пленными, П. Гордон получил приглашение перейти на русскую службу и согласился его принять. В сентябре того же года он был зачислен в чине майора в драгунский полк своего земляка А. Кроуфорда. Несмотря на отдельные проблемы (П. Гордон отказался присягать российскому царю "на вечные времена", согласившись лишь на службу до окончания русско-польской войны, и продолжал считать себя британским подданным; до конца своих дней он оставался правоверным католиком, хотя обычно наемные иностранные офицеры соглашались переходить в православие), знающий, инициативный и добросовестный офицер был замечен и поддержан не только непосредственным начальством, но и представителями верхов, в частности, тестем царя боярином И.Д. Милославским. В сентябре 1662 г. он уже получил чин подполковника, а после участия в 1663-1664 гг. в боевых действиях против польско-литовских войск был произведен в феврале 1665 г. в полковники, продолжая служить в Москве. Устроилась и личная жизнь П. Гордона — он женился на юной дочери находившегося на русской службе нидерландского полковника Ф. фон Бокхофена Катарине.

Получив известие о смерти старшего брата и о необходимости уладить дела о наследстве, П. Гордон обратился с просьбой об отпуске, но получил такое согласие не сразу и лишь при условии выполнения правительственного поручения, связанного с русско-английской торговлей. Успешно решить довольно щекотливый вопрос П. Гордону не удалось, что вызвало недовольство

московских властей и удаление опального полковника из Москвы. В 1668-1671 гг. он находился на службе в Трубчевске, Брянске, Новом Осколе, а с 1671 г. оказался в Севске в качестве командира одного из драгунских комарицких полков. К сожалению, дневниковые записи П. Гордона с лета 1667 г. до конца 1676 г. не сохранились, что делает невозможным подробное рассмотрение обстоятельств его севской жизни и службы.

Впрочем, судя по дневниковым записям, еще в то время, когда П. Гордон не был в Севске, отдельные события в этом городе уже привлекали его внимание. В январе 1662 г. в "Дневнике" П. Гордона появилась такая запись: "Татары предприняли набег до самого Севска и 400 солдат нашего полка с русскими офицерами были направлены для удержания проходов через засеки — это полосы леса, растущего столь густо, что коннице не пробраться, да и пехоте едва ли, кроме как по большим дорогам, кои укреплены фортами. Оные татары, бесчинствуя до самого Карачева, захватили много пленных и богатую добычу, но на обратном пути, у д. Прутки, ночною порою были застигнуты врасплох и разгромлены князем Григорием Семеновичем Куракиным. Пленные и большая часть добычи были возвращены, а множество татар перебито и захвачено, среди пленных были мурзы из князей Ширинских". Если в сведениях о засеках, о которых П. Гордон мог знать пока лишь по разговорам, он не совсем точен, то обстоятельства набега крымских татар и их разгрома переданы им верно и с некоторыми интересными деталями.

В октябре того же года в "Дневнике" появилась любопытная запись: "Полковник Штрасбург, будучи оскорблен и вызван полковником Лицкином на дуэль, убил его в Севске". Сравним ее с цитатой из книги А.В. Кацуры "Поединок чести. Дуэль в истории России": "Первая дуэль западного образца на русской земле случилась в 1666 г. в Москве, в немецкой слободе. Участниками дуэли были чужестранцы — англичанин майор Монтгомери и шотландец Патрик Гордон". Как видим, А.В. Кацура, подробно описавший названную дуэль на основании "Дневника" П. Гордона, неправ в главном — этот дуэльный поединок не был первым. Но и севская дуэль двух иноземных полковников тоже, оказывается, не была первой. В документах из фондов Оружейной Палаты, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, есть "Дело об убийстве сержантом иноземцем Петром Фельсом сержанта Григория Томосова на поединке". Относится оно еще к сентябрю 1639 г. и свидетельствует, что в дуэлях XVII в. участвовали не только иностранцы, но и русские военнослужащие.

Некоторые сведения "Дневника" П. Гордона связаны с продолжавшейся русско-польской войной. В июле 1663 г. он записал: "Мы весьма опасались замышляемого поляками вторжения. Князю Я.К. Черкасскому было приказано идти из Москвы к Севску". В октябре того же года: "Боярину П.В. Шереметеву велено идти на службу в Севск". Наконец, в феврале 1664 г. П. Гордон, сообщая о том же боярине П.В. Шереметеве (Большом), писал, что он "имел приказ примкнуть к боярину Черкасскому в Почепе, но был отозван и пошел в Севск". Таким образом, еще в 1660-х гг. П. Гордон уже располагал определенной информацией о Севске, о находившихся там воеводах и других начальных людях. С большой долей вероятности можно утверждать, что эти сведения существенно пополнились в период службы П. Гордона в ближайших к Севску городах — Брянске и Трубчевске (возможно, что уже тогда ему впервые довелось побывать на севской земле), но точных данных на этот счет нет.

Что же все-таки можно установить о жизни П. Гордона в Севске? Во-первых, он как бы предвидел, что служба в Севске растянется на несколько лет (так, действительно, и случилось – его перевод из Севска произошел только в 1678 г.), и поэтому решил везти сюда жену и двух сыновей. Но сначала надо было создать условия для семейной жизни, и в 1672 г. П. Гордон построил в Севске собственный дом и необходимые надворные помещения. Сосновый лес для дома был куплен в с. Негино Трубчевского уезда, дубовый и другой лес для конюшен и прочих строений – в деревне Ивачевой, а "доски в Севску в торгу на свои денги". В доме было две комнаты и две горницы, а также рубленые сени, два погреба, три изразцовых печи (две белых, одна зеленая), 14 застекленных окон. По соседству находились: "изба чёрная, да паварня рубленая; мылня, перед нею сени рубленые, ... ледник, амбар, сенник", а также три обширных конюшни. Все строения были покрыты дранью. К дому и хозяйственному двору примыкал огород и большой сад, в котором росли 96 яблонь, 32 вишни, 5 слив, 17 рябин, по одному дереву грецкого ореха и бузины, 4 больших куста крыжовника, куст барбариса, а также "гряда смородины белой в длину девяти сажен".

Сведений о семейной жизни П. Гордона в Севске практически не сохранилось. Его молодая любимая жена Катарина умерла, вероятно, не позже середины 1670-х гг. Двое сыновей, Джон и Джеймс (по-русски их называли Иван и Яков), жили с отцом – к 1677 г. им было соответственно

около 10 и 9 лет. Их обучением и воспитанием занимался приглашенный П. Гордоном молодой образованный немец Эрнст Готтлиб фон Берге (позже наставник сыновей П. Гордона покинул Россию, жил в Англии и Пруссии, занимался литературным творчеством, в частности, первым перевел на немецкий язык поэмы выдающегося английского поэта Д. Мильтона, а также перевел "с одного славянского манускрипта" описание Сибири).

Служебную деятельность П. Гордона в период его пребывания в Севске можно характеризовать лишь краткими штрихами: согласно послужному списку, он в 1674, 1675 и 1676 гг. "из Севска... был на службе в Каневе, Переяславе и в Чигирине при пленении Дорошенко", – естественно, во всех этих походах вместе со своим полком комарицких драгун. Не вдаваясь в подробности этих походов, связанных с угрозой вторжения на Левобережную Украину войск турецкого султана и гетмана Правобережной Украины П. Дорошенко, стоит лишь отметить, что дальние походы русских ратных людей (до Днепра и даже на его правый берег) не были достаточно обеспечены продовольствием, что приводило к большому количеству побегов.

Не случайно 26 октября 1676 г. П. Гордон и два его ближайших сотоварища по командованию полком комарицких драгун подполковник Александр Лэнделс и майор Вильям Хэй обратились с челобитной к царю Федору Алексеевичу. В ней они писали: "Служим мы, холопы твои, тебе, Вел. Государю, в Севском полку и в нынешнем... году были мы... на твоей... службе под Чигирином с комарицкими драгуны и октября в 9 день мы... с твоей... службы отпущены в Севск, А ныне ж... велено нам... быть с полком на твоей... службе в полку окольничего и воеводы у князя Григория Афанасьевича Козловского. И будучи мы... на... службе в зимних и летних походах, оскудали и одолжали и лошадьми опали, а твоего... жалованья на нынешний... год нам... ничего не дано. А нам... без твоего... жалованья служить и поднятца нечим. И о том... мы... в Севску в приказной избе стольнику и воеводе Леонтью Романовичю Неплюеву да дьяку Борису Остолопову подавали челобитную. И оне... сказали нам...: прислана де к ним в Севск... грамота, что без твоего, Вел. Государя, указу и без грамот из Разряду (Разрядного приказа, ведавшего служилыми людьми – В.К.) ... денежной казны ни на какие расходы давать не велено. ... Вели, государь, нам... для... службы и нашей нужды и скудости свое... годовое жалованье на нынешний... год выдать, чтоб нам... было чем на твою, Вел. Государя, службу поднятца и впредь твоей... службы не отбыть".

Что касается отношений между П. Гордоном и подчиненными ему комарицкими драгунами. то они не были (да и не могли быть) безоблачными. Ведь во всех тяготах службы и походов ратные люди обычно винили, прежде всего, своих непосредственных начальников, а привычка к дисциплине и требовательность по отношению к подчиненным, присущие П. Гордону, нравились, конечно, далеко не всем комарицким драгунам, уже не раз писавшим в Москву челобитные с просьбами избавить их от воинской службы. Этим можно объяснить тот сообщаемый П. Гордоном в "Дневнике" факт, что в январе 1677 г. несколько драгун его полка, подстрекаемых генералмайором А. Трауэрнихтом, подали на своего командира жалобу. Содержание жалобы было 26 января доложено царю Федору Алексеевичу и членам Боярской Думы, но все обошлось без серьезных последствий. В защиту П. Гордона выступил боярин князь Г.Г. Ромодановский, хорошо знавший полковника по службе, который заявил, что "это всего лишь клевета и ложь", поскольку П. Гордон "поддерживал добрую дисциплину и не позволял... проказ и отлучек". Во время разбирательства дела, 28 января П. Гордоном было получено письмо из Севска, в котором за подписями трех священников жители двух десятков селений, где размещался его полк, свидетельствовали, что они ничего против него не имели и к ходатайству против него не причастны. Письмо стало дополнительным подтверждением, что со стороны П. Гордона ни серьезных злоупотреблений властью, ни притеснений комаричан не было.

В Севск из поездки в Москву П. Гордон вернулся 1 апреля 1677 г. Относящиеся к этому времени дневниковые записи достаточно лаконичны, но в то же время называют немало примечательных лиц, бывавших в Севске. Так, уже в день прибытия П. Гордон встретил здесь боярина князя И.Б. Троекурова, направленного воеводой в Киев, но не слишком торопившегося туда. З апреля П. Гордон пригласил на ужин боярина Троекурова, а также севского воеводу Л.Р. Неплюева "с начальными людьми", которые "явились и весело пировали". На следующий день полковник вместе с другими севскими руководителями "проводили боярина по дороге за ручей Сосню". До Киева сопровождал кн. И.Б. Троекурова отряд комарицких драгун из полка П. Гордона во главе с полковником А. Лэнделсом.

4 мая в Севск "явился генерал-майор Трауэрнихт, назначенный комендантом в Чигирин". Хотя с прибывшим генералом отношения у П. Гордона были натянутыми из-за поддержки (скорее всего, не бескорыстной) А. Трауэрнихтом жалобы комарицких драгун, автор "Дневника" ни здесь, ни в других случаях, когда упоминается генерал, не проявляет своих отрицательных эмоций, а, сообщая о его деятельности по подготовке Чигирина к обороне, отмечает его распорядительность.

9 мая в Севск из Киева прибыл окольничий А.П. Головин (позже – боярин), отец одного из виднейших в будущем соратников Петра I, дипломата и военного деятеля Федора Алексеевича Головина. Приехавший "на следующий день отбыл отсюда" и, как сообщал П. Гордон в "Дневнике", "мы обедали с ним на другой стороне севского моста", т.е. в Замарицкой части города.

В связи с угрозой нападения турецких войск на Украину 14 мая в Севск "прибыли шесть приказов стрельцов; трем велено идти в Киев и трем в Чигирин; всего в оных было около 4200 человек" (стрельцы расквартированных в Москве полков по традиции до 1680 г. делились на "приказы", каждый из которых состоял из нескольких "сотен"). 17 мая в Севск прискакал гонец из Москвы с распоряжением прибывшим стрельцам "немедля отправляться прямо в Киев и Чигирин", и 24 мая московские стрельцы выступили на Украину.

Еще раньше, 15 мая, прибыла царская грамота с приказом "держать полки в готовности к походу по первому уведомлению", и поэтому в начале июня П. Гордон послал своих офицеров собирать полк, а 9 июня был проведен смотр полка. Тем временем к Севску приближалась еще одна группа войск, вышедших из Москвы, под командованием боярина князя В.В. Голицына. 12 июня П. Гордон "встретил боярина Голицына" и вместе со своим полком "сопроводил его в Севск". При боярине "находилось много дворян" и приказ стрельцов "примерно 700 человек".

На следующий день, как сообщал П. Гордон в "Дневнике", он "отобедал с боярином и предполагал снятся после полудня, но когда боярин заявил, что желает меня повидать в моем доме, я остановил свои подводы и угостил его как можно лучше". Тогда же в Севск прибыл "товарищ" князя В.В. Голицына по предстоящему походу думный дворянин А.В. Толстой (позже – окольничий, особенно известный как отец выдающегося политического деятеля первой четверти XVIII в. Петра Андреевича Толстого). Проездом в Севске оказался и дьяк Иван Михайлов, который "проследовал в Путивль", где ему было поручено организовать чеканку чехов (так на Украине называли польские серебряные монеты достоинством в полтора гроша, которые русское правительство пыталось вытеснить из обращения, заменив собственными аналогичными монетами; но в 1677 г. наладить выпуск "чехов" в Путивле не удалось, а сделано это было лишь в 1686-1687 гг. в Севске).

По росписи войск комарицкие драгуны, в том числе и полк П. Гордона, были включены не в состав армии боярина кн. В.В. Голицына, собиравшейся в Севске, а в состав армии боярина кн. Г.Г. Ромодановского, местом сбора которой был назначен Курск. 14 июня П. Гордон выехал из Севска к месту расположения своего полка — в деревню Девятино, на северо-восток от Севска (сейчас это селение относится к Дмитровск-Орловскому району). В 12 верстах от города он повстречал окольничего кн. Г.А. Козловского, направлявшегося в Севск вместе с двумя приказами московских стрельцов, "около 700 человек в каждом". Вечером того же дня П. Гордон прибыл к своему полку, стоявшему лагерем у д. Девятино. Последующий путь полка проходил через Власовку, Трояново, Гнань (эти селения сейчас относятся к Дмитровск-Орловскому и Железногорскому районам). Первоначальная дислокация полка П. Гордона и его путь позволяют сделать однозначный вывод, что районом комплектования полка и постоянного проживания его драгун был Радогощский стан Комарицкой волости (все перечисленные селения относились к этому стану).

К Курску полк П. Гордона численностью в 916 человек подошел 20 июня. Здесь уже находились первый московский выборный солдатский полк (2 тыс. человек) под командой генерал-майора А.А. Шепелева (позже был "думным генералом" и окольничим), приказ московских стрельцов (около 600 человек) во главе с полковником С.Ф. Грибоедовым, а также 4 полка из Белгородского разряда. 1 июля к ним добавились войска, приведенные из Москвы генералом В.А. Змеевым, а 5-6 июля – рейтарские полки И. Гулица и Я. Тауэра и солдатский полк Я. Ронауэра (Ронорта) – все из Севского разряда. К концу июля вся армия численностью свыше 42 тыс. человек была в сборе и 28 июля ее основные силы начали движение на Украину.

В "Дневнике" П. Гордона не сохранилось страниц, посвященных описанию дальнейшего пути его полка в составе армии боярина Г.Г. Ромодановского, но ни этот путь вместе с казаками гетмана И. Самойловича к Днепру, ни бои с турецко-татарскими войсками на правом берегу Днепра близ Чигирина не имели прямого отношения к севской службе П. Гордона. Однако проявленные им во время боев военно-инженерные способности, распорядительность и

активность были замечены и его сотоварищами по службе (30 августа, когда турки уже отошли от Чигирина, П. Гордон был приглашен на обед генерал-майором А.А. Шепелевым и "весьма радушно принят им и его офицерами"), и руководством русской армии (боярин Г.Г. Ромодановский, узнав о намерении полковника покинуть русскую службу и уехать на родину, заявил ему, что "будет сему противиться").

Прибыв 28 августа в Севск и распустив в соответствии с полученным из Москвы указом свой полк по домам, П. Гордон вносил в свой "Дневник" все сколько-нибудь существенные севские новости. Вот некоторые из них. 7 октября в Севск "явился генерал В.А. Змеев и сего же дня отбыл". 9 октября "приехал князь Василий Васильевич Голицын и пробыл два дня": 11 ноября севские руководители, включая П. Гордона, "проводили его через севский мост" (армия В.В. Голицына численностью до 20 тыс. человек, среди которых были "многие князья и знатные вельможи", подошла к Днепру несколькими днями позже армии Г.Г. Ромодановского и непосредственного участия в боевых действиях не принимала). 23 октября "из Смоленска в Севск доставлено 4000 предметов вооружения – кирасы, карабины и пистолеты". 28 октября "в Чигирин для стрельцов, кои будут там зимовать, направлены шубы из овечьих шкур". 6 ноября "три приказа стрельцов с их полковниками С.И. Яновым, Л.А. Лопухиным и Н.И. Колобовым пришли из Киева и, оставив здесь артиллерию и боевые припасы, выступили к Москве". 17 ноября "генерал-майор Трауэрнихт с тремя чигиринскими приказами стрельцов прибыл в Севск и после двухдневного отдыха выступил... к Москве". 19 ноября П.Гордон выехал из Севска в Рыльск, где 21 ноября состоялось совещание боярина Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича и "было решено удерживать и оборонять Чигирин", усилив его гарнизон русскими служилыми людьми и украинскими казаками.

Тем временем из Москвы в Севск пришла весть, что в ответ на просьбу британского короля об увольнении П. Гордона царь Федор Алексеевич "милостиво пообещал... отпустить" полковника на родину "после... возвращения из кампании" и подачи соответствующей челобитной. Получив грамоту о приезде в Москву, П. Гордон 24 декабря 1677 г. "пустился в путь из Севска в сопровождении подполковника Лэнделса, трех прапорщиков", а также двух старших сыновей и их учителя Г. фон Берге. Первые три ночевки П. Гордона и его спутников были в селениях Комарицкой волости: деревне Красное Поле (Краснополье) (упомянутой П. Гордоном как "приписанная" к его полку), селе Радогощ, которое являлось центром одноименного стана, где был расквартирован полк П. Гордона, и деревне Добрик, относившейся к Глодневскому стану.

Результатами зимней поездки в Москву полковник был "крайне разочарован". Вместо ожидаемого отъезда на родину он получил новое назначение. Царь Федор Алексеевич и его ближайшее окружение, как сообщал П. Гордон в "Дневнике", "известясь о моих достойных действиях в последнем и прежних походах, избрал меня для отправки в Чигирин". П. Гордон не счел возможным отказаться "от столь опасного и важного поручения". Назначение П. Гордона в Чигирин не было случайным: город в предвидении новых турецких нападений нужно было укреплять, а полковник, хорошо знакомый с фортификационным делом во многих странах, уже успел проявить свои военно-инженерные способности. У А.Г. Брикнера есть сведения, что во время службы в Севске П. Гордон участвовал в укреплении городских оборонительных сооружений, но, поскольку это сообщение приведено без ссылки на источник, уточнить и конкретизировать его не представляется возможным.

Получив жалованье для себя и своих офицеров, а "также барабаны и все необходимое" для своего драгунского полка, он 1 февраля 1678 г. выехал из соседней с Москвой Немецкой слободы и уже вечером 8 февраля прибыл в Севск. На этот раз пребывание его в городе было недолгим. Офицеры, посланные собирать драгун, быстро справились с этим делом, и 16 февраля полк П. Гордона прибыл к Севску. 18 февраля П. Гордон направил письмо к окольничему И.И. Ржевскому, который был назначен в Чигирин главным воеводой и должен был прибыть туда из Киева, с уведомлением, что он с полком выступает к Путивлю, а дальнейшее движение согласует с И. Самойловичем. В те же дни, 18-19 февраля, в Севск прибыли три приказа московских стрельцов общей численностью свыше 1,5 тыс. человек, которые были назначены идти в Чигирин. Во второй половине дня 19 февраля П. Гордон "выехал из Севска и ночевал с полком в поле у Поздняшовки", а на следующий день, приказав подполковнику идти с полком в Путивль, направился в Батурин для встречи с гетманом. Проведя в течение двух дней переговоры с И. Самойловичем "по поводу укрепления и обороны Чигирина", П. Гордон 25 февраля прибыл в Путивль.

Здесь полковник получил две мортиры, стрелявшие гранатами, и 400 гранат весом в 2-3 пуда. В Путивле же П. Гордону была передана царская грамота, предлагавшая ожидать

прибывшие в Севск стрелецкие войска и далее двигаться вместе с ними. В первых числах марта к Путивлю подошли сначала драгунский полк П. Гордона, "добравшийся сюда с большим трудом по причине плохой и узкой дороги и тяжелого обоза", затем — три стрелецких приказа во главе с русскими полковниками. Прибыл и оставленный ранее в Севске майор полка П. Гордона "с боевыми припасами", доставивший "2 орудия, 200 пудов фитиля, 200 пудов пороха и столько же свинца, 30 больших бочек сбитня, уксуса и масла, а также почти 2000 пудов пороха для магазина (склада — В.К.) в Чигирин; всего... 12 000 пудов разного рода боевых припасов и провианта, помимо личной провизии драгун, у каждого по полной телеге".

Фактически это последнее из сообщаемых в "Дневнике" П. Гордона сведений, связанных с Севском. На других страницах "Дневника" подробно описан ход проводившихся в мае – начале июля 1678 г. под руководством П. Гордона работ по укреплению Чигирина, а затем обороны города (с 9 июля по 11 августа), где полковник был сначала одним из главных командиров, а после гибели окольничего И.И. Ржевского – руководителем обороны города. Лишь изредка встречаются при изложении этих событий упоминания о комарицких драгунах, причем не только об их участии в строительстве оборонительных сооружений и последующих боевых действиях, но и о некоторых негативных явлениях. В частности, во время пребывания полка П. Гордона в Путивле некоторые драгуны совершили "большие бесчинства" по отношению к местным жителям (в чем они проявились, автор "Дневника" не сообщил), однако виновные были обнаружены и строго наказаны. Поскольку участие в дальних походах нарушало привычный порядок жизни комаричан, то многие из них пытались избежать такой службы, что также было отмечено П. Гордоном. Он сообщал, что 7 июля, получив известие о переправе части драгун из его полка через Днепр и "зная их нравы", спешно послал нескольких офицеров с самыми верными солдатами, "дабы привести оных сюда", т.к. это "были те, кто либо не выступил в поход, либо послал вместо себя наемников и прислугу". Вечером 8 июля посланные офицеры прибыли в Чигирин "с драгунами, числом почти 400, кои пришли столь же охотно, как воры идут на виселицу".

К сожалению, действия главной русской армии, руководимой боярином князем Г.Г. Ромодановским, не отличались активностью, и, хотя она вместе с казачьими частями гетмана И. Самойловича почти не уступала по численности турецкому войску и находилась в непосредственной близости от Чигирина, боярин предпочел не вступать в генеральное сражение с турецкими войсками. Когда же оборонительные возможности Чигирина оказались исчерпанными и от князя Г.Г. Ромодановского поступил письменный приказ о его оставлении, П. Гордон последним из чигиринских командиров оставил осажденный город и лишь по счастливой случайности избежал гибели или плена. Полковник в ночь на 12 августа лишился "слуг, лошадей, доспехов, одежды, денег и всего, что имел при себе", за исключением палаша и пистолета, а также тетрадей с дневниковыми записями, которые он вел даже в дни осады.

Военно-инженерные и организаторские способности, личная храбрость полковника получили известность и признание и в августе того же 1678 г. ему было присвоено звание генералмайора, а в адресованных ему царских грамотах его впервые начинают называть "Петром Ивановичем".

Поскольку после оставления Чигирина единственным крупным городом на правом берегу Днепра, подконтрольным Московскому государству и украинскому гетману, оставался Киев и можно было ожидать в близком будущем походов турок к этому городу, гетман И. Самойлович в начале октября обратился к царю Федору Алексеевичу с просьбой послать "на службу в Киев драгунского строю генерала майора Петра Гордана в скором времени, а он, Петр, к осадному времени в Киеве зело надобен". В результате, "по тому гетманскому челобитью", было указано генерал-майора П. Гордона "послать на... службу в Киев не замотчав". 18 октября грамота об этом была направлена главному киевскому воеводе боярину князю М.А. Голицыну, а 5 ноября был послан в Севск царский указ "генералу майору Петру Ивановичу Гордону", в котором сообщалось, что ему "велено... быть на... службе в Киеве и ведать пехотные, драгунский и солдатцкие полки". Соответствующий указ был послан "в Севеск к стольнику... и воеводе к Леонтию Неплюеву". В указе П. Гордону говорилось, что "как к тебе ся наша... грамота придет, и ты б на нашу... службу в Киев ехал немешкав, а что тебе ко охранению киевских крепостей каких ратных припасов и подкопных снастей и ратного всякого строю надобно, и ты б о том к нам... писал и прислал за своею рукою роспись".

Однако в Севске царский указ П. Гордона не застал. Вернувшись сюда из чигиринского похода в конце сентября 1678 г. и распустив по домам драгун своего полка, он наскоро подлечил полученные в Чигирине раны и в начале ноября выехал в Москву. Явившись 15 ноября в

Малороссийский приказ, П. Гордон узнал о своем новом назначении, которое опять перечеркивало его надежду вскоре вернуться на родину. Десяток последующих дней П. Гордон подготавливал "роспись" о тех дополнительных людских и материальных ресурсах, которые потребуются для обеспечения обороноспособности Киева. Подготовленная "роспись" была рассмотрена 27 ноября, и основную часть запрошенного было решено выделить либо в ближайшее время, либо позже. Так, требуемые боеприпасы и материалы было приказано "отвести нынешним же зимним путем до Брянска, а изо Брянска отвесть в Киев самою первою полою водою на стругах, которые ныне делают в Брянске". Решив необходимые дела в Москве, П. Гордон ненадолго заехал в Севск и в конце 1678 г. прибыл в Киев. Начался новый период его военной службы.

Семья генерала (его вторая жена Элизабет Ронауэр и сыновья) некоторое время продолжала жить в Севске, но затем переехала в Киев. Дом, построенный П. Гордоном за собственные средства, после отъезда семьи был "взят на Великого Государя для постоя боярам и воеводам, как они с полками бывают в Севску". В частности, в этом доме проживал боярин князь В.В. Голицын в свою бытность в Севске в 1681 г. Однако материальной компенсации за дом и надворные постройки прежний владелец не получил, что побудило его в конце 1681 г. обратиться с челобитьем к царю с просьбой "тот... двор в Севску оценить и по оценке" за него "деньги выдать", поскольку, по словам П. Гордона, его сослуживцы, "которые со мною вместе дворы строили, и оне свои дворы попродали". Бояре, рассмотрев челобитную, послали в сентябре 1681 г. распоряжение севскому воеводе Л.Р. Неплюеву провести расследование, в ходе которого подтвердился факт строительства дома и надворных построек П. Гордоном за собственные средства. Однако события 1682 г. (смерть царя Федора Алексеевича и стрелецкое восстание) отодвинули решение по этому делу на задний план. В январе 1684 г. П. Гордон, уже в чине генерал-поручика, вновь напомнил о нем в своей челобитной на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей, оценив свои расходы суммой в 150 рублей, но окончательного решения дела не сохранилось. Можно предполагать, что просимую компенсацию П. Гордон получил. Дело в том, что именно в 1684 г. во время приезда генерала в Москву (по пути он дважды ненадолго останавливался в Севске) у него сложились довольно дружеские отношения со знакомым уже ему боярином князем В.В. Голицыным, бывшим фактически главой правительства царевны Софьи. По поручению В.В. Голицына П. Гордоном была подготовлена обстоятельная докладная записка с изложением соображений об отношениях России с Речью Посполитой и Османской империей. Им была, в частности, высказана идея о необходимости завоевания Крымского ханства, без чего невозможно обеспечить устойчивость русских границ на юге.

Жизнь и служба в Киеве были заполнены разнообразной деятельностью, поскольку на П. Гордона возложили и обязанности коменданта города, но не приносили большого удовлетворения, так как сам Киев в то время был удаленным от столичной жизни окраинным городом. П. Гордон продолжал стремиться на родину, однако на новую челобитную получил решительный отказ. Ему лишь позволили в 1686 г. совершить краткую поездку в Англию и Шотландию, но семья его должна была оставаться в Киеве. Вернувшись, П. Гордон вновь подал прошение об отставке, что вызвало раздражение властей. Оно стало еще больше, когда с просьбой отпустить П. Гордона на родину обратился сам король Англии Яков II. Царским указом П. Гордон был лишен генеральского звания и разжалован в младший офицерский чин поручика. Для заслуженного генерала, которому перевалило за 50 лет, такое решение было прямым оскорблением, но возмущение могло закончиться ссылкой в Сибирь. Внешне смирившись, П. Гордон взял назад свою челобитную. Тем временем от короля Якова II прибыло новое письмо, в котором сообщалось, что генерал П.Л. Гордон назначается послом Британии при московском правительстве. Возник непредвиденный дипломатический казус. Чтобы выйти из него без осложнений, правительство царевны Софьи вернуло П. Гордону прежнюю должность и генеральское звание, но повелело "послом не принимать" под предлогом предстоящего участия в большом походе.

Известный Крымский поход 1687 г. под руководством боярина князя В.В. Голицына, в котором участвовал П. Гордон, не принес для России решающего успеха, но в лучшую сторону изменил положение П. Гордона. В сентябре 1687 г. ему было присвоено звание полного генерала, а затем Петра Ивановича (так его теперь всегда именовали в официальных документах) перевели на службу в Москву и назначили командиром Бутырского выборного солдатского полка. В столичную Немецкую слободу переехала и семья генерала.

Участвовал генерал П. Гордон со своим Бутырским полком и во втором крымском походе 1689 г., а при отходе армии боярина В.В. Голицына от Перекопа командовал арьергардом и

успешно отразил все наскоки отдельных татарских конных отрядов. На время этого похода приходится последнее кратковременное посещение П. Гордоном Севска. В том же году в период политического противостояния царевны Софьи и царя Петра генерал оказал поддержку молодому царю, с которым успел лично познакомиться в 1688 г. при посещении Петром Немецкой слободы. Переход лучшего в России солдатского Бутырского полка во главе со своим командиром на сторону Петра стал "решающим переломом" в ходе событий.

Последнее десятилетие жизни П. Гордона уже не было связано с Севском, но именно в 1690-е гг. его место в военно-политической жизни России стало особенно значительным. Он вошел в ближайшее окружение Петра I, не только участвуя в многочисленных развлечениях и празднествах молодого царя, но и являясь его военным наставником, чему способствовали весьма обширные познания П. Гордона в различных областях военного искусства, его большой личный боевой опыт. Оставаясь командиром Бутырского полка, П. Гордон по распоряжению Петра I начал руководить обучением Преображенского и Семеновского полков, организовывал и возглавлял столь любимые царем "марсовы потехи" — военные учения, вплоть до известных Кожуховских маневров 1694 г.

Не был чужд сухопутный генерал и военно-морским увлечениям Петра I. Он не раз приезжал в Переяславль, где строилась на Плещеевом озере учебная флотилия, сопровождал царя в его поездке в Архангельск, участвовал в военно-морских учениях на реке Москве, за что был удостоен адмиральского звания.

В 1695-1696 гг. П. Гордон был одним из главных руководителей русской армии во время Азовских походов, а после отъезда Петра I с "великим посольством" в Европу сумел силами солдатских полков подавить стрелецкое восстание в 1698 г., причем, стремясь предотвратить кровопролитие, он трижды лично пытался убедить стрельцов прекратить мятеж и, лишь убедившись в тщетности этих попыток, приказал применить оружие. Не принимал он участия и в тех массовых пытках и казнях стрельцов, которые были проведены после возвращения Петра I.

В ноябре 1698 г. П. Гордон тяжело заболел, лишь изредка вставая с постели. 31 декабря он занес в свой "Дневник" последнюю запись, в которой выражал "благодарение Богу, что... смог приносить пользу столь долгое время". Петр I несколько раз посещал своего военного наставника во время болезни, а 29 октября 1699 г. царь "собственной рукой закрыл ему глаза, когда тот испустил дыхание". Похоронили П. Гордона с высшими государственными почестями при личном участии царя, всех бояр и генералов русской армии, послов иностранных государств, а также солдатских полков и тысяч москвичей и иностранцев.

В заключение приведем характеристику П. Гордона, данную австрийским дипломатом И.Г. Корбом: "Благоразумие, зрелая рассудительность и предусмотрительность во всем, заботливость украшали Гордона. Не гордясь своей известностью и отличаясь любезностью и приятностью обращения, Гордон особенно сумел привлечь на свою сторону московитов, по природе своей недоброжелательных к иностранцам... Часто величаемый государем именем "батюшка", почитаемый боярами, чествуемый думными, любезный дворянам и любимый чернью – он снискал себе всеобщее уважение".

Источники и литература

Гордон, П. Дневник. 1659-1667 / П. Гордон. – М., 2002.

Гордон, П. Дневник. 1677-1678 / П. Гордон. – М., 2003.

Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г. Ч. 1, 2. – М., 1892.

Брикнер, А.Г. Патрик Гордон и его дневник / А.Г. Брикнер. – СПб., 1878.

Кацура, А.В. Поединок чести. Дуэль в истории России / А.В. Кацура. – М., 1999.

Шишов, А.В. Знаменитые иностранцы на службе России / А.В. Шишов. – М., 2001.

/ I Тихановские чтения : материалы краеведческой научно-практической конференции. – Брянск, 2007. – C. 52-71.

Из истории монастырей юго-западных уездов Центральной России в XVIII - первой половине XIX вв.

После 1917 г. в советской историографии все, что связано с жизнью, бытом и ролью русских

православных монастырей, рассматривалось, как правило, с негативных позиций.

Однако истоки такого отношения нужно искать не в идеологии большевизма, а в гораздо более раннем времени, когда вступили в противоречие старинные традиции православного монашества и практика государственного абсолютизма, нередко опиравшегося на европейское рационалистическое мировоззрение и идеи Просвещения.

Считая себя вправе бесцеремонно вмешиваться в церковные дела, Петр 1 не только лишил русскую православную церковь возможности иметь выборного главу — патриарха, но и попытался перевести все духовенство на положение «чиновников в рясах».

Совершенно не случаен и указ Петра 1 от 31 января 1724 г., который утверждал, что большая часть монахов «тунеядцы суть», которые «бегут от податей и от лености; дабы даром хлеб есть».

Несомненно, что для такого утверждения можно было найти обоснование в лености, невежестве, пьянстве и распущенности немалого числа монахов. Но столь же несомненно и другое: практический ум Петра 1 не в состоянии был воспринять молитвенно-созерцательных идей той части монашества, которая, будучи особо чуткой к мирской несправедливости и жестокости, пыталась найти душевное успокоение в уединении и религиозном подвижничестве. Именно из таких людей выходили особочтивые в народе: праведники и духовные наставники, как Сергей Радонежский, Тихон Задонский, Серафим Саровский, оптинские старцы.

Петр 1 явно недооценивал (или просто не понимал) той большой роли, которую играли монастыри в нравственном и эстетическом воспитании людей, не видел той скрытой в монастырях духовной силы, которая поддерживала верующего человека в период испытаний, не давала угаснуть. в нем добрым чувствам и высоким стремлениям. Из российских государей XVIII в. определенную заботу о монастырях проявляла лишь Елизавета Петровна, а вот Екатерина II, олицетворявшая русский просвещенный абсолютизм второй половины XVIII в., нанесла монастырям удар даже более серьезный, чем это сделал Петр 1. В 1764 г. монастыри окончательно лишились своих крестьян, пахотных, лесных, луговых и прочих угодий, а затем большинство из них (754 из 954 упразднено).

Эти меры, естественно, не способствовали росту уважительного отношения к монастырям и их обителям. Напротив, большинство оставленных монастырей в последней трети XVIII в. также переживало период и материального, и духовного упадка.

Однако, в конце XVIII — начале XIX вв. начался процесс своеобразного «монастырского возрождения» — столько в плане материального возвеличения, а, в первую очередь, в существенном усилении духовного влияния некоторых из них.

Рассмотрим особенности этого процесса на примере монастырей Брянского, Карачевского, Севского и Трубчевского уездов Орловской губернии (все они в XVIII в. относились к Севской епархии), Жиздринокого и Козельского уездов Калужской губернии и Рославльского уезда Смоленской губернии, т. е. достаточно компактной территории на юго-западе Центральной России.

Последующее содержание, надеюсь, объяснит причины совместного рассмотрения жизни монастырей именно этих уездов, причем внимание будет сосредоточено только на мужских монастырях, где упомянутые процессы были значительно заметнее.

Брянский уезд.

Здесь находились два самых старинных монастыря всей округи: основанный в 1288 г. великим черниговским и брянским князем Робманом Михайловичем Свинский Успенский монастырь близ г. Брянска, где речка Свинь впадает в Десну, и основанный в конце XIII в. (приводимая иногда дата — 1275 — менее вероятна) в самом г. Брянске князем Олегам Романовичам Петропавловский, в котором его основатель, предпочтя земной власти духовную жизнь, принял монашеский постриг под именем Василия и окончил «строгим подвижником» свой жизненный путь (позже Олег был канонизирован).

Свинский монастырь в 1681 г. был приписан к Киево-Печерской лавре и до 1786 г. официально именовался Новопечерским, но фактически с середины XVIII в. он был уже самостоятельным и назывался Свенский (прежнее название было несколько видоизменено из-за его неблагозвучности). Это был один из самых крупных монастырей на юго-западе Центральной России. В нем в XVIII в. имелось 4 каменных храма (соборный Успенский храм славился своим замечательным резным иконостасом), колокольня, ряд других строений, окруженных каменной оградой с 6 угловыми башнями, Основной святыней монастыря была чудотворная икона Богоматери, написанная в Киеве в конце XI в. преподобным Алипием (Алимпием) Печерским.

До 1760-х гг. Свенский монастырь имел и значительное хозяйство: сад, огород, конопляник, скотные дворы, винокуренный завод, около Двух Десятков мельниц, лесные угодья площадью 350 квадратных верст, свыше 60 тысяч десятин пашни и сенокосов. Монастырю принадлежало более 18 тысяч крестьян, живших в 46 селениях в 5 монастырских вотчинах. Всероссийской известностью пользовалась ежегодно проходившая у стен монастыря Сиенская ярмарка, имевшая особое значение в развитии русско-украинских торговых связей. После секуляризации Свенекий монастырь, отнесенный к III классу, получал довольно скудное содержание и начал заметно хиреть. В 1790-е гг. в нем проживало лишь около десятка монахов и послушников, нравы которых не были примером для окружающих.

Петропавловский (Петровский) монастырь в целом заметно уступал Свенскому. В нем имелись 2 каменные церкви, весь монастырский комплекс был значительно скромнее. Основным владением монастыря были крупные лесные массивы за р. Десной, а ив селений — пригородные села Городище и Полбино (Полпино), в которых в середине XVIII в. насчитывалось около 500 жителей. Однако формальное положение Петропавловского монастыря было в XVIII — нач. XIX в. выше Свенского, поскольку Свенский длительное время был приписным, а к Петропавловскому монастырю, напротив, были приписаны некоторые другие монастыри. Отсюда и более высокий ранг настоятелей монастыря: ими в первые десятилетия XIX в. были архимандриты. После секуляризации Петропавловский монастырь был отнесен « III классу, и в нем в конце 1780-х гг. насчитывалось 12 монахов и послушников. В 1836 г. монастырь был преобразован в женский.

К числу старинных (вероятное время основания — XVI в.) относился и находившийся в г. Брянске Спасо-Преображенский монастырь, чаще называвшийся Спасо-Поликарловым (по имени настоятеля Поликарпа, известного религиозного подвижника). В XVII в. монастырю принадлежали многие лесные, бортные, рыбные угодья по Десне, Снежети, Болве, Радице, а также село Соловьяничи и другие селения Соловьяновской волости, после разорения Соловьянич в годы «смуты» отошедшие к Прикладенской волости. Но ни старинные традиции, ни связи с монастырем некоторых видных религиозных и политических деятелей, ни достаточно крепкое материальное положение не спасли Опасо-Поликарпов монастырь от закрытия в 1760-е гг. Не избежал этой же участи и еще один старинный монастырь на территории Брянского уезда, поразному называемый в разных документах: «на Адриановой (Ондреяновой) «Молотьковский Спасский», «Брянский Спасо-Пятницкий», просто «Пятницкий». В монастыре этом, предположительно основанном в XV в. отшельником Адрианом на возвышенном месте близ д. Молотьково, первоначально была церковь в честь Спаса Нерукотворного, а когда она обветшала, была построена новая — в честь Параскевы-Пятницы. Отсюда — такое обилие разных названий. Главной святыней монастыря была древняя явленная икона Параскевы-Пятницы, для поклонения которой стекались люди из разных мест (как и для участия в проходивших у монастыря торгах). Однако в целом в XVII-XVIII вв. монастырь явно захирел. В 1724 г. он был приписан к Брянскому Петропавловскому, а в 1764 г. совсем закрыт.

Еще два существовавших в Брянском уезде в XVIII в. мужских монастыря именовались пустынями — Белобережская Предтечева и Полбинская Предтечева. Обе пустыни были основаны в начале XVIII в. на землях Петропавловского монастыря, почему и были приписаны к этому монастырю, Предтечева Полбинская пустынь в конце 1760-х гг. была закрыта. Правда, позже она была восстановлена в качестве заштатной, но существенной роли не играла.

Более значительной была роль Белобережской пустыни. Основанная в 1706 г. монахами закрытого властями Брянского Белопесоцкого Предтечева монастыря, эта обитель на первых порах сохраняла старое название, но затем стала именоваться Белобережской пустынью, по названию местности. Становление пустыни тесно связано с именем монаха Серапиона (в схиме Симеона) (1672-1741), который был приглашен белобережскими монахами в качестве строителя (т. е. устроителя) обители и, несмотря на многочисленные трудности и гонения, сумел отстоять самостоятельность пустыни, материально обустроить ее и наладить духовную жизнь братии по канонам строгого благочестия. Известен такой наказ отца Серапиона: «Образ жития хранить по уставу. Излишних вещей, «роме установленных на нужные потребы, не имети. Пищи и пития, кроме общей трапезы, не потребляти. Кто в сем изобличится и в противность сему поступит, тому без пощады наложится эпитимия». Отцом Серапионом была доставлена в пустынь из Москвы ее будущая главная святыня — икона Богоматери, именуемая «Троеручица», с которой позже были связаны разные чудеса.

Своих крестьян пустынь не имела, а некоторые земельные владения, подаренные ей отдельными брянскими и карачевскими помещиками, были у нее отобраны в 1764 г. Пустынь не

была включена в число штатных монастырей, но сохранила право существовать без государственной поддержки как «заштатная» обитель. В последние десятилетия XVIII в. Велобережская пустынь находилась в упадке. Ее материальное и духовное восстановление началось с 1800 г., когда на должность начальника пустыни был назначен иеромонах Василий (в миру Владимир Тимофеевич КишкинД 745-1831) — о нем речь еще впереди.

Карачевекий уезд

В XVIII в. здесь находилось два старинных (вероятно, существовавших еще в XVI в.) мужских монастыря: Воскресенский (чаще называвшийся Тихоновой пустынью — по имени связанного с монастырем преподобного Тихона, достоверных сведений о котором практически нет) и Одрин Николаевский.

Расположенная в непосредственном соседстве с г. Карачевом Тихонова пустынь была в XVII-XVIII вв. достаточно богатым монастырем: помимо обширных земельных угодий, ей принадлежали слободы Бережок, Рясник, села Помров, Ружное, Бутре, Глинки и 7 деревень. Тем не менее в 1760-е гг. монастырь был закрыт, а его церковь превращена в приходскую в с. Бережок.

Одрин монастырь, расположенный в лесном массиве северо-восточнее Карачева, своих крестьян не имел, но его земельные владения (в основном лесные) были обширными. Уже в начале XVII в ему принадлежали свыше 4100 десятин удобной земли. В ходе монастырской реформы Екатерины II Одрин монастырь не был включен в число штатных, но право существовать на принципах самообеспечения сохранил (земельные владения были им, естественно, утеряны).

Трубчевский уезд.

Здесь также существовало два мужских монастыря: Спасо-Чолнский (с XVI в.) и Яменская Предтечева пустынь. Последняя обитель просуществовала немногим более полувека, была достаточно бедной (не только не имела своих земель, но даже за пользование лугом и другими небольшими угодьями платила оброк в Трубчевскую воеводскую канцелярию). Все строения пустыни были деревянными, монастырское хозяйство очень невелико, да и число обитателей пустыни не превышало 8-10 человек. В 1764 г. пустынь была упразднена.

Чолнский монастырь, напротив, имел длительную историю, и значительную материальную базу. Время основания монастыря, находившегося юго-западнее города, близ д. Кветунь, неизвестно. Есть предположение, что он существовал в виде земляной постройки еще в XII в., но более вероятно, что он возник в XVI в. Первые принадлежащие монастырю селения известны с середины XVII в., а к середине XVIII в. он владел уже десятком селений, в которых проживало более 3 тысяч крестьян.

С 1680 г. по 1786 г. Чолнский монастырь, подобно Свенскому, являлся приписным к Киево-Печорской лавре, а затем был включен в штат российских монастырей III класса. В это время в монастыре находилось 3 каменных церкви, каменная ограда, другие строения, но духовная жизнь была в упадке. Об этом красноречиво говорит донесение игумена монастыря Феодота севскому епископу Аполлосу, в котором сообщается, что «находящаяся в Чолнском монастыре монашествующая братия пришла в крайнее развращение, обращаются в частых случаях в бесчувственном пьянстве, волочатся без дозволения из монастыря по деревням и крайне во всем оказывают себя... ослушными и продерзливыми»,

Севский уезд

В XVIII в. здесь было 5 мужских монастырей, но к концу 1760-х гг. остался только один.

Крупнейший из севских монастырей, Спасо-Преображенский, был основан в 1618 г. возле г. Севска. В 1670-е гг. ему принадлежало более 20 дворов крестьян и бобылей в нескольких селениях уезда, три водяных мельницы, пашенные и сенокосные угодья. В XVIII в. сложился своеобразный архитектурный облик монастыря: высокие зубчатые стены каменной ограды с 4 угловыми башнями, Спасо-Преображенский собор в центре, живописная надвратная колокольня, кельи и другие сооружения внутри ограды. Однако после образования в 1760 г. Севской епархии монастырь был преобразован в архиерейский дом, где до 1820 г. проживали севские (а в начале XIX в. орловские) епископы и обслуживающие их служители. В 1778г. на территории бывшего монастыря, кроме того, начала работу Севская духовная семинария, функционировавшая здесь до 1827 г. Столбовский Николаевский монастырь, Радогожская (Радогощская) Спасская и Борщевская Николаевская пустыни известны XVII в. Все они были невелики, не отличались богатством (несколько выделялся лишь Столбовский монастырь, имевший в середине XVIII в. более 200 крестьян, имевших, впрочем, малое количество пашен и сенокосов) и в 1760-е гг. были закрыты.

Ликвидация не коснулась лишь Площанской Богородицкой пустыни, которая была оставлена в качестве заштатной. На том месте близ р. Неруссы, где в 1620 г. вокруг отца Прокопия стали собираться первые обитатели пустыни, ранее, в XVI в. находился Николаевский монастырь, полностью разоренный в «смутное время». Становление и развитие Площанской пустыни в XVII — начале XVIII вв. шло с большими трудностями. Пустынь была в это время самой бедной из всех монастырей округи. По описанию 1711 г. здесь была деревянная церковь, проживало 8 человек монашеской братии, но не было ни крестьян, ни земельных угодий, ни скота, ни другой собственности. Монахи кормились «местным подаянием и от своих трудов», т. е. занимались изготовлением деревянных ложек, мисок, плетением корзин, коробов и прочего, ловлей рыбы и т. д.

Казалось бы, что после монастырской реформы бедная пустынь, лишенная государственной поддержки, должна была окончательно захиреть, но случилось обратное. Значительный потенциал религиозности, нравственности, трудолюбия, доброжелательности, присущий обитателям пустыни и поддерживавший в нем атмосферу высокой духовности, активно привлекал сюда и новых иноков, и многих верующих, и крупных вкладчиков. В то время, когда в других монастырях число братии сократилось до, 10-15 человек, в Площанской пустыни во второй половине XVIII-XIX вв. оно, как правило, не опускалось ниже 50. В конце XVIII в. здесь было ужа 3 каменных церкви, каменная ограда с круглыми башнями, другие постройки. Ежегодно в июле возле монастыря стали собираться многолюдные ярмарки. В пустыни проходили послушание и вели монашескую жизнь многие видные деятели русской православной церкви.

Рославльский уезд.

С XVI в. в Рославле существовал Спасо-Преображенский мужской монастырь, однако он не выделялся ни богатством, ни значив тельными духовными традициями. К нему относились дворы Подмонастырской слободки, где в середине XVIII в. проживало 100 человек. В 1760-е гг. он был упразднен, позже восстановлен в качестве заштатного, однако большой роли уже не играл. Более того, часть лиц, склонных к религиозному уединению, предпочитала пребыванию в Спасо-Преображенском монастыре отшельническое житье в Рославльских лесах близ Десны, которые в конце XVIII — начале XIX веков становятся своеобразным центром пустынножительства (отшельничества).

Жиздринский уезд

В XVII— первой половине XVIII вв., т. е. до образования Жиздринского уезда в 1777 г., на его будущей территории находились два монастыря: Троицкий Жиздринский (в Брянском уезде) и Троицкий Дорогошанский, именуемый иногда пустынью (в Мещовском уезде).

Жиздринский монастырь был небольшим (в 1680 г. в нем было лишь 5 монахов), к тому же он сильно пострадал во время похода литовского гетмана Х. Паца в 1663-64 гг. Но отнести его к числу бедных нельзя. Монастырю принадлежали две вотчины: одна — в Прянском уезде (деревни Орля, Озерна и другие), вторая (с центром и селе Запрудном) — в Мещовском уезде. В 1680 г. в них было около 40 крестьянских и бобыльских дворов, в начале XVIII в. — уже более 100. В 1683 г. Жиздринский монастырь был приписан к Московскому Донскому монастырю, почему иногда назывался Донским Жиздринским. Монастырь был ликвидирован в конце 1730-х гг., когда после сильного пожара оказались уничтоженными все монастырские строения.

Дорогошанскому монастырю также принадлежала вотчина (с. Зимпицы и еще 6 деревень) в Мещовском уезде. Вотчина была довольно многолюдной: в период секуляризации здесь было более 300 Дворов, где проживало свыше 2 тыс. крестьян. В 1760-е гг. монастырь был упразднен.

Таким образом, во время существования Жиздринского уезда монастырей здесь уже не было, но зато было более 50 селений, где проживали «экономические» крестьяне, принадлежащие ранее Жиздринскому, Дорогошанскому, а также Брянским Свенскому и Петропавловскому монастырям.

Козельский уезд.

На территории уезда в XIX в. находился один из самых знаменитых православных монастырей — Введенская Оптина пустынь. Поскольку о ней имеется обширная литература, ограничимся лишь некоторыми штрихами. По преданию, пустынь основал в XV в. бывший разбойничий атаман Опта, раскаявшийся в своем прошлом. С этой легендой, возможно, связано второе название пустыни, бытовавшее до начала XIX в. — Макарьева Оптина (предположительно, Макарий было монашеским именем Опты). Первая Каменная церковь — Введенская — была построена еще в конце XVII в., но в XVIII в. монастырь захирел, был бедным и малолюдным. Значительно укрепилась материально и благоустроилась Оптина пустынь в двадцатилетний

период настоятельства иеромонаха Авраамия (1796-1817), которого активно поддерживал московский митрополит Платон (Левшин).

Начало духовного расцвета Оптиной пустыни приходится на 1820-е гг. Толчок к нему был дан калужским епископом Филаретом (Амфитеатровым). Выпускник Севской семинарии, затем ее ректор, настоятель Свенского монастыря, ректор Московской духовной семинарии, позже много лет бывший киевским митрополитом, Филарет являлся одним из наиболее значительных и уважаемых деятелей русского православия первой половины XIX в. По оценкам это «был человек теплого благочестия, большой сердечности, подлинной духовной жизни, человек праведный и святой». Любил посещать Оптину пустынь, Филарет задумал основать близ монастыря скит для монахов особо высокой духовности и пригласил для устройства скита нескольких отшельников из Рославльских лесов.

Виднейшие ив них — отец Моисей и отец Антоний (в миру Тимофей Иванович и Александр Иванович Путиловы) — сыграли решающую роль не только в дальнейшем укреплении благосостояния обители, но и создали ту особую обстановку благочестия и духовности, которая привлекала в Оптину пустынь и тысячи верующих, и многих выдающихся деятелей русской культуры (И.Г. и П.В. Киреевских, М.П. Погодина, С.П. Шевырева, Н.В. Гоголя, А.К. Толстого, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, К.Н. Леонтьева, Н.П. Страхова, В.С. Соловьева и других).

Особенно стремились люди встретиться с оптинскими старцами но, прежде чем вести о них речь, необходимо хотя бы вкратце объяснить суть русского религиозного старчества. Наблюдавшийся г. XVIII в. упадок материальной и религиозной жизни многих русских монастырей грозил прервать духовные связи монашества с теми древними традициями, которые шли от киево-печерских иноков, Сергия Радонежского и других религиозных наставников. Возрождение этих традиций связано с именем святого Паисия Величковского. Опираясь на авторитет древних христианских учителей, их труды и личный пример подвижнической монашеской жизни, Паисий возродил представление о монашеской жизни как о непрерывном подвиге самоотречения и любви не только к Богу, но и к людям. В братстве учеников, окружавших Паисия, восстановились лучшие традиции монашества, в том числе — опыт старчества как особо высокой ступени благочестия, как особой формы духовного руководства человеческой душой, стремящейся к очищению и обновлению.

Старец, в религиозном значении этого слова, — не только человек, являющийся примером праведной и высоко духовной жизни, но и человек, обладающий даром прозорливости, способности быстро разобраться в жизни и чувствах другого человека и дать ему правильный совет, даром убеждения и предвидения, позволявшим уберечь своих духовных чад от физических и душевных невзгод и грозящих бед. Дар старчества, как высшая степень духовного совершенства, был доступен лишь очень немногим, в первую очередь, наиболее выдающимся из числа учеников и ближайших последователей Паисия Величковского. Именно эти люди (а затем — и их ученики) стали духовной силой, которая преобразила жизнь многих монастырей России в первой половине XIX в. История русского старчества еще не изучена, но интересно то обстоятельство, что подвижничество многих учеников и последователей Паисия Величковского проходило в перечисленных ранее монастырях: Чолнском, Белобережской, Площанской, Оптиной пустынями, и также в Рославльских лесах.

Вот лишь краткий перечень таких примеров. Из прямых учеников Паисия Величковского продолжили свой монашеский путь в этих краях старец Феодор, родом из г. Карачева — Чолнский монастырь, Белобережская пустынь; старец Василий (Кишкин) — Белобережская пустынь, Свенский монастырь; старец Афанасий (Захаров) — Свенский монастырь, Площанская пустынь; отец Афанасий— Белобережская пустынь, Свенский монастырь; отец Клеста Чолнский монастырь, Белобережская пустынь. Среди других религиозных подвижников можно назвать признанного руководителя рославльских отшельников старца Афанасия (Степанова), связанного также с Белобережской и Оптиной пустынями и Свенским монастырем; старца Василиска — Рославльские леса; отца Геннадия — Сиенский монастырь, Белобережская и Площанская пустыни, Рославльские леса; отца Авраамия — Белобережская пустынь и Рославльские леса (почти полвека), отца Серафима — Свенский монастырь, Белобережская пустынь.

Не составил в этом плане исключения и уже упомянутый отец Моисей (Путилов), который проходил монашеское послушание в Свенском монастыре, некоторое время жил в Белобережской пустыни и довольно долго в Рославльских лесах. В Оптиной пустыни он был сначала (в 1821-1825 гг.) начальником новоустроенного Иоанно-Предтеченского скита, а затем до своей кончины в 1862 г. — настоятелем пустыни. Время настоятельства отца Моисея стало периодом духовного

расцвета Оптиной пустыни, что в значительной степени связано с появлением здесь по инициативе отца Моисея в 1829 году первого старца — отца Леонида, а затем и других знаменитых оптинских старцев.

Отец Леонид (в миру — Лев Данилович Наголкин из мещан г. Карачева) начал свой монашеский путь в Оптиной пустыни, а затем ему пришлось не раз перебираться из одной обители в другую, в том числе жить в Чолнском монастыре, Белобережской и Площанской пустынях. В Чолнском монастыре он повстречал своего духовного учителя и наставника — отца Феодора (родом из Карачева), а в Площанской пустыни — продолжателя своего дела, будущего второго оптинского старца — отца Макария.

Отец Макарий (в миру — Михаил Николаевич Иванов из дворян Дмитровского уезда) получил школьное образование в Карачеве, а с 1810 г. связал свою жизнь с Площанской пустынью, где его духовным наставником был отец Афанасий (Захаров). В 1834 г. отец Макарий перебрался в Оптику пустынь по приглашению отца Леонида и стал его ближайшим учеником и помощником, а после его кончины в 1841 г. самостоятельно продолжил свою старческую деятельность, начатую еще раньше. Отец Леонид, а затем отец Макарий подготовили себе достойную смену: после смерти в 1860 г. отца Макария его сменил третий, наиболее известный из оптинских старцев — святой отец Амвросий (в миру — Александр Михайлович Гренков, 1812-1891).

Старчество, естественно, являлось лишь частью (пусть и очень важной) монашеской жизни перечисленных обителей. С их деятельностью были связаны и многие другие значительные духовные лица. Можно, к примеру, упомянуть, что в Площанской пустыни в конце 1820-х г.г. проходил послушание Дмитрий Александрович Брянчанинов (в монашестве — Игнатий) — выдающийся религиозный деятель, мыслитель и писатель. Но для большинства простых верующих монастыри были, в первую очередь, местом приобщения к чему-то духовно высокому и нравственно очищающему, а добросердечность, кротость и смирение - монашества (речь идет о монастырях с религиозной духовностью и суровой аскетической требовательностью я братии) служили примером для окружающих.

/ Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч 3. – Киров, 1997. – С. 34-44.

Севская семинария, ее руководители и воспитанники

Первым и единственным на Брянщине в течение своего полувекового существования средним учебным заведением была Севская духовная семинария.

К сожалению, вскоре после перевода в 1827 г. семинарии из Севска в Орел ее архив был безвозвратно утрачен, что серьезно затрудняет возможности изучения ее истории.

В этой ситуации особое значение приобретают немногочисленные мемуарные свидетельства, среди которых наибольшую ценность представляют достаточно подробные сочинения двух воспитанников Севской семинарии: протоиереев Стефана Егоровича Родосского и Николая Ивановича Соколова. Эти воспоминания хронологически как бы продолжают друг друга, охватывая время с 1807 по 1826 гг., то есть последнее двадцатилетие существования семинарии в Севске.

С.И .Родосский (1797-1882) родился в с. Радогощ Севского уезда, в раннем детстве обучался грамоте у дяди, севского семинариста Якова Архангельского, и у деда, радогощского протоиерея Андрея Быховца. С 1807 по 1817 гг. учился в Севской семинарии, а священнослужительская жизнь С. Родосского была связана с Рязанской епархией, где о нем отзывались как о человеке высокой честности, строгом пастыре, умном проповеднике и законоучителе.

Детство Н.И. Соколова (1805-189]) прошло в с. Спасском Мценского уезда, где его отец был священником. Обучался в Севской семинарии с 1816 по 1826 гг. После окончания киевской духовной академии стал известным духовным лицом в новороссийских губерниях: был смотрителем и преподавателем Херсонской семинарии, законоучителем Одесского института благородных девиц.

Мемуары С.Е. Родосского и Н.И. Соколова, некоторые другие свидетельства мемуарного характера, отдельные архивные документы (в том числе - из фонда канцелярии Синода), очерки историков церкви К.И. Никольского, Г.М. Пясецкого, С. Сахарова, А. Соколова, биографические материалы о некоторых преподавателях и выпускниках семинарии и немногие другие работы позволяют в основном восстановить и общую картину развития семинарии, и отдельные

случавшиеся здесь события, и судьбы многих интересных людей, связанных с семинарией.

Город Севск, бывший в XVIII в. провинциальным центром Киевской, а затем Белгородской губерний, с 1-764 г. стал также и центром епархии.

В 1777 г. севский епископ Кирилл Флоринский начал обучать грамоте, арифметике и латинскому языку содержавшихся при архиерейском доме юношей-певчих и сделал попытку открыть в Севске духовное учебное заведение, но его хлопоты успехом не увенчались.

Прибывший в 1778 г. в Севск новый епископ Амвросий Подобедов почти сразу же обратился в Синод с просьбой учредить в Севске семинарию. Синод поддержал предложение епископа и направил Екатерине II представление, в котором отмечалось, что Севская епархия «весьма обширная и до 900 церквей в себе заключающая, от столичных центров состоит в дальнем расстоянии» и поэтому «семинарии быть в ней весьма за нужное почитается». 2 августа 1778 г. Екатериной II было дано дозволение открыть в Севске семинарию и выделять на ее содержание по две тысячи рублей ежегодно.

17 октября того же года состоялось торжественное открытие семинарии, в которой начало обучаться около 70 человек.

Семинария была размещена на территории бывшего Спасо-Преображенского монастыря, который с образованием Севской епархии был преобразован в архиерейский дом - место пребывания епископов и их окружения.

Первоначально под семинарию были приспособлены архиерейская гостиница и другие расположенные поблизости здания. Обучение началось в низшем классе («информатории», позже - «элементории»), а затем постепенно открывались все новые классы: грамматический, синтаксический, пиитический, риторический, философский и, наконец, в 1784 г. богословский, открытие которого означало окончательное организационно-учебное оформление семинарии.

Комплектование семинарии учащимися шло на первых порах не без трудностей, и что потребовался строгий указ епископа Амвросия, ≪те ИЗ сыновей церковнослужителей, которые не будут обучаться в семинарии, будут навечно лишены права на священство». В результате к концу 1778 г. здесь обучалось уже более 100 семинаристов, а затем их число ежегодно возрастало. Поскольку в первые годы помещений для семинаристов не хватало, в 1779 г. были открыты духовные училища в Брянске и Орле (в 1780-е годы к ним добавились училища в Рыльске и Карачеве), где изучались те же предметы, что и в низших классах семинарии: русский, латинский, греческий и французский языки, арифметика, священная история, катехизис, риторика.

В 1798 г. все эти училища были упразднены, а их учащиеся переведены в Севскую семинарию, где к тому времени были построены два двухэтажных семинарских корпуса. Впрочем, когда в начале XIX в число семинаристов приблизилось к тысяче, не стало хватать и этих помещений и, по сведениям С. Родосского, занятия низших классов проводились в хлебне.

Учреждая Севскую семинарию, епископ Амвросий Подобедов (1742-1818), один из образованнейших людей своего времени, бывший в начале XIX в. митрополитом Новгородским и Петербургским, стремился организовать учебный процесс по примеру Киевской духовной академии. По аналогии с ней был определен перечень классов и изучаемых в них предметов, только курсы философии и богословия были сокращены по сравнению с академическими. Это обусловило и плюсы, и минусы учебного процесса.

С одной стороны, на должном уровне (доходя «до совершенства») велось обучение языкам, особенно латинскому, курс которого считался одним из основных, а также теоретическим богословским дисциплинам.

С другой стороны, в преподавании преобладали схоластика и начетничество. Семинаристы старших курсов были готовы дискутировать на латинском языке по поводу многих богословских тонкостей, но зачастую не в состоянии «на русском языке объяснить самых простых символов веры, что собственно и требовалось от будущего народного учителя и пастыря».

Вряд ли можно назвать удачным принцип работы учителей семинарии, когда каждый из них вел все предметы, изучаемые в определенном классе. К тому же учителя нередко переводились из одного класса в другой, но это не вызывало возражений, поскольку при переводе в более старший класс заработная плата повышалась. Впрочем, она в целом была очень невелика и составляла сначала от 30 до 70, позже - от 50 до 100 рублей в год. Немногим выше она была у руководителей семинарии - ректоров (150 рублей) и инспекторов-префектов.

Первым руководителем семинарии в звании прокуратора был игумен Никон, но его руководство было в основном духовным, а непосредственно учебный процесс начал

организовывать и проводить первый учитель семинарии Дорофей Григорьевич Протопопов, более известный под монашеским именем Досифея. В 1780 г. он первым стал именоваться ректором семинарии, а позже, в 1798-1817 гг. был епископом Орловским и Севским, продолжая в эти годе жить в Севске.

Досифея на должности ректора сменил игумен Арсений, а его - бывший выпускник, учитель и префект семинарии протоиерей Иоанн (Кутепов), на рубеже XVIII-XIX вв. ректором был протоиерей Израиль (Иакинф Звягинцев), тоже из выпускников Севской семинарии, успевший затем поработать учителем и смотрителем народных училищ в Петербургской губернии и перенесший оттуда в семинарию почти военную дисциплину.

Начиная с Израиля все последующие ректоры семинарии имели сан архимандритов, из них Филарет (1802-1804), Дионисий (1804-1811), Амвросий (1811-1817) и Гавриил (1817-1819) были раньше выпускниками и учителями Севской семинарии. Последними ректорами были архимандриты Владимир (1819-1822), Иероним (1822-1825), Гавриил (1825-1827).

Многие из перечисленных оставили заметный след в истории русского православия XIX в. Так, Филарет, в миру - Федор Егорович Амфитеатров (1779-1857), позже возглавлял епархии в Калуге, Рязани, Казани, Ярославле, долгие годы был митрополитом Киевским. «Человек теплого благочестия, большой сердечности и подлинной духовной жизни, человек праведный и святой», Филарет благодаря неустанной пастырской и богословской деятельности был одним из столпов русского православия в XIX в.

Дионисий (Цветов) в 1820-е годы был епископом Пермским; Гавриил (Городков) с 1828 г. был епископом в Калуге и Могилеве, а с 1837 г. более двадцати лет - архиепископом в Рязани, где был для верующих олицетворением праведности, кротости, высокой духовности и почитался многими как святой.

Владимир (Сорокин) был известен своей ученостью и знакомством с трудами всех новейших философов, крайней непритязательностью в быту (в отведенном ему доме занимал лишь две малые комнаты, бывшие ранее помещениями для архиерейской прислуги). Необычны были обстоятельства его скоропостижной смерти в январе 1822 г.: Владимир сам ее предсказал, успев завещать семинарии свою библиотеку.

Гавриил (в миру Василий Николаевич Воскресенский) после перевода семинарии из Севска в Орел вскоре переехал в Казань, где с 1835 по 1850 г. был профессором духовного права, а затем философии в Казанском университете и издал ряд сочинений, в том числе популярную в свое время «Историю философии» в 6 частях (Казань, 1839-1840). Особой заслугой Гавриила (1795-1868) явилось то, что он первый попытался дать систематическое изложение истории русской философии, начиная с древности.

Впрочем, ректоры и преподаватели семинарии имели мало самостоятельности в своей деятельности, поскольку находились под бдительной опекой севских епископов.

После Амвросия Подобедова епископами в Севске были Дамаскин Семенов-Руднев (1782-1783), ранее являвшийся ректором Московской Славяно-Греко-Латинской академии, а позже епископом Нижегородским, и Феоктист Мочульский (1784-1787). Хотя их пребывание в Севске не было длительным, они уделяли значительное внимание семинарии. При них было завершено ее окончательное устройство, сложились определенные традиции, когда в дни важнейших государственных и религиозных праздников, а также в знаменательные для семинарии даты проводились торжественные акты, сопровождаемые особо пышными богослужениями, речами епископов, ректоров и других лиц, выступлениями семинаристов с чтением стихов в честь Екатерины II и церковных иерархов, публичными диспутами, пением семинарского хора.

В течение десятилетия (1788-1798 гг.) епископом Орловским и Севским был Аполлос (Андрей Байбаков). Это был просвещенный человек, автор ряда статей по богословию и теории словесности, с 1786 г. - член Российской Академии. Но для работников семинарии его нрав был довольно тяжел. К примеру, когда ректором стал Иоанн (Кутепов), то епископ не только предварительно выслушивал лекционные материалы молодого ректора, но порой и отчитывал его как нерадивого школьника. По воспоминаниям очевидцев, Аполлос, если находился в дурном настроении, «прибегал в семинарию и срывал сердце на учителях: придираясь к ним, ругая их на чем свет стоял и таская их за косу». Только молодой учитель Федор Амфитеатров (будущий митрополит Филарет) «скромным видом, смиренным голосом и затрапезным халатом вместо сюртука обезоруживал его».

Но даже смирения Филарета (он принял постриг в 1798 г. и затем был префектом и ректором семинарии уже в монашеском звании) оказалось недостаточно при епископе Досифее, уже

упоминавшемся ранее. Известен случай, когда Филарета по приказанию Досифея заперли в одну из башен Спасо-Преображенского монастыря и даже собирались наказать батогами, но доброжелатели ректора втайне от епископа освободили его от ареста (впрочем, вскоре Досифей добился перевода не угодившего ему Филарета из Севской семинарии в Уфимскую). В 1804 г. был за какие-то проступки высечен и изгнан из семинарии ее префект Иван Говоров.

Дело не только в излишней строгости архиереев. Отнюдь не все наставники семинаристов были для них положительным примером. Самым распространенным пороком являлось пьянство. Так, по воспоминаниям, один из лучших преподавателей семинарии Иван Григорьевич Переверзев занимался поэзией и «был отличный импровизатор, но, к несчастью, запивал». В 1812 г. был «за нетрезвую жизнь» отстранен от должности префекта и отправлен в Чоянский монастырь иеромонах Серафим (Степан Петрович Остров), а в 1813 г. по той же причине отставлен учитель риторики Павел Головин. В 1816 г. был отстранен от работы и послан священником и с. Сомово Карачевского уезда преподаватель Игнатий Гасанов, бывший выпускник семинарии, пользовавшийся первоначально благоволением епископа Досифея, но затем «к бедности знания своего дела присовокупивший еще и невоздержанную жизнь» и приходивший в класс «почти ежедневно в пьяном виде».

Пьянство среди старших семинаристов также не было редкостью, хотя и сурово наказывалось. В целом наказания, в том числе телесные, были обыденностью. Наказывали не только за проступки, но и за неуспехи в учебе. Результаты успеваемости каждого семинариста ежедневно фиксировались на особом листе. Словесные оценки в переводе с латыни обозначали: «знает», «знает не все», «ошибся», «не знает». За незнание секли, за неполное знание - ставили на колени, за ошибки - ругали ослами, дураками и т.п. Не избегали телесных наказаний и старшие семинаристы, хотя все учившиеся в философском и богословском классах уже именовались студентами и к ним обращались на «Вы».

Если процесс обучения в семинарии имел как минусы, так и плюсы, то условия жизни и быта семинаристов нельзя назвать удовлетворительными.

Бывший Спасо-Преображенский монастырь, где размещалась Севская семинария, находился примерно в 2 верстах от основной части г. Севска на небольшой возвышенности посреди заболоченного луга. Место было довольно живописным, но не очень здоровым, Весной - в начале лета ежегодно «появлялись лихорадки и горячки, которых редкий... избегал». Больных лечили микстурами из лекарственных трав и кореньев, которые собирали сами семинаристы, но все-таки «смертность была большая».

Однако основные трудности заключались в крайней скудости средств, отпускаемых на содержание семинарии. Из годовых двух тысяч рублей нужно было оплачивать труд руководителей, преподавателей и обслуживающего персонала семинарии, хозяйственные и учебные расходы, а также обеспечивать полное содержание детей из наиболее бедных семей и сирот, учившихся за казенный счет. По первичным расчетам, число таковых должно быть примерно до 70 человек, но в реальности количество «бурсаков» (так называли учащихся, живших в самой семинарии на казенном содержании) было значительно больше. На каждого из них отпускалось 12 рублей в год, что означало постоянное полуголодное существование. К примеру, говядину, разрезанную «на самые малые кусочки, ...давали бурсакам только по праздникам». Для сравнения - семинаристы, жившие на частных квартирах и кормившиеся хозяевами (в целом также довольно скудно), платили ежемесячно 5-7 рублей.

Бедность и постоянное недоедание не только отрицательно сказывалось на здоровье семинаристов, но и толкали их порой к воровству овощей и фруктов в огородах и садах, съестных припасов на базарах, не взирая на возможные последствия таких действий.

Позже расходы на содержание Севской семинарии были увеличены (при Павле I добавлено 1500 рублей, а в 1807 г. при Александре I расходы были удвоены и составили 7 тысяч рублей), но с возрастанием числа семинаристов отпускаемых средств все равно не хватало.

Свои проблемы были и у семинаристов, проживавших на частных квартирах либо в подмонастырской слободке, либо в Замарицкой части города Севска. Скученность, спертый воздух (форточки в домах отсутствовали), антисанитарные условия (в частности, спали на полу, подстелив войлок и укрывшись овчинной шубой или халатом) - все это было обычным явлением, равно как и чесотка на руках и ногах семинаристов. Последнее не удивительно: сапоги имели не все, нередко ходили в лаптях или даже босиком вплоть до заморозков.

Особые трудности были у семинаристов, квартировавших в Замарице. Кратчайший путь отсюда до семинарии (около версты) шел по заболоченному лугу, и, пока болото не сковывалось

морозом, семинаристы были вынуждены снимать обувь, подворачивать штаны и в таком виде преодолевать примерно половину пути. Избежать при этом простуды удавалось не многим. Впрочем, у живших здесь было и определенное преимущество - относительная свобода, отсутствие повседневного контроля со стороны инспектора.

Существенных трений между семинаристами и местными жителями не возникало. Все, получавшие доход от семинарии -преподаватели, обслуживающий персонал, квартиросдатчики, развозившие на каникулах семинаристов ямщики, торговцы, у которых кое-что покупали по мелочам, - мирились с детски-подростковыми шалостями семинаристов, со случавшимся мелким воровством и в целом относились к ним довольно доброжелательно. К примеру, когда в начале 1820-х гг. возникла драка между семинаристами и крестьянами деревни Ломакиной, то за семинаристов ходатайствовали не только ректор, но и возглавляемое протоиереем севского собора Глебовым городское духовенство, и даже местное купечество, «которые выставляли ломакинских мужиков как воров и разбойников».

В памяти севских семинаристов и жителей города долго оставались некоторые события как общероссийского, так и местного масштаба.

Одним из октябрьских вечеров 1810 г. под кровлей деревянного семинарского корпуса возник пожар, скорее всего, от поджога. Пламя быстро охватило весь корпус, а затем перебросилось и на соседний, поскольку на его чердаке от сильной жары воспламенились березовые веники, заготовленные семинаристами для бани. Довольно скоро от двух двухэтажных корпусов ничего не осталось. Огонь угрожал и другим зданиям. Несколько раз загорались деревянные конструкции монастырской колокольни «и едва был утушен огонь на ней». Сбежавшиеся семинаристы и местные жители, как могли, боролись с огнем, вытаскивали в безопасное место к реке Сев архиерейские вещи и припасы, книги из библиотеки, но «в беспорядке и суматохе множество их пропало».

В ходе начавшегося расследования были проведены обыски у всех семинаристов, и в сундучках у некоторых оказались кое-какие вещи и лакомые припасы из архиерейских кладовых, а у множества - книги из семинарской библиотеки. Последнее было не удивительно, поскольку большая часть этих книг была взята под расписку в библиотеке или у учителей, но учетные документы во время пожара пропали, так что «многие семинаристы пострадали... безвинно». По словам С. Родосского, в это время в семинарии «страшная была инквизиция в розыске, секуция была великая, много и в солдаты отдано». На этом злоключения для семинаристов не закончились. Младшие были вскоре отправлены по домам, со старшими до начала декабря проводились занятия в разных приспособленных помещениях, но затем распустили и их. Тем временем под руководством епископа Досифея деятельно готовили временное помещение для возобновления занятий. Из окрестных селений привезли десяток срубов, сделали в каждом по три небольших окна, набрали потолки из осинового накатника, покрыли соломой эти «кабачки» (так называли семинаристы сделанные на скорую руку постройки) и в конце января 1811 г. занятия в семинарии возобновились. «Холод был в классах несказанный. Горе было и большим, а маленьким втрое. Печей не было, рамы одни, пол земли мерзлый, сквозь стены в кривизны меж бревен страшно дуло». В таких условиях семинаристы дожили до весны 1811 г., но почти так же им пришлось провести еще две зимы, пока в апреле 1813 г. не был введен новый двухэтажный каменный корпус. Хотя и здесь многое делали наспех, неоштукатуренные стены «были довольно безобразны», однако в классах было «тепло и сухо», что особенно чувствовалось «после бедственного кочевания в кабачках». С лета 1812 г. внимание севчан было, естественно, приковано к событиям Отечественной войны. «В июле было при собрании всей семинарии» прочитано воззвание ректора Амвросия, «не пожелает ли кто из ревности и любви к отечеству вступить в ряды православного воинства с оружием против грозного нашествия Наполеона. однако усердия такого ни у кого не оказалось». Впрочем, позже двое семинаристов добровольно вступили в уланские полки у офицеров-вербовщиков.

Военные действия проходили вдали от Севска, достоверной информации поступало мало. «Рассуждение Бонапария», написанное кем-то из севских семинаристов в жанре стихотворного «эхо», в какой-то мере характеризует те оптимистические настроения, которые преобладали в начале войны. Падение Москвы, рассказы о «страшных делах» в столице после вступления туда французов (а рассказы эти шли от с трудом добравшихся до Севска учеников Перервинской семинарии в Москве), опасения, не пойдет ли Наполеон из Москвы к Киеву - все это вызывало тревогу у жителей Севска. Обоз с архиерейским имуществом, породистые лошади с конного завода епископа Досифея были подготовлены к отправке еще в сентябре. Но в ноябре поступили

вести о движении Наполеона к Смоленску. «Тут вздохнули все с облегчением «и разобрались от приготовления к бегству». Тогда же в Севск стали поступать пленные офицеры наполеоновской армии, которых размещали по квартирам у горожан. Познакомившись с учителями семинарии, пленные «ежедневно бегали к ним в семинарию из города в коротких по колено летних плащиках своих без рукавов, худых, сапогах и изношенных фуражках», чтобы переброситься с ними «хотя несколькими словами... на французском или на немецком языке, не умея ничего сказать по-русски, кроме как, когда на пути в семинарию прохватывали их метель или мороз, только и умели на бегу кричать друг другу: зимно!».

Из других событий, связанных с войной 1812 г., можно упомянуть, что в Севск прибыл, спасаясь от неприятельского нашествия, минский архиепископ Серафим (Глаголевский), позднее бывший митрополитом в Москве и Петербурге. На попечении епископа Досифея Серафим и его близкие прожили в Севске несколько месяцев.

В начале 1817 г. Досифей, около двух десятков лет руководивший епархией и оставивший большой след в жизни Севской семинарии, был отправлен на покой в Чолнский монастырь, где и скончался летом того же года.

Место епископа Орловского и Севского занял Иона (Иван Павинский), который позже был архиепископом в Твери и Казани, членом Святейшего Синода. При нем в 1817 г, произошло реформирование семинарии в связи с общей реформой деятельности духовных учебных заведений. Теперь весь семинарский курс делился на три двухгодичных отделения: риторики, философии, богословия. По новым программам расширялось изучение философии, истории, математики, добавлялось изучение теоретической и опытной физики; из древних языков требовали больше внимания уделять не латинскому, а греческому; предлагалось усилить нравственное воспитание будущих священнослужителей. Однако жизненные реалии (недостаток квалифицированных преподавателей, отсутствие новых учебников и т.п.) сдерживали намеченные преобразования.

В 1821 г. Иону в должности епископа Орловского и Севского сменил Гавриил (Розанов), позднее многие годы бывший архиепископом в Екатеринбурге, Херсоне, Твери. Жил он постоянно уже в Орле, а в Севск являлся лишь временами и воспринимался священнослужителями и семинаристами «страшным пугалом». Деспотический нрав Гавриила и рост самоуважения среди преподавателей семинарии (после реформы 1817 г. здесь в основном работали не бывшие семинаристы, а выпускники духовных академий) скоро привели к конфликту. Ситуация осложнилась тем, что Гавриил, будучи сторонником перевода семинарии из Севска в Орел, начал постепенно либо распродавать, либо отдавать в аренду часть монастырских строений, ранее использовавшихся семинарией.

Ведущей фигурой в назревавшем конфликте стал инспектор семинарии, магистр богословия Степам Левитский, человек незаурядных способностей, но экспансивный в поведении. Во время одного из приездов Гавриила в Севск скрываемое ранее недовольство переросло в ссору, а затем и в драку инспектора с архиереем за обедом у ректора. После отъезда епископа С.Левитский запил, а через некоторое время в пьяной горячке поджог архиерейский дом. В результате пожара сгорели также некоторые семинарские здания и каменная церковь, примыкавшая к архиерейскому дому. Вскоре инспектор был арестован, но перерезал себе горло бритвой и скончался.

Новому ректору Гавриилу Воскресенскому и новому инспектору - магистру богословия Якову Вечеркову (позже он будет известен своим религиозным подвижничеством и проповедями, которые, в частности, нравились Н.В.Гоголю; скончается в 1850 г. архиепископом Нижегородским) удалось нормализовать обстановку в семинарии, но дни ее пребывания в Севске были сочтены.

В сентябре 1825 г. через Севск проезжал император Александр I. «Он ехал в открытой коляске самой малой рысью; по правую руку с ним сидел невзрачный собой Дибич». Около всех севских церквей стояли священники с притчей в торжественном облачении. Еще в Замарице около одной из церквей (вероятнее всего, около церкви Михаила Архангела) «государь остановился, слез с экипажа и, приложась к кресту, принял окропление с водой». У городского собора Александра I встретил епископ Гавриил, который «томил... государя своей речью, продолжавшейся едва не полчаса».

Семинаристы, в числе прочих, были свидетелями этого события. На них большое впечатление произвели доброжелательность и кротость императора, и поэтому, когда в декабре ректор Гавриил «со слезами возвестил» о кончине Александра I, сообщение вызвало глубокое сожаление. Семинаристы были приведены к присяге Константину, а позже - Николаю.

Любопытна реакция семинаристов на известие о вооруженном выступлении декабристов: «Мы со страшным негодованием произносили имена Рылеева, Бестужева и других, покушавшихся, как нам говорил ректор, разделить Отечество на части, чтоб самим господствовать в них».

С осени 1826 г. часть семинаристов продолжила обучение в Орле, а в 1827 г. семинария полностью была переведена из Севска в губернский город.

Память о Севской семинарии долго держалась у местных жителей, и поэтому даже десятилетия спустя они называли учащихся Севского духовного училища привычным словом «семинаристы».

О результатах деятельности любого учебного заведения судят по его воспитанникам. Главной целью Севской семинарии была подготовка священнослужителей. Имена некоторых из видных религиозных деятелей, воспитанников семинарии, уже были ранее названы: митрополит Киевский Филарет (Федор Амфитеатров), епископ Пермский Дионисий (Цветов), архиепископ Рязанский Гавриил (Городков). Этот перечень можно существенно продлить: ректор Санкт-Петербургской духовной академии, архиепископ Тамбовский Николай (Никанор Васильевич Доброхотов), епископ

Владимирский Иустин (Яков Михайлов), ректор Киевской духовной академии, епископ Чигиринский, Полтавский, Нижегородский I Иеремия (Родион Иванович Соловьев).

Особо следует назвать Иннокентия (Ивана Александровича Борисова) (1800-1857). После Севской семинарии он в 1823 г. блестяще (первым магистром) закончил Киевскую духовную академию и был тогда же назначен инспектором и профессором Петербургской духовной академии. О его выдающихся способностях высоко отзывались и преподаватели, и товарищи по учебе, по мнению которых, написав в списке лучших первым Борисова, следовало пять-шесть мест оставлять пустыми, а потом уже писать остальных. В 1829 г. Иннокентий становится доктором богословия, с 1830 по 1836 гг. - ректором Киевской духовной академии. Затем был епископом Чигиринским, Харьковским, архиепископом Херсонским. В 1836 г. избран действительным членом Российской Академии. Его сочинения (наиболее известное - «Последние дни земной жизни Иисуса Христа») составили 11 томов. Его называли одним из замечательных русских людей XIX в., «имевшим огромное значение не только как богослов, церковный историк и проповедник», но оставившим «заметный след в истории умственного развития русского общества вообще».

Не стал крупным церковным иерархом, но получил известность как один из лучших профессоров Киевской духовной академии I Яков Кузьмич Амфитеатров, бывший автором многих религиозных сочинений и нескольких художественных произведений. Невозможно перечислить всех воспитанников Севской семинарии, кто успешно обрабатывал духовную ниву и сеял добрые семена в души верующих, но в числе ее выпускников было немало и тех, кто оставил заметный след в развитии образования, медицины, I науки, литературы, общественной мысли. Вот некоторые из них.

Евдоким Филиппович Зябловский (1764-1846) был в 1821-1825 гг. ректором Петербургского университета. Он автор многих работ по географии и статистике («География Российской империи», «Российская статистика» и др.), а также первого труда по лесному хозяйству - «Начальные основания лесоводства».

Гавриил Петрович Успенский (1765-1820) был профессором истории, географии и статистики в Харьковском университете, автором большого труда «Опыт исторического повествования о древностях российских» и ряда других работ по истории.

Иван Дмитриевич Книгин (настоящая фамилия - Булгаков) (1773-1830) был доктором медицины, профессором анатомии и физиологии Московского университета, долгие годы являлся деканом медицинского факультета Харьковского университета.

Гавриил Ильич Солнцев (1786-1866), сын священника из с. Радогощ Севского уезда, был доктором права, профессором, а затем и ректором Казанского университета. Обвиненный в том, что его лекции «основаны на разрушительных началах», в 1823 г. лишен права преподавания во всех учебных заведениях.

Александр Иванович Галич (Говоров) (1783-1848), сын трубчевского дьячка, вел курс философии в Петербургском университете, но в его труде «История философских систем» в 1821 г. усмотрели «безбожное и вредное направление», лишив права преподавания. Автор первого русского трактата по эстетике «Опыт науки изящного» и первой русской книги по психологии

«Картина человека». Был одним из любимых учителей А.С.Пушкина и его сотоварищей по Царскосельскому лицею.

Яков Иванович Говоров (1784-1828), младший брат А.Галича, доктор медицины, в качестве старшего врача Литовского полка участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах, врачебный опыт в которых был им обобщен в 1816 г. в работе «Предметы для воинсковрачебной истории кампании 1812-1815 гг.»; автор ряда других медицинских работ.

Семен Егорович Раич (Амфитеатров) (1792-1856), младший брат митрополита Филарета, был известным поэтом, переводчиком, журналистом, педагогом, общественным деятелем, являлся членом «Союза Благоденствия». Известен также как воспитателе Ф.И.Тютчева.

Степан Михайлович Семенов (1789-1852) был одним из основателей «Союза Благоденствия», его секретарем и членом Коренного совета. Будучи арестован по делу декабристов, с января по октябрь 1826 г. содержался в Петропавловской крепости, в том числе больше полумесяца на хлебе и воде, закованным в кандалы. Был сослан в Сибирь, где и скончался. Декабристы и другие знавшие С.М. Семенова люди очень высоко отзывались о его уме и нравственных качествах.

Жизнь и деятельность каждого из названных заслуживают более пристального внимания, но в целом ясно, что Севская семинария оказала значительное положительное влияние на формирование многих своих воспитанников, внесших заметный вклад в просвещение и духовную жизнь русского общества XIX в.

/ Страницы прошлого Брянского края: сборник научных трудов. - Брянск: Изд-во БГПУ, 1998. - С. 59-70

Выпускники Севской семинарии в истории русской общественной мысли, культуры и духовной жизни

Выпускники Севской семинарии в истории русской общественной мысли, культуры и духовной жизни первой половины X1Xв.

При характеристике условий, благоприятствовавших развитию общественной мысли, науки» литературы, в целом - духовной жизни русского общества первой половины XIX в., как правило, отмечается важная роль университетов» лицеев и некоторых других учебных заведений.

Это абсолютно верно, если вести речь о дворянской интеллигенции, но недостаточно, если учитывать значительное место, которое в жизни России занимало духовенство, а также выходцы из его среды. Самая яркая фигура в этом плане - М.М. Сперанский. Поэтому жизнь духовных семинарий как учебных заведений, судьбы семинаристов должны, по нашему мнению, привлекать внимание не только историков русской православной церкви» но и историков русской общественной мысли и культуры.

Попытаемся подкрепить правомерность такого вывода частным примером Севской духовной семинарий, тем более интересным, что речь идет об учебном заведении, находившемся в типичной российской "глубинке".

Город Севск, отмечающий в этом году свое 860-летие, в ХУП в был одним из важных оборонительных центров на юго-западных рубежах Русского государства. В XVШ в. он утратил эту роль, но оставался еще довольно заметным, поскольку был до 1778 г. центром провинции и лишь позже перешел в число уездных городов. Был он и довольно значительным религиозным центром, став с 1764 г. главным городом Севской епархии (впрочем, с 1788 г., епископы Севские начали именоваться Орловскими и Севскими, а их местопребыванием стал губернский город Орел).

Семинария в Севске была открыта в 1778 г. по инициативе епископа Амвросия Подобедова. В начале XIX в. она уже чаще называлась Орловско-Севской или просто Орловской, но до 1827 г. оставалась в Севске.

Вскоре после перевода семинарии из Севска в Срел ее архив был, к сожаления, безвозвратно утрачен, что крайне затрудняет возможности изучения ее истории. Но цель нашего краткого сообщения значительно скромнее - познакомить с некоторыми из выпускников Севской семинарии, чья деятельность оставила заметный след в развитии русской общественной мысли» культуры, духовной жизни.

Зябловсхий Евдоким Филиппович (1764-1846), родом из д. Зябловки Севского уезда, как один из лучших семинаристов был направлен на учебу в только что открывшуюся в Петербурге

учительскую семинарию, по окончании которой работал в Сибири» С 1805 г. профессор географии Петербургского педагогического института, в 1819 г. преобразованного в петербургский университет. В 1821— 1825 гг. - ректор этого университета. Автор многих работ, в основном - по географии и статистике ("География Российской империи", "Российская статистика" и т.д.), часть которых неоднократно переиздавалась. Заслуживает упоминания и первый в России труд по лесному хозяйству — "Начальные основания лесоводства" (Спб., 1804).

Книгин (настоящая фамилия — Булгаков) Иван Дмитриевич (1773— 1830) по окончании семинарии поступил в Московский университет, затем перешел в Московскую медико-хирургическую академию. После защиты диссертации получил степень доктора медицины» С 1807 г. - профессор анатомии и физиологии Московского университета. В 1808 г. провел большую работу по открытию первого в России ветеринарного училища» В 1811 г. перевелся в Харьковский университет, где многие годы был деканом медицинского факультета» Одна из любопытных работ И.Д. Книгина - "Краткое наставление, как предохранить себя от прилипчивых болезней простыми средствами" (Харьков, 1814).

Амфитеатров Федор Егорович (1779-1857)., значительно более известный под монашеский именем Филарет, Выходец из семьи священника с. Высокое Кромского уезда, после окончания семинарии был оставлен в ней преподавателем, затем назначен ректором. Позднее был ректором Московской духовной академии, епископом Калужским, архиепископом в Рязани, Казани, Ярославле долгие годы был митрополитом Киевским. "Человек теплого благочестия, большой сердечности и подлинной духовной жизни, человек праведный и святой" (по характеристике Г. Фроловского), митрополит Филарет благодаря неустанной пастырской и богословской деятельности был одним из столпов русского православия середины XIX в.

Семен Егорович (1792-1855), в отличие от старшего брата - митрополита Филарета, предпочел религиозной жизни общественную и литературную деятельность. Педагог (в частности, наставник Ф.И. Тютчева), преподаватель словесности в ряде учебных заведений, поэт» переводчик, журналист» С.Е. Раич в 1823-1825 гг. был руководителем литературного кружка с участием многих известных позже деятелей русской культуры, а несколько раньше - членом Союза Благоденствия, но наказания по делу декабристов не понес, его стихотворение "Друзьям" "облетело всю Россию", став популярной в XIX в. песней.

Галич (Говоров) Александр Иванович (1783-1848), сын бедного трубчевского дьячка, после окончания семинарии (1803 г.) обучался в Петербургском педагогическом, институте и за границей, В 1813-1821 гг. вел курс философии в Петербургском пединституте (позже университете), одновременно некоторое время преподавал в Царскосельском лицее, оставив добрую память у А.С. Пушкина,- В.К. Кюхельбекера и др. Его труд "История философских, систем" в 2-х книгах первоначально получил высочайшую благодарность» но в 1821 г. в нем усмотрели "безбожное и вредное направление, лишив А.И. Галича права преподавания в университете. Из других его работ следует отметить первый русский трактат по эстетике "Опыт науки изящного" (Спб., 1825), а также важную для истории русской психологии книгу "Картина человека. Опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий" (Спб., 1834).

Солнцев Гавриил Ильич (1786-1866), сын священника из с. Радогощ Серекого уезда, после окончания семинарии служил чиновником (в частности - в московской канцелярии Сената), совмещая службу со слушанием лекций в Московском университете. В 1812 г. переехал в Казань, где в 1814т. в Казанском университете стал магистром юридических наук, а позже защитил диссертацию на соискание, степени доктора права, С 1815 г. - профессор Казанского университета (читал лекции по истории и теории права), с 1819 Г. - ректор университета. Однако, уже в 1820 г. Г.И. Солнцев был обвинен в том, что его лекции "основаны на разрушительных началах", а в 1823 г. "навсегда" лишен права преподавания "во всех учебных заведениях", позже он более 20 лет работал казанским губернским прокурором.

Семенов Степан Михайлович (1789-1852) после семинарии закончил Московский университет и затем служил в Москве в разных ведомствах. Один из основателей Союза Благоденствия, его секретарь и член Коренного совета. Член Северного общества декабристов. Был арестован по делу декабристов и с января по октябрь 1826 г. содержался в Петропавловской крепости, в том числе более полумесяца - закованным в ручные кандалы на хлебе и воде. Сослан в Сибирь с правом служить, где и скончался. Декабристы и другие знавшие СМ. Семенова люди очень высоко отзывались о его уме и нравственных качествах.

Заслуживают хотя бы краткого упоминания такие выпускники семинарии, как Иван

Алексеевич Борисов (Иннокентий) (1800-1857), Родион Иванович Соловьев (Иеремия) (1799-1884), Яков Кузьмич Амфитеатров (1802-1848).

Иннокентий был в 1830-1836 гг. ректором Киевской духовной академии, возглавлял ряд епископских кафедр, был действительным членом Российской Академии, его сочинения (наиболее известное "Последние дни земной жизни Иисуса Христа") составили 11 томов. Н.М. Барсов назвал Иннокентия "одним из замечательных русских людей XIX в.", имевшим "огромное значение не только как богослов, церковный историк и проповедник", но оставившим "заметный след в истории умственного русского общества вообще".

Иеремия, близкий друг и сподвижник Иннокентия, также был ректором Киевской духовной академии (1839-1841 гг.), епископом в ряде епархий, наиболее долго - в Нижнем Новгороде, где и умер в монастыре.

Я.К. Амфитеатров был самобытным и талантливым профессором Киевской духовной академии, где преподавал русскую словесность и гомолетику. Автор многих религиозных сочинений, а также нескольких художественных произведений.

В целом несомненно, что Севская духовная семинария оказала положительное влияние на формирование многих своих воспитанников, ставших затем полезными членами (а порой и наставниками) русского общества в ХП в.

/ Общественная мысль и политические деятели России XIX - XX веков : материалы научной конференции. - Смоленск, 1996. – С. 33-36.

Из истории Мальцовского промышленного округа

Из истории промышленного предпринимательства в Дятьковском округе в XVIII - XIX вв.

Природа не обделила Брянщину своими дарами. Знаменитые брянские леса, полноводные еще в XIX веке реки, разнообразные минеральные ресурсы (стекольные пески, мел, глина, трепел, железная руда) — все это давало жителям благоприятные возможности для занятия промыслами и ремеслами, было необходимым условием для строительства здесь различных мануфактур, заводов и фабрик. Содействовало промышленному развитию края и появление инициативных, энергичных предпринимателей.

Особенно наглядно это проявилось на территориях севернее г. Брянска, которые обычно называли "Мальцовским заводским районом", но начали промышленное освоение земель, прилегающих к реке Болве, не Мальцовы, а Гончаровы, Мосоловы, Демидовы, построившие здесь несколько металлургических заводов.

Раньше других (в 1745 г.) был построен в Серпейском уезде Калужской губернии Песоченский доменный и молотовый завод, с 1747 г. принадлежавший А. Г. Строганову, а в феврале 1749 г. купленный у последнего Афанасием Абрамовичем Гончаровым.

На следующий год А.А. Гончаровым были построены еще два завода: Радицкий доменный и молотовый завод в Брянском уезде и еще один Песоченский (Серпейский) молотовый завод.

В те же годы и примерно в тех же местах начали строительство металлургических заводов и четверо братьев Мосоловых. В 1749 г. на реке Ветьме в Фошнянской волости Брянского уезда в дачах помещика В.А. Ханыкова ими было найдено место для строительства металлургического завода, и, получив согласие помещика на аренду части его земли, Мосоловы приступили к делу. Однако место оказалось не очень удачным, да и с В.А. Ханыковым окончательно договориться об условиях аренды не удалось, так что Ветьмянский завод так и не был построен.

Лучше обстояло дело у Мосоловых с другим заводом. Купив у того же В.А. Ханыкова в декабре 1749 г. деревню Бытоши (74 души м. п.) с относящимися к ней землями, Мосоловы к началу 1752 г. завершили здесь строительство Бытошевского доменного и молотового завода (с 1760 г. после имущественного раздела между братьями завод принадлежал Ивану Перфильевичу Меньшому Мосолову).

Сразу же началась тяжба между соседями-конкурентами: Гончаровым и Мосоловыми. В феврале 1752 г. А. А. Гончаров обратился в Берг-коллегию с просьбой разрешить ему строить на реке Любохне близ деревни Колятчино, в урочище Кочки, еще один "железный доменный вододейственный завод". Не надеясь на скорый ответ, но рассчитывая, что разрешение будет дано, предприниматель тогда же приступил к строительству, которое, однако, замедлилось из-за жалобы

Мосоловы питавшихся не допустить к их Бытошсвскому заводу близкого соседства нового предприятия. Три года длилось разбирательство, и лишь в мае 755 г. Гончаров получил, наконец, разрешение на строительство завода. К тому времени Любохнянский доменный и молотовый завод 'же был построен, так что разрешение стало лишь юридическим снованием для его пуска.

В 1755 г. уже Гончаров А. А. обратился с жалобой, что его заводы могут прийти во всеконечную остановку и подрыв" из-за конкуренции стороны нового металлургического завода, который наметил построить на речке Ломпадь Никита Никитич Демидов, купивший у А. Бутурлина за 11 тысяч рублей деревню Людиново (в то время Людиново доносилось к Брянскому уезду, несколько позже отошло к Жиздринсколу уезду Калужской губернии).

Берг-коллегия не поддержала Гончарова, но сопроводила разрешение за строительство Людиновского завода рядом условий, заставивших Л. Н. Демидова отказаться от строительства здесь домны и ограничиться строительством завода с 8 молотами (пуск состоялся в ноябре 1756 г.).

В конце 1758 г., после раздела имущества Н. Н. Демидова между его сыновьями, людиновская часть досталась Евдокиму Никитичу, а в 1790-е гг. ею владел сын последнего — Петр. В 1795 году Петр Евдокимович Демидов рядом с Людиновским заводом, в том месте, где сливаются речки Ломпадь и Сукремка, построил Сукременский завод с восьмью молотами, а в 1799 г. здесь же была построена и домна.

Таким образом, к концу XVIII в. на северо-востоке Брянского уезда в прилегающей части Калужской губернии работало семь металлуретеских заводов, но дела на большинстве из них шли далеко не лучшим образом. Например, годовое производство железа на четырех гончаровских заводах (ими в конце века владел Иван Афанасьевич Гончаров) составляло около 50 тысяч пудов и почти не выросло по сравнению с 1750-ми годами, причем металл выпускался "доброты самой низкой".

Предприятия нуждались в более энергичном, технически грамотном руководстве, и не случайно, что почти все они в первой половине XIX в. вошли в состав "Мальцовской промышленной империи".

Начало промышленному предпринимательству на Брянщине Мальцовых положило открытие в 1750 г. стекольного завода в лесной даче близ с. Радутино Трубчевского уезда. Владельцем завода был Александр Васильевич Мальцов, а после его смерти — жена Александра Евдокия (Авдотья) Мальцова. Однако, в связи с началом строительства в с. Радутино в 1767 г. казенного винокуренного завода, Е. Мальцовой пришлось перевести завод в 1771 г. на земли, купленные у С. Безобразова в деревне Радица Брянского уезда (позже — Стеклянная Радица). Этой сделке воспротивилась Вотчинная коллегия, ссылаясь на указ о том, что люди недворянского происхождения "недвижимыми имениями пользоваться права не имеют". Евдокия и ее деверь Аким, владевший хрустальным заводом во Владимирской губернии, стали настойчиво хлопотать о получении дворянства. Через несколько лет они добились этого и могли теперь покупать у дворян не только земли и леса, но и крепостных. Радицкая фабрика стала быстро расти, превратилась в одно из крупнейших стекольных и хрустальных предприятий в России.

В 1788 г. Евдокия Мальцева продала свои предприятия вместе с землями и крепостными снохе Марии. Именно Мария Васильевна Мальцева и ее сын Иван Акимович, проявив незаурядную предприимчивость, сумели за короткий срок намного увеличить число принадлежащих им предприятий, заложив тем самым крепкий фундамент "Мальцовской промышленной империи".

Весной 1796 г. в лесу близ д. Дятьково началось сооружение нового завода, а осенью сюда уже прибыли мастера по производству хрусталя, работавшие ранее на Радицкой фабрике. Так было положено начало Дятьковскому хрустальному заводу, ставшему вскоре самым крупным предприятием Мальцовых. Позже и д. Дятьково (Старое), и соседняя д. Чижовка слились с поселком, разросшимся возле Дятьковского хрустального завода (с 1810 г., с построением здесь храма, поселок превратился в село Дятьково).

В 1797 г. на речке Ивот, в том месте, где ранее находилась д. Чернятичи (жители ее в 1760-е гг. переселились в другое место, где селение существует и сейчас), была сооружена стекольная фабрика, которую сначала называли Чернятинской, а позже — Старской (как возникшую на месте старого поселения).

Через два года неподалеку от Дятькова на речке Знебери выросла Знеберская стекольная фабрика. Возникшая при фабрике д. Знеберь уже в XX в. вошла в состав г. Дятьково.

В 1800 г. юго-западнее Дятькова в Шумовской лесной даче появилась Шумовская

стекольная фабрика. Сколько-нибудь значительного заводского поселка здесь не образовалось, и во второй половине XIX в. фабрику уже чаще называли Чернятинской, по соседской деревне.

В 1805 г. зажглись печи еще одной стекольной фабрики Мальцовых близ д. Ивот, и, наконец, в 1839 г. была построена еще одна, Кленная (Кленовская) стекольная фабрика. Просуществовало последнее предприятие впрочем, недолго: уже в 1866 г. в д. Кленной завода не числилось и находилось всего шесть крестьянских дворов.

Все перечисленные фабрики Мальцовых обслуживались крепостными. В первые десятилетия своего существования некоторые из названных предприятий имели довольно примитивный вид. Вот как описывалась в 1849 г. Шумовская стекольная фабрика: "Строение состояло из гуты деревянной в 32 саж. длины и 10 саж. ширины, с принадлежащими к ней для обжига дойниц и закалки стекла — опецками; гончарни для делания дойниц на 12 саж. длины и 4 саж. ширины, амбара для поклажи материалов и стекла на 12 саж. длины и 8 саж. ширины. При фабрике имелись две избы для чернорабочих". Разнились фабрики лишь размерами помещений да видами выпускаемой продукции. На Дятьтковской хрустальной фабрике выделывался хрусталь, на Ивотской, Чернятинской и Радицкой — оконное стекло, причем на Ивотской — белое и полубелое, на остальных — одно полубелое. Знеберская фабрика выпускала стеклянную посуду, преимущественно бутылки, поэтому ее правильнее было бы назвать бутылочной.

Качество выпускаемой мальцовскими заводами продукции было высоким. На выставке российских мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге в 1828 г. царь Николай I с одобрением отозвался о продукции Дятьковской фабрики, особо отметив "весьма хорошую" чистоту стекла и недорогую цену изделий. Как указывал выставочный комитет, император обратил внимание "на всегдашнее употребительные в домашнем быту вещи, как-то: гладкие и с небогатою шлифовкою графины, стаканы, рюмки, бокалы и тому подобное, ибо по сие время ни на каком заводе России так чисто, искусно и аккуратно не выделывалось, и оная фабрика — первая, которая довела до такой степени, что ежедневно употребляемые вещи не уступают и английским, а потому принадлежат первому разряду". Не случайно в реестре о наградах фабрикантам, принимавшим участие в этой выставке, значился майор А.И. Мальцов, награжденный за отличный хрусталь Большой золотой медалью. Из представленной на выставке Дятьковской фабрикой продукции для императорского двора были закуплены хрустальный поднос с графином 12-ю рюмками и корзинка овальная с ушками.

После этой выставки изделия дятьковских мастеров вышли на мировой рынок и успешно конкурировали с изделиями европейских промышленников. Когда спустя шесть лет в Москве состоялась 2-я Всероссийская выставка, фабрике вновь была присуждена золотая медаль.

Вместе с ростом мастерства дятьковских мастеровых увеличилось количество производимой продукции. В 1849 г. заводом было выпущено около 1 млн. 700 тыс. штук различных изделий на 120 тыс. рублей.

Во второй половине XIX века стекольные мальцовские заводы продолжали играть значительную роль в экономике России. В "Ведомостях СПБ градоначальника" от 29 сентября 1873 г. отмечалось: "К наиболее выдающимся у нас стеклянным заводам можно отнести следующие... Завод первый, самый большой, находился в Орловской губернии, в Брянском уезде — хрустальный Дятьковский завод... Выпускает 5,5 млн. штук разной посуды, а также ваз, корзинок и некоторых других предметов для украшения...". Продолжали работать в это время еще семь стекольных заводов С. И. Мальцова: пять — в Брянском уезде Орловской губернии и два — в Рославльском уезде Смоленской губернии.

Наряду со стекольной промышленностью важнейшее место в развитии Мальцовского заводского района занимала металлургическая металлообрабатывающая промышленность.

В 1820 г. И. А. Мальцов купил у Демидовых Людиновский и Сукремльский чугунолитейные заводы, а в 1830-е гг. им были приобретены также Радицкий, Любохонский и Песоченские чугунолитейные заводы.

Здесь не только возобновилось приостановившееся в предшествующее время производство, но и были освоены некоторые новые виды продукции.

Расширяя металлургическое производство, И. А. Мальцов построил еще два новых завода рядом с уже существовавшими. Из них Радицкий чугуноплавильный завод, построенный в 1840 г., представлял собой полукаменное здание в 25 саж. длины и 9 саж. ширины, в котором размещалась одна-единственная расплавительная печь. Мех завода приводился в движение водяным колесом из заводского озера. Так же выглядел и Сергиевский чугуноплавильный завод близ Любохны, построенный в 1846 г., на котором выделывалось штучное литье, отправляемое по Десне и Днепру

в Киев, Херсон и другие города. На этом заводе в 1849 г. при одном горне было отлито около 40 тысяч пудов изделий на сумму в 26827 руб. На Радицком заводе в 1858 г. было выплавлено около 37 тысяч пудов чугунных изделий. Следует отметить, что на Любохонском заводе выпускалась продукция и для нужд армии. Так, в 1862—1863 гг. здесь было отлито свыше 100 тысяч пудов гранат и картечей различных калибров.

Не останавливаясь на мальцовских предприятиях других отраслей, следует все же подчеркнуть значительную роль деятельности И.А. Мальцева в развитии русской свеклосахарной промышленности, причем построенные им в первые десятилетия XIX в. в селе Верхи, а также в Людиново, Ивоте, Любохне и некоторых других селениях дятьковской округи свеклосахарные заводы были одними из первых в России и послужили своеобразным ориентиром для других предпринимателей, хотя позже, во второй половине XIX в., все они были закрыты из-за неконкурентоспособности по сравнению с предприятиями более южных районов, где сырье получалось значительно лучшего качества.

Особенности жизни дятьковского заводского района наиболее ярко проявились при Сергее Ивановиче Мальцеве, что во многом объяснялось колоритностью его личности.

Вот, например, что писал о С.И. Мальцове и его владениях инженер К.А. Скальковский, посетивший Дятьково в 1860-е гг.: "Под свежими остатками крепостного права его владения, занимавшие значительную часть Жиздринского и Брянского уездов, представляли курьезное зрелище какой-то крепостной республики, государства в государстве. Мальцев — небольшого роста крепкий старик, живой, красноречивый, всем интересовавшийся, но деспот и самодур Мальцев, как и его служащие, почти все из крепостных, ходили в серых казакинах и ездили в безрессорных экипажах, сидя, как на эшафоте, спиною к кучеру. Все было свое, даже меры: "мальцовская сажень" делилась не на аршины, а на четыре "палки"... Он (Мальцев) был однако в известной степени прогрессист, много читал, часто ездил за границу и привозил оттуда технические новости".

Впрочем, удержать прежние феодальные основы производства и старые патриархальные нравы был не в состоянии и С. И. Мальцов. К концу 1870-х гг. "Мальцовская промышленная империя" пришла в упадок, но заложенные Мальцевым производственные и социальные основы жизни края продолжают служить людям и до нашего времени.

Нужно, наконец, отметить и еще одну связанную с Брянским уездом и, в частности, с дятьковской округой фамилию купцов и предпринимателей — Мельниковых, которое довольно активно вели свои дела с первой половины XIX в. до начала XX в. Ими были приобретены у Мосоловых Бытошевский доменный и молотовый заводы, затем поблизости был построен Петровский железоделательный завод. На этих двух заводах в 1859 г. было выплавлено свыше 50 тысяч пудов чугуна, 38 тысяч пудов чугунных изделий, 12300 пудов кричного железа. Имели Мельниковы и небольшие стекольные заводы, а во второй половине XIX в. активно вкладывали капиталы в лесопильную и деревообрабатывающую промышленность.

/ В.В. Крашенинников, С.П. Кизимова // С.И.Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. – Брянск : Грани, 1994. – С. 6-11.

Некоторые дополнения к «Родословной Мальцевых»

Составленная Ириной Николаевной Жинжиковой "Родословная Мальцевых" — результат большого и кропотливого труда, но, как и любое историческое исследование, "Родословная" не может претендовать на исчерпывающую полноту. В определенной степени это относится к перечню упоминаемых в ней лиц, в большей мере — к характеристикам некоторых из них (впрочем, исследовательница и не ставила задачу дать широкое представление обо всех Мальцевых).

Остановимся на двух моментах, имеющих отношение к данной теме. Вполне вероятно, что корни родословного древа Мальцевых могут быть с 1630-х гг. продолжены до 1560-х гг.

В "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина в связи с двумя событиями упомянут дворянин Семен Мальцов. В марте 1569 г. он, возвращаясь из Нагайской Орды, куда был послан с письмом Ивана IV, на Переволоке между Доном и Волгой встретился с шедшим к Астрахани турецко-татарским войском и, будучи раненым, попал в плен. Там Семен Мальцов держался с большим мужеством и достоинством, пытаясь даже в плену как-то способствовать защите Русского государства. Чуть позже он в г. Азове был выкуплен русским послом в Крыму

Афанасием Нагим, возвратился в Москву и сделал подробное сообщение о турецко-татарском походе на Астрахань. Позже, в 1606 г., Семен Мальцов, находившийся на воеводстве в одном из южных русских городов, погиб от руки восставших в период "смуты".

Хронологически Семен Мальцов вполне мог быть дедом упоминаемого в документах 1635 г. дворянина Богдана Афанасьева сына Мальцова. Есть два обстоятельства, подкрепляющих такую возможность. Это, во-первых, сама транскрипция фамилии Мальцов, хотя в XVI—XVII вв., по данным крупнейшего специалиста по русской ономастике С.Б. Веселовского, была распространена фамилия Мальцевы. Во-вторых, дети и внуки Богдана Мальцова жили в Чернигове и Рыльске, т. е. в южнорусских городах, в одном из которых и погиб Семен Мальцов.

Впрочем достаточные основания для помещения Семена Мальцова в начале "Родословной" появятся только тогда, когда удастся в документах конца XVI—начала XVII вв. найти* .упоминание об Афанасии Семенове — сыне Мальцова, а пока об этом можно говорить лишь предположительно.

Остановимся также на характеристиках некоторых представителей рода Мальцевых (преимущественно первой половины XIX в.), что позволит хотя бы приблизиться к такому мало разработанному вопросу, как "Мальцевы и русская культура и общественная мысль". Среди детей Сергея Акимовича Мальцова в "Родословной" названы дочери Софья (замужем за С.Д. Нечаевым), Мария (замужем за П.И. Колошиным) и сын Иван. И С.Д. Нечаев, и П.И. Колошин, и И.С. Мальцов заслуживают более пристального внимания.

Степан Дмитриевич Нечаев прожил внешне благополучную жизнь и сделал вполне успешную карьеру. Вот некоторые наиболее сметные вехи: директор училищ Тульской губернии (1817—1823), чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе (1824—1827), обер-прокурор Синода (1833—1836), сенатор (1836—1857), Дослужился до одного из высших гражданских чинов действительного тайного советника.

Но была и другая сторона жизни: участие в декабристском "Союзе благоденствия"; близкое знакомство с А.С. Грибоедовым, А.А. Бестужевым, К.Ф. Рылеевым, В.К. Кюхельбекером, П.А. Вяземским, А.С. Пушкиным и другими лучшими писателями своего времени; активные занятия литературой, особенно поэзией. В ряде, его стихотворений и других произведений заметны вольнолюбивые мотивы, отрицательное отношение к деспотизму и крепостничеству (хотя сам С. Д. Нечаев владел несколькими имениями, в которых в 1827 г. насчитывалось душ крепостных).

Добрых слов заслуживает его многолетняя деятельность как историка и археолога, особенно по изучению Куликова поля и происходившей на нем в 1380 г. битвы войск Дмитрия Донского и Мамая. Им были найдены и собраны многие древности, связанные с этой битвой. Своему другу и товарищу по декабристскому движению и литературному труду А.А. Бестужеву С.Д. Нечаев подарил древнее серебряное кольцо, найденное им на Куликовом поле, с которым тот не расставался до конца своих дней, берег его как святыню. Именно С.Д. Нечаеву принадлежит идея увековечить память героев прошлого, непосредственно на Куликовом поле. Эта идея осуществилась в 1850 г., когда был торжественно открыт монументальный обелиск, сооруженный по проекту А. П. Брюллова на Красном холме, в том месте, которое впервые предложил С.Д. Нечаев.

Степан Дмитриевич и позже продолжал свою патриотическую деятельность. Уже будучи больным, незадолго до смерти он занимался сбором средств на построение каменного храма над прахом воинов, убиенных на Куликовом поле", но храм-памятник был построен только в начале XX в.

Уточним некоторые данные о семье С. Д. Нечаева. Его брак с Софьей Сергеевной Мальцовой оказался не очень счастливым. Супруги прожили вместе лишь восемь лет. (Софья Сергеевна умерла в 1836 г., причем последние годы она страдала психическим заболеванием). У них было двое сыновей (кроме упомянутого в "Родословной" Юрия, был еще старший сын — Дмитрий, названный так в честь Дмитрия Донского) и две дочери.

Петр Иванович Колошин был одним из активных участников преддекабристских и раннедекабристских организаций 1815—1821 гг. ("Священной артели", Союза спасения, Союза благоденствия). О его роли в это время говорят такие факты: П. И. Колошин был членом Коренного совета Союза благоденствия, председателем его Московской управы, вместе с Н.М. Муравьевым и С.Н. Трубецким им написана "Зеленая книга" — устав Союза благоденствия. В начале 1820-х гг. отошел от участия в тайных революционных организациях. Привлекался к следствию по делу декабристов, но после допроса освобожден. Военная и гражданская служба П. И. Калошина шла без особых 1злегов, но довольно успешно (последний гражданский чин).

С большим увлечением он занимался поэтической деятельностью. Стихи П.И. Калошина нередко печатались в журналах 1820-х гг., а стихотворение "К артельным друзьям" стало ярким образцом раннедекабристской гражданской лирики. Занимался он также литературными переводами (в частности, переводил Ф. Шиллера).

О жене П.И. Колошина, Марии Сергеевне Мальцовой, дополнительных сведений найти не удалось. Их сын, Иван Петрович Колошин (родился около 1829 г.), имел придворное звание камергера, в 1875 г. был посланником России в Бадене.

Наконец, некоторые дополнения об Иване Сергеевиче Мальцове. До 1827 г. он работал в Московском архиве Министерства иностранных дел. В 1828—1829 гг. был первым секретарем русского посольства в Тегеране. Во время разгрома русской миссии и убийства А.С. Грибоедова в феврале 1829 г. оказался единственным сотрудником посольства, которому удалось спастись. Позже продолжал служить в Министерстве иностранных дел, в 1855—1864 гг. трижды назначался "временно-управляющим" этим министерством. Имел придворное звание камергера. Пользовался репутацией очень скупого человека, несмотря на большое состояние. Еще до отъезда в Тегеран И.С. Мальцов был в числе тех молодых людей, которых за увлечение философией обычно называли "любомудрами". В круг "любомудров" входили такие яркие представители русской общественной мысли, нации и литературы, как Д. В. Веневитинов, А. С. Хомяков, братья И. В. и П.В. Киреевские, М.И. Погодин, С.П. Шевырев, В.Ф. Одоевский, А.И. Кошелев, М.А. Максимович и другие. Наиболее близкие отношения сложились у И.С. Мальцева с С.А. Соболевским, известным эпиграммистом и библиофилом, другом А.С. Пушкина. Именно С.А. Соболевский рекомендовал А.С. Грибоедову своего родственника и приятеля на должность первого секретаря посольства в Тегеране. И.С. Мальцов сотрудничал в журнале "любомудров" вестник", был хорошо знаком с А.С. Пушкиным, а также с Ф.И. Тютчевым.

С нашим замечательным поэтом-земляком был близко знаком и Сергей Иванович Мальцов, встречавшийся с Ф.И. Тютчевым и за границей, и в Петербурге, принимавший его у себя в Дятькове. Впрочем преувеличивать степень близости С.И. Мальцова с Ф.И. Тютчевым не следует. Единственное известное письмо Тютчева, адресованное С.И. Мальцеву, и. по содержанию, и по тону не свидетельствует о теплоте их взаимоотношений. Вероятнее всего, основу этих отношений составлял хозяйственный интерес (Ф.И. Тютчев и его брат Николай владели в с. Овстуге свеклосахарным заводом, который арендовал Мальцов). Явная досада, которая чувствуется в письме Ф.И. Тютчева, объясняется тем обстоятельством, что в 1871 году С.И. Мальцов неожиданно отказался от аренды (хотя годом ранее был установлен ее шестилетний срок) и этот отказ, как писал Ф.И. Тютчев, "должен нанести мне значительный ущерб".

/ С.И.Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. – Брянск : Грани, 1994. – С. 19-22.

Новые дополнения к «Родословной Мальцевых»

Содержание данной статьи составляют два достаточно самостоятельных сюжета, связанных тем, что лица, о которых будет идти речь, упомянуты в известной статье И.Н. Жинжиковой «Родословная Мальцовых», но без сколько-нибудь развернутых характеристик. Поскольку все они представляют интерес как яркие личности, остановим на них внимание читателей.

а) Игнатьевы

Сестра Сергея Ивановича Мальцова Мария Ивановна, как указано в «Родословной», была замужем за графом П. Н. Игнатьевым.

Единственный сын коменданта Бобруйской крепости генерал-майора Н.И. Игнатьева, Павел Николаевич Игнатьев (1797-1879), окончив в 17 лет Московский университет, поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Преображенский полк, находившийся в то время в заграничном походе и в 1815 г. вернулся из Парижа в чине прапорщика. Он относился к тому кругу молодых офицеров, из которого выросли будущие декабристы, и был знаком с некоторыми из них. В частности, он дружил с А.В. Подокно, который был влюблен в сестру Павла Марию. Вероятно, девушка испытывала ответное чувство и после осуждения декабристов приняла монашеский постриг.

Впрочем, сам П.Н. Игнатьев остался верным данному матери обещанию «быть благоразумным». 14 декабря 1825 г. первая рота Преображенского полка под командой капитана Павла Игнатьева показала полную преданность новому императору Николаю I, а через неделю её

командир стал флигель-адъютантом.

В 183 4-1846 гг. П.Н. Игнатьев был директором Пажеского корпуса. Об отношении к нему воспитанников говорит хотя бы тот факт, что в связи с 50-летним юбилеем П. Н. Игнатьева офицеры-выпускники корпуса создали на свои средства фонд его имени, проценты с которого ежегодно выдавались одному из воспитанников корпуса.

С 1854 по 1861 гг. он был петербургским генерал-губернатором и проявил себя жестким администратором. С ,1859 г. П.Н. Игнатьев - генерал от Инфантерии, но в эпоху реформ 1860-х гг. он находился в тени, являясь членом Государственного Совета.

Высший взлет его государственной карьеры приходится на 1870-е годы, когда престарелый, но твердый сторонник незыблемости самодержавия был в 1872 г. назначен председателем Совета министров и оставался им до конца жизни, в 1877-1878 гг. являлся местоблюстителем российского престола во время отъездов Александра II в действующую армию в годы русско-турецкой войны, а в 1878 Павел Николаевич Игнатьев и все его потомки по мужской линии были возведены в графское достоинство.

Мария Ивановна и Павел Николаевич Игнатьевы вырастили трёх дочерей: бывшую замужем за Н.И. Енгалычевым Надежду (1828-1877 гг.), Капитолину (1829-1882 гг.) и Ольгу(1837-?), бывшую замужем за А. Е. Зуровым, а также двух упомянутых в «Родословной» сыновей: Николая (1832-1908 гг.) и Алексея (1842-1906 гг.), ставших известными государственными деятелями,

Генерал от кавалерии Алексей Павлович Игнатьев был в 1885-1896 гг. генерал-губернатором в Иркутске, а затем в Киеве, с 1896 г. являлся членом Государственного совета. В 1905 -1906 гг. участвовал в работе нескольких правительственных совещаний. Стоял на консервативных позициях, считая, в частности, манифест 17 октября «ненужной уступкой». Убит эсером С. Н. Ильинским.

Жена А.П. Игнатьева, Софья Сергеевна, урожденная княжна Мещерская, прожила долгую жизнь (1850-1944 гг.). Была хозяйкой великосветского салона, где в обсуждении религиозно-политических тем участвовали многие видные церковные и светские деятели. Помимо Алексея, автору известных мемуаров «50 лет в строю», у А. П. и С. С. Игнатьевых были еще сыновья Павел и Сергей и дочь София.

Старший брат Алексея Павловича, Николай Павлович Игнатьев был, пожалуй, наиболее яркой личностью из всей этой фамилии. Блестяще окончив Пажеский корпус и Академию Генерального штаба, Н.П. Игнатьев наряду с воинской службой с 1856 г. привлекался к различным дипломатическим поручениям, порой очень опасным, подобно военно-дипломатической миссии в Хиву и Бухару в 1858 г. После ее успешного завершения Н.П. Игнатьев был произведен в генералмайоры, став в 26 лет самым молодым генералом в России.

Затем последовала еще более трудная задача: он был направлен в Китай, где в сложнейшей политической и военной ситуации сумел не только защитить интересы России, но и подписать в 1860 г. выгоднейший Пекинский трактат, по которому к России отходил обширный и богатый Уссурийский край.

С 1861 г. Н.П. Игнатьев - директор Азиатского департамента министерства иностранных дел, с 1864 по 1877 гг. - сначала посланник, затем посол России в Османской империи. В это время он ключевая фигура дипломатии на Балканах. Не случайно именно Н.П. Игнатьеву было в конце русско-турецкой войны доверено вести переговоры о мире, и в феврале 1878 г. он от имени России подписал знаменитый Сан-Стефанский мир, дававший независимость Болгарии и в целом выгодный России и балканским странам. Имя Игнатьева стало одним из самых известных и уважаемых в Болгарии: в его честь называли улицы болгарских городов, а после его смерти здесь появились памятники человеку, активно защищавшему интересы балканских народов. К сожалению, многие статьи Сан-Стефанского договора были пересмотрены на международном Берлинском конгрессе.

Последний взлет государственной карьеры Н.П. Игнатьева приходится на трель 1881 - май 1882 гг., когда он был министром внутренних дел России в один из сложных периодов её истории, вскоре после убийства императора Александра II народовольцами.

В это время Н.П. Игнатьеву приходится заниматься и искоренением эволюционного подполья, и гасить волну еврейских погромов, охвативших несколько губерний, и участвовать в реализации мер по поддержке крестьянства, и решать великое множество текущих дел. Однако долго соединять несоединимое - консервативный курс императора Александра III с попытками сами некоторых новых реформаторских шагов - было невозможно. Когда в пае 1882 г. Н.П. Игнатьев представил императору проект созыва Земского собора как некий акт политического

примирения, это предложение не встретило поддержки и повлекло за собой отставку министра, что означало откровенный поворот к реакции.

Последние десятилетия жизни Н. П. Игнатьева были далеко не блестящими: вынужденная служебная бездеятельность, неудачи в финансовых операциях. Оставались писание мемуаров, председательствование в Петербургском Славянском обществе, дела семейные, в которых он, подобно отцу, был строг и суров: не терпел в доме спиртного, табака, карт, грубой ругани, детей воспитывал по-спартански.

Супругой Н. П. Игнатьева была княжна Екатерина Леонидовна Голицына (1843-1917 гг.), одна из самых блестящих красавиц своего времени. В семье росло семь детей: сыновья Леонид (1864-1943 гг.), Павел (1870-1948 гг.), Николай (1872-1962 гг.), Алексей (1874-1948 гг.), Владимир (1879-1905 гг.) и дочери Мария (1868-1940-е гг.) и Екатерина (1869-1915 гг.). За исключением Владимира, который, будучи лейтенантом флота, погиб в Цусимском сражении, жизнь остальных сыновей Н.П. Игнатьева была долгой.

Наиболее примечательным среди них был Павел, который в юности увлекся крестьянским трудом, позже стал земским деятелем, в годы первой русской революции был назначен Киевским губернатором, поскольку пользовался репутацией либерала.

С 1909 г. П.Н. Игнатьев возглавлял департамент земледелия в одноименном министерстве, с января 1915 г. по декабрь 1916 г. был министром народного просвещения. Пользовался уважением как сотрудников министерства, так и многих русских педагогов, что в годы Гражданской войны спасло ему жизнь.

Оказавшись с 1919 г. в эмиграции, П.Н. Игнатьев и его жена Наталья Николаевна, урожденная княжна Мещерская (1877-1944 гг.) своё последнее успокоение нашли в Канаде, где сейчас продолжают жить их потомки.

б) Панины

Третья из дочерей С.И. Мальцова Анастасия Сергеевна (1850-1932 гг.), была замужем за камер-юнкером графом Владимиром Викторовичем Паниным. Сын известного своими реакционными взглядами В. Н. Панина, бывшего более 20 лет министром юстиции, молодой граф, напротив, поддерживал общение с профессорами, врачами, земскими деятелями и другими представителями прогрессивной интеллигенции, приобщив к этому кругу и свою молодую жену. После преждевременной кончины в 1872 г. своего супруга А.С. Панина начала все теснее сближаться с радикальной молодежью. Проживая в 1878 г. в Киеве, она привлекла внимание властей «несоответствующим» образом жизни: оказанием помощи участвовавшим в беспорядках студентам, содержанием столярной мастерской, где работали замеченные в революционном движении люди. Привлекалась к дознанию по одному из политических дел, подвергалась допросам и обыскам, но, поскольку достаточных оснований для привлечения к ответственности властям найти не удавалось, дело ограничивалось установлением над А.С. Паниной негласного полицейского надзора, продолжавшегося до 1905 г.

В конце 1878 г. произошло знакомство А.С. Паниной с видным деятелем земского либерального движения Иваном Ильичей Петрункевичем (1843-1928 гг.), который вскоре стал ее гражданским, а с 1882 г. - официальным мужем, что и определило характер её последующей жизни.

Не случайно И.И. Петрункевич, работавший в эмиграции над своими воспоминаниями, начал их с посвящения своей жене. Вот оно с некоторыми сокращениями: «Эти «Воспоминания» принадлежат тебе, мой верный и бесценный друг, так как вся моя жизнь с того часа, как мы встретились с тобой, протекала под твоим духовным влиянием, которое неустанно помогало мне не падать духом в неудачах и не терять равновесия, когда положение благоприятствовало нам. Твоя беспредельная любовь, самоотверженность и доброта всегда были в согласии с правдой жизни и предостерегали меня от ошибок. Во имя правды, нередко чувствуя её инстинктивно, ты была готова на всякую жертву и во имя же правды звала на беспощадную борьбу с неправдой и злом...

В условиях эмиграции, оторванные от Родины, от своего домашнего очага, скитаясь из страны в страну, мы ни на минуту не перестаем думать о России, и наши с тобой воспоминания о Ней останутся для нас единственным утешением...»

И. И. Петрункевич, являвшийся видным земским деятелем в Черниговской (1869-1879 гг.) и Тверской (1890-1905 гг.) губерниях, бывший председателем «Союза освобождения» (1905 г.), одним из учредителей конституционно-демократической партии (1905 г) и председателем её Центрального Комитета (1909-1915 гг.), издателем петербургской демократической газеты «Речь»

(1908-1917 гг.), изведавший в разные годы аресты, ссылку, тюремное заключение, умер в эмиграции в Праге, не успев завершить свои воспоминания.

Анастасия Сергеевна подготовила их завершенные части к печати, но увидеть напечатанными не успела, скончавшись в 1932 г.

Довела это дело до конца её дочь, графиня Софья Владимировна Панина (1871-1956 гг.), одна из замечательных русских женщин.

В феврале 1882 г. по личному распоряжению Александра III Софья была отобрана у матери и передана под опеку бабушке, графине Наталье Павловне Паниной (1810-1899 гг.). Её поместили в Екатеринбургский институт, и лишь иногда она могла встречаться с матерью, которую попрежнему любила.

Достигнув совершеннолетия и не обретя счастья в семейной жизни (её брак очень быстро распался), С.В. Панина целиком погрузилась в общественную работу и благотворительную деятельность, особенно после встречи в 1890 г с А.В. Пошехоновой, учительницей одной из школ Петербурга. В Александро-Невском районе столицы, где жили в основном рабочие и где не было ни благоустройства, ни очагов культуры, в короткое время возникли построенные на средства С.В. Паниной детская столовая, библиотека, детский сад для малышей, ремесленные и рукодельные классы для подростков, общеобразовательные - для их родителей, зала с журналами, газетами, шахматами и шашками.

В апреле 1904 г. состоялось торжественное открытие Литовского Народного дома, ставшего подлинным центром образования и культуры для трудового населения Петербурга. Позже подобные Народные дома появились в Воронежской и Московской губерниях и в Крыму. Помимо этого С.В. Панина оказывала щедрую поддержку многим учебным заведениям, особенно женским, учредила множество стипендий и т. п.

В годы Первой Мировой войны к этому добавились заботы о семьях военнослужащих, о раненых, а также активное участие в деятельности партии кадетов, членом ЦК которой С.В. Панина была избрана.

В мае 1917 г Временное правительство назначило её товарищем министра государственного призрения, в августе - товарищем министра народного просвещения. Так впервые в России женщина получила официальный министерский пост.

В конце октября 1917 г. С.В. Панина была арестована и помещена в тюрьму, а 10 ноября предстала перед военно-революционным трибуналом. Председательствующий пригласил обвинителей-добровольцев из зрителей, но их не нашлось. Зато объявился защитник - рабочий Иванов. Его выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы. «Не чуждаясь народного пота и дыма, - сказал он о Софье Владимировне, - она учила отцов, воспитывала их ребят, они видели в ней не только помощь, но и ласку. Она зажигала в рабочих массах святой огонь знания, который усердно гасило самодержавие. Несла в народ сознательность, грамотность и трезвость, несла культуру в самые низы: Не позорьте себя. Такая женщина не может быть врагом народа. Смотрите, чтобы не сказали про вас, что революционный трибунал оказался собранием разнузданной черни, в котором расправились с человеком, оказавшимся лучшим другом народа...» Суд вынес неожиданно мягкий приговор: в виду «прежних заслуг» графине С.В. Паниной объявлялся лишь «общественный выговор».

В дальнейшей жизни С.В. Паниной были еще много событий: новое пребывание в тюрьме, отъезд в 1918 г. в Финляндию, прибытие на юг России и работа в должности министра в правительстве генерала А. И. Деникина, иммиграция в Чехословакию, а после захвата Гитлером Праги - в США. Здесь и завершился её жизненный путь, который еще ждет своих исследователей.

/ С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч. II. – Брянск, 1998. – С. 65-70.

Город Жиздра и Жиздринский уезд в конце XVIII - первой половине XIX вв.

В ходе проведенной правительством Екатерины II административной реформы экономическое село Жиздра 7 ноября 1777 г. было преобразовано, в уездный город созданного в 1776 г. Калужского наместничества (губернии).

В состав нового уезда были отмежеваны части территорий Козельского, Мещовского, Серпейского и Брянского уездов.

В Жиздре после преобразования села в город, с учетом включенных в его состав слободок,

насчитывалось 142 двора, где проживало 998 жителей, которые, как указывалось в описании того времени, «торгу никакого не имеют, а промышляют хлебопашеством». [1] Главной достопримечательностью города был только что завершенный строительством каменный Александро-Невский собор.

Через 10 лет в городе имелось 5 деревянных казенных зданий, 4 лавки, 191 обывательский дом, где проживали 1829 купцов и мещан, 42 священнослужителя (включая заштатных). С учетом дворян, чиновников, роставных солдат и членов их семей общее число жителей Жиздры приближалось к 2 тыс.

Среди занятий жиздринских купцов и мещан отмечен в это время торг пенькою и конопляным маслом, который «по учреждении города. умножается» [2]. Некоторые торговали также съестными припасами и лесом, который сплавляли по рекам Жиздре и Оке. 25 сентября в Жиздре начали проводить ежегодные ярмарки с участием купцов из Калуга, Брянска, Мещовска, Козельска и крестьян окрестных селений.

Какова была динамика дальнейшего развития города? Через полвека, в 1836 г в Жиздре насчитывалось уже 1115 домов в том числе 3 казенных (из них — 2 каменных), 51 дворянский, 10 священнослужительских, 47 купеческих, 948 мещанских (из них — 1 каменный), 34 солдатских, 22 крестьянских. В это время в городе проживало 4322 мужчины и 4099 женщин, всего 8421 человек. Следовательно, за 50 лет число жителей выросло более чем в 4 раза. Среди городов губернии Жиздра вышла на 3 место, уступая лишь губернскому центру — Калуге и совсем немного — Козельску. Близок к Жиздре по числу жителей был Боровск, а все остальные уездные города губернии уступали ей более чем в 2 раза.

Однако рост населения не сопровождался заметным усилением экономической роли города и улучшением благоустройства. Дадим слово документу. «Жиздра, обязанная возведением своим в достоинство уездного города не успехами своей промышленности, а только видами государственного управления, осталась: почти тем же, чем была. Площадь и улицы ее не вымощены по скудости городских доходов; строения ветхи и неправильны; жители многочисленны и бедны... Занимаясь преимущественно хлебопашеством и не имея собственной земли, мещане нанимают ее. Садоводство и огородничество ничтожны» [3]. Действительно, в относительно большом городе было только 15 небольших садов.

Вот еще некоторые цифровые данные для характеристики города Жиздры в 1836 г. В городе было 18 лавок, 2 трактира, 5 питейных домов, 2 подвала для продажи виноградных вин; имелся небольшой "кожевенный завод с 5-6 работниками, принадлежащий купцу 3 гильдии А. Смирнову и выпускающий в год до -800 кож на сумму 9 тыс. руб. Из 134 ремесленников больше всего было сапожников и башмачников (52), портных (43) и кузнецов (35).

Помимо сентябрьских ярмарок, стали ежегодно проходить подобные ярмарки в конце мая, но и те, и другие были невелики: съезжалось от 2 до 3 тыс. человек, а сумма привезенных товаров не превышала 50-60 тыс. руб. Жиздринекие купцы (все — 3-й гильдии), кроме традиционной торговли пенькой, конопляным маслом и лесом, стали более активно торговать скотом, который скупался на Украине и после дополнительного откорма отправлялся в Москву и Петербург.

Из новых учреждений, появившихся в городе, нужно отметить: казенное училище с двумя учителями и 96 учениками (к чести училища, в нем, кроме мальчиков, обучалось и 22 девочки, — подобных примеров в училищах других уездных городов губернии не было); больницу с 1 врачом и. 3 служителями, где в течение года лечился 121 человек; тюрьму, в которой содержалось 63 человека, из них 5 женщин. В течение года в полицию доставлялось 27 мужчин и 5 женщин, все за пьянство. Впрочем, в отношении к спиртному жители Жиздры выделялись скорее в лучшую сторону (к примеру, в близком по числу жителей Боровске в полицию за пьянство доставлялось 247 мужчин и 37 женщин, а в соседнем втрое меньшем Мосальске — 69 мужчин и 6 женщин).

Демографическая ситуация в Жяздре была благоприятной: за 1836 г., к примеру, родилось 349 детей, умерло 180 горожан. К концу 1850-х гг. Жиздра по числу жителей (9587 чел.) вышла на второе место в губернии (в опережавшем ее раньше Козельске число жителей даже сократилось до 7530 чел.)

Что касается расположенных на территории Жиздринского уезда селений, то первые сведения о них встречаются еще в документах «Литовской метрики», относящихся к XV в.

Так, под 1450 г. упоминается о пожаловании некоему Заньку Соколову «отчины» его Бояновичи, относившейся в то время к Карачеву [4]. Более подробные сведения есть в выписях с писцовых книг 1595 г. о вотчинах Свинского монастыря в Брянском уезде.

В Батоговской волости среди владений монастыря названы с. Хондрыкино (Кондрыкино),

деревня Дынная, Заболотье, Черный Поток, Сельца, Осленка, Войлово, Подбужье, Пнёвичи (Пеневичи), Нехочи и Межилоховье (Слободка) [5]. Все эти селения, расположенные на территории современных Людяновского, Жиздринского и Хвастовичского районов достаточно хорошо известны.

В выписях 1595 г. упоминаются еще два села, но не относящиеся к Брянскому уезду, а расположенные близ его рубежей — Ловать и Хвастовичи (оба они и тогда, и позже были в составе Козельского уезда).

Если писцовые книги конца XVI в. сохранили сведения лишь о вотчинах Свинского монастыря, то в документах XVII в. можно найти сведение обо всех селениях, находившихся в это время на территории Брянского уезда, а позже вошедших в состав Жиздринско, го уезда.

По списку селений 1678 г. на территории Батоговской волости, кроме уже упоминавшихся ранее вотчин Свинского монастыря, названы также села Буяновичи, Высокое, Огорь, Пупково, Улемль, деревни Мишкина, Судимер, Лукавец, Коренева, Поляна, Березина, Боровка, Улемец, Людинова, Суглиц, Яровщина, Песочня, Слободка и Катеринина.

На территории Хвощенской (Фошиянской) волости перечислены следующие селения: погосты Колчин и Бутчин, деревни Вербежичи, Савина, Крынки, Ветмица, Лужнивиа, Ивашковичи, Синевка, Гулча, Колчина [6] (сейчас это — юг Куйбышевского и запад Людиновского районов).

Большинство перечисленных селений легко определяется и не требует комментариев, но о некоторых пояснения все-таки нужны, так как на рассматриваемой территории есть несколько селений с одинаковыми названиями (Высокое, Песочня; Слободка).

Сравнительно легко решается вопрос о Высоком. «Брянской десятины жилые данные церкви» упоминают Никольскую церковь, построенную еще до 1628 г. «в селе Высоком, Овсорок тож» [7].

Названные рядом в списке 1678 г. деревни Слободка (бывшее село) и Песочня, на первый взгляд, легче всего соотнести с местом сегодняшней конференции: ведь в 1780-е гг. оно называлось «село Слободка, при которой Верхний и Нижний железные заводы» [8], а в середине XIX в. — селом Песоченский Завод, или просто Песочней. Однако это явное сходство названия не подтверждается другими сведениями. Оба названных селения были вотчинами духовенства, а Песочня (сегодняшний Киров) таковой не была и относилась не к Брянскому, а к Серпейскому уезду, хотя граница этих уездов проходила рядом.

Не указанное в списке 1678 г. село Бережок (Бережки), принадлежавшее Свинскому монастырю и относившееся в XVII — начале XVIII вв. к Брянскому уезду, по сведениям 1723 г. лежало «смежно с Серпейским рубежом» [9].

Но вернемся к деревням Песочня и Слободка. Среди бывших,монастырских владений в конце XVIII в. в Жиздринском уезде находилась лишь одна деревня Песочня — рядом с деревнями Полом, Орля, Авдеевка, Озерская и Яровщина (последняя в списке 1678 г. названа, кстати, рядом с Песочней). Оснований сомневаться в идентичности селений, пожалуй.

Все только что перечисленные селения до секуляризации принадлежали Жвздринскому Троицкому монастырю и составляли единую монастырскую вотчину. К этой вотчине относилась и деревня Слободка, бывшая ранее селом. Согласно церковным документам, в 1654 г. церкви здесь уже не имелось (было лишь церковное место), но дань и другие платежи еще взыскивались. Однако по патриаршему указу 1678 г. дани «с сего церковного места» за 1664-1677 г., а также «и впредь имать не велено для того, что церковная земля поросла лесом, лежит пуста, никто ею не владеет, и попа с причетниками нет» [10]. Первая дата, упоминаемая в указе, однозначно объясняет причины такого запустения. Речь идёт о так называемом «литовском разорении», т. е. о действиях литовских войск гетмана Х. Паца в 1663-1664 гг., в результате которых был разорен Брянский уезд и пострадали некоторые соседние территории. Бывшее село Слободка после разорения, по-видимому, так и не оправилось окончательно и либо вовсе обезлюдело вскоре после 1678 г., либо возобновилось позже уже под другим названием. Среди владений Жиздринского монастыря такого селения в XVIII в. уже не упоминается.

Пострадал от литовского нападения и сам Жиздринский монастырь. В монастырских документах есть сведения, что надвратная Введенская церковь «в давних годах от литовского разорения сожжена» [11]. В монастыре оставалась соборная Троицкая церковь, но число монахов было невелико: в 1680 г. — 5, в 1703 г. — 9. С 1683 г. Жиздринский монастырь был приписан к Московскому Донному монастырю.

Монастырю принадлежало две вотчины: одна (о ней уже речь шла раньше) находилась, как и

сам монастырь, на территории Брянского уезда, другая (с центром в селе Запрудном) входила в состав Мещовского уезда. Число крестьян в этих (вотчинах росло довольно быстро: в 1680 г. в них был 41 двор, в 1703 г.— уже 138.

Быстрый рост численности населения в этих местах продолжался и в конце XVIII — первой половине XIX вв., после образования Жиздринского уезда.

По данным конца 1770-х гг. в селениях уезда насчитывалось 52382 души мужского и женского пола [12], а в 1859 г. — уже 147200 душ [13]. Правда, первая цифра нуждается в корректировке, поскольку в ней не учтены жители юго-западной части бывшего Серпейского уезда, которая в 1796 г. была передана в состав Жиздринского уезда. Здесь, по нашим подсчетам, в конце 1770-х гг. проживало 8756 душ [14]. Следовательно, если взять округленно, число сельских жителей Жиздринского уезда за 80 лет выросло с 61 тысячи до 147 тысяч, т. е. почти в -2,5 раза. В результате уезд по численности населения оказался далеко впереди всех остальных уездов Калужской губернии, хотя в конце .XVIII в. он ряду из них уступал.

Естественный прирост населения наблюдался практически во всех уездах средней полосы России, но степень его была заметно ниже, чем в Жиздринском уезде. Посмотрим ситуацию в трех соседних-районах: Козельском, Рославльском, Брянском. Сравнивая число жителей в них в конце 1770-х и в конце 1850-х тт., получаем округленно следующие цифры:

- Козельский уезд 67,5 и 84 тысячи [15];
- Рославльский уезд.— 72,5 и 38 тысяч [16];
- Брянский уезд 73 и 88,5 тысячи [17].

Прирост населения за 80 лет составил от 21 до 35% (показатели достаточно близкие), в то время как в Жиздринском уезде этот показатель — почти 142%. Обратим внимание еще на одну, явно выделяющуюся особенность селений Жиздринского уезда: здесь было значительно больше, чем в других уездах, крупных селений. Если среднее число жителей одного селения в Калужской губернии в 1859 г. было около 200 человек, так в Жиздринском уезде — свыше 364. Из 404 селений уезда в это время 104 насчитывали в каждом свыше 600 человек. Особенно выделялся уезд при сравнении числа селений, в которых проживало свыше 1 тысячи человек: здесь таких было 22, а в остальных 10 уездах Калужской губернии — только 20 из общего числа 3769 селений. Сходные результаты получаются и при сравнении Жиздринского уезда с пограничными уездами Смоленской и Орловской губерний. Из почти 3 тысяч селений Ельнинского, Рославльского, Брянского, Карачевекого и Волховского уездов более тысячи жителей, имели лишь 19, т. е. вновь меньше, чем в одном Жиздринском уезде.

В чем же причины столь заметных отклонений? Однозначного и четкого ответа на этот вопрос, скорее всего, нет. Лишь предположительно можно, наверное, судить о тех особенностях природы, хозяйственного и социального уклада жизни населения уезда, которые обусловили особенности его демографии.

Одним из условий быстрого роста числа жителей в Жиздринеком уезде была, несомненно, обширность его территории при относительно невысокой плотности населения. Уезд занимал 6382 квадратных версты, или 676 тысяч десятин земли, что составляло почти четверть всей Калужской губернии. В то же время, несмотря на самые высокие темпы прироста населения в конце XVIII — первой половине XIX вв., плотность его в уезде оставалась к середине XIX в. небольшой — менее 25 человек на 1 квадратную версту (по губернии в среднем — свыше 34). Здесь не замечалось земельной тесноты, которая является одним из главных препятствий роста народонаселения.

Бедность супесчаных и частично суглинистых почв не благоприятствовала развитию земледелия в уезде. «Хлебопашество, хотя и весьма распространено, не щедро вознаграждает труды... и не может одно, без пособия Других занятий, обеспечить безнуждный быт крестьянских селений». Урожай зерновых (главные культуры — озимая рожь и овес) даже в благоприятные годы не превышал сам — 3, а обычно был еще ниже. Если учитывать, что площадь пашни в уезде была в расчете на один двор сравнительно небольшой и составляла в трех полях от 6 до 15 десятин, то будет ясно, что собственным хлебом уезд себя далеко не обеспечивал. Огородничество (включая и начавшее появляться картофелеводство) играло незначительную роль. Садоводство в подавляющем большинстве селений отсутствовало — «крестьяне к садоводству не приохочены», да и большинство помещиков, в отличие, например, от Козельского уезда, не имело садов даже при господских домах. В 1770-е гг. во всем уезде, согласно «Экономическим примечаниям», оказалось только 7 садов.

Единственно доходной и очень распространенной отраслью земледелия в уезде было выращивание конопли, а продажа пеньки и конопляного масла — важнейшим видом торговли, тем

более что крупнейший центр этой торговли, с. Сухиничи (с 1840 г. — город) находился поблизости.

Очень важную роль в жизни населения уезда играли различные промыслы, особенно связанные с лесом. Изготовление саней, колес, коробов, деревянной посуды, различных лубяных изделий, гонка дегтя, приготовление используемых на соседних предприятиях древесного угля и золы — вот основные из этих, промыслов. К ним можно добавить плотничество и сгонку плотов в Оку и Десну. Это вполне объяснимо, поскольку в конце XVIII в. леса занимали почти две трети площади уезда, и хотя к середине XIX в.. они сократились до 42% всей территории, уезд попрежнему занимал по этому показателю первое место в губернии, почему и назывался нередко Полесьем, а его жители — помехами.

Значительное распространение промышленного производства в селениях уезда также было одним из факторов, положительно влиявших на демогратическую ситуацию. Людиново, Песочня, Сукремль, Брынь, Плохино, чье промышленное развитие получило начало еще в XVIII в., знали позже и времена подъема, и периоды спада, но сам факт существования в этих селениях крупных металлургических, парусно-полотняных, суконных, лесопильных и других предприятий оказывал существенное влияние на всю хозяйственную и социальную жизнь округи. В результате, если в 1770-е гг. фабрики и заводы имелись в десятке селений (помимо названных это были села Улемль, Клен, Усты, сельцо" Жилино и Есенецкий железоделательный завод), то к концу 1850-х гг. в селах уезда насчитывалось уже почти полсотни промышленных предприятий и по этому показателю Жиздринский уезд далеко превосходил все остальные уезды губернии.

Существенно расширилась сельская торговля. Если в конце XVIII века ярмарки были только в с. Букань (да еще в селах Брынь Плохино — еженедельные базары), то к середине XIX в. из 87 сельских ярмарок в губернии 32 приходилось на Жиздринский уезд. В некоторых селениях (Анисово Городище, Бережки, Ловать, Хвастовичи, Плохино, Буяновичи, Овсорок) они бывали по два, а в с. Букань даже четыре раза в году.

Особый хозяйственный уклад жизни в уезде существенным образом сказывался и на социальном положении сельских жителей. В рассматриваемый период, большая часть крестьян уезда не знала барщины. В первую очередь, это относится к тем 50 с лишним экономическим селениям, которыми ранее владели монастыри. Но и в помещечьих имениях преобладающей формой феодальной ренты был оброк, что давало крестьянам относительную свободу для занятий промыслами, отходничеством, позволяло выбирать различные формы деятельности, развивало предприимчивость крестьян.

Вот почему вывод, сделанный известным географом, экономистом и статистиком первой половины XIX в. К.К. Арсеньевым, что «жители Калужской губернии могут считаться зажиточными и даже богатыми» [18], несмотря на определенное преувеличение, небезоснователен, особенно для Жиздринского уезда.

Следует добавить, что первая половина XIX в. — это время формирования Мальцовского промышленного района, достаточно своеобразного хозяйственно-социального комплекса. Западная часть Жиздринского уезда была составной частью этого района, а Людиново и Песочня — одними из важнейших его центров. Здесь, наряду с заметными элемеитами патриархального крепостного права, особенно во времена С. И. Мальцова, проявлялась забота о физическом и духовном здоровье мастеровых, их образовании. Здесь крепостные работники получали денежное вознаграждение за труд, им оказывалась помощь в случае трудового увечья или потери кормильца, были отменены телесные наказания, в неурожайные годы выделялось заранее припасенное на такой случай зерно (поэтому здесь не было голода) — словом, делалось многое из того, чего не знала остальная Россия.

Разумеется, не нужно идеализировать хозяйственно-социальную ситуацию в Мальцовском промышленном районе или во всем Жиздринском уезде, но и давать односторонне-классовые оценки, как это нередко делалось раньше, отходить от принципа объективного освещения исторических явлений и событий не следует.

Все эти соображения, конечно, могут рассматриваться лишь как попытка приблизиться к пониманию причин того, во многом отличного от соседних уездов демографического и хозяйственного развития Жиздринского уезда, которое наблюдается в конце XVIII — первой половине XIX в.

Нужна еще большая работа по конкретно-историческому анализу применительно к каждому населенному пункту.

примечания.

- 1.«Описания и алфавиты к Калужскому атласу» ч. II. Опб. 1782. С. 1
- 2. «Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон...» ч. 1. М., 1788. С. 290.
  - 3.«Города Калужской губернии» б/г, б/м С. 198.
  - 4. Литовская метрика // Рус. ист. б-ка. Т. 27. Спб, 1910. стлб. 60.
  - 5. Шумаков С. А. Сотницы, грамоты и записи. // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 2. С. 188-193.
- 6.Водарский Я. Е. Территория и население Севского разряда во второй половине XVII первой половине XVIII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII века. М., 1974. С. 233
- 7. Брянской десятины жилые данные церкви // Сб. Орловского церк. археолог, комитета. Т. 1. Орел, 1905. С. 257. Далее: БДЖДЦ)
  - 8. «Описания и алфавиты...», ч. 11. С. 55.
  - 9.БДЖДЦ, с. 260.
  - 10.Там же,, с. 283.
  - 11.Там же, с. 340.
  - 12.Описания и алфавиты, ч, 11, с. 57.
- 13. Калужская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1859 года. Спб., 1863. С. XX.
  - 14. Описания и алфавиты, ч; 11. С. 53-55, 60, 67-68, 75-78,
  - 15.Описания и алфавиты, ч. 1, С. 81; Калужская губерния. Списки, с. ХХ.
- 16.РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1520, л. 461. Смоленская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1859 года. Спб., 1868. С. XXIV.
- 17.РГАДА, ф, 1355, оп. 1, д. 955, л. 47. Орловская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1866 года. Спб., 1871. С. XXXVII.
  - 18. Арсеньев К. К. Статистические очерки России. Спб., 1848, С., 436.
  - 19.Там же, с 439.
  - 20.Там же, с. 436

/ Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2. Ч. 1. - Киров, 1995. - С. 61-69.

Брянщина: ХХ век

Брянский концентрационный лагерь в 1920-1922 гг.

В сознании большинства слово «концлагерь» ассоциируется с теми «фабриками смерти, которые действовали в фашистской Германии и некоторых оккупированных ею странах до 1945 г.

Когда в конце 1980-х гг. в печати начали появляться первые сообщения о концлагерях в Советской России в годы гражданской войны, они шокировали читателей. После публикации книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», где начало третьей части «Истребительнотрудовые» специально посвящено созданию концлагерей в годы гражданской войны, появились дополнительные основания сравнивать концлагеря фашистской Германии и Советской России и представлять их если не идентичными, то достаточно близкими явлениями.

Следует, однако, сразу отметить, что и «Архипелаг ГУЛАГ», и другие публикации по этому вопросу - в основе своей, как правило, не объективные исторические исследования, а публицистические произведения, и чем ярче проявляется в них авторская страстность, тем тенденциознее подборки сообщаемых ими сведений, тем одностороннее выводы и оценки. Цель таких работ - разоблачить, чтобы осудить. Цель же деятельности историка - исследовать явление, чтобы попытаться дать ему объективную и взвешенную оценку, не руководствуясь при этом ни сегодняшними реалиями, ни политическими пристрастиями.

Хотелось бы, чтобы читатели без предвзятости отнеслись к материалу о Брянском концлагере, тем более что даже о его существовании знают очень немногие, поскольку информации о нем практически не было.

Основным источником сведений о Брянском концлагере являются материалы фонда № 22376 Государственного Архива Брянской области. Документов о первоначальном этапе функционирования лагеря, вероятно, не сохранилось, и лишь по позднейшим материалам можно

установить, что решение о создании лагеря состоялось в августе 1919 г. В полном же объеме Брянский концлагерь и являвшийся его подразделением Бежицкий концлагерь начали функционировать лишь с весны 1920 г. Бежицкий концлагерь в дальнейшем (с января 1921 г.) был самостоятельным, но просуществовал лишь до лета 1921 г. История же Брянского концлагеря завершилась к началу 1923 г.

В отличие от мнения А.И. Солженицына, четко подразделявшего различные типы лагерей времен гражданской войны, Брянский лагерь был (и по названию, и по сути) одновременно и лагерем для военно-пленных, и лагерем принудительных работ, и концентрационным лагерем (но не в солженицынском толковании - «для особо враждебных элементов и для заложников», а в том, которое применялось со времен первой мировой войны, т.е. местом сосредоточения, концентрации лиц, подлежащих временной изоляции в условиях войны).

Основным населением лагеря были военнопленные: более 20 австрийцев, венгров (мадьяр), чехов, словаков, оставшихся в плену со времен первой мировой войны; более 10 петлюровцев, трое пленных из частей С.Н. Булак-Балаховича, но большинство составляли пленные поляки (свыше 450 солдат и 21 офицер). Свыше половины польских пленных содержалось в Бежицком лагере, где других заключенных не было.

К лету 1921 г. все эти военнопленные были освобождены и получили возможность вернуться на родину. Последними освобождались бывшие петлюровцы (в августе 1921 г.) и балаховцы (в сентябре 1921 г.).

К этой категории заключенных примыкали трое перебежчиков на сторону белополяков, а также подпоручик Дроздовской дивизии С.Г. Малишевский, обвиненный в добровольном вступлении в деникинскую армию. «Принимая во внимание недоказанность его вины», он не был осужден, но, тем не менее, оставлен заложником «в связи с событиями на фронте..., как принадлежащий к польскому дворянству». Этот единственный в Брянском концлагере заложник был тоже освобожден летом 1921 г.

Особый случай, но также связанный с советско-польской войной, представляла судьба еще одного заключенного Брянского лагеря -Ивана Людвиговича Шукевича. Выпускник Академии Генерального Штаба, затем его офицер, он в 1918 г. закончил в Москве режиссерско-театральные курсы, позже служил в Красной Армии. Был начальником штаба 46 стрелковой дивизии, которая в октябре 1919 г. участвовала в освобождении от деникинских войск г. Севска и соседних территорий, а в начале 1920 г. вела успешные бои с войсками Врангеля в Южной Таврии. В частности, И.Л. Шукевичем была разработана и удачно проведена ночная наступательная операция в конце февраля 1920 г., когда дивизия захватила около тысячи пленных, 14 орудий и много другой военной добычи.

В конце марта 1920 г. И.Л. Шукевич, несмотря на протесты дивизионных командира и комиссара - Р.П. Эйдемана и Л.З. Мехлиса, был арестован, доставлен в особый отдел 13 армии, затем в особый отдел Юго-Западного фронта в г. Харьков, а оттуда - в Москву, в Бутырскую тюрьму. Хотя за все время после ареста И.Л. Шукевич был допрошен лишь один раз и официального обвинения ему предъявлено не было, тем не менее, он решением ВЧК был осужден на 5 лет и отбывал заключение сначала в Андроньевском концлагере в Москве, затем в Смоленске, а с конца мая 1922 г. - в Брянском концлагере.

Пытаясь объяснить возможную причину ареста, И.Л. Шукевич в одном из заявлений писал, что он «или ...был жертвой какого-нибудь доноса на личной почве, или же арестован как носящий польскую фамилию, ибо тогда только что началась война с Польшей». Не добившись освобождения (срок заключения был только сокращен до 3 лет 4 месяцев - опять без всякого объяснения), И. Л. Шукевич потребовал включить себя в списки польских граждан, подлежащих репатриации (поскольку происходил из Лидского уезда Виленской губернии, отошедшей к Польше) и после некоторых проволочек был освобожден из Брянского концлагеря в августе 1922 г. на основании телеграммы коллегии ГПУ. Как сложилась его жизнь в Польше (во время освобождения ему был 41 год), неизвестно, но Красная Армия потеряла квалифицированного командира из-за чьей-то сугубой «бдительности».

Помимо военнопленных, в Брянском лагере содержались и гражданские лица, причем среди них явно преобладали осужденные по уголовным делам. Так, на 1 октября 1920 г. из 115 гражданских заключенных только 23 были осуждены по политическим мотивам, а 92- по уголовным. Из двух с половиной сотен заключенных в конце 1921 г. только 7 содержались за контрреволюционные действия, да еще 16 за шпионаж и подозрение в шпионаже.

Значительная часть заключенных была осуждена на небольшие сроки (от 1 до 3 лет),

осужденных на 5 лет и более были считанные единицы, а большинство содержавшихся в лагере находилось здесь от недели до полугода (были и заключенные на 3-5 суток). Встречались случаи неопределенного времени заключения («до конца гражданской войны», «до особого распоряжения»). Периодически проводимые амнистии, применяемые и к уголовным, и к политическим заключенным, также значительно сокращали сроки наказания.

К примеру, в ноябре 1920 г. по решению Трубчевского народного суда крестьяне деревни Яковской И.Ф. Коршунов и П.В. Сенин по обвинению в агитации против Советской власти были осуждены на 5 лет каждый.

По сути дела, серьезной вины за ними не было. Просто на собрании, посвященном перевыборам членов сельского совета, представители местного партийного актива настаивали на отстранении от участия в выборах лиц, не отличающихся лояльным отношением к власти Советов, а Коршунов и Сенин активнее других требовали права избирать любых жителей села, пользующихся доверием крестьян. Это и было расценено как антисоветское выступление. Однако, прошло немногим более двух недель, и тот же суд. Под председательством того же судьи В.А. Пересветова принял решение «применить амнистию» и освободить Коршунова и Сенина из лагеря.

Были, однако, и обратные примеры. Поляк М. И. Домбский, уроженец Люблинской губернии, по профессии - садовод, в годы первой мировой войны был вынужден покинуть родные места и оказался в д. Липовка Трубчевского уезда, где и осел, обзавелся семьей (в 1920 г у него было 2 дочери - 3-х и 2-х лет). Вероятно, он не отличался сдержанностью в разговорах и был осужден на 5 лет заключения в концлагере «за агитацию среди крестьян против Советской власти, а также и защиту дезертиров и запугивание темной крестьянской массы в скором возвращении помещичьей власти». В другое время разговоры М.И. Домбского могли остаться без последствий, но была весна 1920 г., и, «принимая во внимание период только что начавшегося наступления белополяков на Советскую власть», осуждение строптивого поляка состоялось.

Когда же в начале 1921 г. М.И. Домбский бежал и был задержан, это обернулось для него трагедией. Согласно действовавшей с 1919 г. «Инструкции о лагерях принудительных работ», «за побег первый раз заключенному увеличивается срок до 10-кратного размера первоначального заключения». Решением коллегии отдела управления Брянского губисполкома «за побег с работы» срок наказания М.И. Домбского был увеличен «в пятикратном размере, т.е. двадцать пять лет». Этот приговор, несомненно, применялся в расчете на устрашение основной массы заключенных, почему и было предписано его «опубликовать в печати».

В целом состав заключенных Брянского концлагеря был достаточно пестрым и в очень значительной части переменным. Были здесь осужденные за убийство (единичные случаи), за бандитизм (в начале 1922 г. таковых числилось 19, в том числе 4 женщины), за грабеж, воровство, спекуляцию, взяточничество, различные должностные преступления, упущения арестованных, подделку документов, прогулы на работе, трудовое и военное дезертирство и т.д.

Вот отдельные примеры заключения на короткие сроки: на 3 суток - сотрудники Губпродкома А.В. Горовская. Ф.В. Яковлев, И.И. Чуксин - «за неявку на работу»; на 5 суток или 1 неделю - санитарка запасного 211 госпиталя А. Куркова — «за небрежное отношение к службе и недисциплинированность, выразившиеся в дерзких ответах завхозу»; машинистка Брянского губсоюза М.И. Надеина — «за самовольные отлучки от службы»; на 2 недели, или 15 суток мидиционер Брянской железнодорожной милиции П. Агеев - «за самовольную отлучку»; санитарка 211 госпиталя М. Захарова - «за небрежное отношение к народному имуществу»; крестьянин Салынской волости Брянского уезда П. Пахомов - «за самовольную порубку леса»; делопроизводитель 851 госпиталя Т.Д. Рудаков - «за халатное отношение к своим обязанностям»; слесарь ст. Клетня Ф.А. Малахов - «за неявку на работу»; плотник Брянского губкомгоссора А.Я. Фомченков - «за самовольное дезертирство с работы»; печник губкомгоссора Т. Данилин - «за саботирование работ и за возмущение рабочих». В последнем случае надобность в печнике для руководства городским коммунальным хозяйством была, вероятно, значительной, чем объясняется и сравнительно небольшой срок наказания, и осуждение «с исполнением своих обязанностей» (такое решение применялось и по отношению к некоторым другим заключенным, т.е. они должны были работать по месту своей службы, но в неслужебное время находиться в лагере).

Встречались и курьезные, с современной точки зрения, факты осуждения. Так, некий Я. Паец был заключен в лагерь на 7 суток «за поломку забора в летнем театре»; переплетчик Брянской типографии Н. С. Новосильцев на 3 месяца (довольно значительный срок) «за появление в нетрезвом виде».

Служба в партийных, советских, хозяйственных, правоохранительных органах отнюдь не освобождала виновных от наказания, а вот выборная общественная должность могла наказание смягчить. К примеру, С. Агранович «за систематический невыход на службу и разгильдяйство» был сужден лишь на 5 суток «с исполнением служебных обязанностей», «принимая во внимание, что он является председателем комитета служащих» брянской швейной фабрики «Игла». Н В то же время серьезные преступления должностных лиц сурово карались. Так, если жители Карачевского уезда Н. И. Дмитриев, Н.И. Турков, Е.Ф. Федотов за злостное дезертирство (нежелание служить в Красной Армии) и дачу взяток за освобождение из-под ареста были осуждены на 3 года концлагеря каждый, то заведующий уголовным розыском г. Карачева А.П. Судаков «за систематическое вымогательство... взяток с арестованных и их родственников, укрывательство злостных дезертиров, шантажирование служебным положением» и другие злоупотребления был приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор коллегии Брянской губчека от 6 ноября 1920 г. был окончательным и подлежащим исполнению в г. Карачеве. Таким образом, документы, связанные с Брянским концлагерем, не подтверждают мнение А.И. Солженицына, что концлагеря рубежа 1910-1920-х гг. были репрессивными учреждениями по отношению к недовольным новым строем элементам российского общества. Больше оснований считать, что с помощью концлагерей новая власть пытала. принудительными мерами влиять на формирование новых общественных и трудовых отношений, укреплять государственную и произведет венную дисциплину, поскольку не имела серьезных возможностей для применения экономических мер влияния на поведение людей в условиях разрушенного войной хозяйства. К примеру, когда зимой 1920-1921 гг. и 1921-1922 гг. властям приходилось срочно принимать меры по принудительному привлечению населения к заготовке дров, расчистке железнодорожных путей от снежных заносов и т.п., то уклонение от этих работ приравнивалось к дезертирству с трудового фронта и каралось помещением в концлагеря (обычно - на 2 недели).

В заключение - кратко об условиях жизни и труда заключенных в Брянском и Бежицком концлагерях. Брянский лагерь располагался в трехэтажном каменном корпусе бывшей тюрьмы, где находились 19 общих камер, 3 комнаты для мастерских (сапожной, портняжной, столярной; временами функционировали также слесарная и жестяная). В этом же помещении находились зал для театральных представлений (спектакли ставились самодеятельными брянскими труппами и самими заключенными), библиотека; работала школа, к которой обучалось до 30 человек.

Бежицкий лагерь находился в версте от станции Бежица по улице Мальцевской при Брянском государственном заводе и занимал 3, а потом 4 барака, в которых раньше жили рабочие. Бараки были обнесены деревянным забором с колючей проволокой. Средняя вместимость каждого барака составляла около 80 человек. В лагере был оборудован клуб-театр на 140 мест, в котором силами самодеятельных актеров ставились спектакли, а также выступал хор из числа пленных поляков. Для неграмотных была организована школа.

Большинство бежицких заключенных привлекалось для работ в различных цехах Брянского завода (ежедневно работало около 200 человек). При лагере работала сапожная мастерская, которая обеспечивала пошив и ремонт обуви для всех заключенных, а также выпускала по заказу завода рабочие брезентовые ботинки на деревянной подошве.

Что касается заключенных Брянского лагеря, то они до середины 1921 г. работали в основном по нарядам различных брянских организаций и предприятий. В июне 1921 г. Брянский губсовнархоз передал лагерю бездействовавший с 1915 г. кирпичный завод, а уже со следующего месяца до сентября того же года здесь было изготовлено 135 тысяч штук жженого кирпича на сумму свыше 120 млн. руб. Работы велись вручную, так как для пуска механической линии не было кабеля.

За заводские работы, выполнение заказов в мастерских, работу по нарядам организаций заключенным начислялась заработная плата в обычном размере. Из этой суммы 25% заключенные получали на руки, а остальные деньги шли в общий фонд лагеря. Труд для лиц, помещенных в лагерь, был обязательным, но поскольку он частично оплачивался и к тому же за него давали дополнительный паек, то возражений на этот счет, как правило, не было. Даже, несмотря на неудовлетворительное обеспечение обмундированием, большинство заключенных относилось к работам «добросовестно и аккуратно». Грамотные заключенные при необходимости привлекались к выполнению канцелярской работы, и этот труд приравнивался к труду физическому.

Наибольшие проблемы были в снабжении заключенных постельными принадлежностями, одеждой и обувью. Так, согласно акту от 21 октября 1920 г. об обследовании Бежицкого отделения лагеря, составленному комендантом Брянского лагеря Платоновым, на всех находившихся в

лагере пленных «белье совершенно грязное и порванное». В январе 1921 г. Платонов, назначенный комендантом Бежицкого лагеря, докладывал, что «снабжение бельем и обувью удовлетворительно», но «постельных принадлежностей совершенно нет, ...и на все требования об отпуске таковых» приходили ответы, что «матрацев, наволочек и других... постельных принадлежностей нет». С верхней одеждой дело обстояло не лучше: «летнее обмундирование износилось, а зимнего за исключением 125 шапок и 125 фуфаек нет, ...а выдана заводом производственная брезентовая одежда».

Ситуация в Брянском лагере была, наверное, еще хуже, поскольку, согласно сентябрьскому докладу 1921 г., «долгосрочные заключенные со дня организации лагеря в 1920 г. не получают ни белья, ни обуви, ни обмундирования».

Несомненно, что в этом не было злого умысла ни лагерной администрации, ни местных властей. Ведь даже работники лагеря, не получая обмундирования или какого-либо вещевого довольствия, находились «в безвыходном положении».

Можно добавить к этому нехватку топлива, поэтому в Брянском лагере, особенно зимой 1920-1921 гг., было холодно и сыро (привлечь заключенных к заготовке дров было опасно из-за угрозы побегов, а достаточным количеством готовых дров и особенно транспорта для их доставки брянские власти не располагали).

При таком положении невозможно было поддерживать нормальный санитарногигиенический режим, избегать заболеваний заключенных (согласно отчетам, заболеваемость среди них достигала 15%), но смертность была небольшой. Так, примерно за год пребывания в лагере почти полутысячи польских пленных умерло из них, находясь в лазарете, пятеро, да еще один погиб из-за неосторожного обращения с электрическим током.

Питание заключенных, с учетом реальных возможностей разоренной и полуголодной страны, было относительно удовлетворительным. Помимо скудных государственных пайков, питание несколько пополнялось за счет организаций, использовавших труд заключенных, а также за счет собственного хозяйства лагеря. В 1921 г. силами заключенных были засеяны 2,5 десятины гречихи и засажено 2 десятины картофеля. В связи с намеченным переводом лагерей на самообеспечение осенью 1921 г. Брянскому концлагерю были переданы земли совхоза «Мякишево»: пашня, сад, огород, сенокосные угодья (свыше 130 десятин). Для сельхозработ, помимо имевшихся в лагере 11 лошадей, было приобретено еще 8. В начале 1922 г. каждому заключенному в день давалось 2 фунта хлеба, 1/4 фунта крупы, 1/2 фунта картофеля и некоторые другие продукты, причем больше половины шло за счет самого лагеря.

/ Страницы истории города Брянска : материалы историко-краеведческой конференции. - Брянск, 1997. – С. 113-120.

К истории политических репрессий на Брянщине в 1937-1938 гг.

Руководители партии большевиков, взяв в октябре 1917 г. власть в свои руки, понимали, что без принуждения и репрессий они не смогут ни удержать власть, ни реализовать планы социалистического переустройства общества. Репрессии по отношению к реальным или потенциальным противникам новой власти никогда не прекращались и после завершения Гражданской войны, но в первые годы нэпа их масштабы заметно снизились. Так, в 1923 г. в СССР было осуждено по политическим мотивам менее 5 тысяч человек, в т.ч. - к высшей мере (расстрелу) немногим более 400 человек. С 1924 г. по 1929 г. число осуждённых по политическим мотивам постепенно увеличивалось (с 12,5 тысяч до 56 тысяч в год), а число расстрелянных колебалось от 900 до 2500. "Великий перелом" и массовое раскулачивание в деревне резко увеличили число репрессированных: в 1930-1931 гг. было осуждено около 390 тысяч человек, из них почти 31 тысяча – к расстрелу (в число осуждённых здесь и далее не включены высланные в административном порядке). В течение пяти последующих лет число осуждённых колебалось от 80 тысяч (1934 г.) до 275 тысяч (1936 г.), а число расстрелянных "контрреволюционеров" – от 1 тысячи до 3 тысяч. Однако захлестнувшая страну в 1937-1938 гг. репрессивная волна оказалась не сравнимой с предшествующим временем ни по масштабам (число осуждённых по "контрреволюционным делам" превысило 1350 тысяч, по другим данным – 1575 тысяч человек), ни по жестокости (к высшей мере было приговорено свыше 680 тысяч) [1].

Массовые политические репрессии 1937-1938 гг. происходили во всех регионах СССР, в т.ч. и на Брянщине. К сожалению, даже спустя много десятков лет руководители областных властных

структур продолжают занимать позицию "умолчания", в результате чего Брянская область оказалась одной из немногих в Российской Федерации, где работа по изучению событий того времени, восстановлению имен погибших и репрессированных, увековечению их памяти в сколько-нибудь значительных масштабах не проводилась и не проводится.

Сведения, содержащиеся в данной статье, большей частью основаны на материалах заседаний Президиума Брянского областного суда в 1955-1965 гг., где рассматривались дела о реабилитации граждан, необоснованно осуждённых за так называемые "контрреволюционные преступления". В настоящее время эти документы находятся в Государственном архиве Брянской области (ГАБО, фонд 2213, опись 8). Количество связанных с данной тематикой дел за эти годы (аналогичные дела конца 1980-х — начала 1990-х гг. нами не рассматривались) не очень велико (немногим более 20), но здесь имеются сведения о многих тысячах несправедливо осуждённых, в основном в 1937-1938 гг. Содержащаяся в этих делах информация, впрочем, не даёт исчерпывающих сведений обо всех репрессированных на Брянщине по обвинениям политического характера, но общую картину она позволяет восстановить с достаточной полнотой.

Теоретическим обоснованием политических репрессий стала выдвинутая И.В. Сталиным (наиболее развёрнуто это было сделано на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) в 1937 г.) концепция обострения классовой борьбы по мере укрепления в стране социализма. На практике этот тезис использовался для организации нескольких громких политических процессов, в ходе которых были сначала дискредитированы, а затем физически уничтожены многие известные партийно-государственные деятели, которые когда-либо оказывались в оппозиции курсу И.В. Сталина, а также ряд видных руководителей Красной Армии. Наряду с этими процессами было сфабриковано ещё множество дел против "троцкистов", "правых", "военно-фашистских заговорщиков", "иностранных агентов" и прочих "врагов народа".

В первой половине 1937 г. на Брянщине, как и в других регионах, органы НКВД главное внимание уделяли выявлению "недобитых троцкистов". К примеру, в начале 1937 г. на пять лет лагерей был осуждён стеклодув Бытошевского завода А.Г. Григорьев, хотя и не состоявший в каких-либо "троцкистских" организациях, но в 1927 г. участвовавший в заводской забастовке, выступивший с требованием повышения заработной платы и порой солидаризировавшийся с мнением "троцкистов". В марте такой же лагерный срок получил учитель Вороновской школы Рогнединского района Я.С. Федорков, член ВКП (б), из семьи бежицких рабочих, который во время учёбы в вузе в конце 1920-х - начале 1930-х гг. был связан с молодёжной троцкистской группой. В разговорах с товарищами он заявлял, что И.В. Сталин "установил в стране свою диктатуру и ведёт политику на уничтожение старых партийных кадров"[2]. В июне на восемь лет лагерей был осуждён член партии большевиков с 1918 г. Е.Б. Шендерей, активный участник Гражданской войны. В 1926-1927 гг. он действительно поддерживал взгляды Л.Д. Троцкого и его сторонников, выступал на собраниях рабочих Клинцовского кожевенного завода "Красный Гигант", распространял троцкистскую литературу. Имел за это партийные взыскания, но членом партии оставался до 1935 г. В целом количество политических дел (по ст. 58) было в первой половине 1937 г. ещё не очень большим, а меры наказания по ним (обычно – 5 лет лагерей) определялись в основном сложившейся ранее практикой. Такой срок, к примеру, получили обвинённые в антисоветской деятельности несколько жителей Навли: бухгалтер лесохимзавода А.И. Бартельс, помощник бухгалтера канифольного завода Т.М. Евгеньев, машинист электростанции при шпалопропиточном заводе Г.К. Кречетов, студент лесотехникума С.Я. Пономарев.

Ситуация резко изменилась со второй половины 1937 г. 11 июня в Москве закончился процесс над руководителями "военно-фашистского заговора в РККА" (дело М.Н. Тухачевского и других), которые на следующий день были расстреляны. Есть сведения, что последним расстреляли бывшего командующего Белорусским военным округом И.П. Уборевича, от которого пытались добыть компрометирующие данные о близком товарище, первом секретаре Западного обкома ВКП (б) И.П. Румянцеве, члене ЦК ВКП (б) с 1924 г.

16 июня в Смоленск, центр Западной области (куда входила и Брянщина), прибыл один из ближайших соратников И.В. Сталина Л.М. Каганович, а также несколько других представителей из Москвы. Утром следующего дня И.П. Румянцев, обвинённый в преступных связях с Уборевичем, был арестован (в октябре его расстреляли). На состоявшемся вскоре пленуме обкома ВКП (б) 14 из 15 членов бюро обкома, избранного в начале 1937 г., были исключены из партии, а затем репрессированы. Привезённые из Москвы новые руководители обкома партии (Д.С. Коротченко), облисполкома (К.П. Бидинский), облуправления НКВД (В.А. Каруцкий) проявляли

особое рвение в раскрытии "враждебных элементов". К примеру, Каруцкий, получивший от наркома Н.И. Ежова разнарядку на тысячу лиц, подлежащих расстрелу, к августу уже превзошел это задание более чем вдвое. Эти действия фактически были первым опытом организации "массовых чисток" на местах, поскольку после состоявшегося в конце июня 1937 г. пленума ЦК (на нём ряд членов и кандидатов в члены ЦК предприняли последнюю попытку выступить против массовых репрессий) подобные кампании стали проводиться практически во всех республиках, краях и областях. Видимость "правового" основания для таких действий создавало подписанное 28 июня 1937 г. секретное постановление Политбюро ЦК ВКП (б), согласно которому все органы власти обязаны были выявить ранее высланных кулаков (к этому времени у большинства осуждённых в годы коллективизации кулаков и "подкулачников" закончился 3-5-летний срок лагерей или высылки) и разделить их на две категории: "наиболее враждебно настроенных" (их ожидал расстрел) и прочих (им грозил 8-10-летний лагерный срок) [3]. Аналогичные меры намечались и для других "бывших" (дворян, офицеров старой армии, церковников, представителей прежних политических партий и т.д.).

Как следствие, на Брянщину почти одновременно нахлынули две волны репрессий: против местных партийных, советских, хозяйственных и прочих руководителей и против уцелевших "бывших". В качестве лидера будто бы существовавшей в Брянске и связанной с И.П. Румянцевым "антисоветской правотроцкистской организации" был назван первый секретарь Брянского ГК ВКП (б) И.П. Волков, в числе её активных членов — секретарь Брянского ГК партии Ф.Д. Дмитриев, директор завода "Красный Профинтерн" И.Г. Штерн, секретарь парткома механического завода им. Кирова М.П. Щекатуров и ещё около тридцати человек. Большинство из них было расстреляно, лишь немногие попали в лагеря.

Среди репрессированных оказались партийные руководители ряда городов и районов: М.Ф. Соколов (Орджоникидзеград), М.В. Малков (Клинцы), Л.Г. Дворников (Почеп) и другие, но большинство подвергшихся репрессиям в 1937-1938 гг. составляли не руководители, а рядовые рабочие, колхозники, представители интеллигенции.

С августа 1937 г. репрессии стали активно набирать обороты. Первоначально среди политических дел преобладали одиночные – либо ранее осуждённых, но вернувшихся из мест заключения, либо лиц, допускавших высказывания, которые можно было квалифицировать как антисоветскую агитацию.

К первой группе можно отнести колхозника Я.П. Гарпинченко из хут. Вара Погарского района, осуждённого в 1930 г. за сожжение собственной мельницы, а в августе 1937 г. приговорённого к расстрелу; братьев Ивана и Александра Ашитко из д. Буда-Вовницкая Унечского района, из семьи умершего в 1924 г. кулака, не принятых из-за этого в колхоз и получивших в 1930-1931 гг. соответственно по 5 лет лагерей и ссылки, а в 1937 г. – высшую меру наказания (ВМН) и 10 лет лагерей; уроженца с. Салтановки Навлинского района Д.М. Михалева, в 1930 г. раскулаченного и сосланного на Урал, а к моменту ареста в 1937 г. работавшего сторожем лесосклада на ст. Палужье (Выгоничский район), осуждённого на 8 лет; колхозника из д. Дубрословичи Жуковского района М.В. Баранова, выходца из кулацкой семьи, осуждённого на 10 лет и погибшего в лагерях, и ещё много других. Порой из таких лиц оформляли и групповые дела. Так, уроженец п. Новосергеевки Климовского района П.А. Юрченко после раскулачивания вернулся в 1936 г. и зарабатывал на жизнь разными подёнными работами в Новозыбкове, а его сыновья Леонтий, Анатолий и Григорий устроились работать в мастерских на ст. Карховка. В августе 1937 г. все они были обвинены в антисоветской агитации и осуждены: П.А. Юрченко - к ВМН, а его сыновья, выражавшие недовольство низкими заработками и поэтому отказавшиеся от подписки на заём, получили по 8 лет лагерей. Подобную антисоветскую группу оформили работники Новозыбковского райотдела НКВД на семерых жителей с. Новые Бобовичи, отдельные из которых подвергались репрессиям в 1930-1931 гг. В результате 2 человека (Т.М. Святоха и В.Н. Мастобаев) получили ВМН, 4 человека – по 10 лет и один – 8 лет лагерей.

Не представляло большого труда найти и других "виновных" в "антисоветской" агитации. Вот лишь некоторые примеры из числа осуждённых в августе 1937 г. Колхозник из д. Писаревки Клинцовского района М.И. Барабанов в январе 1937 г. при обсуждении на собрании материалов судебного процесса над Г.Л. Пятаковым и другими высказал мнение, что собранию не следует выносить решение о расстреле, т.к. это дело суда. На другом колхозном собрании он говорил, что колхозники мало получают на трудодни и просил пересмотреть план сева как нереальный. Самостоятельность мнений стоила М.И. Барабанову десяти лет лагерей. Такую же меру наказания получил линейный техник Брянского райотдела связи Г.Ф. Федотов, высказавший сожаление в

связи с осуждением М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича и других военных деятелей.

Эта же "вина" плюс негативные суждения о коллективизации сельского хозяйства и государственных займах стали основанием для осуждения к ВМН уроженца д. Лопатни Клинцовского района С.И. Шаройко, работавшего возчиком в Клинцах. К расстрелу был приговорен также уроженец с. Девичье Навлинского района Е.И. Бычков, который во время демонстрации кинофильма "Мы из Кронштадта" высказывал замечания о роли комиссаров в Гражданской войне, о хорошем вооружении у белых и плохом – у краснофлотцев.

Однако одиночные политические дела не позволяли органам НКВД показать перед руководством страны "масштабность" своей работы, и поэтому с осени 1937 г. большая часть осуждённых проходила по делам "антисоветских" организаций и групп.

Одним из наиболее крупных стало дело брянских и дятьковских церковников, по которому было осуждено около 30 человек. Оно, в отличие от большинства других, полностью сфальсифицированных, опиралось на некоторые реальные факты. В конце 1920-х — начале 1930-х гг., когда усилились религиозные гонения, брянские священники и церковный актив, руководимые архиепископами Матвеем (Храмцовым) и Даниилом (Троицким), начали организовываться с целью противодействия антирелигиозным мерам и оказания поддержки репрессированным церковнослужителям и их семьям. К середине 1930-х гг., после смерти обоих архиепископов, наиболее активная организация сохранилась в Дятьковском районе, где её возглавляли благочинный о. Александр Введенский и священник о. Иоанн Клестов. Вынесенный в сентябре 1937 г. приговор оказался весьма суровым: арестованные священники, церковные активисты и даже некоторые просто сочувствовавшие (в их числе — председатель колхоза и два колхозника из с. Бацкино) были приговорены к расстрелу, лишь очень немногие получили по 10 лет лагерей.

Были в это время и другие групповые дела священнослужителей. В антисоветской агитации были обвинены четверо священников Дубровского района, из них о. Леонид Гаврилов из с. Рябчичи и о. Петр Березкин из с. Давыдчичи получили ВМН, а ещё двое – по 10 лет лагерей.

По трем делам религиозного характера, но уже связанным с баптистами-антивоенниками, проходили 13 крестьян из различных селений Трубчевского района (получили по 10 лет лагерей), 13 колхозников Дубровского и Клетнянского районов (четверо приговорены к ВМН, остальные – к 10-летнему лагерному сроку), 18 жителей Почепского района (трое – ВМН, остальные – 10 лет лагерей).

В Комаричском районе действовала официально зарегистрированная община "христиан евангельской веры", руководимая колхозником из с. Глядино Д.И. Писаревым, но летом 1937 г. глава общины и ещё 6 ее членов (в т.ч. – две женщины) были арестованы и в сентябре осуждены на 10 лет лагерей.

Были и просто "контрреволюционные группы". Вот отдельные примеры: 14 уроженцев д. Камень Стародубского района, в основном колхозники, — из них трое осуждены к ВМН, остальные получили по 10 лет лагерей; 12 жителей с. Заборье и д. Медведи Красногорского района — 7 человек (среди них — учитель Заборской школы А.П. Субботин и священник о. Федор Мельников) расстреляны, наказание для остальных — по 10 лет лагерей; 10 жителей Трубчевского района (больше всего — из с. Селец) — семеро получили по 10 лет лагерей, трое (в т.ч. — председатель колхоза "Пламя революции" С.А. Гнедов и священник о. Павел Монастырский) — расстреляны. К числу погибших по последнему делу следует добавить председателя местного сельсовета Леонова, вынужденного под давлением работников НКВД дать фиктивные справки о кулацком происхождении арестованных, а затем вскоре покончившего с собой.

Хотя преобладающую часть арестованных и осуждённых составляли сельские жители (в основном — колхозники), участников "антисоветских групп" активно искали и в городах. К примеру, в сентябре 1937 г. были осуждены на 8-10 лет лагерей пятеро членов "контрреволюционной группы" из числа работников Брянского телеграфа и узла связи. Передопрошенный позже техник Брянского узла связи А.Т. Мальцев заявил, что во время следствия к нему применялись методы физического воздействия, в силу чего он оговорил других арестованных. Техник линейно-технического узла связи С.Д. Сапачев, не признавший себя виновным, при повторном допросе вновь подтвердил, что никакой антисоветской деятельности не вёл, а передопросить начальника ЛТУ связи г. Брянска Д.Ф. Романова, экономиста Брянского телеграфа И.И. Пахомова и механика телеграфа В.И. Юрченко оказалось невозможным из-за их смерти. О степени "вины" этих лиц свидетельствуют хотя бы показания на В.И. Юрченко, который говорил, что "стахановскими методами не улучшили, а ухудшили работу; от увеличения оборотов аппаратуры последняя быстро выйдет из строя" [4].

Наряду с "организациями" и "группами" значительное место по-прежнему занимали политические дела на отдельных лиц. Вот лишь некоторые из тех, кто был осуждён к ВМН в сентябре 1937 г., а позже реабилитирован: колхозники М.Д. Крупянко (д. Ямное Гордеевского района), М.Ф. Соловьев (д. Жастков Суражского района), Т.Е. Щербенко (с. Лобки Погарского района); священники о. Иоанн Болхаревский из с. Высокое и о. Кондратий Корольский из с. Лыщичи Унечского района, о. Дементий Лаврущенко из Новозыбкова и о. Илия Ковалев из Злынки; шорник Новозыбковского сельхозтехникума Г.И. Азбукин, бухгалтер артели "Пищевкус" в Мглине Я.Ф. Подлузский, зав. магазином в д. Деньгубовке Дубровского района А.А. Толкачев, бригадир Чернятинского стеклозавода в п. Старь Дятьковского района Н.А. Федькин. Некоторым из числа расстрелянных в вину ставили "дела давно минувших дней". Так, уроженец с. Перелазы Красногорского района П.Т. Левицкий якобы "имел связь с бандой Савицкого" (абсурдность ситуации заключалась в том, что к моменту гибели руководителя отряда "лесных братьев" А.И. Савицкого в 1909 г. обвиняемому не было и 14 лет); колхозник из с. Нивное Суражского района В.С. Гаврусев был обвинён в принадлежности к партии эсеров, хотя десятью годами раньше он публично в печати заявил об отказе от всех эсеровских идей; старообрядческому священнику о. Иоанну Тиханову из Клинцов вспомнили его осуждение в 1930 г. (фактически за отказ продолжать секретное осведомительство).

Ещё большее количество осуждённых "контрреволюционеров" получило лагерные сроки, причем 8 лет считалось уже лёгким наказанием, а обычным было осуждение на 10 лет лагерей. Такой срок получили, например, рабочий сталелитейного цеха завода "Красный Профинтерн" Н.И. Киреев, рабочий того же завода Сидор Митюрин и его брат Сергей, бывший пастухом, — оба из д. Опыхани Брянского района, рабочий на ст. Унеча К.А. Мытницкий, единоличник из д. Устарь Суземского района И.Т. Солдатенков (отказался от вступления в колхоз и от подписки на заём, умер в местах заключения), колхозник из д. Сельцо-Рудное Жуковского района Д.Е. Тябокин, часто на собраниях критиковавший председателя и членов правления колхоза, которые и сфабриковали на него ложные доносы.

В конце сентября 1937 г. Западная область была разукрупнена, а территория Брянщины оказалась в составе Орловской области. Руководители новой области (председателем Оргкомитета ВЦИК СССР, а затем первым секретарем Оргбюро ЦК ВКП (б) по Орловской области был назначен уже упоминавшийся ранее К.И. Бидинский), естественно, не пытались корректировать в сторону уменьшения имевшуюся разнарядку по политическим делам, а, напротив, стремились проявить свою бдительность и непримиримость к врагам. Об этом свидетельствует происходившее в декабре 1937 г. совещание в Орловском областном управлении НКВД, где начальник управления П.Ш. Симановский, ссылаясь на "личные указания вождя народов товарища Сталина и наркома товарища Ежова", потребовал "разворота активной борьбы с враждебным подпольем", "концентрированного удара по участникам правотроцкистских формирований и их социальной базе", искоренения "недобитых контрреволюционных элементов". В качестве достижения П.Ш. Симановский отметил, что менее чем за два месяца "нами раскрыто 27 церковно-сектантских, фашистско-эсеровских и шпионских организаций, а также 1057 групп" [5].

Среди множества групповых дел, относившихся к последним месяцам 1937 г., были и особо примечательные. По делу "контрреволюционной фашистской организации", якобы существовавшей в Брянске с 1927 г., проходило 15 человек, из которых 8 были офицерами царской армии, а 70-летний П.М. Конопчанский — генерал-майором. Никто из них не был связан с "белым движением"; документов о существовании брянской офицерской организации не обнаружено; большинство арестованных занималось трудовой деятельностью (работали преподавателями, бухгалтерами и т.д.). Приговор отличался жестокостью: лишь двое получили по 10 лет лагерей, а остальные (в т.ч. — П.М. Конопчанский) были расстреляны.

Значительное количество крупных "антисоветских" организаций и групп было "выявлено" (точнее, сфабриковано) в Дятьковском районе. Из проходивших по делу "контрреволюционной террористической эсеровской организации" 10 человек были уроженцами и жителями поселков Ивот и Старь, где большинство работало на местных стеклозаводах, а ещё трое жили в Дятькове и Любохне. Многие из них участвовали в борьбе против царской власти ещё в годы первой русской революции, причём некоторые (В.С. Благодетелев, Н.Ф. Зудкин, Ф.П. Разрезов) были активными социал-демократами, и лишь о Ф.В Карпове из Любохны известно, что он в те годы распространял эсеровские листовки, однако эсеровская организация в посёлке после 1913 г. не существовала. Реальная "вина" этих людей заключалась в том, что они не стеснялись вслух высказывать своё

мнение о существовавших трудностях. К примеру, Н.Ф. Зудкин на одном из цеховых собраний заявил: "Ну какая это жизнь, мы... только... говорим на разных собраниях, совещаниях, заседаниях и т.д. из пустого в порожнее, а дела нет, нет ни хлеба, ни денег, никто не думает обеспечить рабочих, а только собирают собрания... Голодный рабочий работать не может"[6]. Все участники мифической "эсеровской" организации были расстреляны.

В декабре в Дятькове были завершены ещё два больших дела "антисоветских эсерокулацких группировок", по которым в общей сложности проходило 42 человека. Из них около половины работали либо на цементном заводе, либо на Бытошевском стеклозаводе, но были и рабочие других предприятий, и служащие, и железнодорожники, и колхозники, и пенсионеры. Трое из осуждённых получили ВМН, остальные – по 10 лет лагерей.

Крупная "контрреволюционная кулацкая" организация была "разоблачена" в Клетнянском районе. Её участники, 17 уроженцев с. Акуличи, в большинстве своём раньше подверглись раскулачиванию, хотя были середняками. В разговорах они не скрывали недовольства властью за необоснованные репрессии, но антисоветской агитации не вели, почти все работали в колхозе. Большинство из осуждённых попали в лагеря, четверо были расстреляны, в их числе — Н.А. Глушаков, являвшийся первым председателем колхоза.

Восемь жителей с. Бобрик Погарского района проходили по делу о "контрреволюционной кулацкой группе". Лишь один из них получил 10 лет лагерей, остальные были расстреляны (в т.ч. – священник о. Алексий Воскресенский, 73 лет, и учитель местной школы И.И. Мелихов).

Суровым оказался приговор и по делу "контрреволюционной организации правых", по которому проходили в основном уроженцы д. Пластовое Навлинского района, большей частью работавшие в местном колхозе. Руководителем организации был объявлен давний член ВКП (б) Д.Н. Ерохин, имевший высшее образование и являвшийся незрячим пенсионером. Чтобы заставить признать мнимую вину, его допрашивали беспрерывно трое суток. По приговору шесть человек (включая, естественно, и Д.Н. Ерохина) были расстреляны, четверо осуждены на 10 лет.

Вот ещё несколько примеров из числа "контрреволюционных организаций", "созданных" работниками НКВД на территории разных районов в ноябре-декабре 1937 г. Из 14 человек, преимущественно колхозников из д. Фёдоровки и соседней д. Ивановки Гордеевского района, четверо были приговорены к ВМН, остальные – к 8-10 годам лагерей. Столько же расстрелянных оказалось из крестьян с. Лобановки Климовского района, а ещё семеро получили по 10 лет лагерей. Среди 10 колхозников и крестьян-единоличников из нескольких хуторов – Джуровка, Роговичи, Синицкий, Хоткин (Песоцкий), Щербаковка – Погарского района лишь один был осуждён на 10 лет, а остальные – расстреляны.

В ноябре в с. Ляличи Суражского района 17 колхозников оказались зачисленными в "контрреволюционную повстанческую организацию", само название которой не предвещало для этих людей ничего доброго. Только двое из них получили по 10 лет лагерей, а остальные 15 были расстреляны. Семеро репрессированных носили одну и ту же фамилию — Бондаревские. Вскоре к ним добавился ещё один Бондаревский, уехавший из Лялич и работавший на ст. Сураж, но и его настигла высшая мера наказания. В конце декабря ещё пятеро жителей села пополнили список репрессированных: двое были расстреляны, трое попали в лагеря.

Ещё одну "контрреволюционную группу" составили 12 жителей с. Овстуг Жуковского района. В их числе были: Дмитрий Васильевич Киселёв, 1868 г. рождения, работавший сторожем в школе № 2 г. Орджоникидзеграда, а в дореволюционное время бывший овстугским волостным старшиной, избиравшийся гласным уездного земства и депутатом IV Государственной Думы; его братья Семён и Филипп, его сыновья Николай и Пётр, а также несколько их родственников. Восемь участников сфальсифицированного дела (в т.ч. – все Киселёвы) были расстреляны, остальные получили по 10 лет лагерей.

Вообще довольно многие "антисоветские группы" формировались по родственному принципу. Вот лишь отдельные примеры. Жители с. Уручье Выгоничского района Николай Михайлович Солупеев и его сыновья Иван и Сергей составили одну из таких "групп" и были осуждены – отец к ВМН, сыновья – к лагерным срокам. Аналогичная ситуация повторилась с колхозниками из с. Лопатни Клинцовского района, где отец Филипп Иванович Балухто, 1867 г. рождения, был расстрелян, а его сыновья Пётр, Сергей, Федос, Иван, Василий получили по 10 лет лагерей. Иначе обернулась судьба к семейству Трусовых из с. Новосёлки Брянского района, где престарелый отец Павел Ануфриевич был отправлен в лагеря, а его сыновья Егор, Сергей и Михаил — расстреляны. По одному делу проходили колхозники из с. Яловки Красногорского района Иван Кириллович Кузера и его сыновья Евдоким и Василий; все трое были приговорены к

ВМН. Были расстреляны также уроженцы с. Андреевки Гордеевского района Семён Дмитриевич Резников, 1868 г. рождения, и его сыновья Николай (чернорабочий в тресте "Клинсукно"), Иван (директор Смолевичской школы Клинцовского района) и Яков (счетовод Клинцовского текстильного техникума). Уроженцы д. Чемодурово Брянского района Филипп Григорьевич Каменев и его сыновья Павел, Иосиф и Алексей в 1930-е гг. жили в Бежице, где отец, 1867 г. рождения, работал сторожем, Павел и Иосиф трудились на заводе "Красный Профинтерн", а Алексей был шофёром Гортранса. Все были арестованы и осуждены: отец и старший брат – к ВМН, Иосиф и Алексей получили по 10 лет лагерей. К такому же лагерному сроку были приговорены рабочие совхоза "Севский" Кирилл Петрович Изотов и его сыновья Константин и Алексей (из д. Орлия-Слободка).

В делах более крупных "организаций" также нередко оказывались родственники. Например, из 10 репрессированных по одному делу уроженцев д. Перетин Гордеевского района было три брата Шевцовы, два брата Шелепы и два брата Лобановы.

Другая категория лиц проходила по делу, завершившемуся в конце декабря в Стародубе. В основном это были представители местной интеллигенции и служащие. "Антисоветская клевета" со стороны арестованных заключалась в противопоставлении старой России и СССР по обеспечению товарами первой необходимости: "В царское время жилось гораздо лучше, продуктов было достаточно, очередей никаких не было, а теперь сотни человек в очереди, вот и возьми" [7]. По приговору трое (юрисконсульт Стародубской конторы "Росглавплодовощ" Ф.Н. Карловский, зав. делопроизводством райотдела связи А.И. Корейко и счетовод заготконторы райпотребсоюза С.Е. Шумейко) были расстреляны, пятеро были осуждены на десять лет. По 10 лет лагерей получили 6 рабочих разных злынковских производственных артелей, хотя обвинения (включая вредительство) могли иметь и более тяжкие последствия.

Беспощадный характер приняли репрессии против священнослужителей. Например, в Стародубе была "раскрыта" созданная якобы здесь контрреволюционная организация церковников "Истинно-православная вера", в состав которой были включены семь местных священников и священник соседнего с. Дедово. Другая "контрреволюционная" группа из пяти почепских священников, председателя церковного совета почепской Воскресенской церкви, священников сел Семцы и Красная Слобода была "обезврежена" в Почепе. Все 16 проходивших по этим делам лиц были расстреляны. Из "раскрытой" в Клинцах мифической "контрреволюционной организации церковников-старообрядцев" 10 человек были расстреляны и лишь один получил 10 лет лагерей.

Усилились репрессии и против протестантских сект. Из 12 колхозников с. Перелазы Красногорского района, обвинённых в участии в группе евангелистов, семеро были расстреляны, остальные осуждены на 10 лет, хотя из их числа двое вышли из секты ещё десять лет назад, а один вообще в неё не вступал. В д. Алексеевка Клетнянского района было арестовано восемь баптистов. Работник НКВД предложил им отречься от своей веры, пообещав после этого их отпустить. Двое согласились и были освобождены. Остальные отказались, и в результате четверо были осуждены на 10 лет, а двое расстреляны. В декабре 1937 г. были осуждены пятеро баптистов из д. Скоробогатая Слобода Новозыбковского района, ранее добросовестно работавшие в местном колхозе, но тем не менее либо расстрелянные (И.А. Козорез и Г.Л. Савич), либо попавшие на 10 лет в лагеря. Ещё суровее оказался приговор по аналогичному делу колхозников из с. Внуковичи того же района, из которых четверо были расстреляны и только один получил 10 лет лагерей. Из 17 баптистов, арестованных в различных селениях Мглинского района (больше всего — в селах Вормино и Шумарово), 8 человек были приговорены к ВМН, остальные — к 10 годам лагерей.

Значительное место продолжали в конце 1937 г. занимать дела "бывших". По двум из них проходили уроженцы с. Найтоповичи Унечского района, среди которых оказалось и несколько бывших эсеров. Четверо из них за активное участие в первой русской революции были в 1906 г. высланы в отдалённые районы, однако наказание 1937 г., полученное без всякой новой вины, оказалось намного суровее: семь человек было расстреляно (в т.ч. – директор Найтоповичской школы Е.П. Жихарев, счетовод Неждановского сельпо Т.А. Бордачев, фельдшеры Унечской железнодорожной поликлиники Е.С. Семеньков и П.Д. Шпиньков), четверо получили по 10 лет.

Как "бывшие активные эсеры", якобы "проводившие активную контрреволюционную деятельность" [8], были расстреляны жители Мглина учитель И.Д. Воробьев, адвокат М.А. Кореневский, зав. зерноскладом райпотребсоюза А.Ф. Веремьев, колхозник из с. Новая Романовка И.Н. Туйманов.

В ноябре-декабре 1937 г. трижды рассматривались дела о "контрреволюционных кулацко-повстанческих группах" из деревень Щегловка и Печки Навлинского района, по которым

проходило в общей сложности свыше 20 человек. Им вменялась в вину антисоветская агитация и участие в "троцкистско-эсеровском восстании против Советской власти" в 1919 г. [9] (а ведь в то время Л.Д. Троцкий был председателем РВС и возглавлял борьбу Красной армии против белогвардейцев и контрреволюционных мятежников). Из арестованных 13 (из них — пятеро Пуниных, трое — Шишкиных, двое — Косенковых) получили ВМН, 8 — по 8-10 лет лагерей (в т.ч. — трое, которым в 1919 г. было по 9-12 лет).

Бывший полицейский царского времени Р.П. Колупаев, проживавший в Брасово, был с 1919 г. парализован, но в 1937 г. семидесятилетнего инвалида арестовали и расстреляли. По этому же делу проходило ещё 8 колхозников и крестьян-единоличников из д. Осотское и с. Кропотово Брасовского района, получивших по 10 лет лагерей. Примечательно, что из осуждённых Г.Ф. Лебедев был после революции председателем местного комбеда и активно участвовал в организации первых колхозов, а П.И. Молчанов был секретарем комсомольской организации колхоза

Однако далеко не всегда работникам НКВД удавалось "раскрыть" крупные организации или группы, поэтому многие арестованные были осуждены по одиночным делам, значительная часть которых возникала в результате доносов внештатных осведомителей или просто непорядочных людей, сводивших личные счеты.

Чтобы представить себе географию репрессий и лучше уяснить, какие социальные группы населения оказались ими затронуты, перечислим лишь немногих из числа расстрелянных по политическим делам 1937 г.: рабочие завода "Красный Профинтерн" С.В. Зиновкин (из д. Меркульево Брянского района), Г.Н. Новиков (из д. Дятьковичи Жуковского района), И.В. Фокин (из п. Малый Крупец Выгоничского района), рабочий Брянского завода им. Урицкого Е.Ф. Бобков (из с. Верхополье Карачевского района), рабочий Клинцовской фабрики им. Октябрьской революции Н.П. Афанасенко, кочегар фабрики "Волна революции" в Новозыбкове В.П. Дыбенко, Суражских торфоразработок десятник E.A. Бондарев (из Ляличи), "Коммунгражданстроя" в Брянске С.А. Измайлов, каменщик и конюх Творишинского спиртзавода (Гордеевский район) И.Д. Белаш и А.С. Мелешенко, техник по гражданскому строительству в Новозыбкове А.П. Хазанов (уроженец Стародуба), путевой обходчик ст. Дятьково Е.П. Ковылин, старший телеграфист Новозыбковской конторы связи А.Л. Маевский, почтальон из с. Денисковичи Злынковского района С.И. Соколовский, рабочий Чуровичского сельпо Д.В. Ивако (из с. Хоромное Климовского района), продавец Брянторга Н.П. Дроздов (из с. Жирятино), счетовод Мглинского лесхоза А.Л. Лобанов, ведущие научные сотрудники Новозыбковской опытной станции Г.А. Васильев, Н.С. Крючков, Н.К. Успенский, зав. лабораторией новозыбковской фабрики "Волна революции" А.Х. Топоров, ветфельдшер из с. Глинное Навлинского района Е.И. Жилин, санитарный врач И.Я. Комаров (г. Новозыбков), фельдшер из с. Влазовичи Суражского района Д.Ф. Прохоренко, бухгалтер Брянского музыкального училища Н.Д. Руденский, кассир-счетовод Новозыбковского горсовета П.С. Ерченко, школьный инспектор Унечского района М.В. Недбай, директор школы А.И. Каханский (д. Корецкий завод Гордеевского района), учителя Н.Т. Анищенко (с. Манюки Новозыбковского района), А.И. Лукьяненко (с. Ширки Красногорского района), П.И. Величко (с. Хоромное), Ф.П. Кабанов (с. Крапивна), А.Н. Турок (с. Сачковичи) – трое последних работали в Климовском районе.

Помимо рабочих, служащих, представителей интеллигенции, "расстрельные" приговоры по одиночным делам получили также многие колхозники и крестьяне-единоличники. Примеры из числа первых: братья Д.М. и И.М. Зайцевы (с. Серовка Злынковского района), И.Я. Ковалев (с. Пьяный Рог Почепского района), Ф.Л. Коновалов (с. Селечня Суземского района), И.Ф. Коротченко (с. Суворово Погарского района), Н.Г. Кочергин (с. Фошня Жуковского района), С.А. Матюшин (д. Орменка Выгоничского района), И.И. Мотин (с. Акуличи Клетнянского района), Г.В. и Д.И. Сафроновы (д. Шаховка Рогнединского района); из числа вторых: М.В. Жуков (с. Старая Гута Унечского района), М.С. Мазнев (д. Тростная Комаричского района), Е.Г. Менячихин (д. Мареевка Дубровского района), А.И. Попов (с. Душатин Суражского района), М.К. Сидоренков (с. Городище Брянского района), С.А. Тарусов (с. Одрино Карачевского района) и т.д. Встречались среди осуждённых к ВМН и председатели колхозов (С.К. Карпачев из д. Черный Ручей Гордеевского района, Ф.П. Кузнецов из д. Прилепы Дубровского района), и рабочие совхозов (А.Л. Пенязь из с. Душкино Клинцовского района), и даже домохозяйки (Е.Г. Белоусова из Злынки).

Мотивы жестоких карательных мер были чаще всего не в надуманных "контрреволюционных" действиях, а в стремлении властных структур свести счёты с людьми,

пытавшимися хотя бы в чем-то сохранить личную "автономию" и поступать не по указаниям "верхов", а по голосу собственной совести. К примеру, упомянутый С.К. Карпачев был организатором и председателем колхоза, пользовался уважением односельчан, но в 1937 г. "выдал зерно нового урожая в первую очередь колхозникам, потом стал выполнять госпоставки", что было расценено как антиколхозная деятельность и вредительство, хотя сделано это было "не из враждебных намерений, а потому, что у колхозников не было хлеба" [10]. Директор школы А.И. Каханский осмелился выразить возмущение по поводу ареста друга "абсолютно ни за что" [11]. Оба поступка вполне объяснимы и оправданы с позиций человеческой порядочности, но их оценка властью – расстрел.

С особой беспощадностью репрессивная машина ломала жизни священников и других церковников, именуемых обычно в делах "служителями религиозного культа". Помимо уже называвшихся крупных групповых дел, большое количество священнослужителей проходило по делам одиночным или малых групп, и приговоры, как правило, были "расстрельными". Вот некоторые из священников, осуждённых к ВМН в последние месяцы 1937 г.: о. Сергий Космодамианский – Тихвинская церковь в г. Брянске, о. Григорий Морозов – г. Карачев, о. Иоанн Китович – г. Новозыбков, о. Антоний Соболев – п. Алтухово Навлинского района, о. Николай Богоявленский – с. Княвичи и о. Феодор Яковлевский – с. Высокое Жирятинского района, о. Иоанн Никольский – с. Нарадовка Дубровского района, о. Георгий Комиссаров – с. Лубошево и о. Матвей Воинов – с. Глядино Комаричского района, о. Иоанн Боровиков – с. Баклань Почепского района, о. Лев Тополь – с. Городише Погарского района, о. Григорий Рубан – с. Осколково, о. Михаил Лисовский – с. Нижнее и о. Сергий Козьминский – с. Дохновичи Стародубского района, о. Климентий Шутов – с. Красновичи Унечского района, о. Сергий Головачевский – с. Шумарово Мглинского района, о. Феодор Лебедев - с. Туросна Клинцовского района, о. Константин Полегонько – с. Николаевка Красногорского района, о. Николай Красногорский – с. Новый Ропск Климовского района, о. Анатолий Ковч – с. Денисковичи и о. Михаил Бекаревич – с. Добродеевка Злынковского района, о. Василий Виноградский - с. Новые Бобовичи, о. Леонид Щегловитов - с. Деменка, о. Николай Розанов - с. Старый Кривец, о. Павел Бугаевский - с. Верещаки и о. Порфирий Федотенко – с. Синий Колодезь Новозыбковского района.

Не всегда спасал и отказ от религиозной деятельности. Бывшие священники Ф.Е. Торлин (позже — врач в Новозыбкове), С.И. Чаусов из г. Трубчевска (перед арестом — сцепщик в транспортном цехе завода "Красный Профинтерн"), уроженец с. Кашово (Жирятинский район), перед арестом работавший бухгалтером Унечского леспромтоварищества И.П. Томашевский, Е.Н. Крыловский из с. Стригово Почепского района (позже — колхозник), В.В. Митропольский из с. Кабаличи Брянского района, занимавшийся извозом на собственной лошади, — все они также попали в число расстрелянных.

Ещё большее количество жителей Брянщины было осуждено по политическим обвинениям к длительным лагерным срокам. В числе осуждённых было немало руководителей среднего звена, выдвинувшихся уже при советской власти. Но и среди этих лиц искали и находили "врагов", чаще всего – "вредителей".

Один из примеров – дело директора Красногорского райпромкомбината С.Н. Лукьянова. Выходец из середняков с. Колюды, он организовал машинное товарищество, которое в 1929 г. вошло в колхоз, председателем которого С.Н. Лукьянов был в течение пяти лет, затем был выдвинут на должность председателя сельсовета и, наконец, – директора РПК. Но ложные свидетельские показания сделали свое дело, и жизнь С.Н. Лукьянова оборвалась в лагере в 1942 г. Тот же набор обвинений (вредительство, антисоветская и антиколхозная агитация), та же мера наказания (10 лет лагерей) были определены ещё одному из местных руководителей Красногорского района – Д.Г. Протасову, родившемуся в с. Перелазы, работавшему председателем Колюдовского сельсовета, а затем – председателем колхоза в с. Лотаки.

Вообще председательская должность в колхозах того времени была не только беспокойной, но и опасной. Легко было в чем-то не угодить начальству, нажить недоброжелателей среди колхозников, а хозяйственные трудности всегда могли стать поводом для обвинения во вредительстве. Поэтому среди репрессированных в последние месяцы 1937 г. оказалось немало председателей колхозов: Д.Ф. Астахов из д. Заустье и П.И. Демидов из д. Старое Колышкино Дубровского района, А.Е. Гончаров из с. Семки Мглинского района, И.И. Коробов из п. Заречье и И.А. Тюрин из с. Речица Жуковского района, И.К. Михалев из д. Высокое Рогнединского района, С.К. Семыкин из с. Гапоново Севского района, Ф.В. Шлык из п. Мизиричи Клинцовского района, М.Т. Воронин из д. Севрюково Брянского района. Последний был бессменным председателем

колхоза с 1932 г. по 1937 г., вывел его в передовые, но, активно укрепляя дисциплину, борясь с лодырями, пьяницами, расхитителями колхозного имущества, нажил недоброжелателей.

Из других лиц, получивших в конце 1937 г. лагерные сроки, заслуживают упоминания секретарь парткома торфопредприятия "Оболешево" И.М. Соловьев (Клинцовский район), преподаватель Клинцовского текстильного техникума Ю.К. Пустовойтов, техник-лесовод Севского лесхоза К.И. Якубовский, технолог Дятьковского хрустального завода В.Э. Гурский, ст. землеустроитель Дубровского райзо В.П. Кулдыкин, дежурный по ст. Карачев В.И. Василевский, агроном Злынковской МТС А.Н. Телешко, машинист ст. Унеча Г.К. Кондратенко, киномеханик М.В. Макеенко (п. Климово), главный бухгалтер Дубровского отделения Госбанка Б.Ю. Чертков, колхозник, один из организаторов колхоза в с. Старый Вышков (Новозыбковский район) Л.Г. Выкочко, учителя Н.А. Ефименко (Струговобудская школа Гордеевского района), Д.В. Лавочкин (Рябчевская школа Трубчевского района). В.Л. Лобанов (Вьюковская школа Суражского района). П.Ф. Сазонов (Тимоновская школа Брянского района), учительница школы рабочей молодежи П.П. Дроздова и медсестра К.А. Понизовская (обе из Клинцов), директора школ И.С. Ладнюк (с. Кистер Погарского района) и Г.И. Сысоев (п. Ржаница Жуковского района), а также многие другие. Ложные показания на директора Ржаницкой школы дал его коллега, сам стремившийся стать директором; доносы на И.С. Ладнюка, пользовавшегося доверием односельчан, избравших его председателем ревизионных комиссий в колхозе и сельпо, были написаны прежними руководителями, снятыми с работы за злоупотребления, вскрытые после проведенных ревизий.

К сожалению, никаких публикаций об общем количестве жителей Брянщины, репрессированных в 1937 г. (как, впрочем, и в другие годы), не появилось, но представить себе это число всё-таки можно. На территории Орловской области с 5 августа по 27 декабря 1937 г. было осуждено по политическим делам 17015 человек, из них по г. Брянску – 1083, по г. Новозыбкову – 990, по г. Клинцы – 796, по г. Орджоникидзеграду – 692, по Карачевскому району – 447, по Дятьковскому району – 375 (эти шесть городов и районов входили в первую десятку по количеству репрессированных в Орловской области) [12]. Если к этому добавить 1132 человека, осуждённых "тройкой" по Орловской области 28-29 декабря, то окажется, что только за августдекабрь 1937 г. в области было репрессировано свыше 18 тысяч человек, [13] из которых на Брянщину приходилось, вероятнее всего, более 10 тысяч.

Если последняя декада 1937 г. была для "тройки" по Орловской области временем "штурмовщины" (было осуждено свыше 3,7 тысяч человек, из них свыше 900 – к ВМН), то начало 1938 г. оказалось значительно спокойнее. Крупный московский политический процесс (над Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и другими) уже не сопровождался отголосками на местах. Более того, в январе 1938 г. в решении Пленума ЦК впервые было сказано о коммунистах-карьеристах, которые, применяя "огульные репрессии", сеют "излишнюю подозрительность".

Движение маховика репрессий замедлилось, но окончательного изменения ситуации ещё не наступило. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт: все 315 осуждённых в феврале 1938 г. "тройкой" по Орловской области получили ВМН [14]. Среди них было немало жителей Брянщины.

В их числе оказалось восемь человек из Клинцов, в основном – местные уроженцы, являвшиеся служащими или хозяйственниками. Так, М.В. Марков работал начальником отдела капитального строительства фабрики им. Октябрьской революции, Д.Г. Петухов – прорабом стройотдела Клинцовского суконного треста, М.М. Курочкин – инспектором горфинотдела и т.д. Ещё в 1930-1931 гг. пятеро из них арестовывались и обвинялись в создании контрреволюционной офицерской организации, но доказательств вины не нашлось и дело было прекращено. Хотя позже никаких новых "прегрешений" с их стороны не проявилось, в конце 1937 г. о деле вспомнили и, усилив формулировку ("диверсионно-террористическая группа"), подвели всех участников "группы" под расстрел.

Но большинство февральских "расстрельных" дел были одиночными. Например, житель с. Лопушь (Выгоничский район) К.Г. Лысов работал зав. пунктом "Заготлен", пользовался авторитетом среди односельчан, избравших его в ревизионную комиссию колхоза. В ходе проверки К.Г. Лысов вскрыл злоупотребления председателя колхоза, который был освобожден от работы и "отплатил" ложными показаниями на своего "обидчика". Основная же часть подобных дел была просто сфальсифицирована работниками НКВД. Так, рабочий завода "Красный Профинтерн" И.Г. Захаров был объявлен ими сыном кулака, хотя в реальности его отец являлся членом ВКП (б), а к кулакам можно было отнести лишь его деда, владевшего ветряной мельницей, но и та была своим владельцем добровольно передана в колхоз. Сам же И.Г. Захаров отнюдь не

занимался антисоветской пропагандой, а был активным комсомольцем, не раз премировался за стахановскую работу. В числе расстрелянных в феврале 1938 г. были рабочие бежицких заводов П.И. Горшечников, А.И. Корнеев, отец и сын Г.Ф. и Е.Г. Рассоловы, диспетчер ст. Брянск-II В.И. Кудинов, экспедитор Дятьковского хрустального завода А.Н. Дмитриевский, счетоводы А.П. Ласкавый (ст. Унеча) и Д.И. Чернов (Новозыбковский пищекомбинат), колхозный пчеловод из с. Дубровки Суражского района И.З. Арефин и многие другие.

Большое количество дел, подготовленных на местах, затем рассматривалось Особым совещанием при НКВД. Приговоры по ним были, как правило, заметно мягче: 5-10 лет лагерей. Значительный процент из числа осуждённых Особым совещанием в 1938 г. составляли выходцы из соседних с Советским Союзом государств (Польши, Литвы, Латвии, Эстонии), а также немцы и, отчасти, белорусы. Эта же тенденция стала очень заметной и в приговорах "тройки" по Орловской области осенью 1938 г. (весной-летом она. к счастью, практически бездействовала). В числе осуждённых на 5, 8 или 10 лет лагерей оказались поляки Э.И. Маевский, Р.А. Петровский, И.Ф. Ястржемский (все они работали в депо ст. Жуковка), кузнец Брянского завода им. Кирова И.С. Жарняк, преподавательница пения Р.Э. Скиргелло из Новозыбкова; латыши Г.Г. Лемеш, К.М. Шварц (шоферы Клетнянского лесокомбината, оба погибли в лагерях), машинист экскаватора Олсуфьевского железнодорожного карьера (Жуковский район) Ю.К. Петерсон, зав. Почепским райзо Э.И. Рудзит, директор Чуровичской МТС (Климовский район) К.П. Симобредис, зав. складом в Брянске И.А. Абель (уроженец с. Новоселки Брянского района); белорусы Е.М. Кунторос, мастер Клинцовской фабрики им. Ленина, и В.И. Родоман, главный бухгалтер Жуковского шпалопропиточного завода; литовец И.И. Норейко, механик Новозыбковской электростанции; немец А.Г. Герман, мастер Бежицкого сталелитейного завода, и т.д. Были среди лиц этой категории и приговоренные к ВМН: эстонцы У.И. Клейн, рабочий завода "Красный Профинтерн", и М.И. Рейтов, счетовод колхоза в д. Удолье (Трубчевский район); латыш А.Я. тракторист Дубровской МТС; поляк П.П. Рацько, экспедитор Миллис. крахмалопаточного комбината; немец Е.Е. Классен, зав. лабораторией фабрики им. Дзержинского в Клинцах, а также главный бухгалтер Навлинского райпотребсоюза П.М. Никитин и ветфельдшер в Погаре Ф.Ф. Степанов, оба русские, но родившиеся соответственно в Ковно и Риге и поддерживавшие связь со своими родственниками за границей. Стандартными обвинениями для большинства были антисоветская пропаганда, восхваление порядков в буржуазных странах, иногда – шпионаж в пользу иностранных государств.

Среди репрессированных в 1938 г. были, естественно, не только "иностранные агенты", но и другие "враги народа". В их число попали преподаватель Новозыбковского сельхозтехникума П.З. Босяк, военрук Клинцовского текстильного техникума А.В. Князев, адвокат при Погарском нарсуде Е.С. Руденок, директор школы в с. Дубровка Новозыбковского района В.А. Пыленок, учительницы школ г. Новозыбкова Б.А. Слоним-Хазанова и Е.С. Хмельницкая и многие другие.

И всё же с ноября 1938 г. перелом в ситуации наметился окончательно. Были распущены "тройки", практически бесконтрольно проводившие "массовые чистки". Резко сократилось количество дел по политическим мотивам. Если в 1937 г. только в октябре-декабре в Орловской области было осуждено по 58 статье свыше 13,3 тысяч человек (из них 3247 – к расстрелу), в 1938 г. число осуждённых составило около 3,3 тысяч человек (из них 797 – к ВМН), то за 1939-1940 гг. было осуждено 1830 человек (из них расстреляно четверо) [15]. С 1939 г. начали пересматриваться многие прежние дела и была освобождена часть ранее осуждённых. Одновременно немалое количество работников НКВД было либо осуждено, либо уволено, но вряд ли правомерно рассматривать это как законное возмездие за массовую фальсификацию дел, за применение недозволенных методов ведения следствия и т.п. В НКВД шла смена одной "команды" (Н.И. Ежова), сделавшей свое "грязное" дело и на которую теперь можно было списать все "перехлесты" репрессий, новой "командой" (Л.П. Берии), при которой нарушения законности не прекратились совершенно, но стали значительно менее масштабными. На местах также убирались наиболее одиозные фигуры. В частности, были осуждены и расстреляны бывший начальник Управления НКВД по Орловской области П.Ш. Симановский, бывший начальник Новозыбковского отдела НКВД А.К. Русских, ещё несколько лиц; немало начальников, следователей и других работников райотделов НКВД получило лагерные сроки.

Однако и после ликвидации "ежовых рукавиц" основная часть безвинно осуждённых продолжала свое лагерное пребывание вместе с действительными преступниками из уголовного мира, а пересмотр дел носил далеко не полный и не до конца объективный характер.

К примеру, в 1937 г. в Севске были арестованы председатель райисполкома М.П.

Кондратенко и 5 ведущих специалистов сельского хозяйства района, которых обвинили во вредительстве. К счастью для обвиняемых, дело рассматривалось не "тройкой", а Орловским областным судом, по приговору которого в ноябре 1937 г. М.П. Кондратенко и ещё трое были приговорены к ВМН, а двое получили 10 и 15 лет лагерей. Однако коллегия Верховного Суда РСФСР отменила этот приговор, направив дело на доследование. К числу обвиняемых был добавлен бывший первый секретарь Севского райкома партии Д.Х. Вол. В конце концов решением Особого совещания при НКВД в октябре 1940 г. двое "вредителей" были оправданы, Д.Х. Вол и М.П. Кондратенко осуждены на срок их фактического предварительного заключения и также освобождены, а трое специалистов-ветеринаров получили по 8 лет лагерей.

Главной фигурой дела о "контрреволюционной эсеровской группе" в Карачеве был учитель местной школы Н.И. Ходотов, вместе с которым в сентябре 1937 г. было арестовано ещё пять человек. Поскольку дело было "липовым", подготовка материалов по нему затянулась и лишь в мае 1939 г., когда волна репрессий пошла на спад, участники мифической "группы" были осуждены Орловским областным судом на 5-10 лет лагерей. Верховный Суд РСФСР отменил это решение и направил дело на повторное рассмотрение, в ходе которого версия о контрреволюционной эсеровской организации отпала, а большинство прежних обвиняемых стали свидетелями. Лишь Н.И. Ходотов, являвшийся одним из руководителей местного отделения эсеровской партии в 1917-1918 гг., несмотря на непризнание своей вины и на благоприятные для него показания свидетелей, был в феврале 1940 г. осуждён Особым совещанием на 5 лет лагерей.

События 1937-1938 гг. оставили на Брянской земле горький след ещё и потому, что в числе репрессированных оказались многие уроженцы нашего края, которые в эти годы жили и работали за его пределами. Среди тех, чьи жизни оборвались в 1937-1938 гг., были и достаточно известные крупные партийные, советские, военные и хозяйственные руководители (Н.М. Голодед из д. Старый Кривец Новозыбковского района, М.А. Демичев из д. Куприно Карачевского района, П.Е. Дыбенко из с. Людков (ныне – часть г. Новозыбкова), А.Н. Медведев из Бежицы, Н.П. Чаплин из Рогнедино, а также длительное время жившие и работавшие на Брянщине Н.И. Иванов, Г.П. Киреев, Н.А. Кубяк), и отдельные видные деятели, до сих пор остающиеся почти не замеченными (например, начальник связи нескольких фронтов в годы Гражданской войны, работавший в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. начальником Военно-технического управления и Управления связи РККА, а с 1935 г. — зам. наркома связи СССР Николай Михайлович Синявский, родившийся в 1891 г. в Брянске и расстрелянный в 1938 г.) [16], и многие другие наши земляки.

Были в их числе и старшие офицеры (уроженец с. Княжичи Жирятинского района полковник Н.П. Рогожин, начальник штаба механизированной бригады; уроженец с. Авчухи (ныне с. Верхнее Брасовского района) Я.А. Локтюшин, начальник штаба одного из полков на Дальнем Востоке), и руководящие работники на производстве (уроженец Суража Г.Р. Глезер, директор танкостроительного завода № 104; его земляк Т.М. Коржиков, начальник строительства завода "Карболит" в г. Орехово-Зуево Московской области; уроженец Бежицы К.В. Жаков, начальник технического отдела Тульского оружейного завода; уроженец с. Телятниково Брасовского района И.М. Богоявленский, старший бухгалтер завода "Главлегмаш" в Орле), и представители интеллигенции (молодой талантливый поэт В.Ф. Губарев из Новозыбкова, живший последние годы на Южном Урале; родившаяся в Карачеве сотрудница музея П.А. Кропоткина в Москве А.А. Солонович; уроженец с. Журавка Навлинского района С.А. Духанов, зав. Ливенской межрайонной ветбаклабораторией в Орловской области; уроженец с. Ревны того же района А.Д. Добродеев, работавший учителем в Орле; его коллега по работе и жительству И.В. Преображенский из с. Ямное Суземского района), и многие другие.

Особенно велико среди расстрелянных земляков число священнослужителей. Вот лишь те из них, кто жил до 1937 г. на территории Орловской области, исключая Брянщину: о. Иосиф Боголюбский из Брянска, о. Андрей Максаков из с. Авчухи Брасовского района, о. Павел Мезенцев из Выгонич, братья о. Александр и о. Порфирий Преображенские из с. Шарово, о. Михаил Езерский из с. Бобрик и о. Павел Турбин из с. Евдокимовки Комаричского района, о. Иоанн Рождественский из с. Княгинино и о. Федор Болотов из с. Хвощевки Севского района [17]. В этот список, конечно, далеко не полный, необходимо внести также расстрелянного в 1937 г. в Карагандинском концлагере и причисленного к лику священномучеников епископа Стародубского Дамаскина (Дмитрия Дмитриевича Цедрика), ранее неоднократно арестовывавшегося и судимого (в т.ч. – в Стародубе в 1930 г.) [18].

В заключение приходится признать, что за последние годы всё слышнее голоса тех, кто пытается взять своеобразный "реванш" и пересмотреть сложившиеся оценки истории России в

советское время (включая 1930-е гг.), вернувшись по сути к схеме "Краткого курса истории ВКП (б)". Под пером этих авторов трагические события 1937-1938 гг. рассматриваются либо как результат "перехлестов" в деятельности органов НКВД при Н.И. Ежове, либо как "очищение" партии и страны от тех теоретиков и пропагандистов "мировой революции", которые так и не научились быть хорошими организаторами и хозяйственниками, превратившись во вредный балласт (отдельные из авторов делают упор на "очищении" партийно-государственного аппарата от еврейского элемента, как необходимом условии перехода от политики интернационализма к патриотической линии), либо даже ставят эти события в прямую заслугу И.В. Сталину, уничтожившему будущую "пятую колонну" накануне войны. Ориентируясь на значительную часть россиян, которая испытывает глубокую неудовлетворенность современным состоянием страны и общества, массовыми проявлениями произвола, коррупции, преступности и т.п. и определённую ностальгию по "сильной руке", способной остановить подобный разгул, эти авторы вновь поднимают на щит "великого вождя" И.В. Сталина и громят как "врагов России" его политических противников и оппонентов. К такой позиции оказываются близки и ортодоксально мыслящие коммунисты, и "патриоты"-монархисты, и даже пресловутый В. Суворов.

В плену подобной односторонней логической схемы оказался и такой яркий и эрудированный мыслитель, как В.В. Кожинов. Изданная посмертно его книга "Правда сталинских репрессий" (вызывающим является само её название) содержит немало любопытных фактов, стилистически острых формулировок и внешне убедительных логических построений, но является, к сожалению, не объективным трудом историка-профессионала, а скорее работой исторического публициста, увлечённого собственной интерпретацией событий.

Главный недостаток книги В.В. Кожинова в характеристике событий 1937-1938 гг. – преимущественное внимание "делам" верхушечных слоев партийной, советской, военной, чекистской, культурной и прочих "элитарных" групп, а не скрупулёзное рассмотрение материалов по основной массе репрессированных. Это привело автора к глубоко ошибочному выводу, что " в 1937 г. "мишенью" были те, кто располагал какой-то долей политической или хотя бы идеологической власти – прежде всего члены ВКП (б)" и что "исходя из этого уместно говорить о тогдашней "трагедии партии", но не о "трагедии народа" [19].

Приведённые ранее многочисленные примеры о составе репрессированных на Брянщине, а также аналогичные данные по Орловской, Смоленской областям и другим территориям опровергают главный вывод В.В. Кожинова. Репрессии 1937-1938 годов стали настоящей "трагедией народа", а не только основной части его прежних руководителей. Простые крестьяне, рабочие, служащие, трудовая интеллигенция составляли подавляющее большинство репрессированных в то время. Можно попытаться объяснить эти репрессии, но нельзя ради обеления "великого вождя советского народа" их оправдывать.

Несомненно, что фигура такого крупного политического деятеля как И.В. Сталин заслуживает пристального внимания, но не апологии, граничащей с идолопоклонством, а объективного изучения, без передёргивания и фальсификации фактов, без умолчания о трагической ломке судеб миллионов наших сограждан, в т.ч. – десятков тысяч жителей Брянщины, на себе испытавших репрессии сталинского времени. Молчать об этом – значит соглашаться с совершёнными преступлениями.

Литература

- 1. Платунов Н.И. Расселение и использование труда заключенных в 1930-е гг. // Проблемы истории советского государства и общества. Брянск, 2002. С. 143; Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 157.
- 2. ГАБО, ф. 2213, оп. 8, д. 98, л. 103. (Далее при ссылках на дела этого фонда название архива, номер фонда и описи не указываются).
  - 3. Роговин В.З. Партия расстрелянных. М., 1997. С. 10-11.
  - 4. Д. 131, л. 64.
- 5. Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т. 2. Орёл, 1995. C. 28.
  - 6. Д. 138, л. 174.
  - 7. Д. 104, л. 153.
  - 8. Д. 138, л. 267.
  - 9. Д. 186, лл. 186, 335, 366.

- 10. Д. 129, л. 68.
- 11. Д. 117, л. 102.
- 12. Реквием. Книга памяти... Т. 1. Орёл, 1994. С. 10.
- 13. Реквием. Книга памяти... Т. 3. Орёл, 1996. С. 50.
- 14. Там же. С. 50-51.
- 15. Там же. С. 49.
- 16. Черушев Н.С. Удар по своим. Красная Армия 1938-1941 гг. М., 2003. С. 69.
- 17. Сведения об уроженцах Брянщины, репрессированных за её пределами, см.: История Брянского края. XX век. Под ред. В.В. Крашенинникова. Клинцы, 2003; Расстрельные списки. Т.1. Донское кладбище. М., 1993; Реквием. Книга памяти... Тт. 1-3.
- 18. Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 7. Тверь, 2002. С. 388-389; Пуцко В.Г. Глуховский епископ Дамаскин // Московский журнал. 2002. № 10. С. 45-50; Д. 195, л. 253.
  - 19. В.В. Кожинов. Правда сталинских репрессий. М., 2005. С. 411-412.

/ Боль и память [Электронный ресурс] : материалы краеведческих чтений. — Электрон. дан. – Брянск : БОНУБ, 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-R80).

1937 год в Дятьковском районе

В отечественной исторической, публицистической и художественной литературе, написанной в последние десятилетия и посвященной общественно-политической ситуации в СССР в 1930-е гг, нередко сравниваются и порой противопоставляются друг другу два наиболее трагических отрезка этого десятилетия: начало 30-х гг., время «великого перелома» в деревне, и 1937-1938 гг., время «ежовщины».

Если первый период, связанный с раскулачиванием, оценивается чаще как трагедия русской деревни, то жертвы второго у некоторых «второе не вызывают особого сочувствия, поскольку их гибель или лагерные страдания рассматриваются как своеобразное историческое возмездие за все, совершенное ими (или их отцами) в годы «красного террора» и «великого перелома».

На наш взгляд, такой подход объясняется скорее эмоциями, чем исторической объективностью. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, можно все - таки отметить, что хотя масштабы борьбы с кулаками и «подкулачниками» были шире, а общее количество репрессированных (включая их семьи) составляло за первую половину 30-х гг. более 5 млн. человек, тяжесть карательных мер в 1937-1938 гг. была не соизмерима с карательской практикой начала 30-х гг. Из полутора с лишним миллионов репрессированных в 1937-1938 гг. более 40% было расстреляно, а основная часть остальных на 8-10 лет запрятана в лагеря, откуда большинство их уже не вернулось. Это все-таки не равнозначно применявшейся к кулакам высылке, даже с учетом неблагоприятных условий в районах, куда отправляли раскулаченных.

Следует иметь в виду, что в 1930-1931 гг. репрессивные меры судебных органов применялись в большинстве случаев к людям, действительно выражавшим свое несогласие с партийно-государственной политикой в деревне, свое недовольство произволом, что давало властям основание квалифицировать эти проявления недовольства как антисоветскую и антиколхозную агитацию, определяя в качестве меры наказания 3-5 лет лагерей или такой же срок высылки в Северный край и другие подобные места. В 1937 г., особенно к концу года, ситуация была другой. Люди боялись открыто проявлять свое недовольство и поэтому большинство дел было или просто сфальсифицировано работниками органов НКВД, или подготовлена по доносам (нередко инициированных теми же работниками). Были явно ужесточены и меры наказания по политическим делам. «антисоветскую агитацию» (под этот термин можно было подогнан. все, что угодно) в первой половине года еще давали обычно 5 лет лагерей (хотя иногда наказания были более суровыми), в последние же месяцы 1937 г. наиболее обычными мерами наказания были лет лагерей или расстрел (8 лет лагерей считалось уже снисхождением). Наконец, еще одно предварительное соображение. Карательные меры в 1937 г. испытали на себе не только руководители высших и местных партийных, советских, хозяйственных и прочих органов абсолютное большинство репрессированных и в это время составил рядовые рабочие, крестьяне, представители трудовой интеллигенции. Данные по Дятьковскому району наглядно подтверждают тенденцию.

Основным источником для настоящего сообщения некоторые материалы Государственного архива Брянской области, а первую очередь, - закрытые ранее дела, содержащие постановлении президиума Брянского областного суда о реабилитации граждане обоснованно осужденных за так называем «контрреволюционные» действия. Фонд этот не слишком обширен по количеству дел, но почти каждое содержит сведения о многих десятка и сотнях несправедливо осужденных, а затем реабилитированных. Эти дела, естественно, не дают исчерпывающих сведений обо всех репрессированных по обвинениям политического характера, но общую картину «ежовщины» на территории Брянского края, включая Дятьковский район, они позволяют восстановить.

Своеобразный толчок для расширения репрессий в отношении инакомыслящих был дан в августе 1936 г., когда в ходе процесса над «троцкистско-зиновьевским центром» были обвинены в антисовет шпионской, вредительской и террористической деятельности и расстреляны все 16 привлеченных к нему лиц, в том числе так видные деятели партии и Советского государства, как Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, И.Н. Смирнов и др.

Поиски «недобитых троцкистов» начались по всей стране, миновали они и Брянщину. В Дятьковском районе главным «гнездом» политических противников И. В. Сталина, по версии карательных органов, оказался поселок Бытошь. Оба обнаруженных политических дела по Дятьковскому району за вторую половину 1936 г. относятся бытошским «троцкистам».

По «делу 11-ти» были в основном привлечены работники Бытошского стекольного завода (4 мастера, 3 резчика стекла, газовщика), а также парторг на строительстве школы в поселке Бытошь Кирилл Павлович Медведев и заведующий сберкассой в городе Брянске Алексей Еремеевич Ерохин (оба родом из Бытоши). Состав осужденных по «делу 6-ти» был более пестрым: два резчика стекла Бытошского стеклозавода, заведующий плановым отделом и рабочий металлист Бытошского чугунолитейного завода, экономист торфопредприятая в поселке Бытошь, заведующий нефтебазой местной МТС.

Все они обвинялись в том, что в 1927 г. входили в состав троцкистской группы (в одном случае в качестве руководителей группы назывались И.С. Курков и Р.А. Ващекин, по делу не проходившие; в другом случае упомянута просто «контрреволюционная троцкистская группа»). В ходе проведенной в конце 50-х гг. перепроверки никаких материалов, подтверждающих существование в Бытоши организационно оформленных троцкистских групп, не обнаружено.

Осужденные отмечали, что печатавшиеся в «Правде» сообщения о партийных дискуссиях 1927 - 1928 гг. членами партии (а все осужденные были ими) активно читались и обсуждались. Вполне естественно, что некоторые взгляды «левой оппозиции» могли находить определенную поддержку. Разделение осужденных на два дела было произведено дятьковскими работниками НКВД, скорее всего, для формального увеличения результатов своей работы, причем делалось это кое-как. К примеру, родные братья Иван и Давыд Сергеевичи Варфоломеевы, оба из деревни Каменка Рогнединского района, работавшие резчиками стекла на Бытошском стекольном заводе, проходили по двум разным делам.

Среди осужденных были представители технической интеллигенции, но не дореволюционной, а получившей высшее образование уже в советское время (зав. плановым отделом чугунолитейного завода Николай Сергеевич Родатов, экономист Михаил Сергеевич Шевелев), работники среднего звена (мастера Григорий Акимович Иванов из Бытоши, Алексей Иванович Ивченков из соседней деревни Сельцо, братья Иван и Василий Тимофеевичи Алексеевы родом из Стеклянной Радицы), но основную часть составляли кадровые рабочие из Бытоши, Чернятич, Стеклянной Радицы, Щеткина Бора - тех мест, где имелись заводы, на которых, скорее всего, работали еще их отцы.

Большая часть бытошских «троцкистов» была осуждена на 5 лет лагерей, некоторые - на 3 года. Как сложились судьбы большинства дальше, неизвестно. Вернулся в Бытошь осужденный на 3 года рабочий чугунолитейного завода М.Н. Смирнов, к моменту реабилитации жил в Воркуте М. С. Шевелев. С нею оказались связанажизнь еще одного осужденного - Ивана Егоровича Овчиникова родом из д. Старая Рубча, работавшего в 1936 г. зав. нефтебазой МТС, получившего 5 лет лагерей и оказавшегося в Воркуте. Хотя в 1941 г. он отбыл свой лагерный срок, но поскольку началась Великая Отечественная война, был оставлен в «Воркутастрое» на положении заключенного. В 1944 г. И. Е. Овчинникову по доносу «стукачей» добавили еще 6 лет лагерей «за антисоветскую агитацию... среди заключенных» и «клевету на карательную политику Советского Союза» Досрочно освобожденный за ударный труд, он вернулся в родные места, поселился в деревне Савчино и устроился работать в колхоз им. Ильича. Но пребывание его здесь оказалось не долгим: в сентябре 1949 г. он вновь был арестован (без всякой новой вины) и отправлен на

поселение в Красноярский край.

Когда осенью 1936 г. новым руководителем НКВД был назначен Н. И. Ежов, то на первых порах это не повлияло на активность местных органов по разоблачению «врагов народа». Основное внимание нового руководителя НКВД (действовавшего, впрочем, не столько по собственной инициативе, сколько по указаниям И.В. Сталина) было направленно на подготовку и проведение новых громких политических процессов: «параллельного троцкистского центра» (Ю.Л. Пятакова, Г.Я. Сокольникова, К.Б. Радека, Л.П. Серебрякова, Н.И. Муралова и др.) в январе 1937 г. и «троцкистской военной организации» (М.Н. Тухачевского, И. И. Уборевича, И. Э. Якира, А.И. Корка и др.) в июне 1937г.

Поиски «троцкистов» продолжались и на местах. В начале 1937 г. на 5 лет лагерей был осужден бытошский стеклодув А. Г. Григорьев. Хотя он никогда не состоял в каких- либо троцкистских группах, его «вину» удалось «обнаружить». Оказывается, он в 1927 г. участвовал в забастовке на Бытошском заводе; выступая на рабочих собраниях, требовал повышения заработной платы, порой защищал троцкистов словом, «состав преступления» был налицо.

Поскольку реальных «троцкистов» найти не удавалось, начальник Дятьковского РО НКВД Стриго пошел на провокацию. По его заданию тайные сотрудники НКВД М.М. Косарев и И.И. Абрамов начали Б беседах с другими людьми распространять троцкистские взгляды, чтобы выявить сочувствовавших им. Так удалось «раскрыть» (точнее, придумать) еще одну «контрреволюционную троцкистскую организацию», правда, состоявшую всего из трех человек: двух резчиков стекла Бытошского стеклозавода Д. Н. Глыбовского и П. Ф. Парфиненко, а также уроженца Бытоши, работавшего формовщиком Любохонского завода В. С. Лапина. Все они в июле 1937 г. получили по 5 лет лагерей.

В августе - начале сентября 1937 г. на такой же срок были осуждены Б. Е. Андреев, 1908 г. рождения, и К. А. Степичев, 1905 г. рождения. Первый из них в 1927 г. работал в Брянском губернском статистическом комитете, был вовлечен в руководимую Невструевым троцкистскую группу, но контактировал с ней недолго. В1929 г. вступил в ВЛКСМ, в середине 30-х гг. вплоть до своего ареста работал заведующим Дятьковскрй райсберкассой. К.А. Степичев в 20-е гг. работал на Людиновском машиностроительном заводе, был членом партии. В 1928 г. на одном из партийных собраний проявил примиренческие настроения по отношению, к троцкистам, за что ему было в партийном порядке поставлено на вид. В дальнейшем он твердо держался партийной линии и в 1935 г. уже работал парторгом дистанции пути на ст. Дятьково. Когда начались поиски «троцкистов», К.А. Степичеву вспомнили его прежние колебания, исключили из партии и оправили в лагерь, хотя никаких проявлении антисоветской деятельности установлено не было.

Перечисленные дела, при всей их правовой несостоятельности., были лишь прелюдией к тому репрессивному беспределу, который разыгрался в Дятьковском районе, как и в других местах, в последние месяцы 1937 г. С конца сентября 1937 г. до начала января 1938 г. (т. е. менее чем за три с половиной месяца) только по выявленным делам в районе было приговорено к высшей мере наказания (расстрелу) более 40 человек, к 10 годам лагерей более 70, к 8 годам лагерей - около 20.

Начало было положено крупным групповым делом дятьковских и брянских церковников, по которому привлекалось около 30 человек. В отличие от большинства других подобных дел, это дело было сфальсифицировано лишь частично и поэтому большинство осужденных в определенной степени признали свою вину. Суть его такова. Когда в конце 20-х годов началась новая волна религиозных гонений, закрытия и разрушения храмов, брянские архиепископы Матвей (Храмцов) и Даниил (Троицкий) начали организовывать вокруг себя брянских священников, и церковный актив с целью возможного противодействия антирелигиозным мерам, а также для оказания материальной поддержки церковнослужителям, репрессированным по религиозным мотивам. В числе единомышленников архиепископов, помимо жителей Брянска, были священники церковные активисты из Дятьково и ряда селений Дятьковского района. После смерти в 1935 г. обоих архиепископов руководство подпольной церковной организацией в Дятьковском районе возглавили благочинный Александр (Введенский) и священник Иоанн (Клестов). По делу были привлечены основная часть духовенства Дятьковского района, некоторые церковные активисты и даже просто сочувствовавшие Приговор был суровым: для большинства расстрел, лишь для некоторых - 10 лет лагерей. В число таких «счастливчиков» попал председатель одного из колхозов деревни Бацкино Ф. А. Коноваленков, а вот председатель другого бацкинского колхоза В. К. Поляков получил высшую меру наказания, равно как и еще два колхозника из этой деревни: Д.К. Митронин и А.И. Симаков. Большинство же расстрелянных

составили, естественно, священники.

В числе других больших групповых дел этого времени можно назвать следующие: дело террористической эсеровской организации «колхозное дело»; дело колхозников из д. Савчино; дело живших в Дятьково уроженцев г. Волхов (по каждому из перечисленных дел проходило 10 или немногим более человек), а также дело «эсеро-кулацкой группы» из 18 человек и еще одной группы под таким же названием, связанной с цементным заводом (23 человека).

Естественно, что в сообщении нет возможности подробно рассмотреть все эти дела и поэтому придется ограничится отдельными примерами. В числе расстрелянных по делу террористической эсеровской организации были в основном кадровые рабочие из Дятькова и поселка Старь, причастные к революционному движению еще в царское время, но разочаровавшиеся в политике Советской власти. Помимо жившего в п. Старь пенсионера из рабочих Василия Самуиловича Благолетелева, объявленного руководителем этой организации. можно назвать Федора Павловича Разрезова (из рабочих, закончившего в 1903 г. курсы бухгалтеров и работавшего перед арестом старшим бухгалтером Дятьковского лесопильного завод был с 1917 г. членом ВКП(б), но в 1922 г. выбыл из нее по собственному желанию), пенсионера из Стари Николая Филипповича Зудкина, не раз позволявшего себе резкие критические высказывания ϵ адрес властей. Так, на одном из цеховых собраний на стеклозаводе Н. Φ . Зудкин заявил: «Ну, какая же это жизнь, мы... только ... говорим на разных собраниях, совещаниях. заседаниях и т. д., из пустого в порожнее, а дела нет, нет ни хлеба, ни денег, никто не думает обеспечить рабочих, а только собирают собрания... Голодный рабочий работать не может» Во время перебоев со снабжением хлебом он же публично жаловался «За куском хлеба стой в очереди с 9 часов вечера до 9 часов утра.»

Нередко участников коллективных дел группировали по земляческому принципу. Так были объединены в одно дело десять уроженцев деревни Савчино, близ Бытоши. Все они были обвиненены в том, что являлись кулаками, а затем, став колхозниками, занимались вредительством и контрреволюционной агитацией. При проверке дела выяснилось, что все обвиненные были середняками, добросовестно работали после вступления в колхоз, но затем некоторые предпочли устроиться на соседние Бытошские стекольный и чугунолитейный заводы. Вины своей они не признали (ее, по всей видимости, и не было), но, тем не менее, получили по десять лет лагерей. Отдельные савчинские семьи потеряли не по одному человеку: среди осужденных были отец и сын Дмитрий Тимофеевич и Александр Дмитриевич Симутины, братья Илларион и Тимофей Ерохины, Иван и Николай Беликовы.

Чисто земляческим5ыло еще одно групповое дело, по которому проходили уроженцы г. Волхова, проживавшие в Дятьково. В основном это были выходцы из кустарей - ремесленников и торговцев. Поскольку представители этих групп населения относились новой властью к мелкой буржуазии, они испытывали и налоговые тяготы, и правовые ограничения, а порой - и произвол местных властей, поэтому попытки некоторых из них перебраться на новые места жительства вполне объяснимы. Столь же естественно было и желание земляков общаться друг с другом, но в оценке работников НКВД это общение выглядело подозрительно. А отсюда - лишь один шаг до обвинения в сговоре с целью антисоветской деятельности. В результате трое (плотник Дятьковского хрустального завода В.Д. Мигачев, грузчик А. И. Подщеколдин, работник Дятьковского торга Н.А. Щеголев) были приговорены к высшей мере наказания, трое - к 10 годам, трое - к 8 годам лагерей.

Одним из наиболее значительных по числу привлеченных было дело так называемой «контрреволюционной эсеро-кулацкой группировки», которое рассматривалось в самом конце 1937 г. Состав 19 осужденных по этому делу был очень «пестрым» и по месту рождения, и по месту работы. Большинство составляли уроженцы Дятьковского района (4 - из Ивота, по 2 - из деревень Сельцо, Ивановичи, Свиридов Хутор, по 1 из Стари, Немерич, Особенки), четверо были уроженцы близких (Жиздринского, Людиновсшго, Жуковского, Клетнянского) районов, двое приехали сюда из более далеких мест. Двое из осужденных были пенсионерами (С.А. Козельский из Ивота и П.В. Маслов из Стари), трое - служащими (П.Г. Богословский - бухгалтер Дятьковской районной больницы, В.В. Громов - бухгалтер Дятьковского хрустального завода, П.И. Мешков - счетовод Бытошского стеклозавода), но основную часть составляли рабочие, из них 7 - с Бытошского стеклозавода, 4 - с Ивотскогостеклозавода, 2 -железнодорожники-путейцы. Хотя все привлеченные по делу виновными себя не признали, это ничего не изменило Большинство получило по 10 лет, а двое (П.Д. Голиков, работавший на Бытошском стеклозаводе, и А.И. Блюдин, рабочий Сельцовского карьера) были расстреляны.

Днем раньше, 28 декабря 1937 г. та же «тройка» по Орловской области вынесла приговор по еще одной крупной «антисоветской эсеро-кулацкой» группе, столь же пестрой по составу. Из 23 осужденных 18 были уроженцами различных селений Дятьковскоги района (11 из деревень Березино и Боровки, расположенных рядом с цементным заводом, остальные - из Любохны, сел Слободище и Пупково, д. Неверь, поселков Щученка и Будочки); еще пятеро, жившие в п. Щученке, переселились из сел Старые Бобовичи и Старый Вышков Новозыбковского района. Большинство осужденных работало на цементном заводе; кроме того, были рабочие заводов им. Урицкого, Любохонского чугунолитейного, пожарник Дятьковского хрустального завода, зав. нефтебазы Дятьковской МТС, четверо колхозников. 22 человека, проходивших по делу, получили по 10 лет лагерей, а С.М. Галицкий из Любохны был приговорен к расстрелу (вероятнее всего, вспомнили его службу в звании поручика в колчаковской армии)

Характер дела во многом разъясняют некоторые детали, вскрывшиеся позднее. Главный свидетель по делу, некий П.С. Сенин, был завербован в качестве агента Дятьковского РО НКВД и играл роль не только провокатора, но и злостного клеветника. О его облике говорит тот факт, что во время Великой Отечественной войны он выдал немецким оккупантам нескольких советских патриотов, за что был позже осужден на 25 лет лагерей (значит, не все узники лагерей заслуживают сочувствия и доброй памяти). В то же время, ряд осужденных по «делу цементников», как показали при перепроверке знавшие их люди, полностью поддерживал Советскую власть. Членами ВКП(б) были уроженцы д. Березино Степан Ананьевич Игнатов, Иван Матвеевич Прокопов, Андрей Григорьевич Яшкин. Последний участвовал еще в революции 1905-1907 гг., когда примыкал к эсерам. Позже поддерживал линию большевиков, «был предан Советской власти. Жившие в Щученке братья Дмитрий и Сергей Владимировичи Ковалевы (последний был также членом ВКП(б) «активно участвовали в проведении мероприятий Советской власти», а сын С. В. Ковалева в звании полковника погиб на фронте Великой Отечественной войны.

Бывали и групповые дела с небольшим количеством участников. Таким было, например, дело колхозников изд. Годуновки, по которому были осуждены 3 человека: отец и сын Симутины (Сергей Трофимович был рядовым колхозником, а комсомолец Иван Сергеевич - председателем колхоза), а также конюх колхоза Т. Е. Богатинов. Составленную из этих людей «контрреволюционную группу» обвинили во вредительстве и антисоветской агитации, С.Т. Симутина расстреляли, двух других отправили в лагеря.

Еще одну группу, по воле работников НКВД, составили путевые обходчики 18-й дистанции пути Г.Д. Моисеев (из д. Колятчино), Ф.К. Джура и ремонтный рабочий той же дистанции пути Г.П. Мамко. Обвинение было весьма серьезным («контрреволюционная подрывная работа на железнодорожном транспорте»), и, хотя все арестованные в декабре 1937 г. железнодорожные рабочие вины своей не признали (в реальности они лишь выражали недовольство материальными (условиями своей жизни), приговор оказался беспощадным - расстрел. Привели его в исполнение в январе 1938 г. Месяцем раньше такой же приговор был объявлен и еще одному путевому обходчику 18-й дистанции пути на станции Дятьково - Е. П. Ковылину. Репрессирован (получил 10 лет лагерей) был и начальник службы пути ст. Дятьково. Г. Абдула.

В числе других дятьковцев, репрессированных в 1937 г. и реабилитированных через два десятка лет, были: пенсионер из Любохны Федор Владимирович Карпов, еще в годы первой русской революции распространявший эсеровские листовки и поэтому осужденный к расстрелу как руководитель террористической эсеровской организации, хотя в реальности эсеровская группа в Любохне распалась еще в 1913 г. и больше не воссоздавалась; Карл Францевич Островский и Вацлав Эразмович Гурский, работавшие на Дятьковском хрустальном заводе (первый засыпшиком, второй -технологом) и осужденные, соответственно, к расстрелу и 10 годам лагерей, по сути лишь за то, что были поляками. 10 лет лагерей получил и поляк Иосиф Иосифович Карпинский, работавший холявным мастером на Чернятинском стекольном заводе в Стари, хотя он был одним из лучших специалистов. Расстрелян был работавший на том же заводе бригадиром Николай Александрович Федькин. В числе получивших лагерные сроки 8-10 лет были рабочие цементного завода К.И. Королев из Любохны и И.Е. Карпачев из деревни Доманово, рабочий Дятьковского хрустального завода С.В. Шепырев (баптист из д. Невери), рабочий Бытошского стеклозавода Г.Д. Симутин из деревни Савчино, братья Н.Ф. и Л.Ф. Балясниковы из п. Петровский Завод (обоим было уже за 60), один из первых организаторов и руководителей колхоза в с. Слободище А.Н. Лагутин, колхозник из поселка Щученка Т.С. Ткачев, одним из первых вступивших в колхоз...

Здесь, естественно, названы далеко не все репрессированные в 1937 жители Дятьковского района, а лишь часть тех, кто был реабилитирован во второй половине 50-х начале 60-х гг. Для определения полных масштабов массовых репрессий нужна дополнительная работа с документами.

Может вызвать недоумение то обстоятельство, что на Брянщине основные репрессии периода «ежовщины» приходятся сравнительно небольшой отрезок времени - сентябрь-декабрь 19371 (ведь Н.И. Ежов возглавлял Наркомат внутренних дел с сентября 1936 по ноябрь 1938 гг.). Однозначного ответа на этот вопрос нет, но некоторые соображения можно высказать.

Во-первых, 28 июня 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) своим секретным решением обязательно выявить всех ранее «высланных кулаков» (к этому времени у большинства репрессированных за годы коллективизации закончился 5-летний срок лагерей или высылки), учесть их и разделить на две категории: «наиболее враждебно настроенных «(их ожидал расстрел) и остальных (им предстоял 10-летний лагерный срок). Общая численность этих людей, а также добавленных к ним «бывших» (офицеров царской армии, эсеров, священнослужителей и т.д.) была определена в 300 тысяч человек.

Во-вторых, 11 июля 1937г, завершился процесс руководителей «военно-фашистского заговора в РККА» (дело М.Н. Тухачевского и других), которые на следующий день были расстреляны. По некоторым данным, на несколько дней был отсрочен расстрел И.И. Уборевича, бывшего командующего Белорусским военным округом.

У него «выбивали» показания на близкого товарища, первого секретаря Западного обкома ВКП(б) И.П. Румянцева. В Смоленск, бывшим центром Западной области (куда входила и Брянщина), 16.07.1937 года прибыл Л.М. Каганович и несколько других представителей из Москвы. «Ввиду преступной связи с Уборевичем», И. П. Румянцев был снят с работы и 17 июля арестован (в октябре 1937 г. его расстреляли). Фактически было разгромлено все прежнее руководство области. Из 15 членов бюро обкома, избранных на областной партконференции в начале 1937 г., 14 были исключены из партии и затем репрессированы. Привезенные из Москвы новые руководители обкома (Д.С. Коротченко), облисполкома (К.П. Бидинский), облуправления НКВД (В.А. Каруцкий) проявляли особое рвение в раскрытии «враждебных элементов». К примеру, В.А. Каруцкий, получивший от Н.И. Ежова разнарядку на тысячу лиц, подлежащих расстрелу, настаивал увеличивать ее более, чем вдвое. Соответствующие цифры доводились до каждого района, причем, некоторые брались под особый контроль. В их число, к сожалению, попал и Дятьковский район.

Первоначально репрессии обрушились на партийных, советских и хозяйственных руководителей области и райкомов. Со второй половины июня до конца 1937 года из партии было исключено более 2 тысяч человек (т.е. каждый восьмой член ВКП(б) области), из них примерно каждый четвертый был арестован и осужден как контрреволюционер. Общее число арестованных за это время превысило 12 тысяч человек, из них 4 500 было расстреляно. Нужно только иметь ввиду ненадежность этих цифр, поскольку в конце сентября 1937 г. было принято решение о разделении Западной области на Смоленскую и Орловскую (Брянщина отошла к последней), и поэтому дела, решенные «тройкой» по Орловской области в октябре-декабре 1937 г. в Смоленске уже не фиксировали (за исключением дел на железнодорожном транспорте). Не вызывает сомнения, что новые власти Орловской области, и руководители районов (также в значительной степени новые) не могли корректировать уже имевшуюся разнарядку по контрреволюционным делам в сторону уменьшения, а скорее, наоборот, должны были проявлять особую бдительность и непримиримость к « врагам ».

В-третьих, местные органы НКВД действовали в то время фактически бесконтрольно, и карьеристские устремления отдельных руководителей подталкивали их к особой активности, что сопровождалось многочисленной фальсификацией дел. Одним из таких руководителей оказался начальник Дятьковского НКВД Стриго. Еще в начале 1937 г., когда Стриго возглавлял РО НКВД в Стародубе, в Смоленск была направлена жалоба от начальника Стародубской тюрьмы, где указывались многие факты злоупотребления Стриго служебным положением, взяточничества и т.п., но вместо наказания Стриго перевели в другой район - Дятьковский, где он и проявил себя в полной мере. Под стать ему были и некоторые его подчиненные.

Когда в 1939 году, послеприхода к руководству органами НКВД Л.П. Берии, начался пересмотр многих состряпанных ранее дел, Стриго за многочисленные факты нарушения законности и фальсификации дел был осужден на 6 лет лагерей. Были осуждены или уволены из органов и еще несколько работников Дятьковского отдела НКВД.

Наконец, последнее. В обстановке массовых репрессий, разжигания психоза вокруг «врагов народа» широко процветали и фактически поощрялось доносительство. Хотя в Дятьковском районе такие примеры не были многочисленны, но тем не менее они все-таки были. Так, колхозник из д. Сельцо Е. Е. Сидоров, добросовестно работавший, но не поладивший с местным председателем сельсовета, по доносу последнего был не только арестован, но и приговорен к расстрелу.

/ С.И.Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч. III. – Брянск, 2001. – С. 87-97.

1937 год в Погарском районе

До недавнего времени историки предпочитали не обращаться к периоду так называемой «ежовщины», времени массовых репрессий 1937-1938 гг. Это объяснялось, в первую очередь, закрытостью от глаз исследователей материалов о «делах» тех лет, но некоторую роль играли, вероятно и чисто психологические причины - людям не свойственно тревожить обильно кровоточащие раны.

В конце 1980-х - в начале 90-х гг. ситуация изменилась и на читателя хлынула масса «разоблачительных» материалов, авторам которых были чаще всего не историки, а журналисты, публицисты, некоторые из числа бывших репрессированных. Первоначально это воспринималось многими как «возвращени правды» но скоро стало очевидно, что в пропагандитских действиях политика «разрушителей» эти материалы широко использовались для того, чтобы опоречить весь советский социалистический строй, сформировать в сознании люде зловещий образ «тоталитарного режима» в СССР, События 1991 - 1993 и последующих лет наглядно показали, к каким последствиям привело огульное отрицание всего того, что было создано за годы социалистического развития страны. Стал заметно падать и общественный интерес к «разоблачительным» материалам поскольку процветающие в современных властных структурах коррупция, взятоничество, использование служебного положения в своих корыстных целях, и прочие злоупотребления (и прямые преступления) явно затмили «грехи» прежних руководителей.

Тем не менее обстоятельное и объективное изучение всех этапов развита нашей страны остается и по всей вероятности всегда будет оставаться необходимым условием, чтобы люди, оценивая настоящее и пытаясь предвидеть будущее добросовестно и не предвзято учитывали уроки прошлого — без очернительства без отеснения каких-либо нежелательных событий и лиц. Такой подход необходим и при изучении истории Брянщины — неотъемлемой части России.

Чтобы понять причины и суть событий, происходивших в Погарском районе в 1937 г., не обойтись без более общих сведений. Выдвинутая И.В. Сталины концепция обострения классовой борьбы по мере укрепления социализма в страхе получила свою реализацию не только через проходившие в 1936- 1938 гг. громкие политические процессы над видными деятелями партии, государства и армию и через многие другие, докатившиеся, подобно кругам на воде, и до отдаленных от столицы мест. По существу с помощью этих процессов из общества уделялись все потенциальные противники И.В. Сталина и его политического курса как в высшем, так и местных эшелонах власти, хотя к тому времени реальной оппозиции тому курсу уже не было. Но в стране оставалось значительное количество носителей скрытого недовольства среди «безвластной части общества», в первую очередь среди «бывших» (дворян, офицеров старой армии, нэпманов, эссеров и представителей других бывших полилитических партий, священнослужителей и особенно много – бывших кулаков). Все они в глазах партийно-государственного руководства не только не вписывались в формировавшуюся в обществе обстановку идеологического единомыслия, но и представляли реальную помех в этом процессе.

Именно с учетом этих обстоятельств нужно рассматривать решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 июня 1937 г., которое обязывало все органы власти выявить всех ранее высланных «кулаков» к тому времени у большинства репрессированных в годы коллективизации кулаков и «подкулачников» закончила «летний срок лагерей и высылки» учесть их и разделить на две категории: наиболее враждебно настроенных (их ожидал расстрел) и остальных (им грозил десятилетний лагерный срок). Их общая численность с учетом добавленных к ним «бывших» определилось 6-3 человека.

Еще одним обстоятельством объяснявшим особый размах репрессий на Брянщине именно во второй половине 1937 г. стал завершившийся в Москве 11 июля процесс руководителей «военно-

фашистского заговора в РККА» (дело М.Н. Тухачевского и др.) У второго по значению участника «дела», бывшего командующего Белорусским военным округом И.И. Уборевича были добрые товарищеские отношения с первым секретарем Западного обкома ВКП(б) И.П. Румянцевым (в Западную область тогда, входила и вся территория Брянщины), и это имело трагические последствия. В Смоленск (центр Западной области) 16 июля 1937 г. прибыл один из ближайших соратников И.В. Сталина - Л.М. Каганович, а также несколько других представителей - из Москвы. «Ввиду преступной связи с Уборевичем», и И.П. Румянцев был снят с работы и 17 июля арестован (в октябре того же года его расстреляли). Фактически было разгромлено все прежнее руководство области. Из 15 членов бюро обкома, избранных только в январе 1937 г., 14 были исключены из партии и затем репрессированы. Привезенные из Москвы новые руководители и обкома ВКП(б) (Д.С. Коротченко) облисполкома (К.П. Бидинский), облуправления НКВД (В.А. Каруцкий) проявляли особое рвение в разоблачении «враждебных элементов». К примеру, В.А. Каруцкий, получивший от Н.И. Ежова разнарядку на 1000 лиц, подлежащих расстрелу, настаивал увеличить ее более чем вдвое. Соответствующие цифры доводились до каждого района, но установить их не представляется возможным.

Изученные документы (в первую очередь, решения Брянского областного суда о реабилитации незаконно осужденных) не дают возможности определить число репрессированных и по Погарскому району. Поэтому ограничимся лишь отдельными примерами.

"Некоторые из репрессированных в 1937 г. уже осуждались ранее, в годы коллективизации, и отбывали свой срок в лагерях. Это относится к священнику из с. Городище Льву Павловичу Тополю, осужденному впервые в 1930 г. на три года и расстрелянному в 1937 г., к Якову Петровичу Гарлинченко из хутора Вара, осужденному в 1930 п., на 10 за поджег своей бывшей мельницы, отобранной у него за неуплату налогов, за ударный труд досрочно освобожденному, затем работавшему в колхозе «Коммунар», а в 1937 г. также расстрелянному. Немного легче сложилась судьба у крестьянина из с. Грязивец Афанасия Ефимовича Киселева, у которого за неуплату налогов в 1931 г. было конфисковано хозяйство, а сам он осужден на 5 лет. "Вскоре после возвращения вновь арестован и осужден теперь на 10 лет лагерей.

Наиболее крупное дело, когда 10 колхозников из разных колхозов были обвинены в создании кулацкой антисоветской группы,- рассматривалось в декабре 1937 г Хотя все обвиняемые не признали себя виновными, приговор оказался весьма суровым: 9 человек (братья Митрофан, Алексей и Сергей Ивановичи Шамаро из хутора Хоткина, братья Николай и Александр Захаровичи Снницкие из хутора Синицкого, братья Николай и Павел Григорьевичи Кузеро из х. Джуровка, Иван Евменович Курдынко из х. Роговичи, Василий Иванович Носиков из х. Щербаковка) были приговорены к расстрелу и только лишь Григорий Никитич Начатой из х. Холопец получил 10 лет лагерей (отбыв срок, вернулся, но в 1949 году был вновь арестован и выслан на поселение в Джамбульскую область).

Без дополнительных комментариев лишь перечислим еще некоторых, осужденных в сентябре — декабре 1937 г. к высшей мере наказания — расстрелу (все перечисленные колхозники обвинялись в антисоветской агитации или контрреволюционной деятельности, никто из них себя виновным не признал, все посмертно реабилитированы);

Щербенко Трофим Елиссеевич (с. Лобки), Орлов Иван Антонович (с. Суворове), Коротченко Иван Федорович (с. Суворове), Калач Семен Фомич (с. Чаусы) Храменок Трофим Евстратович (с. Чаусы), Ильенко Николай Ефимович (х. Девдиков), Кукло Сергей Спирндонович (х. Левдиков), Чеплянский Илья Антонович (х. Левдиков), Кононенко Марк Трофимович (с. Борщево), Булавин Артем Тихонович (с. Борщево), Валевач Петр Филлипович (с. Дареевск), Якименко Афанасий Павлович (с. Дареевск), Цыганок Михаил Илларионович (с. Дареевск), Федор и Петр Ивановичи Засульские (с. Дареевск), Засульский Терентий Леонович (с. Дареевск), Никулин Василий Григорьевич (с. Дареевск), Морозов Иван Иванович (с. Чсховка), Туймен Захар Прокофьевич (с. Случевск).

Количество репрессированных рабочих и представителей интеллигенции значительна меньше по сравнению с колхозниками. Среди них приговоренных к расстрелу в рассмотренных делах не оказалось. К десяти годам лагерей были осуждены. Шагала Аввакум Фаддеевич уроженец с. Чаусы, работал путевым обходчиком на ст. Погар, Радченко Борис Андреевич, учитель начальной школы в с. Суворове, Ладнюк Иван Саввич, уроженец с. Кистер, директор Кистерской неполной средней школы.

На причинах осуждения последнего надо остановиться особо. И.С.Ладнюк 1888 года рождения, пользовался уважением не только среди коллег и учащихся но и среди других жителей

с. Кистер, избравших его председателем ревизионной комиссии и колхоза, и сельпо.

Проведенные Ладнюком И.С. ревизии вскрыли серьезные злоупотребления со стороны председателя колхоза Ф.И. Богинского, зав. сельпо Е.Ф. Ларченко и бухгалтера сельпо И.Г. Феськова, за что все они были сняты с работы. Стремясь отомстить «обидчику», они написали доносы на И.С. Ладнюка. И хотя клеветнические письма не были чем-то подтверждены, им дали ход, осудив уважаемого и принципиального человека.

В 1938 г. волна репрессий намного уменьшилась и на Брянщине в целом, и в Погарском районе. Выделим лишь осужденного на 10 лет лагерей Ефима Степановича Рудевка, 1886 г. р. уроженца г. Погара, имевшего незаконное высшее образование и работавшего адвокатом при Погарском суле.

В 1939 г., когда Н.И.Ежов был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел СССР и это место занял Л.П. Берия, начался пересмотр части сфальсифондированных дел. Одновременно были либо освобождены от работы, либо осуждены многие ответственные сотрудники НКВД. В числе последних оказался и начальник Погарского райотдела внутренних дел Маркелов, который в условиях негласного соревнования по разоблачению «врагов народа» допустил множество случаев фальсификации дел не отличался особой «кровожадностью». Если в других районах Брянщины приговоренные к высшей мере наказания (расстрелу) составляли около 30% всего количества репрессированных, то в Погарском районе более половины.

Источники

- 1. ГАБО. ф. 2213, оп. 8, 99, 116, 130, 149, 157, 158, 159, 163, 175, 176, 195.
- 2. Сталинизм в российской провинции. Смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских авторов. Смоленск 1999 г.

/ «Я прикасаюсь ладонью к истории ...» : материалы научно-практической краеведческой конференции. - Погар, 2005. - С. 47-50.

«Белые пятна» в истории Великой Отечественной войны

Накануне юбилея Великой Победы главное внимание, естественно, будут привлекать примеры несгибаемой стойкости и героизма советских воинов, тружеников тыла, в целом - советского народа, без чего Победа над очень сильным противником была бы невозможна.

Но даже в эти дни нельзя молчать и о другом. Всякая война - это трагедия для участвующих в ней народов. Война таких масштабов, как Великая Отечественная, это огромная трагедия, не обощедшая ни одной советской семьи.

На торжественном приеме в Кремле 24 мая 1945 г. И.В. Сталин признал: "У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в I94I-I942 годах", но, в отличие от других сталинских высказываний, об этой фразе в дальнейшем предпочитали умалчивать и уж ни в коем случае не старались более конкретно раскрыть ее содержание.

Правда, в эти годы были опубликованы воспоминания таких виднейших военачальников, как Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, К.А. Мерецков, адмирал Н.Г. Кузнецов, некоторых других. В этих мемуарах содержался и очень ценный фактический материал, и глубокий анализ многих военных событий, но даже столь уважаемые авторы, были вынуждены о многом умалчивать, а в чем-то соглашаться с прямым произволом редакторов. Еще в большей степени это сказывалось в мемуарах А.А. Гречко, И.И. Якубовского, К.О. Москаленко, О.М. Штеменко, а также многих других, где совершенно ясно видна идеологическая заданность, следование определенной схеме.

С 1987 г. внимание многих историков, писателей, публицистов вновь стали привлекать "белые пятна", появилась возможность достаточно откровенно писать о замалчиваемых ранее событиях и явлениях, но, к сожалению, рассмотрение многих из них шло без достаточной документальной базы, скорее - на эмоционально-публицистическом уровне, поскольку значительная часть важнейших документов военного времени оставалась засекреченной.

Не имея возможности подробно рассмотреть многие вопросы, остановимся лишь на одной проблеме "Причины и последствия тяжелых поражений первого периода Великой Отечественной войны", причем на тех её аспектах, которые или почти не затрагивались советскими

исследователями или вызывают серьезные разногласия в оценках.

Например, как отмечалось в ноябрьском (1941 г.) донесении из 325 стрелковой резервной дивизии, "отсутствие учебного и боевого обучения, боеприпасов не позволяет изучать материальную часть, не дает возможности подготовить личный состав для боя". Там же отмечено, что занятия проходят "с применением самодельного деревянного оружия", а отсутствие зимнего обмундирования (напомним, что зима 1942 г. была ранней и суровой) привело к тому, что 82 человека дезертировали.

Особенно неблагополучно обстояло дело с технической подготовкой бойцов. Это наглядно проявилось с первых дней Великой Отечественной войны. Так, за две первых недели войны 22-й механизированный корпус (Юго-Западный фронт) потерял 119 танков, из которых 58 были подорваны нашими частями в период отхода. В 41-й танковой дивизии противник вывел из строя 5 тяжелых танков КВ, а экипажи подорвали 12. Это объяснялось, по словам донесения, "слабо технической подготовкой экипажей, низким знанием материальной части танка, а также отсутствием запасных частей".

"Низкая техническая подготовленность экипажей танков", а также слабая боевая подготовка танкистов отмечены в приказах командующего Западным фронтом Г.К. Жукова от 19 января и 19 февраля 1942 г. В первом из них сообщается, например, что "2-я гвардейская (подчеркнуто нами - В.К.) танковая бригада ..., совершая марш на 80 км, допустила такую его организацию, при которой из 35 танков было потеряно 30", а 31-я танковая бригада "Рассеяла по дорогам и канавам 19 танков".

Подобные примеры могут в определенной степени объяснить, почему Красная Армия, располагавшая к началу войны в западных округах большим числом танков, чем вторгшаяся немецкая армия, и к тому же имевшая здесь 1500 танков КВ и Т-34, превосходивших по боевым качествам технику противника, тем не менее не смогла противостоять бронетанковым войскам немецкого вермахта, сыгравшим главную роль в окружении нескольких крупных группировок советских войск.

Обратимся еще к одному обстоятельству, корн^и которого уходят в 1920-е гг. Речь идет о советстко-германском политическом и военном сотрудничестве. Наиболее интенсивно оно начало развиваться о середины 1920-х гг., когда в 1924 г, в Липецке была открыта летняя школа, в 1926 г. в Казани - танковая школа и тогда же начато сооружение военно-химической школы близ Вольска. Все эти учебные заведения в обход условий Версальского договора готовили военные кадры для Германии. На территории СССР находились также военные полигоны для испытания образцов немецкой военной техники, в советских высших военных учебных заведениях совершенствовали свою подготовку офицеры рейхсвера, происходили обмены делегациями.

Хотя с лета 1933 г. советско-германские военные отношения стали свертываться и постепенно сходить на нет, сам факт продолжительных (более 10 лет) и очень многообразных связей Красной Армии и рейхсвера позволил немцам многое узнать о нашей армии и использовать эти знания против нас. В СССР получили дополнительную военную подготовку (в том числе и понимание особенностей Красной Армии) Гудеркан, Манштейн, Кейтель, Браухич, Модель и ряд других полководцев фашистской Германии, стоявших во главе немецких войск в годы Великой Отечественной войны.

Напротив, абсолютное большинство советских военачальников, побывавших в Германии, было истреблено в 1937-1939 гг. и не смогло помочь Родине своими знаниями сильных и слабых сторон вермахта. Более того, разработанные М.Н. Тухачевским, Й.И. Уборевичем и другими наиболее талантливыми советскими полководцами военно-теоретические положения, основанные на глубоком анализе научно-технической, организационной и других сторон развития армии, на понимании стратегии и тактики современной войны, были объявлены вредными и изгонялись из армейской жизни, что только ослабляло армию.

Накануне Великой Отечественной войны в политическом и военном руководстве ССОР были разные мнения по поводу надвигающегося советско-германского конфликта, но возобладала точка зрения И.В. Сталина о необходимости как можно дольше оттягивать войну. Не исключено, что Сталин мог поддержать идею превентивного удара при некоторых благоприятных обстоятельствах (если бы, например, германские войска высадились на Британских островах и завязли там). Однако, любое предположение не отменяет того реального факта, что нападение на СССР совершила фашистская Германия и ответственность за эту агрессию лежит на Гитлере и его окружении.

Многочисленные дискуссии идут по вопросу о потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне. Называвшиеся в этой связи цифры в 20, 27 и даже 50 млн. человек сугубо оценены и не имеют точной документальной базы. В выступлениях Президента России на торжественных мероприятиях по случаю 50-летия Победы названа цифра. Будем считать её официальной.

Для того, чтобы представить реальные масштабы, потерь, укажем в качестве примера, что ежемесячный списочный состав Западного фронта в 1941 г. был около 500 тыс. человек, а безвозвратные потери превысили 956 тыс. человек. Следовательно, к концу 1941 г. здесь уже воевал третий состав фронта (и это без учета санитарных потерь).

Три четверти безвозвратных потерь в 1941 г. (2336 тыс.) и почти половину таких потерь в 1942 г. (свыше 1,5 млн.) составили без вести пропавшие и пленные.

Оставляя в стороне плохо разработанный вопрос о без вести пропавших, попытаемся уточнить сведения о советских военнопленных.

Советские военные архивисты, определяют их число примерно в 3,6 млн. человек (1836 тыс. вернувшихся из плена на Родину и примерно 1,8 млн. погибших в плену или оставшихся после войны в миграции). Зарубежные исследователи, базируясь в основном на германских документах,, называют 5,2 - 5,7 млн. человек, Разница, как видам, весьма существенная.

К примеру, в секретной докладной записке Розенберга (февраль 1942 г.) указано 3,6 млн. советских пленных, находившихся в это время в лагерях Германии и Польши. К ним следует добавить тех, кто не дошел до этих лагерей: отфильтрованных среди пленных и уничтоженных еще на территории ССОР политработников, коммунистов, евреев и прочих "нежелательных" элементов; умерших от голода, холода и болезней; расстрелянных за побега, неповиновение и т.п. еще с первых пересыльных лагерей. Таких было, наверняка, не менее 0,5 млн.

Таким образом, число пленных, захваченных только в 1941I г., было, по крайней мере, не меньше 4 млн. человек.

Вернемся, однако, к проблеме военнопленных. Если к пленным 1941 г. (не менее 4 млн.) прибавить еще, как минимум, I млн. в 1942 г., и примерно 300 тыс. за последующие годы, то в результате получим не менее 5,3 млн. человек (цифру, близкую тем, которые называют зарубежные историки).

Разница между этим числом и 3,6 млн. человек, называемыми российскими архивистами, объясняется, вероятнее всего, тем обстоятельством, что в лагерях, для пленных оказывались не только военнослужащие, но и те, кто в описках Вооруженных Сад СССР не числился: партизаны, ополченцы, отступившие вместе с Красной Армией гражданские лица призывного возраста, а также призывники с попавши: под немецкую оккупацию территорий. Только последних, по данным российских военных архивов, попало в плен в 1941 г. более 500 тыс. человек.

Основными причинами больших потерь Красной Армии в первый период войны, в том числе и пленными, были значительное численное и военно-техническое превосходство германской армии, отсутствие боевого опыта у большинства командиров и бойцов и другие факторы военного характера, но нужно признать и обычно замалчиваемы в негативные моменты в морально-психологическом состоянии Красной Армии и в целом населения СССР.

Несомненно, что большинство советских людей, особенно молодежи, верил в справедливость нового общественного строя, поддерживало политику большевитской партии и Советского государства и поэтому с первых дней войны встало на защиту не только своей Родины, но и социалистического строя, который считал действительно лучшим.

Но столь же несомненно, что раскулачивание и проведенная насильственными методами коллективизации сельского хозяйства, голод 1932-1933 гг., массовые репрессии 937-39 гг., высылка значительной части жителей из присоединенных к СССР в 1939-40 -х гг. территорий и другие подобные факты были реальной почвой для недовольства (хотя и скрытого из-за обстановки всеобщего страха и подозрительности) существовавшим режимом среди значительной части населения.

Имевшиеся на первых порах случаи встречи немецких войск представителями местного населения с хлебом-солью, и добровольная сдача в плен не только отдельных военнослужащих, но и целых частей, и достаточно быстрое укомплектование на оккупированных территориях подчиненных немецким комендатурам органов местного управления и полиции, а также формирование значительных по численности (от 800 тыс. до I млн. человек) добровольческих воинских соединений из числа бывших граждан СССР (частично - бывших российских эмигрантов), действовавших вместе с немецкими войсками.

Среди мотивов коллаборационизма, помимо стремления многих выжить или даже преуспевать за счет лояльности по отношению к новым властям, нужно назвать и надежду некоторых, что "вторая мировая война открыла возможность (которая может больше никогда не представиться? освободить народы России от большевитского гнета." Именно с позиций идейной борьбы против сталинизма и пытаются некоторые авторы оценить деятельность генерала Власова А.А., считая его одновременно борцом "против Сталина и Гитлера" (В.К.Штрик-Штрикфельд).

Однако в таком утверждении есть весьма уязвимые места. С одной стороны, о "борьбе" Власова против Гитлера можно говорить лишь умозрительно, поскольку единственный факт выступления частей РОА против немецких войск (6 мая 1945 г. в Праге) приходится на время, когда Гитлера уже не было в живых.

С другой стороны, действия Власова в период его сотрудничества с немцами, направленные на создание "русского освободительного движения" с антисталинской окраской, в случае их успеха означали бы разжигание гражданской войны внутри СССР. В условиях, когда Советский Союз вел труднейшую войну против фашистской Германий, внутренний гражданский конфликт дал бы немецким фашистам шанс победоносно завершить свои захватнические действия.

Что означало бы это для народов СССР, стало вполне ясно уже к 1942 г., когда гитлеровская политика массового геноцида, превращения пленных и населения оккупированных территорий в стадо рабов, отношения к советским людям как к "недочеловекам", стала вполне зримое.

С этим выводом нельзя не согласиться. Одно сообщение в состоянии охватить лишь малую толику "белых пятен" Великой Отечественной войны. Для анализа и оценки некоторых из них пока еще по-прежнему мало документальных материалов. Многое постепенно как бы размывается и сглаживается временем, потому что уходят из жизни ветераны, бившие порой единственными очевидцами тех или иных эпизодов военных лет.

Но никогда не изгладятся из памяти поколений ни великий подвиг советского народа, отстоявшего независимость своей Родины в годы Великой Отечественной война, ни горечи огромных утрат, понесенных нашими людьми в этой войне.

Однако, к сожалению, для ветеранов последние года обернулись новыми горькими потерями.

Разделена на части новыми государственными границами та закрытая их грудью Родина, которую они передали новым поколениям единой и могучей. Национальные амбиции новых политиков а кровавые национальные конфликты заменили прежнюю дружбу народов СССР, бывшую одним из главных источников великой Победы. Утрачена и оплевываются власть Советов, социалистические идеалы, реальные гарантии социальных прав граждан. Исчезла уверенность в завтрашнем дне.

Кому-то могут не нравиться эти оценки, высказываемые очень многими ветеранами, как не отражающие всей правды о современном положении, но в любом случае мы. обязаны, уважать выстраданную ветеранами их правду о войне, о Родине, о своем времени.

Хорошо известна надпись на стене Брестской крепости: "Умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина! 22. июня1941 года". По воспоминаниям некоторых защитников Бреста её нацарапал штыком тяжело ранены! курсант пулеметной школы татарин Тимерен Зинатов. Он выжил тогда, в начале войны... Спустя полвека ветеран в 1992 г. в последний раз приехал из Сибири в Брест, долго бродил по улицам города, а потом... бросился под поезд. В предсмертном письме он завещал похоронить себя в Бресте. Есть там и такие отроки; "Если бы тогда, в войну, умер от ран, я бы знал - погиб за Родину. А вот теперь - от собачьей жизни. Пусть так и напишут на могиле".

Подобная же мысль прозвучала в предсмертном письме замечательной поэтессы Юлии Друниной, когда-то 17-летней девчушкой ушедшей защищать Родину и прошагавшей фронтовыми дорогами до Победы, а в 1992 г. покончившей с собой из-за невозможности "оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире".

В заключение строчки из еще одного предсмертного письма ветерана Великой Отечественной войны Маршала Советского Союза С.Ф.Ахромеева: "Пусть в истории хоть останется след - против гибели такого великого государства протестовали. А уже история оценит - кто прав, а кто виноват"...

Оценит ли?

К характеристике общественно-политических настроений молодежи Брянщины в первые послевоенные годы

Человеку не дано выбирать время своей жизни. В окружающем его обществе уже существуют определенные политические и социально-экономические отношения, сложившаяся система нравственных и духовных ценностей, исходя из которых молодой человек, начинающий свой жизненный путь, вынужден определять свое отношение к окружающему миру и соответствующее поведение.

Те, у кого общественные и личные интересы в основном совпадают, включаются в политическую, хозяйственную, культурную жизнь успешно трудятся и нередко добиваются достаточно высокого положения

Многие просто приспосабливаются к существующей общественной системе, принимая ее приоритеты не в силу убеждений, а лишь с учетом личной выгоды. Нередко эти люди делают удачную карьеру, имеют материальный достаток, но уважения у окружающих, часто не вызывают.

Наконец, всегда были, есть и, наверное, будут люди, которые обостренно воспринимают присущие обществу негативные стороны, пытаются протестовать против существующих несправедливостей, а наиболее решительные - вести борьбу за изменение всего уклада жизни, которая их окружает. В обычное время (за исключением периодов социальных потрясений) число таких людей невелико, а их личные судьбы часто трагичны, поскольку активная оппозиция властям неизбежно вызывает репрессивные действия государственных органов; Общественное признание приходит к ним с опозданием (порой посмертно), а для большинства не приходит вообще. Первоначально же эти лица обычно оцениваются с позиций правительственной пропаганды - как «преступники против бога, царя и Отечества», «контрреволюционеры», «враги народа» и т.д.

О некоторых оставшихся безвестными молодых людях Брянщикы, которые были осуждены по политическим делам в 1946-1953 гг., и пойдет дальше речь (сразу оговоримся: здесь не рассматриваются осужденные пособники немецко-фашистских оккупантов, а также участники запрещенных религиозных сект и группировок, в числе которых также были девушки и юноши).

По делам Брянского областного суда возраст этих «преступников» выглядел ко времени ареста так: от 15 до 17 лет - 7 человек, от 18 до 19 лет 9, от 20 до 24 лет - 8. Все они не успели оказаться в рядах защитников Родины в годы Великой Отечественной войны. Процесс их гражданского становления пришелся на трудное послевоенное время.

Радость великой победы и возвращения к родным местам, сознание исполненного перед Родиной долга определяли основное настроение не только бывших фронтовиков, но и большинства советских людей. Но праздничная эйфория быстро сменилась тяжелыми повседневными буднями. В первую очередь сказывались бедственные последствия войны и фашистской оккупации: гибель многих близких, уничтожение основной - части производственной базы, жилья, социально-культурных учреждений, острая нехватка самого необходимого, в том числе и продовольствия (особенно в связи с засухой и неурожаем 1946 г.). Государство старалось помочь территориям, наиболее пострадавшим во время оккупации, в том числе - Брянской области, но масштабы помощи не могли покрыть всех нужд.

Однако были и другие стороны повседневной жизни, хотя и связанные с последствиями войны, но в целом определявшиеся политическими и-социально-экономическими решениями партийно-государственных органов и социальная неустроенность тысяч людей, искалеченных войной, и клеймо политической второсортное для еще большего числа бывших военнопленных, насильно угнанных в Германию мирных жителей и просто для лиц, находившихся в фашистской оккупации (а в это число на Брянщине попадали все, кроме бывших фронтовиков, партизан и немногих эвакуированных). Это низкая оплата за тяжелый повседневный труд на производстве, особенно в колхозах; высокие сельхозналоги на подсобное хозяйство, бывшее необходимым условием выживания людей; неадекватные меры наказания даже за незначительные проступки (типа известного «указа о колосках»); обязательно-принудительная система подписки на государственные займы, отсутствие реального выбора при проведении выборов в высшие и местные органы власти и многое другое. Все это с неудовольствием воспринималось большинством людей, предпочитавших, однако, молчаливо мириться с существующим положением. Но были и обратные примеры, в том числе - среди молодежи.

В 1946 г. был арестован, а затем осужден на 7 лет лишения свободы комсомолец из с. Митьковка Климовского района Валентин Козьмин, 192Ь года рождения, который в августе 1945

г. изготовил 5 листовок «антисоветского содержания» (здесь и далее используйся судебных дел) и расклеил их в с. Хохловке. Дело не раскрывается конкретно-10 содержания листовок, но необычен тот факт, где написаны они бы под идейным влиянием дяди Валентина. Ивана Матвеевича Козьмина. вернувшегося с войны фронтовика, награжденного орденом Красной Звезды. медалью «За отвагу» и другими боевыми наградами. Этом пример показывает, что, как когда-то Отечественная война 1812 г. и заграничные походы. обострили у многих критическое отношение к российской действительности, так и Великая Отечественная война 1941- 1945 гг. повлияла на политические настроения части фронтовиков. Сам И.М.Козьмин виновным себя не признал, но тем не менее был осужден на 10 лет.

В том же 1946 г. был осужден на 5 лет рабочий Клинцовского лесхоза д. Балдовки Дмитрий Грибанов, 1929 г. о., написавший листовку, в которой призывал колхозников не подписываться на государственный заем. выступал против политики руководства ВКП(б).

Около десятка лет назад, благодаря книге А. Жигулина «Черные камин» стало известно о созданной в конце 1940-х гг. в г. Воронеже организации КПМ (Коммунистическая партия молодежи), участники которой были обвинены в контрреволюционной деятельности, а затем узнали Колыму. Но оказывается, на Брянщине нечто подобное было еще раньше. В 1946 г. Юрий Иванов 1928 г. р., комсомолец, окончивший 9 классов и начавшим диктором Почепского района, нашел единомышленников среди старшеклассников почепских школ и организовал группу «Союз друзей народа». Группа ставила цель организовать подпольную типографию, чтобы выпускать листовки «пораженческою содержания». Участники группы, по словам дела, «клеветали» па колхозный строй, на «условия жизни трудящихся в СССР», высказывались за допуск частной торговли и другие перемены. Ю.Иванов был осужден па 7 лет, от 5 до 3 лет лишения свободы получили другие участники группы (как видим, в первые послевоенные годы приговоры были более мягкими, потом они значительно ужесточаются). В той же Почепской средней школе имени Некрасова, где учился один из руководителей Виктор Дмитриев, в 1949 г. были арестованы старшеклассники Василий Пищелин и Виктор Барцевич, оба 1930 г. р., за изготовление и распространение листовок, в которых «клеветали на советскую действительность». Кроме того, в блокноте и дневнике Пищелина были обнаружены стихи и другие записи «антисоветского содержания». Оба они были осуждены на 10 лет лишения свободы.

Еще одну попытку создать организационно-оформленную группу, со своим уставом и программой, вручением членских билетов и уплатой членских взносов, предпринял учащийся Кокинского сельхозтехникума Николай Колядный. р., из крестьян с. Буда-Корецкая Воронокского района. Им было прочитанное среди товарищей стихотворение «с клеветой на колхозниц строй», а в июне 1950 г. Н.Колядный изготовил и расклеил в учебном корпусе и общежитии 4 листовки «антисоветского содержания». Листовки были переданы директору техникума П.Д.Рылько, который уничтожил их, не докладывая и соответствующие органы. Тем не менее Н.Колядный и его сотоварищи были арестованы и осуждены на 10 лет.

Ту же меру наказания Брянский областной суд в 1950 г. определил для комсомольцев Сергея Башкевича, 1928 г. р., учащегося Московского химико-технологического техникума, и Станислава Коржикова, 1930 г. р. Оба парня из рабочих семей были обвинены в создании в Сураже «антисоветской партии молодежи, с задачей борьбы против советской власти путем ведения враждебной пропаганды». Это обвинение было снято в том же году Верховным Судом РСФСР, который определил, что Башкевич и Коржиков «ни в какой организации не состояли, такой организации вообще не существовало». Однако мера наказания была оставлена прежней, поскольку обвиняемые летом 1947 г. изготовили и расклеили около 15 листовок и воззваний «антисоветского содержания, в которых клеветали на советское государство, извращали советскую демократию, призывали население к борьбе против советской власти». Президиум Верховного Суда РСФСР в 1956 г. отмел и это обвинение, поскольку в приложенных к делу листовках авторы лишь призывали к борьбе с недостатками и произволом, допускаемыми работниками местных органов власти. Из-за отсутствия состава преступления приговор был отменен, а Башкевич и Коржиков освобождены.

В последующие Годы были реабилитированы и другие осужденные по политическим делам представители молодежи Брянщины. Среди них были и неназванные ранее авторы листовок (16-летний комсомолец Петр Пыленок, работавший после окончания 7 класса в колхозе с. Верещаки Новозыбковского района; 17-летние колхозники из с. Нивное Суражекого района Кирилл Евдокименко и из с. Заборье Красногорского района Афанасий Ушаков; учащийся 9 класса из д. Новое Каплиио Жирятннского района Анатолий Орлов) и авторы критических

(квалифицированных как клеветнические) писем в адрес разных партийных и советских органов. В числе последних были токарь Бежицкого паровозостроительного завода Юрий Медведчиков, рабочие из п. Белые Берега Леонид Дмитриев и из п. Суходоль Жуковского района Валентин Терехов, злынковский рабочий Александр Данилов, 15-летний учащийся Литижской школы Комаричского района Анатолий Елисеев, а также 17-летний клинцовский школьник Александр Некрасов, отец которого, член ВКП(б) Иван Никифорович Некрасов, за несколько месяцев до ареста сына был осужден на 10 лет (одним из главных пунктов обвинения было слушание «Голоса Америки»).

Общественная позиция перечисленных молодых рабочих, колхозников, учащихся не была определяющей в настроениях молодежи, но, поскольку Она напрямую отражала реальные трудности и проблемы послевоенного времени, ее нужно учитывать, чтобы анализ общественно-политической полиции был действительно объективным.

Источники:

ГАБО. Ф 2213. оп 8. Дд. 8 (лл. 46, 80-81, 126), 18 (лл. 51, 62, 102, 128), 22 (л. 67), 28 (лл.4, 157), 34 (лл. 28-32, 46), 46 (лл. 26-27, 61), 54 (лл. 6-14, 26, 38), 69 (л. 28), 106 (л. 18).

/ Общественная мысль, движения и партии в России XIX - XX вв. : сборник научных статей. - Брянск : Курсив, 2000. - С. 89-93.

Персоналии

Потомки Михаила Всеволодовича Черниговского и Брянский край

Трагическая фигура князя Михаила Всеволодовича Черниговского стала символом мужественного противостояния русского православия, русского народного духа чуждым нравам и верованиям татаро-монгольских завоевателей, Сила духа, воинское мужество, приверженность православной вере оказались присущими и для многих потомков князя Михаила Святого. К сожалению, судьбы значительного их числа также были трагическими.

Рассмотрим в самых общих чертах некоторых из этих князей, чья жизнь и дела в XIII-XVI вв., оказались связанными с Брянским краем.

У Михаила Всеволодовича, если судить по летописям и родословным, было пять сыновей. Старший из них, Ростислав, не был связан с Брянщиной и поэтому оставлен нами без внимания. Остальные после гибели в 1246 г. отца в Золотой Орде получили удельные княжения в Черниговской земле: Роман - в Брянске, Симеон - в Глухове, Мстислав - в Карачеве, Юрий - в Тарусе.

После разорения татаро-монголами Чернигова в наиболее благоприятных условиях оказался г. Брянск, ставший основным политическим, экономическим и духовным центром Чернигово-Северской земли. Его князья (с 1260-х гг.) являлись одновременно великими князьями черниговскими.

К сожалению, генеалогия князей Брянских остается одной из самых неясных. Роман Михайлович Брянский (Любецкий синодик называет его Старым - в отличие от другого князя Романа Михайловича Брянского, известного по событиям конца XIV в.) был, несомненно, одним из самых сильных русских князей второй половины XIII в., и, по данным родословных, погиб в Золотой Орде - скорее всего, в 1290-е гг. По крайней мере, в 1288 г. князь Роман Михайлович был еще жив и основал под Брянском Свенский Успенский монастырь. У Романа Михайловича было, как минимум, три сына, двое из которых упоминаются в летописях: Михаил и Олег.

Судя по тому, что после смерти Романа Михайловича великим князем черниговским и брянским стал Олег, Михаил Романович умер еще при жизни отца. Сведений о его детях нет, но, вероятнее всего, именно наследники Михаила Романовича позже назывались князьями Осовицкими (Осовецкими), относившимися к потомкам брянских князей. На чем основана эта гипотеза? Наименование князей Осовицких, несомненно, происходит от поселения Осовик на севере Брянщины, которое, судя по археологическим данным, было в конце XIII - начале XTV вв. типичным княжеским замком. Расположено это поселение на территории, которая в XII - первой половине XIII вв. относилась к Смоленскому княжеству и, скорее всего, лишь после похода князя Романа Михайловича на Смоленск в 1285 г. вошло в состав Брянского княжества. Стремлением

удержать эти территории, видимо, и объясняется выделение Осовика и его округи в удельное княжество, где бы вопросы управления и обороны решались на месте. Понятно, что возглавлял окраинный удел не кто-то из ближайших наследников Романа Михайловича, а человек, не претендовавший на великокняжеский титул. Таким и мог быть взрослый сын покойного Михаила Романовича.

Когда и при каких обстоятельствах князья Осовицкие потеряли свой удел, неизвестно, но фамилия этих князей дошла до XVI в. - князь Михаил Иванович Осовицкий упоминается в одном из документов Великого княжества Литовского за 1528 г.

Не исключено, что с князьями Осовищшми связаны и князья Вороницкие, упоминаемые там же. И Осовик, и Вороница (сейчас - с. Епишево на юге Смоленской области) были в XV-XVI вв. центрами расположенных поблизости волостей Брянского уезда, так что вполне возможно, что находившееся на брянско-смоленском рубеже Вороницкое удельное княжество «отпочковалось» от Осовицкого.

Второй сын князя Романа Михайловича, Олег, после смерти отца княжил недолго, затем «передал брату и его сыну княжение Черниговское и Брянское», а сам постригся под именем Василия в построенный им в Брянске Петропавловский монастырь, где и «скончался строгим подвижником» в 1307 г. Позже он был канонизирован.

К сожалению, сведений о брате и племяннике князя Олега Романовича нет. Лишь предположительно к этой ветви брянских князей можно отнести Романа и Дмитрия Романовича, известных по нескольким собьтиям первой половины XIII в. Возможно, к их числу следует отнести и князя Михаила Черниговского (Михаила Андреевича, упоминаемого в Любецком синодике), который по сведениям польского историка И. С. Кучинского был посажен Ольгердом на брянский стол после известной «замятии» 1356-1357 гг., а также князя Романа Михайловича Брянского (сына предыдущего), известного по нескольким событиям 1375-1401 гг.

Третий сын Михаила Всеволодовича, Симеон, из-за постоянной угрозы татарских вторжений перенес столицу своего княжества из Глухова в Новосиль и его потомки назывались поэтому Новосильскими. Однако в 1375 г. Новосиль была сожжена татарами, и правнук князя Симеон Роман Симеонович переехал в г. Одоев, хотя и продолжал именоваться Новосильским (или Новосильским и Одоевским). Из этой ветви потомков Михаила Святого наибольшую известность получили княжеские фамилии Воротынских, чья роль была особенно заметной в XVI в., и Одоевских. Из Воротынских неоднократно бывал на Брящцине в 1501 - 1529 гг. в качестве полкового воеводы князь Иван Михайлович, а из Одоевских - князья Иван Семёнович и Василий Семенович, участвовавшие в походах из Северской земли в Литву в 1502-1508 гг., и Никита Романович, бывший воеводой в Почепе в 1567 г.

У четвертого сына Михаила Всеволодовича, карачевского князя Мстислава, было, вероятнее всего, три сына: Святослав, Тит и Андрей (Андреян). Ни они, ни их потомки не оставили заметных следов в отечественной истории, но представлять карачевских князей как незначительных и третьестепенных вряд ли верно. Ведь с ними не считали зазорным породниться ни великий литовский князь Ольгерд (его дочь была замужем за Святославом Титовичем), ни великий рязанский князь Олег, дочь которого была замужем за Иваном Титовичем.

Потомки Мстислава Карачевского позже именовались либо по названиям уездов: князья Козельские, Мосальские, Елецкие, Волховские, Звенигородские (этот удел располагался примерно в районе современного Орла и отношения к подмосковному Звенигороду не имел), Кромские, либо по прозвищам родоначальников: Хотетовские (внук Святослава Титовича Иван имел прозвище Хотет), Горчаковы (прозвище Горцак имел князь Роман Иванович из князей Козельских).

Князья Кромские и Хотетовские не раз упоминаются в документах XV в., но затем их фамилии исчезают. С Брянским краем позже были связаны лишь немногие: несколько князей Звенигородских (Афанасий Андреевич, Григорий Васильевич, Семен Григорьевич), Иван Федорович Горцак (был наместником в Карачеве в 1538 г.), Федор Александрович Клубков-Мосальский (воевода в Почеве в 1590—1591 гг.).

Наконец, пятым сыном Михаила Всеволодовича Святого был Юрий Тарусский. Именно потомки этого князя оказались не только особенно многочисленными, но и выдвинули целый ряд крупных деятелей русской истории. Среди них: князья Волконские, князья Мезецкие (и отпочковавшаяся от них ветвь князей Барятинских), князья Оболенские, давшие начало еще примерно двум десяткам княжеских фамилий.

Только из числа связанных в XV-XVI вв. с Брянщиной фамилий можно назвать, помимо

собственно Оболенских, еще князей Стригиных, Репниных, Серебряных, Щепиных, Телепневых, Лыковых, Щербатых, Долгоруких, Тростенских, Тюфяюшых, Кашиных, Курлятевых, Турениных (возможно, что список неполон).

В их числе известны своей помощью Василию II Темному князья Семён Иванович и Иван Васильевич Стрита Оболенские; видными военачальниками XVI в. были Федор Васильевич Телепнев-Овчина-Оболенский, Василий Семёнович и Пётр Семёнович Серебряные, Михаил Петрович Репнин, Иван Григорьевич Щербатов и т. д. В начале сообщения уже было упомянуто, что судьбы многих потомков Михаила Святого оказались трагическими. Вот лишь отдельные примеры. Погиб в Орде Роман Михайлович Брянский (Старый). Был убит в 1310 г. татарами, приведенными брянским князем Василием, карачевский князь Святослав Мстиславич. От руки племянника погиб в 1339 г. Андреян Мстиславич. В 1401 г. был убит восставшими смолянами Роман Михайлович Брянский. В 1534 г. в Радогоще, подожжённом литовцами, сгорел Матвей Никитич Лыков, предпочтя смерть плену. Но особенно много жертв принесла опричнина Ивана IV. Из тех, кто были в разные годы воеводами на Брянщине, в это время погибли Михаил Петрович Репнин, Пётр Семёнович Серебряный, Владимир Константинович Курлятев, Михаил Матвеевич Лыков, Никита Романович Одоевский и некоторые другие. Не случайно ряд княжеских фамилий из числа потомков Михаила Святого пресекся именно в XVI в.

/ Святой князь Міхайло Чернігівський та його доба : матеріали церковно-історичноі конференціі. – Чернигов, 1996. С. 33-36.

Брянский край и князья Серебряные

В творчестве одного из самых замечательных русских людей и писателей Алексея Константиновича Толстого особое место занимают произведения на темы отечественной истории, в том числе роман «Князь Серебряный», не утративший своей популярности и до наших дней.

Для одних читателей главный герой романа князь Никита Романович Серебряный представляется реально существовавшим историческим деятелем, мужественно противостоявшим опричному террору в годы царствования Ивана Грозного, для других - это условно положительный образ, вымышленный писателем для обоснования своих взглядов на события XVI века.

Прежде чем внести ясность, отступим в глубь веков, ко времени установления на Руси татаро-монгольского ига.

В числе русских земель, завоеванных ханом Батыем, была черниговская земля (в ее состав входила и основная часть современной Брянщины). Великий черниговский князь Михаил Всеволодович сначала бежал в Венгрию, а после возвращения был вынужден ехать в ставку Батыя для получения ярлыка на княжение. Здесь в 1246 г. он и погиб вместе с ближним боярином Федором пожелав поклоняться языческим идолам и нарушать тем самым христианскую веру. Править в Чернигове стал брат Михаила Андрей Всеволодович, а дети замученного в Золотой Орде князя получили удельные владения: Роман стал князем в Брянске, Семен - в Глухове, а затем в Новосили, Мстислав - в Карачеве, Юрий - в Тарусе. У тарусского князя Юрия Михайловича было три сына, получивших свои фамильные прозвища от принадлежавших им владений: Семен Тарусский, Всеволод Мезецкий, Константин Оболенский. Последний и стал родоначальником очень разросшейся в дальнейшем княжеской фамилии Оболенских, к числу которых относились и князья Серебряные.

Не останавливаясь на всех ветвях родословного древа Оболенских, перечислим лишь тех из них, кто был прямым предком Серебряных. Сын Константина Юрьевича Иван - сын Ивана Семен - сын Семена Дмитрий по прозвищу Щепа. Старший сын князя Дмитрия Семеновича Иван получил прозвище Золотого; второго сына, Семена, стали называть Серебряным.

Князь Семен Дмитриевич Щепин-Серебряный (умер в 1535 г.) не раз упоминается в документах первой трети XVI века среди воевод Василия в различных походах и сторожевых службах. В частности, в 1508 г. он участвовал в военных действиях против Литвы и мог оказаться на Брянщине, поскольку основные силы русских войск в конце кампании отходили от Орши через Мстиславль и Кричев к Брянску и далее к Москве. В 1515 г. во время похода к Мстиславлю Семен Дмитриевич был первым воеводой полка правой руки. Возглавлял он полк правой руки и во время похода московских войск на Казань в 1524 г. С 1526 г. князь С. Д. Серебряный был боярином, занимая близкое к Василию III положение.

Два сына Семена Дмитриевича, Василий и Петр, также получили боярские звания в 1550—1551 гг., уже при царе Иване IV.

Князь Василий Семенович Серебряный впервые отличился в 1541 г., когда был одним из воевод, успешно отразивших на реке Оке войска крымского хана Сагиб-Гирея и преследовавших их до верховьев Дона. Позже он не раз был воеводой во время походов на Казань (в частности, участвовал в организации подземного взрыва крепостной стены и штурма города в 1552 г.), удачно провел ряд операций в годы Ливонской войны.

Несмотря на значительные военные заслуги, положение князя В. С. Серебряного в годы опричнины было довольно шатким. Не случайно в 1565 г. Иван IV счел нужным взять поручную грамоту за подписями многих лиц на князя Василия и сына Бориса. Сведений о завершении жизненного пути В. С. Серебряного нет. И вероятно, умер он естественной смертью примерно в 1570 г. Нет данных и о связях Насилия Семеновича с Брянщиной. Сын его, князь Борис Васильевич, напротив, в течение трех лет (1570—1572 гг.) был наместником в Брянске.

Особо следует остановиться на судьбе князя Петра Семеновича Серебряного. Начиная с 1544 г. он постоянно упоминается как воевода в разных городах и походах: князь был одним из руководителей строительства города Свияжска 1550 г. и активным участником последних походов против Казанского ханства, войска под его командованием с переменным успехом сражались на разных театрах Ливонской войны. В 1562 г. им, например, были разбиты ливонские войска под Мстиславлем, а в 1567 г. сам князь едва успел бежать от неожиданно напавшего литовского отряда.

В феврале 1569 г., являясь воеводой в Карачеве, князь В. С. Серебряный получил грамоту от царя Ивана IV с приказанием «быти в Астрахани». Аналогичная грамота была направлена брянскому воеводе Замятие (Тимофею) Ивановичу Сабурову: «Велено быти тебе на нашей службе в плавных в товарищах с боярином нашим и воеводою и князь Петром Семеновичем Серебряным, и ты б во Брянску чинил легким делом, а на нашу службу в плавную готов был и суды б делали и запас велел пясти не мешкая и не оплашиваяся».

В ответ 3. Сабуров писал царю челобитную, где, в частности, писал: ««Яз, государь, на твою государеву службу готов; только... меньше мне быть боярина князь Петра Семеновича Серебряново невместно» (местнические претензии Замятии не в последнюю очередь объясняются его близким родством с первой женой Василия III, Соломонией Сабуровой). Последовала новая царская грамота 3. Сабурову: «Ты б на нашей службе з боярином со князь Петром Серебряным был по нашему наказу, а ся тебе служба со князь Петром невместно».

Весной 1569 г. 15-тысячное стрелецкое войско во главе с князем Петром Серебряным и воеводой Замятней Сабуровым выступило к Астрахани.

События 1569 г., связанные с Астраханью, оказались слабо освещенными отечественной исторической наукой, поскольку они были либо искажены, либо молчаны главными русскими документами того времени, так как возглавлявшие поход русских войск воеводы были вскоре казнены Иваном IV. А ведь речь идет, по существу, о первой (и победоносной) русско-турецкой войне.

Весной 1569 г. султан Селим направил из Стамбула около 20 тысяч своих воинов, которые вместе о 50 тысячами крымских татар хана Девлет-Гирея двинулись от Азова по Дону к Переволоке — наиболее близкому месту между Доном и Волгой, а меньшей частью шли полем из Азова к Астрахани, которую осадили в начале августа. Хотя число защитников Астрахани было невелико, подошедшее к Переволоке войско князя П. С. Серебряного также намного уступало турецко-татарскому, мужество русских воинов и умелые действия воевод позволили успешно завершить кампанию.

Нанеся первый ощутимый урон противнику еще на Переволоке, отряд князя П.С. Серебряного вместе с вышедшим на вылазку астраханским гарнизоном в ночь на 26 сентября внезапно напал на турецкие войска, которые начали поспешное отступление, превратившееся затем в беспорядочное бегство. В Стамбул вернулись лишь немногие уцелевшие участники похода, что заставило Турцию отказаться от планов завоевания низовьев Волги.

В мае следующего, 1570 г. князь П.С. Серебряный вновь на ратной службе, среди воевод, оборонявшихся на р. Оке от крымских татар, но затем он был вызван В Москву, где и убит. Вот как описывает это событие Н.М. Карамзин: «Славный воевода, от коего бежала многочисленная рать Селимова, - который двадцать лет не сходил с коня, побеждая и татар, и литву, и немцев, князь Петр Семенович Оболенский-Серебряный, призванный в Москву, видел и слышал от царя

одни ласки, но вдруг легион опричников стремится к его дому кремлевскому, ломают ворота, двери и перед лицом, у ног Иоанна отсекают голову сему ни в чем не обвиненному воеводе».

Не исключено, что это было совершено Иваном IV просто из-за алчности (князь Андрей Курбский так кратко характеризовал П. Серебряного: «Муж нарочит в воинстве и богат»).

Товарищ князя Петра по астраханскому походу 1569 г. Замятия Сабуров, «муж велик родом и храбрый зело», также был вскоре убит «со женою и со единочадным сыном своим... в пяти или шести летах».

Потомков у Петра Серебряного не было, и единственным представителем княжеской фамилии Серебряных оставался уже упомянутый ранее Борис Васильевич, однако о нем известно очень немногое.

Из того же рода князей Оболенских, что и Серебряные, был и герой баллады А. К. Толстого «Князь Михайло Репнин». Это реальное историческое лицо, своей судьбой близкое князю П. С. Серебряному. Опытный воевода (в частности, в 1557 г. он был воеводой в Карачеве), активный участник Ливонской войны, связанный родственными узами с виднейшей знатью (его дочь Алена была замужем за, будущим царем Василием Ивановичем Шуйским), боярин князь Михаил Петрович Репнин вызвал гнев Ивана Грозного отказом скоморошничать на царском пиру и был через несколько дней убит во время церковного богослужения.

Итак, из четырех известных в XVI веке князей Серебряных два (Петр Семенович и Борис Васильевич) были связаны с Брянщиной своей воеводской службой, еще один (Семен Дмитриевич) также, вероятно, бывал здесь во время походов, и лишь о Василии Семеновиче таких сведений найти не удалось.

Что касается имени и отчества героя романа «Князь Серебряный», то, возможно, по каким-то ассоциациям А. К. Толстой взял их у князя Никиты Романовича Трубецкого, ставшего боярином в конце жизни Ивана IV.

Несомненно, что яркие фигуры князя Петра Серебряного и близких ему современников могли заинтересовать А. К. Толстого не только трагическими коллизиями своих судеб, но и связями с Брянщиной, тем краем, который по-настоящему любил и с большим интересом изучал наш выдающийся земляк.

/ Пересвет (Брянск). - 1992. - № 9 - 10. - С. 102-104.

Некоторые новые сведения о жизни Ф.И.Тютчева на Брянщине

Если при истолковании поэтического творчества и общественно-политических взглядов замечательного русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева каждое новое поколение читателей будет пытаться вносить свои особые нюансы, искать и находить незамеченные ранее глубинные повороты тютчевской мысли, то биография поэта, после работ Г. И. Чулкова, К. В. Пигарёва, В.В. Кожинова, Г. В. Чагина, В. П. Алексеева и ряда других исследователей, может показаться изученной вдоль и поперек. Однако это не совсем так. Порой новые находки, пусть и частного характера, встречаются в неожиданных местах.

Не следует забывать, что при жизни Ф. И. Тютчева знали на родине, в Брянском уезде, в первую очередь, не как поэта, а как крупного землевладельца, которому в 1846 г. после смерти отца и раздела имения со старшим братом Николаем досталось более тысячи крепостных в с. Речице, деревнях Дорогинь, Молотино,-Хоробровичи, Умысличи, Верхние и Нижние Демьяничи. Что касается села Овстуг, где находился главный усадебный дом Тютчевых, то овстугские земли, как и ряд других владений, перешли к Ф. И. Тютчеву только в 1870 г. после смерти старшего брата холостяка Николая.

Как помещику, Федору Ивановичу в периоды своих кратковременных приездов на Брянщину приходилось заниматься некоторыми хозяйственными и прочими делами. Об одном из таких дел - отпуске на волю нескольких дворовых из с. Речицы - свидетельствуют документы, обнаруженные в фондах Брянского уездного земского суда (ГАБО, ф. 5, оп. 1, дд. 243, 256). Хранящиеся здесь Книги записи отпускаемых на волю крестьян и дворовых в четырех случаях содержат сведения, прямо относящиеся к Ф.И. Тютчеву.

В первой по времени записи сообщается, что в 1857 г. "августа 19 дня нижеподписавшийся брянский помещик действительный статский советник Федор Иванов Тютчев ... отпустил вечно на волю крепостную свою дворовую девку Анну Филипову и сына её Ивана Филипова Кругликовых, написанных ...по последней 9 народной переписи Орловской губернии Брянского уезда при селе

Речиие с предоставлением им права по написании сей отпускной быть свободными".

В тот же день аналогичная отпускная была оформлена на дворового человека из с. Речицы Луку Алексеева и его жену Анну Иванову. При оформлении отпускных, помимо Ф.И. Тютчева, присутствовали в качестве свидетелей и "руку приложили" артиллерии штабс-капитан Николай Алексеевич Мамаев и поручик Василий Андреевич Краснинский (о свидетелях речь впереди).

24 августа того же года в Брянском уездном земском суде была утверждена аналогичная отпускная, данная Ф. И. Тютчевым, на дворового человека из с. Речицы Евдокима Дмитриева Чиркова, 37 лет. Свидетелями при этом были и "руку приложили титулярный советник Анисим Алексеев Потапов ... и ... действительный статский советник, камергер и кавалер Иван Давыдов сын Делянов".

Наконец, в 1860 г., "мая 29 дня ... действительный статский советник Фёдор Иванов Тютчев отпустил ... дворового человека Ивана Андреева Чиркова", 34 лет, жившего в с. Речице. Свидетелями в последнем случае были действительный статский советник Николай Васильевич Сушков и старший брат поэта, полковник Николай Иванович Тютчев.

Что нового, помимо самого факта отпуска на волю нескольких речицких дворовых людей, вносят эти сведения в биографию Ф. И. Тютчева? Во-первых, они позволяют расширить сведения о круге его знакомых. Н. А. Мамаев, И. Д. Делянов и Н. В. Сушков достаточно хорошо известны всем, кто более или менее основательно знаком с жизнью великого поэта. Николай Алексеевич Мамаев, небогатый овстугской помещик, был соседом и близким другом семейства Тютчевых. Иван Давыдович Делянов являлся соседом Ф. И. Тютчева по Петербургу (проживал в 1850-е гг. с ним в одном доме на Невском проспекте) и был достаточно близко связан с ним по делам службы. Позже И. Д. Делянов стал товарищем министра, а с 1882 г. и министром народного просвещения (печально известен изданный им циркуляр о "кухаркиных детях", запрещавший прием в гимназии детей из городских низов), получил в 1888 г. титул графа. Что касается Николая Васильевича Сушкова (1796-1871), то он был не только добрым знакомым, но и родственником Ф. И. Тютчева, сестра которого, Дарья Ивановна, была замужем за Н. В. Сушковым (который, помимо государственной службы, занимался журналистикой и литературой, в частности, писал стихи). После ухода главы семейства в отставку Сушковы поселились в Москве, и их дом, при случае, с удовольствием посещал Фёдор Иванович.

Сведений же о пребывании Н.В. Сушкова и И.Д. Делянова на Брянщине в тютчеведческой литературе не встречалось, так что записи, сделанные в Брянском уездном земском суде, позволяют прояснить этот пробел и дают основание считать, что в августе 1857 г. Ф.И. Тютчев приезжал в Овстуг и бывал в Брянске вместе с И.Д. Деляновым, а в мае 1860 г. - вместе с Н.В. Сушковым.

Эти же записи позволяют кое-что уточнить в хронологии пребывания Ф.И. Тютчева на Брянщине. Считается, что в 1857 г. поэт покинул Овстуг 20 августа, однако отпускная запись, датированная 24 августа, дает основание предполагать, что либо намеченный на 20 августа отъезд почему-то был отложен на несколько дней, либо после отъезда из родного селения Ф. И. Тютчев где-то задержался и покинул Брянск лишь 24 августа.

Еще важнее запись 1860 г. Ведь в литературе о Ф.И. Тютчеве утвердилось мнение, что поэт, связанный отношениями с Е.А. Денисьевой и другими проблемами, после 1857 г. восемь лет не посещал Овстуг. Отпускная грамота от 29 мая 1860 г. заставляет усомниться в этом. Вероятнее всего, в конце мая 1860 г. Ф.И. Тютчев вместе с Н.В. Сушковым (может быть, также с Д.И. Сушковой и жившей в семействе Сушковых дочерью от первого брака Екатериной Фёдоровной) ненадолго приезжал в Овстуг и на обратном пути совершил краткую остановку в Брянске. По письмам Эрнестины Фёдоровны Тютчевой известно, что с мая до начала октября 1860 г. она жила в Овстуге. В конце июля того же года Ф.И. Тютчев вместе с Е.А. Денисьевой выехал в Западную Европу (причина - нервная болезнь, но еще важнее - желание избежать огласки в связи с беременностью Е.А. Денисьевой - в октябре у нее родился сын). Психологически можно понять желание Ф.И. Тютчева каким-то образом объясниться с женой перед своим отъездом за границу, равно как и стремление избегать лишних объяснений в письмах. Вряд ли случайно совпадение, что в это же время на лечении в Германии оказалась дочь Ф.И. Тютчева Екатерина, которую другая дочь, Анна Фёдоровна, просила хотя бы издали наблюдать за ситуацией с отцом. Что касается подписи под отпускной Н.И. Тютчева, то тут все ясно - Николай Иванович, живший подолгу в Овстуге, вероятнее всего, провожал младшего брата и его спутника (или спутников) до Брянска.

А вот сведений о подписавших в августе 1857 г. отпускные грамоты в качестве свидетелей поручике В.А. Краснинском и титулярном советнике А.А. Потапове обнаружить пока не удалось. Первый из них, может быть, был знакомым Н.А. Мамаева, а второй, вполне возможно, - брянским чиновником, известным Ф. И. Тютчеву по каким-то делам.

Ясно одно - затронутый сюжет далеко не исчерпан и заслуживает дальнейшего изучения.

/ Ф.И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия : материалы научнопрактической конференции — Брянск, 2003. - С. 268-271.

Наука Брянщины вчера и сегодня

С особой силой мысли о науке и научно-техническом прогрессе, как в основном направлении, позволяющем обеспечить ускорение интенсификации производства, прозвучали на XXVII съезде КПСС. Его решения нацеливают на коренное улучшение связей науки с производством, на быстрейшую материализацию научных идей в народном хозяйстве и других областях человеческой деятельности и, бесспорно, приведут к; кардинальным изменениям в работе научных учреждений. Возможности приобщения к науке широких народных масс открылись лишь после победы Великого Октября, но и в более раннее время многие талантливые люди России, "в том числе выходцы из брянского края, занимались изобретательством, конструкторской и исследовательской деятельностью, вносили заметный вклад в "научнотехнический прогресс. Однако в царской России условия их жизни и труда далеко не всегда благоприятствовали достижению тех результатов, на которые были способны эти люди.

Трагичной оказалась судьба одного из талантливых воспитанников . Академического университета Василия Бенедиктова сына дьячка. Имея «особливую склонность» к истории он бы направлен с целью «приобретения в науке вящего совершенства» в Геттингенский университет, где в течение трех лет успешно занимался историческими науками. По возвращении в Россию В. Венедиктов помогал профессору Фишеру.

Развитие на. Брянщине промышленного производства, начавшееся в конце XVIII в. и особенно усилившееся во второй половине XIX в., способствовало приобщению к научнотехнической деятельности целого ряда талантливых уроженцев наших мест, основные достижения которых связаны с металлургией, машиностроением, железнодорожным строительством.

В их числе замечательный металлург Семен Иванович Бадаев из с. Верхи близ Дятькова, сумевший, еще будучи крепостным, найти в 1808 г. способ получения высококачественной литой стали, которую долгое время называли «бадаезской». Усовершенствуя в дальнейшем свой способ производства стали, он добился, что его металл уступал лучшим Английским сортам, отличался однородностью, хорошими технологическими свойствами.

Следует упомянуть талантливого механика-самоучку из. Клинцов Александра Ивановича Варфоломеева, который в 1854 г. изготовил по образцу поступившей на фабрику немецкой паровой машины собственную машину, которая по тщательности отделки, изяществу, легкости в эксплуатации не уступала заграничной, но втрое превосходила ее по мощности. Известие о 26-летнем изобретателе разнеслось далеко за пределы округа.

Выдающимся ученым, которого называли «отцом гидродинамической теории смазки», известным организатором железнодорожного строительства, крупным экономистом и педагогом был уроженец г. Трубчевска Николай Павлович Петров (1836 - 1920 гг.). О высоком авторитете Н.П. Петрова в научно-технических кругах России говорит тот факт, что он длительное время был председателем Русского технического общества. За ценнейшие разработки по теории трения, теории упругости и другие научные достижения Н. П. Петров был избран почетным членом Академии наук.

С Брянским Арсеналом, ставшим в годы первой мировой войны одним из центров снабжения русской армии снарядами и гранатами, связана деятельность в эти годы одного из крупнейших организаторов и научно-технических руководителей артиллерийской промышленности, начальника Арсенала Семена Николаевича Ванкова (1858 - 1937 гг.). Лучшую характеристику этому человеку дало в 1928 г. Артиллерийское управление Красной Армии: «Русская артиллерия благодаря большой организаторской и руководящей продуктивной деятельности профессора С.Н. Ванкова имела в его лице ценнейшего, деятельнейшего и добросовестного научного общественного работника как вовремя мировой войны, так и особенно в артиллерии Красной Армии».

После победы Октябрьской революции уже немолодой бывший царский генерал С.Н. Ванков одним из первых специалистов стал активно работать не только в советских военных, но и научных, и хозяйственных организациях. Он был председателем Технического совета отдела металла ВСНХ, принимал активное участие в разработке проблемы электропахоты и проведении первых испытаний электроплуга. На широко известном фотоснимке В.И. Ленина на испытаниях электроплуга 22 октября 1921 г. рядом с Владимиром Ильичей - член Чрезвычайной комиссии «Электроплуг» С. Н. Банков.

Научно-технические и оборонно-промышленные традиции Брянщины нашли свое продолжение в годы Великой Отечественной войны. Среди конструкторов грозного оружия, сыгравшего большую роль в победе советского народа над фашизмом, были и наши земляки-брянцы: Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий, создатель, нескольких наиболее известных видов нашей артиллерии Илья Иванович Иванов (1899—1967 гг.) и Александр Александрович Морозов (1904- 1977 гг.) - один из создателей лучшего танка своего времени Т-34. Выдающимся конструктором был также создатель первых судов на подводных крыльях, лауреат Ленинской и Государственной премий Ростислав Евгеньевич Алексеев (1917 — 1980 гг.), уроженец г. Новозыбкова.

Здесь же учился в гимназии выдающийся ученый и организатор научно-производственной деятельности, Герой Социалистического Труда Евгений Оскарович Патон (1870 - 1953 гг.), чьи труды по сварке металлов получили всемирную известность. Уроженец г. Новозыбкова был также выдающийся геолог, географ и геохимик, лауреат Ленинской премии академик Дмитрий Иванович Щербаков (1892-1966-гг.).

Культура лесного хозяйства на Брянщине начала складываться в конце" XIX - начале XX вв. В 1906 г. было открыто Брянское опытное лесничество. Определяя его цели, замечательный русский лесовод-Георгий Федорович Морозов указывал: «Открытие первого опытного лесничества в пределах лесной области должно собою ознаменовать поворотный пункт в лесохозяйственной деятельности, оно должно выражать собою замену пассивного отношения к вырубкам активной заботой о них». Создание в 1930 г. Брянского лесотехнического (ныне технологического) института способствовало дальнейшему развитию научных исследований по лесному хозяйству, привлечению квалифицированных научных кадров. Среди тех, кто вел в институте педагогическую и научную работу, были ведущие академики Владимир Николаевич Сукачев (1880-1967 гг.), выдающийся лесовод, ботаник и географ, Герой Социалистического Труда Иван Владимирович Тюрин, крупный почвовед, а также такие известные ученые, как В. И. Переход, А. В. Альбенский, Б.В. Гроздов, Н.В. Лобанов, и другие.

С г. Новозыбковом, его сельхозтехникумом и опытной станцией связан целый ряд видных деятелей сельскохозяйственной науки; выдающийся селекционер, Герой Социалистического Труда Константин Иванович Саввичев, один из основоположников теории и практики применения гербицидов для борьбы с сорной растительностью, лауреат Государственной премии Иван Исидорович Гунар, действительный член ВАСХНИЛ Леонид Георгиевич Прищеп, доктор биологических наук Всеволод Евстафьевич Воротов.

Среди тех ученых, кто прославил нашу Родину в области фундаментальных наук, следует назвать уроженца г. Севска, выдающегося ученого-математика и общественного деятеля, лауреата Государственных премий СССР, Героя Социалистического Труда академика Ивана Георгиевича Петровского (1901 - 1973 гг.). Более двух десятков лет И.Г. Петровский возглавлял Московский Государственный университет, а сейчас его имя носит Брянский педагогический институт. В г. Брянске родился один из основоположников космической биологии Александр Леонидович Чижевский (1897 - 1964 гг.), который был избран почетным членом нескольких зарубежных академий наук.

Традиции тесного контакта науки с производством характерны для основной части ученых, чей жизненный путь и деятельность связаны с брянским краем, и эти традиции находят свое продолжение и в настоящее время.

Ежегодно ученые брянских вузов выполняют научно-исследовательские работы на сумму 2,2-2,4 млн. рублей, из них около 40 процентов -для предприятий и организаций области.

Более половины этого объема работы (на 1,2 -1,3 млн. рублей) ежегодно выполняют ученые Брянского института транспортного машиностроения. В целях концентрации научного потенциала на решении - наиболее важных проблем институт сосредоточил усилия ученых на трех основных направлениях:

а) технологическое обеспечение качества, надежности и долговечности продукции

машиностроения и приборостроения;

- б) повышение прочностных и динамических характеристик транспортных машин;
- в) повышение надежности и эффективности тепловых двигателей. Ученые БИТМа выполняют также исследования по ряду целевых

комплексных программ Госкомитета по науке и технике, в частности по созданию новых типов двигателей внутреннего сгорания с улучшенной топливной экономичностью, по процессам сварки конструкциям, а с текущего года - по совершенствованию системы охлаждения пассажирских тепловозов.

Активизируются творческие связи ученых института с предприятиями области: ПО БАЗ, стальзаводом, Жуковским велосипедным заводом и другими. Примером делового сотрудничества являются отношения института с производственным объединением Брянский машиностроительный завод, которые уже три пятилетки строятся на основе комплексного договора о творческом содружестве.

Ежегодный объем научно-исследовательских работ ученых Брянского технологического института - около 700 тыс. рублей. Основными направлениями работ ученых БТИ являются:

- а) разработка системы лесохозяйствеаных мероприятий по повышению комплексной продуктивности лесов Нечерноземной зоны РСФСР;
- б) совершенствование технологий, механизация и автоматизация производства в лесной и деревообрабатывающей промышленности;
- в) разработка новых строительных материалов, совершенствование технологии, конструкций и способов производства строительных работ.

Кроме того, по координационным планам Академии наук СССР ученые БТИ выполняют темы по разработке и внедрению в производство новых материалов, литейных сплавов, новых комбинированных методов обработки деталей машин и приборов. Наибольший экономический эффект в годы минувшей пятилетки дало внедрение ухода за лесом способом кольцевания и обезвершинивания, а также внедрение новых марок сталей на Бежицком стальзаводе и ряде предприятий Урала.

Постепенно наращивают объемы и расширяют тематику научно-исследовательских работ ученые сельскохозяйственного и педагогического институтов.

Свидетельством существенных результатов, достигнутых учеными брянских вузов, является проведение на их базе в течение последних лет целого ряда союзных и республиканских научнопрактических конференций по многим важным направлениям современной вузовской науки, укреплению ее связей с производством.

К сожалению, высказанные Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в Политическом докладе ЦК XXVII съезду. КПСС замечания о слабой эффективности использования научного потенциала вузов, недостаточном втягивании в исследовательскую работу студентов, о медленном внедрении в производство многих научных открытий я изобретений в полной мере относятся и к нашей области.

В существенном усилении внимания ученых брянских вузов нуждаются такие вопросы, как научно-техническая помощь строительным организациям и предприятиям стройиндустрии, разработка, практическая проверка и внедрение в производство интенсивных зональных технологий земледелия и животноводства, прогрессивных форм и методов организации труда.

Скорейшее внедрение научных разработок в производство требует не только дополнительных усилий ученых, но и значительно большей заинтересованности руководителей и инженерно-технических работников предприятий. Часто трудности возникают из-за недостаточной конструкторской и технологической проработки объектов внедрения в производственных условиях, из-за медленной подготовки производства к выпуску новых изделий или освоению новых технологических процессов.

Выполняя решения XXVII съезда КПСС, следуя выработанной им стратегии ускорения производства на основе научно-технического прогресса, ученые области сосредоточат свое основное внимание на устранении вскрытых недостатков, более полном использовании имеющихся резервов, фундаментальном решении актуальных научно-производственных задач.

Содержание

Место Брянщины в истории Отечества

Главные этапы и основные особенности исторического развития Брянщины

Брянская губерния

Административно-территориальные, генеалогические и историко-культурные связи Брянской, Орловской, Курской и Белгородской областей

Брянский край во времена Дмитрия Донского

«Путешественные записки» как источник по изучению истории Брянского края XVII - начала XIX вв.

Крестьянское движение на юго-востоке Брянщины в начале 1797 года.

Крупное крестьянское восстание

Поездка погарских купцов в Петербург при Павле І

Из истории селений Брянского края

Город Брянск и его окрестности в XVII - первой половине XIX вв.

Брянский уезд в XVI - первой половине XIX вв. (историко-географический очерк) **Из истории** селений Брянщины. Брянский район

Из истории села Брасово и других селений Брасовского района

Из истории селений Брянщины. Дубровский район

Из истории селений Брянщины. Жуковский район

Из истории селений Карачевского района

Из истории селений Брянщины. Рогнединский район

Об одном «забытом» памятнике культуры (дворец М.В. Воейковой в п. Лопандино)

Севский уезд и севчане в истории России

Севские воеволы в XVII веке

Патрик Гордон и его пребывание в Севске

Из истории монастырей юго-западных уездов Центральной России в XVIII - первой половине XIX вв.

Севская семинария, ее руководители и воспитанники

Выпускники Севской семинарии в истории русской общественной мысли, культуры и духовной жизни

«Дело Н. Ашкинази»

Из истории Мальцовского промышленного округа

Из истории промышленного предпринимательства в Дятьковском округе в XVIII - XIX вв. / В.В. Крашенинников, С.П. Кизимова

Новые дополнения к «Родословной Мальцевых»

Некоторые дополнения к «Родословной Мальцевых»

Город Жиздра и Жиздринский уезд в конце XVIII - первой половине XIX вв.

Брянщина: XX век

Брянский концентрационный лагерь в 1920-1922 гг.

К истории политических репрессий на Брянщине в 1937-1938 гг.

1937 год в Дятьковском районе

1937 год в Погарском районе

«Белые пятна» в истории Великой Отечественной войны

К характеристике общественно-политических настроений молодежи Брянщины в первые послевоенные годы

Персоналии

Потомки Михаила Всеволодовича Черниговского и Брянский край Брянский край и князья Серебряные Некоторые новые сведения о жизни Ф.И.Тютчева на Брянщине Наука Брянщины вчера и сегодня